Р. Н. Лункин

ЦЕРКВИ В ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИКА В ЦЕРКВЯХ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
Российской академии наук
Центр по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН

Р. Н. ЛУНКИН

ЦЕРКВИ В ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИКА В ЦЕРКВЯХ

Как современное христианство меняет европейское общество

Монография

Москва ИЕ РАН
Санкт-Петербург Нестор-История
2020

УДК 000
ББК 000
Л847

Рецензенты:
Шумилин Александр Иванович, доктор политических наук,
главный научный сотрудник Института Европы РАН,
руководитель Центра «Европа-Ближний Восток».
Рощин Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Тема НИР 0191-2019-0008
«Динамика изменений и значение религиозных, культурных и социальных факторов в развитии внутренней и внешней политики европейских стран»

Лункин Р. Н.
Л847 Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. Монография. — М. : ИЕ РАН : Нестор-История, 2020. — 488 с.

ISBN 978-5-98163-000-0 (ИЕ РАН)
ISBN 978-5-4469-1764-8 («Нестор-История»)

Представленная вниманию читателей книга (монография) является результатом многолетних исследований автора, посвященных роли христианских церквей в общественно-политической жизни. По сравнению с предыдущими веками социологам и широкой общественности казалось, что вера уже никогда не будет определять жизнь людей столь сильно, как раньше, а религиозные деятели уже никогда не будут (или не должны) участвовать в политике. Появилась невиданная ранее свобода выбора между старыми традиционными религиями и ранее невиданными, завезенными из других частей света. Новые боги и пророки из неожиданно возникающих религиозных движений дополнили эту многообразную палитру религиозных красок. Мир переживает особую религиозную эпоху. Европа находится на грани нового заката. Однако христианство не стало просто культурой, церкви не стали музеями, вера не стала просто «личным делом», «верой в душе», «онлайн-верой». Религия подготовилась к «новому прыжку» в человеческой истории, а трамплином для этого витка стало участие церковных деятелей в политической жизни и в социальном служении.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся ролью религии в современном мире, социально-политической позицией христианских церквей в Европе и России, а также государственно-церковными отношениями.

ISBN 978-5-4469-1764-8
9 785446 917648

© ИЕ РАН, 2020
© Р. Н. Лункин, 2020.
© Издательство «Нестор-История», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Многообразная религия под микроскопом ученых 6
Глава I. Политическая роль религии 36
1.1. Основные понятия 36
1.2. Как изучать религиозные институты? 43
1.3. Религия в рамках демократической системы 65
Глава II. Христианские церкви в европейском обществе 80
2.1. Статистика европейского христианства 80
2.2. Влияние христианских конфессий 94
2.3.Религиозные институты в структурах Евросоюза 116
Глава III. Церкви в эпоху кризисов 135
3.1. Кризис партийно-политической системы 135
3.2. Кризис европейской интеграции 155
3.3. Мигранты: между ненавистью и состраданием 226
3.4. Религиозная реакция на пандемию коронавируса 249
3.4.1. Особенности религиозного сознания 249
3.4.2. Коронакризис и европейская солидарность 252
3.4.3. Руководство РПЦ в ходе коронакризиса 257
3.4.4. Православная оппозиция карантину 268
Глава IV. Церкви на постсоветском пространстве 283
4.1. Политическая позиция Русской православной церкви 284
4.2. Социальное православие 304
4.2.1.Добровольцы 307
4.2.2.Реабилитация наркозависимых 321
4.3. Православие против православия в Украине 333
4.4. Украинский фактор во внешней политике РПЦ 358
4.5. Социально-политическая роль Католической церкви 374
4.6. Роль протестантских церквей в гражданском обществе 390
4.6.1. Политические взгляды и подходы 391
4.6.2. Российское евангельское движение 420
4.6.3. Социальный евангелизм 439
Заключение. Активное общество под влиянием религии 462
P. S. Коронавирусная реформация 477
Об авторе 483
Abstract 485

Введение

МНОГООБРАЗНАЯ РЕЛИГИЯ ПОД МИКРОСКОПОМ УЧЕНЫХ

Представленная вниманию читателей книга является результатом многолетних исследований автора, посвященных роли христианских церквей в общественно-политической жизни. В XX веке роль религии в западном обществе неуклонно снижалась. О религии судили по численности верующих на богослужениях, по тому, как религию и религиозные идеалы стали воспринимать в публичном пространстве. По сравнению с предыдущими веками социологам и широкой общественности казалось, что вера уже никогда не будет определять жизнь людей столь сильно, как раньше, а религиозные деятели уже никогда не будут (или не должны) участвовать в политике. Помимо этого, в абсолютном большинстве стран мира воцарился религиозный плюрализм, грубо называемый «рынком религиозных идей». Появилась невиданная ранее свобода выбора между старыми традиционными религиями и ранее невиданными, завезенными из других частей света. Новые боги и пророки из неожиданно возникающих религиозных движений дополнили эту многообразную палитру религиозных красок. Мир переживает особую религиозную эпоху. Европа находится на грани нового заката. Однако христианство не стало просто культурой, церкви не стали музеями, вера не стала просто «личным делом», «верой в душе», «онлайн-верой». Религия подготовилась к «новому прыжку» в человеческой истории, а трамплином для этого витка стало участие церковных деятелей в политической жизни и в социальном служении.

Автор выражает большую благодарность своим учителям — социологу религии Сергею Борисовичу Филатову, старшему

научному сотруднику Института востоковедения РАН и руководителю проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», профессору Красикову Анатолию Андреевичу, главному научному сотруднику Института Европы РАН, основателю Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН. Отдельное спасибо за замечания и советы моим коллегам профессору МГИМО (У) МИД РФ Ирине Георгиевне Каргиной, профессору Финансового университета при Правительстве РФ Анастасии Владимировне Митрофановой, зав.сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова РАН Ирине Львовне Прохоренко, профессору РУДН и Ученому секретарю Центра «Религия в современном обществе» ФНИСЦ РАН Марине Мирановне Мчедловой, а также профессору ЛГУ им. А. С. Пушкина Михаилу Юрьевичу Смирнову.

Этот труд был бы невозможен без поддержки и участия моей семьи — супруги Елены Леонидовны Ситниковой, историка и редактора, а также дочери Анны, которая позволила мне защитить докторскую диссертацию (это основа данной книги) и родилась сразу после защиты, вдохновляя своим существованием на новые свершения.

* * *

Самые разные христианские конфессии — католики, православные, различные направления протестантизма — активно участвуют не только в традиционных сферах своей деятельности (богослужение, миссионерские акции, приходская активность), но и в разрешении насущных проблем, которые стоят перед гражданами (широкая социальная деятельность), оказывают влияние на государственные институты, партии и движения, выборный процесс. Начало XXI в., период, которому посвящено данное исследование, дает богатый материал для исследования роли церквей как общественных институтов со своими интересами и способами решения социально-политических проблем. Это связано с обострением в этот период целого ряда вопросов, связанных с миграцией населения (внутренней мобильностью населения и иммигрантами), восприятием религиозности в обществе, проблемами безопасности и квазирелигиозного терроризма на фоне страхов, связанных с изменением

этно-религиозного состава общества. Немаловажно, что со значением христианства (в культурном аспекте и в деятельности церковных институтов) также связана проблема кризиса общественной солидарности и доверия демократическим институтам. Церкви большое внимание уделяют солидарности в рамках своих общин (это ярко выражено, к примеру, в заявлениях представителей Католической церкви), и прямо или косвенно провозглашают свою общинную солидарность в качестве основы сбалансированной демократической системы.

Христианские конфессии — католицизм, православие, различные направления протестантизма — играли значительную роль в становлении современных европейских государств. Христианство было в той или иной степени вплетено в политическую идеологию правящего класса с момента утверждения христианства религией, признанной государством, в IV веке в Римской империи.

В современной Европе религиозная идеология и институты, с ней связанные, отделены от непосредственной реализации государственной политики, а представители власти провозглашают свою равноудаленность от всех религий и конфессий, принципиально внерелигиозный характер всех принимаемых решений. Наряду с этим, роль религиозного фактора в международной политике и во внутриполитических дискуссиях европейских стран (как и других стран мира) стала неуклонно расти после терактов 11 сентября 2001 г. Эта трагедия стала катализатором религиозно-политических дискуссий, связанных с осознанием угрозы квазирелигиозного терроризма и его идеологии, а также новых религиозно-политических реалий: изменения национально-религиозного состава населения европейского континента в ходе иммиграции, гражданских и религиозных требований части мусульманского населения Европы по отношению к европейским правительствам, новых задач в выстраивании исламско-христианского диалога, защиты прав христиан в условиях секуляризации и этики всеобщей политкорректности (которая, к примеру, не предполагает ношения креста стюардессами или медсестрами в больницах).

Следует отметить, что при всей формальной или неформальной исключенности из политического истеблишмента, который

отвечает требованиям абсолютной секулярности, представители различных церквей были политически активны как в ходе формирования современных национальных государств в XIX–XX вв., так и во время становления идеи «единой Европы» и самого Европейского Союза в послевоенный период. Христианские церкви в той или иной степени одобрили Лиссабонский договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества 2007 г. В период наибольшей секуляризации европейского общества христианские церкви смогли сохранить свои позиции. В Восточной Европе (включая Россию) роль религии и, прежде всего, христианства, стала особенно значимой в контексте сохранения и защиты национальной и культурной идентичности после распада СССР. Вместе с тем, как политики, так и

К 2010-м гг. христианские церкви подошли с разным политическим багажом и опытом взаимодействия с национальными государствами. Основной задачей церквей в XX веке стало выживание в критически настроенной, равнодушной к религии или даже в крайне враждебной к вере (как в СССР) секулярной среде. Если ранее христианские церкви обладали государственным или привилегированным статусом в большинстве стран, то впоследствии они оказались в ситуации религиозного плюрализма и равенства всех религий перед законом. В политическом пространстве, в публичных дискуссиях и на выборах, представители церковные иерархи отмечают кризис христианской идентичности Европы. церквей сталкивались с антирелигиозными движениями, которые стремились вытеснить церкви из публичного пространства в частную жизнь. Если в XIX–XX вв. церкви в политическом смысле противостояли левым партиям и движениям социал-демократического толка на стороне правых консервативных партий, то во второй половине XX в. религиозный электорат постепенно распределился между разными партиями и политическими идеологиями.

В рамках данной работы мы попытаемся понять, изменилась ли принципиально политическая роль церквей в Европе в начале XXI в., каковы особенности церквей как политических институтов в эпоху религиозного и политического многообразия, механизмы современной политической деятельности церквей в демократическом обществе.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 2000-х гг. до 2018 г., что позволяет увидеть динамику развития политической роли церковных организаций в период роста влияния религиозного фактора на международной арене, а также политической трансформации в Восточной Европе (роль церквей в ходе демократического транзита в Украине, Белоруссии, России) и миграционного кризиса в ЕС.

Социально-политическая активность христианских церквей является значимым идеологическим фактором, благодаря тому, что христианство представлено в обществе не только в виде церковных структур, но и в виде конгломерата околоцерковных организаций и сетевых структур, ставших частью системы гражданских институтов. В рамках демократической системы появился новый тип церковной политической деятельности — церковный гражданский активизм.

С точки зрения методологии можно выделить социально-философский подход, который предполагает исследование места и роли религии в конструировании социальной реальности, повседневной жизни, национальной, культурной идентичности, легитимации политической власти. Социологический подход предполагает количественное (в рамках массовых общестрановых или региональных опросов) и качественное (в рамках социально-антропологических исследований — развернутых бесед-интервью с церковными лидерами, активистами, экспертных интервью) изучение религии.

Автором также применялся социально-антропологический подход к анализу религиозной жизни в рамках полевых исследований на постсоветском пространстве, в опросах представителей органов власти и религиозных лидеров на территории России. На этом подходе основаны экспертные опросы, который предполагают использование метода проведения развернутых бесед (интервью) с респондентами, которые затем ложатся в основу аналитической статьи о религиозно-общественной ситуации и религиозной политике региона. Ранее такого рода методология использовалась в исследованиях в рамках научно-исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России» Кестонского института, где принимал участие автор. Одним из основоположников включенного

метода полевых исследований был этнограф Б. Малиновский (1884–1942 гг.)[1]. Значение такого рода качественных методов исследования подчеркивается в работах антрополога Клиффорда Гирца, разивавшего теорию «насыщенного описания», которое предполагает комплексное исследование явлений, обращение к самой их сути[2]. Традиции российской социальной антропологии берут свое начало с экспедиций Н. Н. Миклухо-Маклая[3]. В российской социологии религии и религиоведении также признается значение новых подходов и методов к пониманию всей сложности роли религии в современном обществе. О необходимости исследовать «жизненный мир» верующего черз личные беседы писали А. И. Клибанов[4] и Л. Н. Митрохин[5]. На современном этапе развивается теория «насыщенного описания» Гирца в рамках диалектики роли религии как символической системы, контролирующей человеческое поведение

---

[1] Малиновский Б. Магия. Наука. Религия: Пер.с англ. Вступ. статьи Р. Редфилда и др. М.: Рефл-бук, 1998.

[2] Как отмечал Гирц, «Именно с помощью материала, полученного в результате полевой работы в локальных контекстах — полевой работы длительной, почти до наваждения скрупулезной, основанной преимущественно не на количественных, но на качественных методах (хотя не исключительно на таковых) и на высоком уровне личного участия — мегаконцепциям, которыми страдают современные общественные науки (легитимность, модернизация, интеграция, конфликт, харизма, структура, значение), можно придать некоторого рода актуальность, которая позволит думать не только реалистически и конкретно о них самих, но, что еще важнее, творчески и образно с их помощью». Гирц К. Интерпретация культур. Культурология. XX век. Перевод с английского. Научное редактирование: Елфимов А. Л., Матешук А. В. М.: РОССПЭН, 2004. С. 31.

[3] Шведов П. В. Метод наблюдения в социальной антропологии изменение стратегии исследователя на протяжении XX века // Философия и эпистемология науки. 2006. Том 7. Вып. 1. С. 208–218. См. также: Белик А. А. Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие. М.: РГГУ, 2009. 613 с.

[4] Митрохин Л. Н. Изучение сектантства в Тамбовской области // Вопросы философии. 1960. № 1. С. 143–148; Современное сектантство и его преодоление: По материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1959 г. М.: Акад. наук, 1961. 310 с.

[5] Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб.: РХГИ, 1997. С. 90.

и роли религии, как пограничного фактора, который может, как играть положительную роль, так и дестабилизировать общество[6].

Политическая роль христианских церквей в той или иной степени затрагивается в практически любой работе, которая посвящена анализу взаимоотношений религии, общества и политики, христианства, общества и политики. Однако следует отметить, что большая часть исследований связана с исторической ролью христианства, с государственно-церковными отношениями, законодательством в сфере религиозного законодательства и в меньшей степени с современной социально-политической ролью церквей. Кроме того, в современном контексте наибольшей популярностью пользуется рассмотрение значения христианской религии сквозь призму социологических теорий – социально-философских дихотомий секуляризации/десекуляризации, модерна/постмодерна, светского/религиозного (клерикального), публичной религии/деприватизации религии, религиозного плюрализма/монополии религии

---

[6] «Религия для Гирца — символическая система, трансцендентная по отношению к повседневной жизни, корректирующая значения и понятия в кризисных ситуациях субъективной, повседневной, ординарной, «ежедневной» реальности. Значения, находящиеся в поле конфликта между наследием культурной системы и внутренним опытом человека, необходимо соотнести и откорректировать; именно эту, организационно-корректирующую функцию Гирц отводит религии, включая ее в один ряд с другими культурными системами: наукой, искусством, идеологией и т. д. Повседневная жизнь представляется диалектично-дискурсивной: «Нам приходится жить в обоих мирах: в мире ежедневной, ординарной реальности с его ощутимыми несовершенствами и в культурном мире, посредством которого мы стараемся понять и преодолеть эти несовершенства». И религия предстает перед читателем Гирца как механизм контроля социума за человеческим поведением, во всяком случае — как стремление к стабильному состоянию, где моделирование практик оказывается «инструкцией» к поддержанию повседневного порядка. Однако, поскольку состояние абсолютной стабильности общества, особенно в условиях глобализации, невозможно, религия постоянно оказывается пограничным фактором, зачастую — дестабилизирующим». См.: Астахова Л. Интерпретативная антропология религии Клиффорда Гирца: религиозные практики как сети значений // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2013. № 3 (31). С. 175.

(дискриминации, отсутствия религиозной свободы). Все это богатство определений дает представление о сложности происходящих религиозно-общественных процессов с социологической перспективы. В научной литературе исследуемые проблемы анализируются с точки зрения самых разных дисциплин: философии религии, религиоведения (в виде оригинальной специальности существующего только на постсоветском пространстве, в западных университетах религия изучается в рамках богословия, истории, философии и социальных наук), истории религии, социологии религии, политологии, теологии (в России с 2017 г. присуждаются степени по теологии).

Социологическая оценка роли религии и присутствия церквей в социуме оказывает прямое влияние на представление (в масс-медиа и среди политиков) о политическом значении высказываний религиозных лидеров и значении самих религиозных институтов, и в частности христианских. Именно социология религии в XX в. определяла восприятие христианских церквей, глубоко исследуя личную религиозность, но умаляя гражданско-политические возможности церквей и религии в целом. Проблема восприятия секуляризации и отношения к религии в современном обществе затрагивалась в работах известных философов и социологов — Ю. Хабермаса[7], С. Хантингтона[8], П. Бергера[9], Ч. Тэйлора[10], Х. Казанова[11], Р. Инглхарта[12], советского и российского социолога

---

[7] Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 7–21.

[8] Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С.87–99.

[9] Berger P. L. The Many Altars of Modernity: Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age. DeGruyterMouton, 2014. 172 p.

[10] Тейлор Ч. Секулярный век. Пер. с англ., серия «Философия и богословие». М.: ББИ, 2017. 955 с.

[11] Casanova J. Public Religion in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

[12] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 40–41.

Ж. Т. Тощенко[13] и др. Идея религиозного плюрализма и свободы религии стала основанием для десекуляризации, то есть развития религиозной жизни в разных проявлениях и степени в различных странах мира. Соответственно, процесс приватизации религии (её ухода в частную жизнь) сменился процессом её деприватизации. Плюрализм и «новые знания», которые ранее вели к секуляризации, провоцируют и поддерживают религиозное многообразие. Это стало общей идеей целого ряда социологов (Д. Мартин, Х. Казанова, П. Бергер[14] и др.), которые говорят о десекуляризации и о корректировке понятия «секуляризация»[15].

В социологии религии возникали различные теории, объясняющие феномен «евросекулярности» или «евроисключительности». Дело в том, что в 1990-е гг. стало очевидным, что религиозный бум в Латинской Америке, Африке или Азии и сохраняющийся высокий уровень религиозности в США контрастируют с «безрелигиозной» или даже агрессивно секуляристской Европой. В деле обращения к институтам веры мир шёл вперед, а европейцы отставали (а, с точки зрения светскости и толерантности, продолжали вырываться вперед). В 2000-е и 2010-е гг. ситуация в Европе стала меняться быстрее, чем раньше — это объяснялось тем, что под воздействием вызовов глобализации, нового информационного сознания и исламизации стали трансформироваться исторические

---

[13] Тощенко Ж. Т. Теократия: фантом или реальность?—М.:Academia, 2007.— 664 с. (Монографические исследования: религиоведение); Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия// Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов — М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 62–85; Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов — М.: Институт социологии РАН, 2008. — 415 с.

[14] Бергер П. Православие и глобальный плюрализм; пер. Н. В. Шангина // Вестник Нижегородского института управления РАНХиГС. 2015. Вып. 3. С. 1–5.

[15] Каргина И. «Следующее христианство»: качественные преобразования постмодернистского пейзажа // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1; Brierley P. Future Church. A Global Analysis of the Christian Community to the Year 2010. Monarch books, 1998.

церковные институты. Но если раньше церкви шли по пути либерализации, то теперь наступило время их консервативной модернизации.

К этому времени сложилось две основные школы, объясняющие «евросекулярность». Первая, известная как «новая парадигма» (Р. Старк[16], Ф. Дженкинс[17], Р. Финке[18], Л. Яннакконе[19] и др.) предложила теорию рационального выбора. По мнению последователей этой школы, религия всегда была и остаётся частью общества. Основным фактором успешного развития религиозности выступают условия религиозной конкуренции. Изначально условия такого рода складывались только в одной стране — в США, где церкви сложились в форме добровольных объединений. Это и обусловило американоцентричность взглядов сторонников этой школы. Особенно очевидно она проявилась в процессе переосмысления существа секуляризации, предпринятого Р. Старком и Л. Яннакконе. По их мнению, Европа никогда не была особенно религиозной, а средневековая набожность, (или «золотой век веры») — это миф. Следовательно, никакого упадка религиозности в современной Европе не происходит. Можно ли говорить о «дехристианизации» Европы, если христианской Европы никогда не существовало? Так называемая христианская набожность была характерна в основном для аристократов, а уровень религиозного участия крестьянских масс был очень низким[20] (этот вывод можно применить и по отношению к России).

---

[16] Stark R., Bainbridge W. S. A Theory of Religion. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1987.

[17] Jenkins P. God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis. Oxford: OUP, 2007.

[18] Grim B. J., Finke R. The Price of Freedom Denied: Religious Persecution and Conflict in the Twenty-First Century by Cambridge University Press, 2010. 272 p.

[19] Iannaccone L. R., Finke R., Stark R. Deregulating Religion: The Economics of Church and State // Economic Inquiry 1997. Vol. 35 (2). P. 350–364.

[20] Руткевич Е. Д. «Религиозная исключительность» Италии: социологический ракурс // Теория и практика общественного развития. 2013. Вып. 3. С. 50–63; Stark R., Iannaccone L. A Supply-Side Reinterpretation of the «Secularization» of Europe// Journal for the Scientific Study of Religion. 1994.

Вторая, более распространенная школа — «старой парадигмы» секуляризации (Т. Парсонс[21], П. Бергер[22], Т. Лукман[23], Д. Мартин[24] и др.). Она исходит из того, что религия в современном мире переживает упадок на разных уровнях: индивидуальном, организационном и институциональном. Её авторитет и значение в обществе падают, что во многом определяется модернизацией, урбанизацией, и дифференциацией как в обществе, так и в религиозной сфере, ростом образовательного индекса, плюрализацией и рядом других факторов. По словам Питера Бергера, секуляризация — это «процесс, посредством которого различные сектора общества и культуры освобождаются от влияния религиозных институтов и символов»[25]. Как отмечает социолог Питер Бергер, секуляризация явилась следствием не модернизации и современности, а плюрализации и некоторых других социально-политических и культурных факторов, специфических для каждой страны. Однако уже в 1990-е гг. тот же Бергер, отражая свои позиции как социолога-христианина, писал о десекуляризации[26]. Параллельно другой социолог Хосе Казанова ввёл в научный оборот термин «деприватизация» религии.

---

[21] Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997.

[22] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактатпосоциологиизнания. / Пер. Е.Д. Руткевич. М.:Медиум, 1995. 323 с.; Berger P. L. Religion and Global Civil Society // Religion in global civil society / Ed. by M. Juergensmeyer. Oxford: OxfordUniversityPress, 2005. P.11–22; Белова Т. П. П. Бергер о роли религии в глобальном гражданском обществе // На пути к гражданскому обществу. 2011. № 3–4. Режим доступа: URL: www.es.rae.ru/goverment/70–135 (дата обращения: 15.02.2018).

[23] Luckman T. Religion Situation in Europe the Background to Contemporary Conversions // Social Compass. 1999 Vol. 46. Issue 3. P. 251–258.

[24] Martin D. The Religious and the Secular: Studies in Secularization. London: Routledge and Kegan Paul, 1969. 164 p.

[25] Berger P. The Sacred Canopy: Elements of Sociological Theory of Religion. Garden City, N.Y., 1967.

[26] The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics. / Ed. by Berger P. Washington D.C., Ethics and Public Policy Center, 1999; Berger P., Davie G., Focas E. Religious America, Secular Europe? USA: AshgatePublishingCompany, 2008.

Сила религиозной веры, по словам Д. Эрвьё-Леже, связана со скоростью перемен во всех сферах общественной жизни[27]. Социологи Д. Эрвьё-Леже и Г. Дэви[28] характеризуют понятие «европейской исключительности», используя такие категории как «вера без церковной принадлежности» и «заместительная религия», при которой люди передоверяют церквям функции идентичности, переходя от религии обязательства к религии потребления. Подобные рассуждения призваны объяснить сложность процессов, происходящих в Европе, и высокую численность тех, кто относит себя к числу верующих.

Роль религии в общественной среде рассматривается в современной науке в основном через призму символического и ритуального влияния, а также воздействия на хозяйственную этику (тенденции восприятия религии, идущие от основоположников социологии религии Э. Дюркгейма[29], М. Вебера[30] и др.), институционального влияния (П. Бурдье[31]). Со второй половины XX века религия во всех ее проявлениях (религия как элемент культуры и совокупность форм и идеологий, организаций, религиозности как состояния сознания) стала анализироваться в рамках социологии и социальной философии, которые сконцентрировались на трансформации религии в условно безрелигиозном обществе. Данный подход, безусловно, задал определенный пессимистический тренд в оценке религиозности населения, так как масса формальных критериев позволяет сделать вывод о низкой практической приверженности граждан тем или иным историческим церквям. А имеющая место

---

[27] Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 254–268.

[28] Davie G. The Sociology of Religion: A Critical Agenda. 2nd ed. Los Angeles; London etc, 2013. P. 128.

[29] Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998. С. 174–230.

[30] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма; пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Бизнеском, 2013.

[31] Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода и сост. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

секуляризация общества позволяет без труда подтвердить вывод о связи экономического благополучия с падением влияния религии, хотя это не является чем-то самоочевидным.

Политологическая теория предназначает религиозным организациям место элементов в институциональной подсистеме общества, наряду с масс-медиа и партийной системой в силу способности, к примеру, церквей формировать общественного мнение и влиять на власть и политиков. При этом каждая из этих подсистем является в то же самое время самостоятельной системой внутри общества[32]. Религия также является одной из главных сред для формирования политических установок и ценностей индивидов и групп, то есть для политической социализации[33], а также для формирования демократической среды[34], социальной работы[35], глобальных диаспор[36].

---

[32] Политология: учеб. / А. Ю. Мельвиль [и др.]. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2008. С. 120–121.

[33] Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов. Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.; Weigel G. Catholicism and Democracy: The Other Twentieth-Century Revolution // The New Democracies: Global Change and U. S. Policy / Ed. by B.Roberts. Cambridge: MIT Press, 1990. P. 20–25.

[34] Stepan A. Rawls and Huntington on religion and democracy. «The World's Religious Systems and Democracy: Crafting the "Twin Tolerations"», Arguing Comparative Politics. Oxford: Oxford University Press, 2001, P. 213–254; Stepan A. An «Arab» More Than «Muslim» Democracy Gap // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14. No. 3. P. 30–44; Rethinking Religion and World Affairs / eds. T. S. Shah, A. Stepan, M. D. Toft. Oxford University Press, 2012. 336 p.; Blankholm J. «Twin tolerations» today: An interview with Alfred Stepan // Social Science Research Council. June 15, 2012. Режим доступа: URL: https://tif.ssrc.org/2012/06/15/twin-tolerations-today-an-interview-with-alfred-stepan/; Kuru A. Alfred Stepan // Democracy and Islam. October 2017. Режим доступа: URL: https://www.opendemocracy.net/ahmet-t-kuru/alfred-stepan-democracy-and-islam;

[35] Cnaan R. A. Volunteering in Religious Congregations and Faith-Based Associations. The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations. Palgrave Macmillan UK, 2016. P. 472–494; Krasnopolskaya I., Mersiyanova I. Civil Society as an Environment for Production and Diffusion of Social Innovation. Foresight-Russia. 2014. Vol. 8. No 4. P. 40–53.

[36] Островская Е. А. О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах // Социологические исследования. 2016. № 10 (390).

Религиозный фактор может активироваться и в качестве фундаменталистской реакции на секуляризм и как стимул для политической децентрализации и становления этнополитики (на основе национальных и религиозных чувств) как реакции на глобализацию мира[37]. В рамках религиоведческого дискурса подчеркивается, что мировые религии играли роль «коммуникаций общечеловеческой цивилизации»[38]. Гуманитарная роль религии усиливается в условиях мировых кризисов[39]. Структурно-функциональный подход к исследованию религии особенно продуктивен в рамках растущего плюрализма и толерантности, свободы совести как залога стабильного развития общества и государства[40]. В рамках новой роли религии рассматривается концепция ее реинституционализации[41]. Религиозные институты стали таковыми в демократическом гражданском обществе не только и столько благодаря своим «прошлым заслугам», а в силу того, что стали успешным гражданским феноменом[42].

С. 102–110; Осипов В.А. Концепция политических сетей: переход к исследованию качественных характеристик и его значение для российской политической теории и практики. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 2. С. 90–103.

[37] Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов. Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.

[38] Государство и религиозные институты // Религиоведение: Религия-Человек-Общество: учебное пособие для студентов вузов / авт. коллектив: Е.В. Попова, П.А. Стуцки, А.Н. Минин и др. Курган, 1999. С. 158–165.

[39] Комлева В.В. Религиозные институты как регуляторы нравственной парадигмы в геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 8 (110). С. 40–44.

[40] Чемикосова Т.А. Трансформация религии как социального института в постсоветской России / Автореферат дисс. ... докт. соц. наук. Казань: КГУ, 2007. 29 с.

[41] Петрова И.Э. Функциональный анализ религиозного института // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 91–98.

[42] Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 32–48; Подробный анализ научных дискуссий об институтах и институционализации см.: Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. 374 с.

Религиозная составляющая определения гражданского общества подчеркивается в работах А.А. Канунникова[43] и ряда других исследователей[44].

Роль религиозного и национального фактора в развитии стран Европейского Союза, в политической структуре европейского общества, а также социальная деятельность церквей в рамках разрешения миграционного кризиса исследовалась в трудах И.Л. Прохоренко[45]. Эволюция отношения православия и католицизма к демократическим ценностям, правам человека, этическим пролемам современной экономики проанализирована в трудах Т.Б. Коваль на примере Испании и России. Исследования Т.Б. Коваль ставят вопрос о роли церквей в определении национальной идентичности в рамках демократического общества[46].

---

[43] Канунников А.А. Гражданское общество в условиях европейского интеграционного процесса / Дисс. ... д. полит. наук. М.: ИЕ РАН, 2017.

[44] Светлов Р.В. Религия и публичная политика // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. Том 2 (4). С. 164–176; Донцев С.П.,Чимирис Е.С. Политическая социализация граждан РФ и деятельность религиозных организаций в современной России // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. 2011. №1 (62). С. 132–140; Элбакян Е.С. Институциональные особенности религии // Социология религии в обществе позднего модерна. Белгород, 2015. С. 139–145; Ситников А.В. Религиозный фактор формирования институтов власти в России // Научно-аналитическийжурнал Обозреватель-Observer. 2014. №12 (299). С. 52–60.

[45] Прохоренко И.Л. Раса и идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 423–431; Прохоренко И.Л. Национальная государство // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 454–460; Прохоренко И.Л. Политическое пространство // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 494–500; Семененко И., Прохоренко И. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №7. С. 29–40; Прохоренко И.Л. Испанский опыт регулирования межнациональных отношений и инокультурной миграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Том 59. №12. С. 80–89.

[46] Коваль Т.Б. Католическая традиция в масштабе времени // Португалия: путь от революции... М. : Весь мир, 2014. Гл. 14. С. 294–315; Коваль, Т.Б. Религия и экономика: Труд, собственность, богатство / Т.Б. ... М.:

В России роль религии на стыке политики и социологии и христианства на постсоветском пространстве рассматривали Д. Е. Фурман[47], А. А. Красиков[48], С. Б. Филатов[49], Л. Н. Митрохин[50], М. М. Мчедлова[51], С. В. Тро-

---

Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 349, [3] с.; Коваль Т. Б. Уроки истории: испанский национал-католицизм // В кн.: Ибероамериканские тетради. Cuadernos iberoamericanos Вып. 1. М. : МГИМО (У) МИД РФ, 2013. С. 82–91; Коваль Т. Б. Влияние православной традиции на социально-экономическую модернизацию в России // Мир и политика. 2010. № 11 (50). С. 76–79; Коваль Т. Б. Испанский католицизм и русское православие о демократии и правах человека // Латинская Америка. 2009. № 10. С. 62–81.

[47] Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981; Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие: Религия в постсоветской России / Под ред. проф. К. Каариайнена и проф. Д. Фурмана. М.-СПб.: Летний сад, 2007.

[48] Красиков А. А. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим. М.: Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2012.

[49] Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 620 с.; Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 686 с.; Атлас современной религиозной жизни России Т. 3. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2009. 863 с.; Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний Сад, 2002; Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / Под редакцией С. Б. Филатова. Том I. М.: Летний сад, 2014. 620 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том I / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2003. 327 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том II / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2004. 478 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том III / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2005. 463 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том IV / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2006. 365 с.; Струкова А. С., Филатов С. Б. От протестантизма в России к русскому протестантизму. Неприкосновенный запас. 2003. № 6. С. 21–32; Филатов С., Лункин Р. Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить // Религия и российское многообразие. Сборник статей / Науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. М., СПб.: Кестонский институт, Летний сад, 2012.

[50] Митрохин Л. Н. Мои философские собеседники. СПб.: РХГА, 2005.

[51] Мчедлова М. М. Религия и общество в России: векторы социальных изменений // Религиозная ситуация на Северо-Западе: ткань традиции

фимов[52], А. В. Ситников[53], М. Ю. Смирнов[54], И. Г. Каргина[55],

и вектор конфессиональной эволюции. Сборник трудов конференции. Санкт-Петербург, 2017. С. 104–120; Мчедлова М. М. Идентичность: новые повороты цивилизационной теории // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 148–155; Мчедлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 334–338; Мчедлова М. М. Религия и политика // Энциклопедический словарь социологии религии / Под редакцией М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 296–298; Мчедлова М. М. Социально-политические трансформации в России: концептуальные подходы к модернизации и ракурсы религиозного фактора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 4. С. 50–58.

[52] Трофимов С. В. Индивидуализм и типы религиозных верующих в ранней теории Д. Эрвьё-Леже // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 204–218; Трофимов С. В. Особенности формирования современного религиозного индивидуализма по Д. Эрвьё-Леже // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 1 (22). С. 107–122.

[53] Ситников А. В. Религия в демократическом обществе: как влияет воцерковленность на политическую культуру? // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2011. Вып. 1 (20). С. 19–28.

[54] Смирнов М. Ю. Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 2. С. 145–153.

Смирнов М. Ю. Перспективы религии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 2. С. 194–206.

[55] Каргина И. Г. Современный религиозный плюрализм: теоретико-социологический анализ / Дисс. ... докт. социол. наук. МГИМО (У) МИД России. М., 2016; Каргина И. Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма; Сер. Научная школа МГИМО. М., 2014; Каргина И. Г. Качественные изменения дискурса секуляризации в конце XX-начале XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 109–114; Каргина И. Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108–115; Каргина И. Г. О динамике развития христианских конфессий // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 111–118; Каргина И. Г. Феномен «Следующего христианского мира»: типичные черты и тенденции // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. С. 105–113.

В. Е. Язькова[56]. Страновые европейские исследования о роли религии в политике и обществе также представлены широким спектром исследований[57].

Процессы демократизации, как на примере России, так и в международном контексте, рассматривались в трудах А. В. Митрофановой[58]. В широком общественно-политическом контексте была раскрыта тема социальной трансформации Русской православной церкви, а также православия в Европе в целом[59].

Как подчеркивает М. М. Мчедлова, политизация религии и конфессионализация политики требует отхода от традиционных эпистемиологических рамок рассмотрения отношения

---

[56] Язькова В. Е. Католическая Церковь и общество: «модели Церкви» в современной Италии. Современная Европа. 2016. № 1 (67). С. 129–138.

[57] См.: Чернышева О. В. Евангелическо-лютеранская церковь в социальной и политической жизни современной Швеции // Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт / Под ред. А. А. Красикова и Р. Н. Лункина. Коллективная монография. М., ИЕ РАН, 2016. С.91–103; ПлевакоН.С., Чернышева О. В. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. М.: Красанд, 2012; Красиков А. А. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-Католичество между прошлым и будущим. М.: ИЕ РАН, 2012. Сер. 281 Доклады Института Европы; Красиков А. А. Религия и общество / Отв. редактор А. А. Красиков. М., 2007. Сер. 199 Доклады Института Европы РАН Том II Религиозные традиции в условиях глобализации; Красиков А. А., Шабуров Н. В., Лункин Р. Н., Юдин А. В., Ланда Р. Г., Шалобина И. А. Религия и общество / Отв. редактор А. А. Красиков. М., 2007. Сер. 198 Доклады Института Европы РАН. Том I. К преодолению стереотипов прошлого.

[58] Митрофанова А. В. Процессы «демократизации» в современном мире (политические и информационные аспекты) // Устойчивость политических систем: механизмы стабилизации и дестабилизации Сборник статей преподавателей Финансового университета при Правительстве РФ. М., 2017. С. 125–132; Митрофанова А. В. Загадки и разгадки теократии // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 176–180.

[59] Митрофанова А. В. Социальная работа православных некоммерческих организаций: направления, цели, типология // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 1. С. 32–43; Митрофанова А. В. Православие в Европе // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2010. № 4 (243). С. 95–105. Митрофанова А. В. «Политическое православие» и проблема религиозности // Философия и общество. 2006. № 1. С. 78–95.

религии и общества, религии и политики. Именно светскость становится предметом дискуссий, которые демонстрируют значимость религиозных рефренов и коннотаций. Религиозные основания, по мнению М. М. Мчедловой, инкорпорируются в политический процесс и в образование новых форм коллективной идентичности. Это выражается в деятельности религиозных институтов в публичной политике, использовании религиозной риторики для легитимации деятельности политических субъектов и в новых формах соотношений светских и религиозных институтов[60].

Миссия протестантских церквей евангельского направления (баптизм, евангелизм, пятидесятничество, адвентизм, то есть фактически весь протестантизм за исключением лютеранства) стала наиболее заметным и новым явлением на евразийском пространстве после распада СССР наряду с ростом влияния (возрождением) национальных религиозных традиций. Участие церквей в общественной жизни России, Белоруссии, Украины стало наглядным примером участия христианства в политической жизни в условиях социально-политических кризисов в постсоветские десятилетия. Помимо этого, после длительного периода коммунистической атеизации религиозные институты в странах бывшего СССР стали играть важную социальную и гражданскую роль в качестве носителей демократических ценностей, также как это происходило и происходит в странах Евросоюза. Даже немногие общественные и религиозные деятели, оппозиционеры или же лидеры, просто выражающие своё собственное мнение о развитии страны, часто являются единственной альтернативой авторитарной или полуавторитарной власти и её идеологии, что не раз отмечалось в целом ряде исследований политической роли христианских церквей на территории Евразии[61].

---

[60] Мчедлова М. М. Религия и политика // Энциклопедический словарь социологии религии / Под редакцией М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 296–298.

[61] Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Московский Центр Карнеги, 2005; Религия и конфликт. М.: РОССПЭН, 2007; Европа XXI века. Новые вызовы и риски: монография / под общей редакцией Ал.А. Громыко, В.П . Фёдорова.

В целом значение религиозных конфессий и организаций в качестве второго по значимости института политической системы общества подчеркивается С. О. Елишевым. По его мнению, в рамках политологической литературы этот факт часто замалчивается, вследствие наследия атеистического прошлого и секулярных идеологических концепций, хотя о церкви как институте в рамках политической системы (религиозной политики государства) писали еще в дореволюционный период К. П. Победоносцев, Б. Н. Чичерин, Л. А. Тихомиров. О политическом значении религиозных институтов как корпораций и элементов общественной системы говорят исследования о численности различных конфессий, опросы, посвященные доверию различным институтам, идеологическим представлениям о них, роли в рамках политической идентичности, цели и задачи социальной деятельности христианских конфессий и их воплощение в реальной жизни[62].

Исследователи подчеркивают, что Евросоюз встал перед необходимостью менять свою иммиграционную политику, пытаясь найти нечто среднее между соблюдением прав человека и полной высылкой беженцев. При этом, важно отметить, что ЕС заявляет о своей поддержке национальных правительств, местных властей, гражданского общества в их деятельности по обеспечению интеграции мигрантов и формированию взаимного доверия между приезжими и населением принимающих стран. Наряду с этим, миграционные проблемы рассматриваются в контексте кризиса идентичности, в том числе, в контексте поиска мусульманами своей идентичности и идентификационным кризисом современного европейского общества, поиска церквями своей роли в обществе[63].

М., СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.; Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2011. 688 с.; Лункин Р. Филатов С. Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский Центр Карнеги, 1999, С. 136–150.

[62] Елишев С. О. Политика. Базовые понятия. Справочник-словарь. М.: Канон+ РООИ «Реабилитция», 2018. С. 176–177, 194–202.

[63] Бабинов Ю. А. Адаптационный потенциал религии в миграционных процессах // ВісникСевНТУ: зб. наук. пр. 2013. Вип. 141. Серія: Філософія.

С. 124–128; Вайгель, Д. (). Две культурные войны в Европе // Русский Журнал. 2006. 25.03.06. Режим доступа: URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Dve-kul-turnye-vojny-v-Evrope (дата обращения: 30.04.2017); Потемкина О. Ю. Мигранты в Европе. Европейский Союз // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 109–112; Потемкина О. Ю. «Европейская повестка дня по миграции» — новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 28–40; Китинов Б. У. Тропы Европы: мигранты в поисках идентичности // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 123–131; Каргина И. «Следующее христианство»: качественные преобразования постмодернистского пейзажа // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. Режим доступа: URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/sledujushheje_khristianstvo_kachestvennyje_preobrazovanija_postmodernistskogo_pejzazha_2014–03–06.htm (дата обращения: 30.04.2017); Лункин Р. Н. Миссии милосердия: социальное служение церквей // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 154–158; Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт / под ред. А. А. Красикова и Р. Н. Лункина. М.: ИЕ РАН, 2016; Судоплатов П. А. Миграционные процессы и миграционная политика в странах Европейского Союза / Автореферат дис. ... канд. эконом. наук. ИСПИРАН. М., 2006; Beyer P. Religions in Global Society. Taylor & Francis, London-New York, 2006. Aschauer W. Societal Malaise and Ethnocentrism in the European Union: Monitoring Societal Change by Focusing on EU Citizens' Perceptions of Crisis // Historical Social Research / HistorischeSozialforschung. 2016. Vol. 41, No. 2 (156). Special Issue: Conventions and Quantification — Transdisciplinary Perspectives on Statistics and Classifications, P. 307–359; Bloom P., Arikan G., Courtemanche M. Religious Social Identity, Religious Belief, and Anti-Immigration Sentiment // American Political Science Review. 2015. Volume 109, Issue 2 May 2015, P. 203–221. Режим доступа: DOI: https://doi.org/10.1017/S0003055415000143 Published online: 23 April 2015 (дата обращения: 12.03.2018); Bielefeldt H. Misperceptions of Freedom of Religion or Belief // Human Rights Quarterly. 2013. Volume 35, Number 1, February, P. 33–68. Режим доступа: DOI: https://doi.org/10.1353/hrq.2013.0009 Bjelajac B. The challenges and opportunities of diverse backgrounds in the evangelical churches in Serbia // Occasional papers on Religion in Eastern Europe. 2015. XXXV, 2. P. 29–38; Connolly K. H. Spirits and Those Living in the Shadows: Migrants and a New National Family in «Biutiful» // RevistaCanadiense de EstudiosHispánicos. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 545–563; Costello M. Ghanaian pastor seeks to «re-Christianize» Germany // March 19, 2014. Deutsche Welle. Режим доступа: URL: http://www.dw.de/ghanaian-pastor-seeks-to-re-christianize-germany/a-17501259 (дата обращения: 30.04.2017); Jackson D., Passarelli A. Mapping migration, mapping churches' responses in Europe: Belonging, Community, and Integration: the Witness and Service of Churches in Europe // Churches' Commission for Migrants in Europe. 2016. Режим доступа: URL:

Британский правовед Ронан Маккри отмечает, что миграция сделает Европу еще более секулярной. Свое мнение он основывает на том, что увеличение количества мигрантов с их фундаменталистской религиозностью только заставит лидеров ЕС еще больше ограничить религию частной сферой. Другая опасность в том, что приезжающие из стран Ближнего Востока не становятся «немцами», а становятся «мусульманами», а их идентичностью становится «Ислам». В целом иммигранты чаще, чем другие граждане ходят в мечеть или церковь. Но это больше зависит от страны, где они живут, чем от их субъективной религиозности, то есть в секулярной стране многие так и остаются не связанными с религией (исследование также показало, что католики и мусульмане примерно одинаково часто посещают богослужение еженедельно, а православные реже).

Религиозность Европы во многом зависит от иммигрантов, которые более религиозны и которых Европа не понимает. Но именно с новой волной обращенных в самых разных общины, как католические, так и протестантские, в основном, евангельские движения (баптизм, евангелизм, пятидесятничество) может быть связано возрождение христианства. К примеру, в Европе большую роль играет пятидесятничество,

---

http://www.ccme.be (дата обращения: 30.04.2017); Ager A., Ager J. Faith, Secularism, and Humanitarian Engagement: Finding the Place of Religion in the Support of Displaced Communities. New York: Palgrave Pivot, 2015; Fiddian-Qasmiyeh E., Qasmiyeh, Y. M. Muslim Asylum-Seekers and Refugees: Negotiating Identity, Politics and Religion in the UK. Journal of Refugee Studies. 2010. Vol. 23. No. 3; Mayanthi F. L. The Republic Unsettled: Muslim French and the Contradictions of Secularism. Duke University Press, 2014; Güner S. Ş. Secularization, Evolution, and Politics // Politics, Religion & Ideology. 2016. Vol. 17. No.2–3. P. 191–209; Jenkins P The Next Christendom: The Coming of Global Christianity. New York, NY: Oxford University Press, 2002; Jenkins P. God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis. New York, NY: Oxford University Press, 2007; MourãoPermoser J., Rosenberger S., Stoeckl K. Religious Organisations as Political Actors in the Context of Migration: Islam and Orthodoxy in Austria // Journal Of Ethnic And Migration Studies. 2010. Vol. 36. Iss. 9. P. 1463–1481; Kettell S. Always Read the Label: The Identity and Strategy of Britain's «Christian Right» // Politics, Religion & Ideology. 2016. Vol. 17:1. P. 1–17. Режим доступа: DOI: 10.1080/21567689.2016.1157073 (дата обращения: 12.03.2018).

а в Великобритании африканский фундаментализм в Англиканской церкви.

В этих условиях, как отмечают многие социологи и политологи, политическая роль мусульман, так и христианских организаций, которые помогают мигрантам, в обществе и в отношениях с государством повышается, а власти больше уделяют внимание религиозной сфере[64]. Другая проблема заключается в том, что формально христианские миссии не занимаются прозелитизмом, но фактически этого сложно избежать[65]. Но все это

[64] Migrants, Italians and the church. Faced with exploitation of migrants, the flock, not the church, looks away. Atttitudes towards migrants in Italy pose a dilemma for the church. Mar 10th 2017by ERASMUS and S. D'I. The Economist; Migrants, Christianity and Europe. Diverse, desperate migrants have divided European Christians. Sep 6th 2015. by ERASMUS. The Economist; Disharmony. The religious response to Syria's travails is prolix and confused. Apr 8th 2017by ERASMUS. The Economist.

[65] Kuru A. T. Secularism, State Policies, and Muslims in Europe Analyzing French Exceptionalism. Comparative Politics. 2008. October. P. 1–19; Martin D. Britain's tolerance to Islam results in more than 1m Muslims setting up home here // Daily Mail. 2009. 14 December. Режим доступа: URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1235527/Britains-tolerance-Islam-results-1m-Muslims-setting-home-here.html#ixzz375Ex5tdo (дата обращения: 30.04.2017); Mladenovska-Tešija J. Be salt of Europe: can evangelical churchesmake a difference in Croatia? // Occasional papers on Religion in Eastern Europe. 2015. XXXV, 2. P. 15–24; McCrea, R. How to hobble religion // Aeon. 17 June, 2013. Режим доступа: URL: https://aeon.co/essays/is-migration-making-europe-more-secular (дата обращения: 30.04.2017); Muir R., Stone L. Who Are We? Identities in Britain // The Institute for Public Policy Research. 2007. Режим доступа: URL: http://www.ippr.org/assets/media/images/media /files/publication/2013/04/who%20are%20we_1563.pdf (дата обращения: 30.04.2017); Nelsen B. F., Guth J. L., Highsmith B Does Religion Still Matter? Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe // Politics and Religion. 2010. Vol. 4, Issue 1. P. 1–26.; Rescripting Religion in the City: Migration and Religious Identity in the Modern Metropolis / Edited by J. Garnett, A. Harris. Surrey: Ashgate, 2013; Religion returns to the public square: faith and policy in America / Edited by Hugh Heclo and Wilfred M. McClay. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003; Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches / Ed. by V. Depkat, J. Martschukat. Woodrow Wilson Center Press with Johns Hopkins University Press, 2013; State Secularism and Lived Religion in Soviet Russia and Ukraine / Ed. by C. Wanner. Woodrow Wilson Center Press with Oxford University Press, 2012; Thomas E. Immigration, Islam and the Politics of

вместе ставит сами церкви и их инициативы в центр гражданского общества европейских стран.

Исследователи подчеркивают роль христианства и, прежде всего, Католической церкви, в европейской интеграции[66]. Особую роль католицизма в рамках «третьей волны» демократизации 1970–1990-х гг. отмечал С. Хантингтон, это волна была по преимуществу католической — от Испании и Португалии до Восточной Европы и была связана с трансформацией Церкви после Второго Ватиканского собора[67]. В православном богословии также есть возможности для осмысления демократических ценностей и плюрализма в рамках идеи «единства в многообразии»[68]. Одновременно с демократизацией церковного мировоззрения церкви участвовали в процессах евроинтеграции — от идеи «единой Европы» до Европейского сообщества и Евросоюза. Представители всех конфессий в ходе опросов демонстрируют значительный процент тех, кто поддерживает интеграцию (католики больше, чем протестанты и православные, в странах, недавно вошедших в ЕС молодое поколение меньше поддерживает евроинтеграцию, но значение христианской идеи растет в виде реакции на рост влияния ислама[69].

С одной стороны, религиозная тематика мало представлена в деятельности ЕС. На основании интервью с депутатами Европарламента, к примеру, Франсуа Форе делает вывод, что

Belonging in France. University of Pennsylvania Press, 2012; Turner B. S. Religion and Modern Society: Citizenship, Secularisation and the State. Cambridge University Press, 2011; Tubergen F. van, J´Orunn S. T. The Religiosity of Immigrants in Europe: A Cross-National Study // Journal for the Scientific Study of Religion. 2011. Vol. 50(2). P. 272–288; Weigel G. The Cube and the Cathedral: Europe, America, and Politics without God. NewYork, NY: BasicBooks, 2005.

[66] Данненберг А. Н. Современная католическая экклезиология: место Церкви в мире // Миссия конфессий. 2017. № 20. С. 15–26.

[67] Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 87–99.

[68] World Religions and Democracy (A Journal of Democracy Book) / Ed. by L. Diamond,꞉ M. F. Plattner,꞉ P. J. Costopoulos. Johns Hopkins University Press. 2005. 150 p.

[69] Nelsen B. F., Guth J. L., Highsmith B. Does Religion Still Matter? Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe // Politics and Religion. 2010. P. 1–26. doi:10.1017/S1755048310000507

влияние церквей в принятии политических решений практически незаметно, а религиозный фактор светские политики не учитывают. Партии, входящие в Европарламент, поднимали тему религии редко (минимальный % решений связан с церковными вопросами)[70]. С другой стороны, исследователи находят много общего между риторикой Католической церкви и ценностями ЕС, которые выражены на светском языке в рамках обсуждения «духовного измерения Европы» и «европейской души». Церковь распространяет свои ценности через иерархию и верующих, а также через консультационные и кооперационные подразделения Церкви, поддерживая политический порядок ЕС[71]. Как отмечает П. Кратохвил, отношения ЕС с религиозными общинами всегда были двойственными — отцы-основатели ЕС были христианами, но при этом ЕС долгое время противостоял влиянию церквей. Лишь в 2010-е гг. удалось наладить постоянный диалог с религиозными группами, а присутствие религии в публичном пространстве снова приемлемо[72]. Контакты структур ЕС и церквей интенсифицировались после заключения Лиссабонского договора — от формальных контактов до неформального взаимодействия, появления лоббистских групп и советников по религии президента Еврокомиссии. Сила Церкви стала расти из-за того, что вырос интерес к религии в ЕС. Кроме того, Церковь научилась использовать различные формальные и неформальные каналы влияния на политиков. По словам П. Кратохвила и Т. Долежаля, нового «союза трона и алтаря» не произошло, но ЕС и Католическая церковь создали непростой альянс, который легитимизирует интеграционный проект

[70] Foret F. Religion and Politics in the European Union: The Secular Canopy. Cambridge Studies in Social Theory, Religion and Politics. Cambridge University Press, 2015.

[71] Kratochvil P., Dolezal T. The European Union and the Roman Catholic Church: the alliance of throne and altar revisited? // Politics and Religion Journal. 2016. Vol. 8. No. 2. P. 213–238. Режим доступа: https://www.politicsandreligionjournal.com/index.php/prj/article/view/47 (дата обращения 16.03.2018).

[72] Czechs romanticise cultural Christianity. Interview with Petr Kratochvil, director of the Institute of International Relations Prague. Interviewer: Agnieszka Pikulicka-Wilczewska. New Eastern Europe. January 11, 2018. Режим доступа: URL: http://neweasterneurope.eu/category/stories-and-ideas/(дата обращения 16.03.2018).

в глазах европейских католиков и делает Церковь заметной в политике ЕС[73].

В рамках анализа роли церквей в процессе евроинтеграции исследователи подчеркивают, что на первом этапе христианские церкви были слабо включены в процессы создания Европейских сообществ, но с 1990-х-2000-х гг. появились и представительства церквей при ЕС, и специальные представители по взаимодействию с религиозными общинами[74]. Модель, отражающая место и роль церквей в евроинтеграции, состоит из двух аспектов: церкви формируют идентичность и проявляют себя как негосударственные субъекты. Религиозные институты могут использовать прямое или непрямое лоббирование и действовать через политическую мобилизацию (особенно среди прихожан). Они формируют общественное мнение и как субъекты действуют на правительственном уровне[75]. Сам факт диалога христианских Церквей и европейских институций отнюдь не означает принятие Брюсселем ценностных установок христианства[76].

Помимо этого, в научной литературе обсуждается позиция национальных церквей, в особенности в Восточной Европе, по поводу вхождения отдельных стран в состав ЕС, а также критика представителей ЕС со стороны епископата[77] на разных

---

[73] Dolezal T., Kratochvil P. Politics and Religion in Europe: The Case of the Roman Catholic Church and the European Union // Central European journal of international & security studies. 2014. Vol. 8. No. 3. P. 6–26.

[74] Leustean L. N. The Representation of Religion in the European Union // European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies. Working Paper RSCAS 2013/69. European University Institute, 2013. 28 p.

[75] Мудров С. А. Идентичность, негосударственные организации и религия в европейской интеграции // Вестник РУДН. Серия «Социология». Январь, 2016. Т. 16. № 1. С. 34–48.

[76] Мудров С. А. О европейской интеграции // Православие.ru. 5 августа 2008. Режим доступа: URL: http://pravoslavie.ru/1394.html (дата обращения 16.03.2018).

[77] Sutton M. Political Realism and Roman Catholic Faith in the Construction of Europe: Konrad Adenauer, Robert Schuman, and Charles de Gaulle // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / Edited by L. N. Leustean. Routledge studies in religion and politics. 2013. P.35.

уровнях власти[78]. Рассматриваются: европейская интеграция как органичный для католицизма процесс[79]; влияние церковных институтов в ходе подготовки Конституции ЕС и Лиссабонского договора[80]. Часть ученых считает церкви автономной субсистемой в обществе, сложившейся в ходе социальной дифференциации, и религиозное измерение не считается самостоятельным и значимым фактором в ходе интеграции. Религия приобретает значение только во время споров о Конституции и об идентичности Евросоюза[81]. В работах, специально посвящённых евроскептицизму, религия оказывается одним из не самых главных элементов, объясняющих это явление. Причинами критики ЕС считается конфликт христианства с мультикультурализмом после более важных факторов: борьбы правящих партий и периферийных, элиты и общества, новых и старых стран-членов ЕС с разными возможностями и идентичностями[82]. Наиболее враждебны по отношению к ЕС протестанты-фундаменталисты и Православная церковь в Греции, считающие ЕС апокалиптической «новой империей» и воплощением зла[83]. Вместе с тем, пример целого ряда стран показывает, что христианские конфессии вовлечены как в политические дебаты, так и играют значительную роль в электоральном процессе[84]. Целый ряд

---

[78] *MadeleyJ.* Deus ex Machina: Representing God on the Stage of the European Union // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / Edited by Lucian N. Leustean. Routledge studies in religion and politics. 2013. P.53.

[79] Жосул Е. Ватикан и европейская интеграция // Власть. 2008. № 11. С. 77.

[80] Commission of the Bishops' Conferences of the EU (COMECE), Conference of European Churches (CEC).

[81] Olteanu T., Nève D. Eastern Orthodoxy and the Processes of European Integration // Eastern Orthodox Encounters of Identity and Otherness Values, Self-Reflection, Dialogue / Ed. by A. Krawchuk, T. Bremer. Palgrave Macmillan US, 2014. P. 179–206.

[82] Euroscepticism and European Integration / Ed. by K. Arató, P. Kaniok. Zagreb: Centar za politološkai straživanja, 2009. P.10–11.

[83] Milardović-Ivanković A. Euroscepticism in a Conflict of Ideologies of the Second Modernism // Euroscepticism and European Integration. / Ed. by K. Arató, P. Kaniok. Zagreb: Centar za politološkai straživanja, 2009. P.52–53.

[84] Steven M. Christianity and Party Politics: Keeping the faith. Routledge Studies in Religion and Politics, 2011.

выступает с критикой евроскептицизма на религиозной почве. В частности, отмечается, что продвижению этого явления способствует религиозная нетерпимость, которая поддерживает разного рода течения, направленные против ЕС и против вступления Турции в ЕС[85]. Центральная роль церковных институтов в формировании европейской идентичности проанализирована в исследованиях С. Мудрова. По его мнению, значение церквей как полноправных участников политического процесса и религиозных лоббистов недооценена[86].

Масштабное исследование об отношении церквей к евроинтеграции провели Брент Нельсен и Джеймс Гут. Ученые заметили, что социологические опросы показывают, что католики (члены Церкви — наследницы Римской империи, носителя идеи универсализма) всегда больше поддерживают евроинтеграцию, чем протестанты, для которых большее значение имеет национальное государство (оно является гарантией их прав и свобод)[87]. Религиозные меньшинства, скорее, голосуют за Евросоюз — это касается мусульман, которые ощущают более толерантное отношение к себе со стороны на уровне ЕС, чем на национальном уровне[88]. Эти данные подтверждаются также

---

[85] Hobolt S. B., van der Brug W., De Vreese C. H., Boomgarden H. G., Hinrichsen M. C. Religious Intolerance and Euroscepticism // European Union Politics. 2011. Published online, pp.1–21. Режим доступа: DOI: 10.1177/1465116511404620 (дата обращения: 24.04.2018).

[86] Mudrov S. Christian Churches in European Integration. London: Routledge, 2016. P.192; Mudrov S. Christian Churches as special participants of European integration: the process of EU Treaties' Reform // European Consortium for Political Research. Режим доступа: URL: https://ecpr.eu/Events/PaperDetails.aspx?PaperID =10583&EventID=1(дата обращения: 24.04.2018).

[87] Religion and the Struggle for European Union: Confessional Culture and the Limits of Integration (Religion and Politics series) / By Brent F. Nelsen (Author), James L. Guth. Georgetown University Press. 2015. 384 p.; Nelsen B. F., Guth J. L., Highsmith B. Does Religion Still Matter? // Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe. 2011. Vol. 4. Iss. 1. P. 1–26.

[88] Catholics like the European Union more than Protestants do. This is why. By Nikita Lalwani and Sam Winter-Levy January 12, 2017. Режим доступа: URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/01/12/protestants-dont-like-the-european-union-compared-to-catholics-this-is-why/?utm_term=.51f401a7296f (дата обращения: 24.04.2018).

региональными исследованиями[89]. Пример католической поддержки евроскептицизма в Польше оценивается исследователями в качестве особого случая, поскольку это связана с польской идентичностью, где вера тесно связана с национализмом[90].

В рамках анализа позиции церквей по отношению к евроскептицизму особо подчеркивается способность религиозных институтов быть источником оправдания для праворадикальных партий, фундаменталистов[91]. Двойственная или изменчивая позиция различных церквей по отношению к структурам ЕС и расширению Союза объясняется также своеобразием евроскептицизма как политического явления, отвергающего или критикующего политические линии ЕС[92].

Научные исследования, касающиеся евроскептицизма и религиозного фактора в рамках евроинтеграции, помогают понять, насколько глубоко исторические церкви Европы вовлечены в социально-политические процессы.

Столь многообразное поле исследуется через призму целого ряда кризисов:

— кризиса политической легитимности церквей в секулярном обществе, их поиска своего понимания демократии и взаимодействия с властными структурами в европейском обществе в условиях равнодушия большинства общества к религиозным вопросам и к активному участию в организованной религиозной жизни;

---

[89] Hagevi M. Religiosity and Swedish Opinion on the European Union. Journal for the Scientific Study of Religion 41(4):759–769. December 2002. Режим доступа: DOI: 10.1111/1468–5906.00160 (дата обращения: 24.04.2018).

[90] Napieralski B. Political Catholicism and Euroscepticism: The Deviant Case of Poland in Comparative Perspective. BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies. 2017.

[91] Guerra S. Eurosceptic Allies or Euroenthusiast Friends? The Political Discourse of the Roman Catholic Church in Poland // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / Edited by L. N. Leustean. Routledge studies in religion and politics. 2013. P. 148–149.

[92] Taggart P., Szczerbiak A. The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States // Opposing Europe. Sussex European Institute. Working Paper. 2002. No 51. Режим доступа: URL: https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=epern-working-paper-6.pdf&site=266 (дата обращения: 24.04.2018).

— кризиса политической трансформации в Европе, которая заставила большинство церквей проявить себя в социальном служении и занять ту или иную политическую позицию;

— миграционного кризиса, который включает в себя реакцию на вызовы квазирелигиозного терроризма и «исламизации», попытку заново осмыслить европейскую идентичность и солидарность;

— экономического и социального кризиса, связанного с борьбой с коронавирусом в 2020 году, который остро поставил не только вопросы европейской солидарности, государственно-церковных отношений, но и вообще формата, в котором религия должна существовать в обществе.

Все эти кризисы затрагивают судьбу христианства, позицию всех церквей, ставят проблему единства Европы, открытости европейского общества и его идентичности.

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ РЕЛИГИИ

1.1. Основные понятия

Сакрализация власти и богословское объяснение политических доктрин и конкретных акций государства (от крестовых походов до идеи «Москва — Третий Рим») вплоть до XX века были не только составляющей мировоззрения европейских церквей, но и одними из главных их задач. Произошел отказ власти от сакральных функций, передача их обществу, мучительный поиск церквями своего места в новой системе социальных отношений. Религия в современном мире также проявляет себя во всех сферах жизни общества, в том числе и в политической активности. Влияние какой-либо религиозной организации оценивается с точки зрения ее культурной, исторической роли в обществе, количественных показателей — численности верующих и общин. Однако в светском обществе, которое живет по секулярным правилам, не предполагается прямое воздействие религиозных норм на решения представителей власти и на ценностные установки общественного сознания, поскольку, к примеру, в большинстве европейских стран различные религиозные традиции присутствуют в рамках системы поддерживаемого властью плюрализма. Кроме того, даже в государствах с господствующей исторической религией ее роль все больше оценивается в качестве виртуальной и опосредованной — через фольклор, культуру, рудименты семейных традиций, культурную самоидентификацию.

Религиозные организации исключаются из системы «реальной политики», их собственное политическое влияние (и как организации, и как отдельных лидеров) оказывается, с одной стороны, историческим воспоминанием о прошлом, с другой

стороны, неприемлемым действием, разрушающим светский характер государства и общественных связей. Таким образом, религия к концу XX века была полностью исключена из сферы публичной политики, которая ранее была для нее наиболее естественной формой существования. В новейшее время самыми распространенными мифологическими представлениями стали тезисы о том, что «религия вне политики» и что «политика всегда наносила вред религиозным организациям».

Новые формы политической деятельности религиозных организаций можно увидеть, если абстрагироваться от тематики церковно-государственных отношений в качестве доминирующей. Отношения церквей и государства, религиозное законодательство, как и религиозная политика властей, являются элементами государственного устройства, особенностей конституционного права и правоприменительной практики законодательства той или иной страны. Эти параметры характеризуют культурные предпочтения государства и его отношение к определенному сегменту общественных организаций, а именно к религиозным. Это говорит о разных степенях восприятия религии в качестве политического символа. Однако эта сфера не раскрывает политической роли религиозных организаций в общественно-политической среде.

Две разнонаправленные тенденции общества постмодерна — максимальное отделение церквей от государства и усиление фактора многообразной религиозной мотивации в обществе — позволяют сконцентрироваться на роли религиозных организаций в общественно-политической жизни, практически не учитывая их сакральный символический статус (хотя это не означает, что его не существует). Подобный анализ возможен в рамках политологического институционального подхода, в рамках которого религиозная деятельность анализируется с точки зрения ее участия в политическом процессе (в рамках социологии этот подход наиболее близок структурно-функциональному подходу Т. Парсонса). Для того, чтобы применить данный алгоритм исследований к религии, необходимо дать определение целому ряду понятий, адаптировав их к целям настоящей работы.

Наиболее глубокий анализ роли религии в обществе возможен в рамках политологии религии — дисциплины, которая

стала активно развиваться в Европе лишь в 1990-е — 2000-е гг. (до этого политологический подход был свойственен американским исследованиям о религии, а также для советских ученых, которые писали о роли религии в противоборстве Запада и СССР). Политология религии — политологическая дисциплина, изучающая влияние религиозных институтов как активных акторов гражданского общества во взаимосвязи с другими акторами на различные политические процессы, включающие в себя роль религиозного фактора в международных отношениях, политических дискуссиях, в формировании мировоззрений партий и движений, социально-экономической, культурной, гуманитарной, семейной и других сферах государственной политики.

Одним из ключевых понятий в рамках данного подхода является представление о том, что такое религиозный институт. Самое очевидное определение религиозного института дано В. В. Комлевой. Это социальная организация, представляющая собой устойчивую форму деятельности и отношений групп людей, учреждений, регулируемую системой норм и правил. Этот институт упорядочивает деятельность людей, связи и отношения верующих между собой, с представителями других исповеданий, неверующими. К религиозным институтам относятся религиозные организации, религиозные группы, международные религиозные и межрелигиозные объединения[1].

С точки зрения политологии религии, под религиозными институтами следует понимать совокупность формальных и неформальных религиозных и общественных объединений, действующих в публичном пространстве и вовлеченных в социальные и политические отношения (взаимоотношения): таковыми являются А) церковные структуры религиозных организаций (административные органы, епархии, приходы) и движений и руководители их подразделений; В) организации и движения, созданные церковными структурами, которые носят как конфессиональный, так и межконфессиональный характер;

---

[1] Комлева В. В. Религиозные институты в международном гуманитарном сотрудничестве // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6 (108). С. 130–141.

C) околоцерковные организации и движения, которые напрямую не подчиняются церковным структурам, но либо основаны членами церквей либо в их руководящем или в членском составе есть верующие, члены церквей или обращение к определенной конфессиональной тематике играет значительную роль; D) виртуальные или реальные сетевые структуры, которые формируются, как правило, вокруг приходов, групп, движений, общественных организаций и могут быть связаны как с социальными и творческими проектами, так и с политическими интересами и миссионерскими стратегиями. Если пункты A и B являются привычной формой существования церквей в общественной среде, то пункты C и D значительно расширяют аудиторию, к которой в той или иной форме обращена церковная (околоцерковная) деятельность, поскольку в C и D, как правило, оказываются вовлечены не только верующие (активные прихожане), но симпатизирующие данной организации и движению, проекту, а также верующие по культурной и этнической самоидентификации и неверующие, агностики и атеисты. Потенциально для самих церквей — это расширение сферы для миссионерской деятельности и гражданского участия с большой ролью религиозного фактора.

В демократическом обществе представление церковного руководства о собственном влиянии и величии в значительной степени зависит от взаимодействия и прямой или косвенной взаимосвязи между разными видами и подвидами религиозных институтов. К примеру, A уже не может не проявлять себя в B и C, а C и A (в виде приходов) уже непредставим без D. В жизни большинства европейских церквей можно найти то или иное сочетание такого рода институтов, поддерживающих их общественно-политическую роль. Следует отметить, что, безусловно, схема религиозных институтов не уникальна для Европы — в США прямая включенность церквей в политические процессы является нормой, но в американской практике церкви вырастали из гражданского общества (на первых этапах истории США они были практически слиты с ним) и отделить общество от религиозного пространства до сих пор довольно трудно в некоторых провинциальных городках и в ряде штатов.

Европейское своеобразие заключается в том, что церкви «врастают» в гражданское общество и его институты в условиях, когда либеральный демократический порядок отказался от религии, заменив ее на «общечеловеческие ценности». В связи с этим взаимодействие между собой формальной сферы религиозности (выраженной в A и B) и неформальной сферы религиозности (соответственно, C и D) в европейском контексте играет ключевую роль для понимания роли церквей в обществе и в политических процессах.

В данном контексте насущным становится вопрос о том, что считать влиянием религии в политических дискуссиях, в развитии демократических институтов — государственной власти и социально полезных организаций. Объективность исследования может быть достигнута, только если удастся избежать как сакрализации роли церкви и следования ее предписаниям, так и констатации «упадка веры», исходя из этого. В рамках политологического подхода сам по себе вывод об упадке или подъеме веры или Церкви не имеет смысла, так как более важными являются параметры участия церквей в политическом процессе и степень влияния в конкретной политической ситуации (дискуссии, кризисы, политические трансформации власти).

Религиозный фактор — это, прежде всего, различные варианты отражения позиции религиозных институтов по актуальным общественно-политическим проблемам в публичном пространстве (дебаты, публикации, заявления, обращения, официальные документы). Эта позиция может быть представлена в виде заявлений: 1. Церковных иерархов, действующих руководителей; 2. Священнослужителей и мирян, также представителей церквей, но не облеченных формальной административно-политической властью в церкви; 3. Гражданских активистов с определенной конфессиональной принадлежностью, но не имеющих прямого отношения к церковным структурам (но защищающих их интересы или критикующих их); 4. Гражданских активистов, партий и движений, которые используют религиозную мотивацию для достижения своих политических или гуманитарных целей (если это, к примеру, социальное служение). Это может быть привлечение религии как идеологического фактора (как это делают националисты) и обращение

к корневым христианским ценностям для мотивации социального служения и развития политкорректности по отношению к нуждающимся и разного рода меньшинствам (религиозным, сексуальным). В обоих случаях религиозная мотивация может сыграть дифференцирующую роль, быть триггером как конфликта, так и умиротворения.

Религиозно мотивирующий актор почти всегда стоит перед дилеммой выбора между тоталитарным сплочением общества вокруг своей идеи и демократической и христианской ценностью достоинства отдельного человека (права выбора конкретного индивида). От этой дилеммы не избавлены ни светские, ни религиозные лидеры.

Особенности религиозных институтов в современном обществе ярче всего проявляются в рамках социально-политических кризисов как определенного рода переломов, переходных состояний (в древнегреческом смысле этого слова) общества и государства. В религиозной сфере экономические перемены и кризис политических идеологий сопровождаются также переоценкой ценностей, переосмыслением своей роли в обществе со стороны церквей и изменением отношения церковных институтов к самому обществу. Кризис частично или во всей своей полноте находит свой отклик в религиозной идеологии и социально-политической деятельности церквей: социальное богословие, политическое богословие, моральное богословие в отраженном виде воплощают интересы церквей и саму социально-политическую реальность.

В научной литературе кризис рассматривается как период «максимальной неустойчивости, нарушения привычных процессов и тенденций, наибольшего значения случайностей». Социально-политический кризис определяется в качестве ситуации «явного нарушения наиболее значимых взаимодействий и социальных функций в обществе с высокой степенью дискомфорта и конфликтности влиятельных групп и широких слоев населения, что включает скандалы во властных структурах, уличные выступления с попытками их подавления, когда ранее успешные способы нормализации положения перестают работать и приводят к дальнейшему ухудшению ситуации и эскалации конфликтов...». Социально-политический кризис означает

также «нарушение состояния равновесия и появление тенденций деградации и возможной катастрофы системы»[2].

В качестве акторов кризисов выступают как этнополитические группы, проявляющие в публичном пространстве свою религиозную идентичность, так и политические элиты, которым относятся представители высшей церковной иерархии, активные в политической сфере, и политики, проявляющие каким-либо образом свое отношение к религии. Трансформационные процессы происходят в рамках полей взаимодействия — символическом (идейная борьба), институциональном (противостояние организаций) и электоральном (выборы)[3].

В современном европейском обществе кризис конца XX-начала XXI вв. приобретает черты масштабного явления, затрагивающего практически все сферы жизни общества. В видимом спектре кризис проявляется в изменении «традиционных идентификационных паттернов и разложение фундаментальных семейных укладов», в кризисе системы политического представительства и рост политического абсентеизма. В конечном счете основным мировоззренческим выражением кризиса, который напрямую касается религиозных объединений, является «очевидный и поражающий своею глубиной кризис наших представлений об обществе» и кризис идентичности.

По мнению В. В. Лапкина, можно говорить о «нарастающем несоответствии Запада своему историческому предназначению», которое воспринимается через призму универсалистских позиций[4]. В европейской истории модернизация привела к кризису средневекового религиозного мировоззрения, к «широко распространившемуся в западном обществе «отказу от религии», всемерному распространение светской культуры, сопровождающемуся ощущением утраты прежней цивилизационной идентичности». Если ранее трансформация общества привела

---

[2] Левашов В. К. Социально-политическая устойчивость общества // Вестник Российской Академии Наук. 2011. Том 81. № 12. С. 1059–1064.

[3] Розов Н. С. Динамика социально-политических кризисов: понятийный аппарат // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12. Вып. 2. С. 67–73.

[4] Лапкин В. В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. М., ИМЭМО РАН, 2012. С. 33–34.

к падению роли религии, «превращению ее в культурную традицию, все более беззащитную перед напором агрессивной «массовой культуры»»[5], то на новом витке развития всеобъемлющего социально-политического кризиса трансформация общества и его идеологии ведет к росту роли религиозных институтов, но не религии как универсальной определяющей системы жизни человека (как это было в Средневековье до наступления Нового времени).

Прежде чем перейти к рассмотрению тех теоретических концепций, которые имеют значение в рамках данного исследования, необходимо определить параметры того мира, из которого была вытеснена религия и вера в Бога в качестве определяющей категории, в том числе и как фундамент политической власти. Ключевым понятием в данном случае является секуляризация. Это десакрализация политических институтов, вытеснение религии в любом ее виде из сферы публичной политики в сферу частной жизни человека (приватизация религии), что в наиболее последовательном виде представлено именно в Европе[6]. Между тем уже исходя из этого определения, очевидно, что церковная миссия была вытеснена на уровень отдельного гражданина, и в данном случае «личная вера» — это совсем не мало и это не «конец веры», а вполне возможно начало нового пути религиозного возрождения — низовой церковной демократии.

1.2. Как изучать религиозные институты?

Роль религии в общественной среде рассматривается в современной науке в основном через призму символического и ритуального влияния, а также воздействия на хозяйственную этику (тенденции восприятия религии, идущие от основоположников социологии религии Э. Дюркгейма, М. Вебера, Б. Малиновского и др.). Со второй половины XX в. религия во всех ее проявлениях (религия как элемент культуры и совокупность форм и идеологий, организаций, религиозности как состояния сознания)

---

[5] Там же. С. 37.

[6] Чарльз Т. Секулярный век. Пер. с англ. М.: ББИ, 2017. С. 4–5.

стала анализироваться в рамках социологии и социальной философии, которые сконцентрировались на трансформации религии в условно безрелигиозном обществе. Данный подход, безусловно, задал определенный пессимистический тренд в оценке религиозности населения, так как масса формальных критериев позволяет сделать вывод о низкой практической приверженности граждан тем или иным историческим церквям. А имеющая место секуляризация общества позволяет без труда подтвердить вывод о связи экономического благополучия с падением влияния религии, хотя это не является чем-то самоочевидным.

Мы не ставим перед собой задачи перечислить и дать характеристику всем социолого-политологическим подходам в области религии, в настоящей работе более важно то, что имеет прямое отношение к развитию политических форм религиозных институтов (такого рода формы религии в целом — более масштабная проблема, относящаяся к социально-политической философии).

Политологическая теория предназначает религиозным организациям место элементов в институциональной подсистеме общества, наряду с масс-медиа и партийной системой в силу способности, к примеру, церквей формировать общественного мнение и влиять на власть и политиков. При этом каждая из этих подсистем является в то же самое время самостоятельной системой внутри общества[7]. Религия также является одной из главных сред для формирования политических установок и ценностей индивидов и групп, то есть для политической социализации[8].

Религиозный фактор может активироваться и в качестве фундаменталистской реакции на секуляризм и как стимул для политической децентрализации и становления этнополитики (на основе национальных и религиозных чувств) как реакции на глобализацию мира[9]. В рамках религиоведческого

---

[7] Политология: учеб. / А. Ю. Мельвиль [и др.]. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2008. С. 120–121.

[8] Хейвуд, Э. Политология: Учебник для студентов вузов. Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.

[9] Там же.

дискурса подчеркивается, что мировые религии играли роль «коммуникаций общечеловеческой цивилизации», по которым шел обмен мировоззренческими представлениями, культурными ценностями, опытом государственного управления: «Религия создавала завораживающий эффект образа идеального общества, манящие очертания которого заставляли политиков совершать поступки, далекие от здравого смысла»[10].

Гуманитарная роль религии усиливается в условиях мировых кризисов[11]. Структурно-функциональный подход к исследованию религии особенно продуктивен в рамках растущего плюрализма и толерантности, свободы совести как залога стабильного развития общества и государства[12]. В рамках новой роли религии рассматривается концепция ее реинституционализации[13].

В рамках религиоведческого подхода социальный институт религии представляет собой систему из двух взаимосвязанных уровней: 1) ценностно-нормативная модель, включающая в себя совокупность верований, символов и предписаний, представлений, относящихся к широкому кругу явлений и предметов, как профанных, так и сакральных, и 2) модели поведения, заданные религиозными нормами и регулируемые посредством религиозной организации, включающей в себя как религиозную общину, занимающуюся культовой и внекультовой религиозной деятельностью, так и непосредственно религиозную организацию, являющуюся «представителем» данной религии в социуме. Одной из стадий «рутинизации харизмы» по М. Веберу

---

[10] Государство и религиозные институты // Религиоведение: Религия-Человек-Общество: учебное пособие для студентов вузов / авт. коллектив: Е. В. Попова, П. А. Стуцки, А. Н. Минин и др. Курган, 1999. С. 158–165.

[11] Комлева В. В. Религиозные институты как регуляторы нравственной парадигмы в геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 8 (110). С. 40–44.

[12] Чемикосова Т. А. Трансформация религии как социального института в постсоветской России / Автореферат дисс. ... докт. соц. наук. Казань: КГУ, 2007. 29 с.

[13] Петрова И. Э. Функциональный анализ религиозного института // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 91–98.

является институализация, когда деятельность начинает осуществляться по признанному в обществе образцу[14].

О том, как политика появляется в религиозном и иных контекстах, свидетельствует определение политического, данное немецким философом Карлом Шмиттом, для которого важно, как те или иные мотивы участвуют в «ассоциациях или диссоциациях людей». По словам К. Шмитта, «Политическое может черпать силу в различных сферах человеческой жизни, извлекая ее из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей; оно означает не какую-то собственную предметную область, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или в культурном смысле), хозяйственными или же иного рода, и в разные периоды они вызывают разные соединения и разделения. <...> Здесь весьма уместно слово «суверенитет», равно как и слово «единство». Оба они отнюдь не означают, что каждая частность существования каждого человека, принадлежащего к некоторому политическому единству, должна была бы определяться, исходя из политического, и подчиняться его командам, или же что некая централистская система должна была бы уничтожить всякую иную организацию или корпорацию. Может быть так, что хозяйственные соображения окажутся сильнее всего, что желает правительство якобы хозяйственно нейтрального государства; в религиозных убеждениях власть якобы конфессионально нейтрального государства равным образом легко обнаруживает свои пределы. Речь же всегда идет о случае конфликта. Если противодействующие хозяйственные, культурные или религиозные силы столь могущественны, что они принимают решение о серьезном обороте дел, исходя из своих специфических критериев, то именно здесь они и стали новой субстанцией политического единства»[15]. Таким образом, «политическое» может быть извлечено из самой религиозной системы, также как и из других.

---

[14] Элбакян Е. С. Институциональные особенности религии // Социология религии в обществе позднего модерна. Белгород, 2015. С. 139–145.

[15] Шмитт К. Понятие политического / Под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 313–314.

Если до середины XX в. основной формой политического участия церквей было их взаимодействие с государственными структурами и прямое лоббирование своих интересов, то на современном этапе церкви и в целом религиозные институты вокруг них (согласно нашему определению) действуют как часть гражданского общества и по его правилам. Произошло это благодаря секуляризации, так как большинство церковных структур стали подходить под определение гражданского общества, как ассоциаций и отношений, развивающихся вне рамок государства, без его прямого вмешательства. Демократическая система отводит гражданскому обществу ведущую роль в формировании социетальной интеграции на основе солидарности независимых личностей, связанных коллективными обязательствами с другими индивидами, как особое пространство бытования гражданских добродетелей — доверия, уважения к другому индивиду, равенства, справедливости, лежащих в основе норм социальных взаимодействий, как гражданские практики, в которых реализуется обеспеченная правовой санкцией государства публичная роль гражданина — гражданская активность[16]. Определение гражданского общества в полной мере относится к религиозному сообществу, но гражданские практики и активность в религиозной среде остаются малоизученными, так как религия считалась лишь дополнительным мотивом, а не самостоятельным игроком. Церковные структуры оцениваются в качестве агентов социализации, способных влиять на систему убеждений и верований человека. Одновременно религиозные сообщества могут быть охарактеризованы и как политический институт, подразумевающий систему отношений, организованную общность или осуществление и воспроизводство посредством коллективной воли моделей отношений: принципов и норм, ценностей и целей[17].

---

[16] Патрушев С. В. Гражданская активность и институциональный порядок в России: к постановке проблемы Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: РОССПЭН, 2011. С. 17.

[17] Политология: учеб. / А. Ю. Мельвиль [и др.]. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2008. С. 555, 582.

Поскольку религиозные институты являются полноправной частью гражданского общества, то важно соотнести их с институциональным подходом как таковым. Это позволит увидеть те функции, которые не предполагались в качестве неотъемлемых функций религии в рамках демократической системы. Самое простое определение институтов у С. Хантингтона как «стабильных, ценных, повторяющихся моделей поведения»[18] показывает историческое преимущество религии, так как «старые», так и «новые» религии провозглашают себя в качестве «стабильных, ценных и повторяющихся» моделей, даже несмотря на свою внутреннюю трансформацию. При этом религиозные институты не теряют своего свойства конституировать и легитимизировать политических акторов, понятия реальности, стандарты оценок. В рамках понятия социального института существует как формальный аспект (организации), так и функциональный — обеспечение реализации долговременных общественно значимых целей. Когнитивный аспект предусматривает наполнение института содержанием — это совокупность принимаемых большинством членов общества представлений о природе и назначении институционализируемой сферы социальной жизни, а также о целесообразности данной формы ее институционализации.

В рамках нашей темы имеет значение особая роль религиозных институтов как фактора интеграции и стабилизации общества. Как отмечает Т. Парсонс, их основная функция — регулирование социальных процессов и явлений с целью поддержания стабильности и равновесия между ними[19]. Институты также предназначены для сдерживания отклоняющегося поведения среди политических элит, так как они призваны защищать интересы граждан или сообществ. Именно эта черта в религиозных институтах наиболее ярко проявляется в эпоху секуляризации, так как религиозные требования максимально заметны на общем секулярном фоне и, более того,

---

[18] Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven and London: Yale University Press, 1968. P. 12.

[19] Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.

воспринимаются в качестве вызова системе «справедливого плюралистичного общества». Между тем, в рамках демократического процесса религиозные вызовы могут рассматриваться как необходимая корректировка действий политических элит. Такого рода корректировкой являются и радикальные выступления религиозных фундаменталистов (в том числе, насильственные акции, основанные на религиозных или псевдорелигиозных идеях) и стремление верующих защитить семейные ценности и свое право называть нетрадиционные сексуальные отношения грехом и т. д. Религиозно мотивированная агрессия, конечно, не является необходимой в обществе, но иная политическая активность, как и ненасильственный религиозный фундаментализм (христианский, мусульманский, буддистский, индуистский) в эпоху секуляризации стали очевидной необходимостью. Не стоит в данном случае все сводить к защитной реакции религии против равнодушного или агрессивного секуляризма, что естественно, но упрощает ситуацию. Политологический подход позволяет взглянуть на развитие ситуации более объемно.

Религиозные институты стали таковыми в демократическом гражданском обществе не только и столько благодаря своим «прошлым заслугам», а в силу того, что стали успешным гражданским феноменом. Это хорошо видно, если применить к церковным структурам критерии институционализации С. Хантингтона. По существу эффективность и уровень институционализации зависит от того, 1) насколько организация адаптивна и пережила ли она изменение своих основных функций; 2) насколько сложна иерархия и дифференциация ее структур; 3) насколько организация инкорпорирует новые общественные силы без ущерба для себя (не становится выразителем интереса только одной группы); 4) насколько организация сплочена и дисциплинирована[20].

---

[20] Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 32–48; Подробный анализ научных дискуссий об институтах и институционализации см.: Зазнаев О. И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. 374 с.

Если применить эти критерии к Католической церкви после Второго Ватиканского собора, то окажется, что одним из самых эффективных институтов в Европе является Церковь: она провозгласила ценность прав человека и осудила корпоративизм и любые другие формы авторитаризма, сохранила сплоченность и иерархию, а главное — принципиально является наднациональной структурой с широкой платформой, на которой без ущерба для Ватикана могут существовать критики папы Франциска с консервативного и либерального флангов. Критерии институционализации применимы не только к таким глобальным организациям как Католическая церковь — в разном сочетании и степени эти факторы действуют в других христианских конфессиях. Православие не обладает большой адаптивной способностью к демократическим институтам, но это компенсируется его внутренним разнообразием, то есть эффективность институционализации и развития обеспечивают церковно-общественные силы и юрисдикции. Государственные или полугосударственные либеральные церкви (в Германии и Скандинавии, в Англии и Уэльсе) малоэффективны как выразители интересов широкого круга общественных сил, но зато у них чрезвычайно развита адаптивная способность — через либеральное богословие, оправдывающее политкорректность и секуляризм. Протестантское евангельское движение в лице консервативных баптистов, евангелистов, пятидесятников обладает крайне высокой степенью адаптивности к демократии, рыночной экономике и глобализации, но неирерахично и слабо сплочено.

Влияние церковных институтов с точки зрения институционального подхода оказывается намного более многофункциональным и зависящим от ее политического капитала в системе социальных отношений. Детерминированность роли церквей социальной структурой хорошо показана в анализе социального пространства П. Бурдье: «по мере того, как политический капитал Церкви объективируется в институциях и, как это происходит в последнее время, в постах, контролируемых Церковью (в образовании, прессе, молодежном движении и т. п.), власть ее все менее и менее опирается на внушение ее догматов и «спасение душ»; гораздо лучше власть Церкви измеряется числом должностей и агентов, опосредованно ею контролируемых».

Размышляя о происхождении государства и групп людей, заинтересованных в его функционировании, Бурдье приводит пример: «власть Церкви в действительности не измеряется, как считалось, числом празднующих Пасху, но числом тех, чей экономический и социальный фундамент социального существования и, в частности, доходы прямо или опосредованно связаны с Церковью, и кто в силу этого «заинтересован» в ее существовании»[21]. Безусловно, радикальный детерминизм П. Бурдье в отношении церковных институтов слишком однобоко трактует их как часть только социально-экономических отношений (у церквей есть масса «агентов», которые контролируются не экономически, а идейно и мистически). Для нас важно, что социологическая интуиция приводит Бурдье к выводу, что политический капитал Церкви уже не определяется привычными измерениями параметров организованной религиозной жизни, и фундамент этого капитала следует искать в другой сфере. Социологи называют этот процесс «накоплением» рациональности: «В отличие от античности и Средних веков современной политической жизни чужда апелляция к сверхразумному и онтологически трансцендентному. Наглядность, верифицируемость и прогнозируемость вытеснили ожидания чуда и веру в авторитет»[22].

Политические акценты в деятельности религиозной организации появляются в связи с миссионерскими задачами по увеличению своих приверженцев. Религия вовлекается в процесс политической социализации: «Степень же этой вовлеченности зависит от того, насколько сильно делается акцент на ценностях, связанных с миром политического»[23]. К этому следует,

---

[21] Бурдье П. Социология социального пространства. Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 217, 272.

[22] Светлов Р.В. Религия и публичная политика // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. Том 2 (4). С. 164–176.

[23] Донцев С.П., Чимирис Е.С. Политическая социализация граждан РФ и деятельность религиозных организаций в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. 2011. № 1 (62). С. 132–140.

однако, добавить, что церковные структуры сами постепенно приходят к расширению представления о своих последователях — это уже не только прихожане, посетители богослужений, но и широкий круг вовлеченных в церковные инициативы.

Вытеснение религии с прежней абсолютной роли освящения повседневной жизни и политической власти стало фактором, который заставил исследователей искать ответ на вопрос о том, какие формы религия и религиозность приобрели в современном мире. Представление о десекуляризации сменилось выводом о том, что религия возвращается в других формах множественной религиозности, когда религиозные институты теряют свое авторитарное влияние (Ю. Хабермас, Ч. Тэйлор, Д. Мартин, П. Бергер). Церкви превращаются в силу, которая служат переменам, что является современным политическим феноменом (С. Хантингтон). Европейцы делегируют функции идентичности церковным институтам «замещающая религия» («vicarious religion» Грейс Дейви). Американцы живут в рамках «гражданской религии», где реальная религиозность является одним из ключевых элементов идентичности нации (Р. Белла). Модернизация затрагивает системные качества религиозных организаций в функциональном (определяющем характер ее связей и способы осуществления взаимодействий) и в структурном (задающим морфологические типы и особенности строения самой организации) планах. Но религия сохраняет медиативную роль в модернизации процессов социальной коммуникации[24].

Значимым фоном для понимания гражданской активности религии может служить концепция духовных сетей и особенностей изменения религиозного индивидуализма Д. Эрвьё-Леже. Исследователь полагает, что изменение религиозного индивидуализма лучше всего обнаруживается внутри духовных групп и сетей (другой социолог Ф. Шампион называет эти сети «мистическо-эзотерической туманностью»). Именно в духовных сетях отражаются основные тенденции развития общественного сознания: поиск личной аутентичности, рост значения личного

---

[24] Климов А. Г. Методология анализа современных эффектов влияния религиозных организаций // Вестник МГИМО (У). 2012. № 6 (27). С. 203–205.

опыта, отрицание готовых схем и систем мышления, индивидуальное самосовершенствование. Как подчеркивает С. Трофимов, на границах или даже в центрах приходов могут возникать гибкие и неустойчивые формы социальности — духовные группы и сети, основанные на духовном, социальном и культурном сходстве вовлеченных в них индивидов, например, католические или протестантские духовные профессиональные группы, объединяющие специалистов, которые работают в одной области и связаны между собой дружбой, общим языком, обычаями, образом жизни и культурным багажом[25]. Такого рода духовные сети могут быть названы институтами гражданского общества внутри религии, прототипами новых форм религиозных институтов в политической жизни.

Сила религиозной веры, по словам Д. Эрвьё-Леже, связана со скоростью перемен во всех сферах общественной жизни: «религиозная вера теперь все труднее вписывается в догматические рамки институциональных религий. В обществах, в которых автономия индивида была усвоена в качестве ведущего принципа, именно индивиды создают для себя, все в более независимом режиме, маленькие системы верований, вполне соответствующие их желаниям и опыт». Ослабление институционализированных истин воспринимается как потеря, проблема для индивидов, которые вынуждены сами искать эти «истины». Призыв к воссозданию сообщества, скрепленного общей идеей, может появиться на самом переломе осязаемых социо-религиозных связей: «В таких случаях может возникнуть необходимость в «базовой платформе определенности» («base-platform of certainty») внутри сжатого пространства небольшого сообщества»[26].

---

[25] Трофимов С. В. Индивидуализм и типы религиозных верующих в ранней теории Д. Эрвьё-Леже // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 204–218; Трофимов С. В. Особенности формирования современного религиозного индивидуализма по Д. Эрвьё-Леже // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 1 (22). С. 107–122.

[26] Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 254–268.

С точки зрения М. М. Мчедловой, новая конфигурация взаимоотношений религии и общества, религии и политики, государства и церкви складывается из соотношения Веры, конфессиональной идентичности и религиозных институтов. Мчедлова также утверждает, что понятие конфессиональной идентичности коррелирует с ослаблением традиционных политических и гражданских форм солидарностей: «С одной стороны достаточно активное вмешательство институционализированных религиозных организаций в политическую сферу вызывают негативный фон в обществе. С другой — консолидирующая роль Церкви как института, прослеживаемая сквозь призму солидаристско-духовных и государственно-исторических контекстов, отражается в высокой степени доверия, демонстрируемого нашими согражданами. Это отражается и в сложившейся парадоксальной ситуации: процент доверяющих Церкви как институту значительно больше невысокой доли тех, кто считает, что для решения проблем, стоящих перед страной необходимо усиление политического влияния Церкви»[27].

Наиболее близко к определению нового формата церкви как гражданского института подошел американский социолог П. Бергер. По его словам, религиозные организации должны выработать способность функционировать как деноминации, то есть как добровольные ассоциации, и протестантизм имеет сравнительное преимущество в этом смысле: «Римско-католическая церковь, после долгого периода отчаянного сопротивления стала весьма успешно адаптироваться к ситуации плюралистического соревнования и легитимировала эту адаптацию теологически в декларации религиозной свободы, начиная со Второго Ватиканского собора... Раннее христианство, в силу различных причин, существовало в качестве добровольной ассоциации как в греческой, так и в латинской части Римского мира». Перспективы Православной церкви Бергер в этой связи оценивает скептически: «После правления Константина Восточная Церковь

[27] Мчедлова М. М. Религия и общество в России: векторы социальных изменений // Религиозная ситуация на Северо-Западе: ткань традиции и вектор конфессиональной эволюции. Сборник трудов конференции. СПб., 2017. С. 104–120.

существовала в рамках четырех социальных форм: (1) как государственная церковь — сначала в Византии, потом в России, а затем в независимых государствах, образовавшихся в результате распада Османской империи; (2) как более или менее терпимое меньшинство под властью мусульман, как в османской системе миллетов; (3) как преследуемое сообщество под властью коммунистов; и (4) как сообщество в диаспоре, преимущественно в этнических анклавах в Западной Европе и в Америке. Само собой разумеется, что эти формы социального существования различны по своему характеру, однако все они имеют одну общую черту: ничто в истории православия не подготовило его к тому, чтобы функционировать как добровольная ассоциация»[28].

Новые формы существования религиозных институтов вышли далеко за рамки того, что было принято исследовать раньше: официальных структур, церковной элиты, приходов. Анализ «добровольных ассоциаций» будет неполным без понимания логики развития религии в гражданском обществе и в демократической системе. Основные перспективы роста влияния церквей в мире изложены в статье П. Бергера «Религия и глобальное гражданское общество». Социолог подчеркивает новизну проблематики, учитывая, что до 1960-х гг. термин «гражданское общество» был вообще мало употребителен, в XVIII–XIX вв. это понятие имело значение только для некоторых интеллектуалов. Гражданское общество обозначало институты, которые появлялись вне официальных иерархий церкви и власти. Бергер выделяет структурную составляющую гражданского общества (совокупность институтов, которые стоят между приватной сферой (которая, в частности, включает семью) и макроинститутами государства и экономики. Культурная составляющая включает «промежуточные» институты, которые смягчают конфликты и способствует социальному миру (согласно Э. Дюркгейму, делают общество модерна возможным, когда умирают традиционные типы солидарности). В целом позиция Бергера основывается на убеждении, что «гражданское общество создает гражданское общество».

---

[28] Бергер П. Православие и глобальный плюрализм // Вестник Нижегородского института управления РАНХиГС. 2015. Вып. 3. С. 1–5.

Со времен Алексиса де Токвиля, как отмечает Бергер, сохраняется интерпретация, согласно которой в основе демократии лежит добровольное объединение граждан, но при этом где-нибудь в Китае, Индонезии или Индии недобровольные институты также могут быть компонентом гражданского общества. Одним из основных условий для успешного развития «добровольных ассоциаций» является конкурентная среда, которая выражается в свободе совести и плюрализме: «Когда существует религиозная свобода в совокупности с модернизацией, религиозные институты также приобретают статус добровольных ассоциаций» и оказываются в условиях рыночных отношений, конкуренции с другими организациями. В условиях, когда существует высокий уровень религиозного плюрализма, религиозные институты должны конкурировать друг с другом для привлечения клиентуры. Как минимум, даже если бы остался единственный выдающийся религиозный институт, он должен был бы бороться за приверженность тех людей, которые теперь имеют право не принимать его в расчет. И то, что вступление в религиозные ряды становится выбором, а не необходимостью означает, что религия меняет свое место в жизни человека: из судьбы, определенной при рождении, она становится предметом намеренного выбора, «религиозным предпочтением».

Вместе с тем одни институты усиливают гражданское общество, другие нет. Питер Бергер отмечает, что единого ответа на вопрос о взаимоотношения религии и гражданского общества быть не может. Возможно, в большинстве случаев религия поляризует общество, делает его менее гражданским, но религия также делает многие общества более гражданскими. Религия может быть источником конфликтов, легитимировать ненависть и насилие, а религиозно легитимированный конфликт всегда усугубляется.

Католическая церковь, как старейший глобальный институт, на протяжении всей своей истории придерживалась взглядов, которые прямо противоположны развитию гражданского общества. А в 1930-е гг. в Испании Церковь поддержала авторитарный режим. Однако П. Бергер и С. Хантингтон отмечают, что в рамках «третьей волны демократии» в Восточной Европе, в Латинской Америке, на Филиппинах, в Африке Католическая

церковь боролась с авторитаризмом и была носителем прав человека, объективно поддерживая и развивая гражданское общество.

Наряду с этим религия легитимирует толерантность и гражданственность (пример деятельности католической международной организации Община св. Эгидия, в Германии — это Протестантская Академия, созданная после Второй мировой войны, Это и Голландская реформатская церковь и ее роль в борьбе с расизмом и апартеидом в ЮАР, когда церковь отказалась от богословского оправдании апартеида).

Питер Бергер придумал для своей статьи остроумный «квази-богословский» постскриптум, как он отметил: «Есть люди (необязательно в либеральном идеологическом спектре), которые воспринимают религию прежде всего в рамках того или иного политического или социального контекста. Кто-то может соглашаться с этим контекстом, как, например, я поддерживаю развитие гражданского общества, не разделяя этого в отношении религии. Подавляющее большинство верующих не согласны с этой точкой зрения. Они понимают религию как то, что в первую очередь касается реальностей, которые выходят за пределы насущных политических и социальных проблем. В рамках этого понимания самый важный вопрос, который следует задать о религии — не то, полезна ли она, а истинна ли она»[29]. Это вечный вопрос, который позволяет ощутить всю остроту проблемы участия религии в политических процессах с разных сторон конфликтов, а также возможности религиозных институтов оперативно включаться в разрешение социально-политических кризисов.

Отдельное существование церковных институтов и общества (а в XX в. и противостояние), конфликтогенность религии, ее противоборство с секулярной системой привели к тому, что целый ряд политических философов исключали религию из «демократического мира». Джон Роулз, автор концепции

[29] Berger P. L. Religion and Global Civil Society // Religion in global civil society / Ed. by M. Juergensmeyer. Oxford: Oxford University Press, 2005. P.11–22; Белова Т. П. П. Бергер о роли религии в глобальном гражданском обществе // На пути к гражданскому обществу. 2011. № 3–4. Режим доступа: URL: www.es.rae.ru/goverment/70–135 (дата обращения: 15.02.2018).

политического либерализма, задавался вопросом: «Как могут те, кто провозглашает религиозную доктрину, основанную на религиозном авторитете, на Церкви и Библии, также придерживаться рациональной политической концепции, которая поддерживает справедливый демократический режим?»[30] Для Роулза религия не играет существенной роли в формировании демократического порядка будущего. Мировоззрение Роулза стало олицетворением той либеральной модели миропорядка, которой противостоят сторонники «традиционных ценностей».

Несмотря на то, что в рамках либеральной политической риторики принято выводить религию за скобки, не упоминать о ней, говорить только как о раздражителе и о культурном элементе, а не о полноправном участнике демократического процесса, в научном дискурсе религия заняла прочное положение. Религия в политическом контексте стала по существу провокатором дискуссии о демократичности общества.

В рамках настоящего исследования важно представить две противостоящих точки зрения — координатора и методолога международного исследовательского проекта World Values Surveys и European Values Survey (самый крупный общеевропейский проект, оказывающий влияние на политическую элиту Евросоюза) Рональда Инглхарта, который делает акцент на индивидуализированной религиозности, и философа С. Хантингтона, для которого религия — это один из локомотивов демократизации. Настоящим оппонентом Хантингтона является Д. Роулз, который на другом полюсе политической философии по сути отрицает институциональную роль религии. В отличие от Роулза Инглхарт и Хантингтон, находясь в общем тренде развития социальной и политической мысли, скорее опровергают секуляризацию и пытаются описать контуры постсекулярного мира. Оба мыслителя понимают, что без осознания роли религии в этом обществе будущее демократии также оказывается под угрозой.

---

[30] Rawls J. Political Liberalism (Columbia Classics in Philosophy). Columbia University Press, 2005; Ролз Дж. Право народов (лекция) // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 79 -105.

Секуляризация для Р. Инглхарта это черта скорее индустриального, чем постиндустриального общества: «Индустриальные общества движутся по пути нарастания материализма, централизма и рутины. Постиндустриальные общества прямо противоположны им. Они делают акцент на творческом потенциале, идеях «духовности» в самом широком смысле этого слова. Церковь, контролирующая государство, уже больше невозможна, но рост «духовности» это, я бы сказал, тенденция. Сегодня гораздо больше людей, чем двадцать лет назад, тратят время на размышления о смысле и цели жизни. Собственно, многое зависит от того, как именно вы определите религию»[31].

Современная роль религии является в значительной степени историческим наследием церквей в этике, экономических отношениях, в «характерном наборе ценностей и представлений» общества той или иной страны. По словам Инглхарта, «тот факт, что общество было сформировано протестантской, конфуцианской или исламской культурной традицией, оставляет на нем неизгладимый отпечаток и выводит на путь, продолжающий воздействовать на его развитие даже после того, как непосредственное влияние религиозных институтов слабеет, — это мы наблюдаем сегодня. Так, хотя в протестантских странах Европы сегодня мало кто регулярно ходит в церковь, общества, сформировавшиеся под воздействием протестантизма, по-прежнему демонстрируют характерный набор ценностей и представлений. То же самое верно для традиционно католических, исламских, православных и конфуцианских стран»[32].

Слабость религии на этапе индустриализации не приводит к исчезновению духовных потребностей. По мнению Инглхарта, наоборот, их значение только усиливается: «Таким образом, хотя в постиндустриальном обществе прежние иерархические церковные институты теряют популярность, духовная жизнь приобретает формы, все более отвечающие целям

---

[31] Инглхарт Р. Религия и модернизация совместимы // Русский журнал. 26.07.10. Режим доступа: URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Religiya-i-modernizaciya-sovmestimy (дата обращения: 10.03.2018).

[32] Инглхарт Р. Религия и модернизация совместимы // Русский журнал. 26.07.10. Режим доступа: URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Religiya-i-modernizaciya-sovmestimy (дата обращения: 10.03.2018).

самовыражения личности». В социологическом и экономическом смысле духовная жизнь объясняется социологом через концепцию «общества знаний», где многое зависит не столько от материальных ограничений, сколько от идей и воображения. Тогда как религиозные убеждения именно в результате секуляризации и индустриализации стали вопросом выбора, творчества и самовыражения. Согласно сравнению результатов Values Survey 1981 г. с данными, полученными в 1989–1991, 1995–1997 и 1999–2001 гг., люди больше задумываются о смысле и цели жизни, чем прежде.

В доиндустриальный период, по мнению Инглхарта, к религии привлекала постоянная забота о самосохранении, а в «обществе, где никому уже не грозит голодная смерть» институционализированная религиозность постепенно отмирает. Чем больше ощущение безопасности в обществе и чем больше усиливается личная независимость, тем больше подрывается потребность в «догматических ориентирах и жестком авторитете», как религиозного, так и светского порядка. Однако значение духовных вопросов снова увеличивается в связи с осознанием рисков, развития цивилизации, значения равновесия между человеком и природой, необходимости ограничения научной мысли: «Независимо от того, носит этот феномен религиозный характер или нет, он выполняет новую функцию — не устанавливает непреложные нормы поведения, а придает жизни человека осмысленность».

Важным замечанием со стороны Инглхарта является то, что сама по себе секулярно-рациональная система не является гарантией демократии, так как она не ставит под сомнение неограниченную власть: секулярные ценности лишь «меняют ее основания с религии на науку и с церковного авторитета на бюрократическое государство. Пока господствующими тенденциями в культурной сфере были секуляризация и рационализация, всеобщее избирательное право далеко не всегда носило подлинно демократический характер: с такой же вероятностью оно могло становиться объектом манипуляций со стороны фашистских, коммунистических и авторитарных режимов». Таким образом, секулярная система не является синонимом справедливого демократичного общества, впрочем, как и религиозный мир.

Религиозная ориентация становится одним из многих индивидуальных выборов, наряду с гендерными ролями, характером потребления и труда, голосованием на избирательных участках. Однако Инглхарт оставляет простор для развития и линии обычного личностного выбора и более устойчивых духовных запросов, которые выходят за рамки «приватизированной» религии: «Хантингтон, Патнэм и Фукуяма утверждают, что культурные традиции отличаются чрезвычайной устойчивостью; именно они формируют сегодняшнюю политическую и экономическую практику. В то же время авторы теорий модернизации от Маркса и Вебера до Белла и Тоффлера доказывали, что формирование индустриального общества сопровождается последовательным отходом от традиционных ценностных систем». И то и другое, как отмечает Инглхарт, соответствует действительности[33].

С. Хантингтон напрямую не опровергает выводы о связи уровня безопасности и благополучия с уровнем религиозности, но в своей работе о третьей волне демократизации в конце XX в. он раскрывает политический потенциал христианства[34]. Процессы, происходившие в церковных структурах, прежде всего, в Католической церкви (перемены в доктрине и отношение к самодеятельности прихожан) и частично в рамках евангельского протестантизма, стали фактором, содействующим демократизации. По мнению Хантингтона, христианство также предоставляло более надежный доктринальный и институциональный базис для сопротивления политическим репрессиям. Ссылаясь на Джорджа Вейгеля Хантингтон отмечает, что изменение отношения Церкви к либерально-демократическому государству произошло вследствие, в том числе, американского влияния — католического епископата из США, где сложилось свое понимание роли общин и прихожан в Церкви, меры открытости по отношению к миру и другим религиям. Кульминации это влияние достигло во время Второго Ватиканского собора

[33] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 40–41, 54–55.

[34] Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 87–99.

и воплотилось в его Декларации религиозной свободы (Dignitatis Humanae Personae), которая являла собой «дитя американского опыта и эксперимента», и в особенности американского теолога Джона Кортни Мюррея. Соединенные Штаты сыграли двоякую роль в осуществлении третьей волны демократизации: непосредственно своей новой политикой в 1970–1980-е гг. и более косвенно — путем длительного влияния, оказываемого на Католическую церковь[35].

На примере Испании, Латинской Америки, позднее Польши, а также в целом деятельности папы Иоанна Павла II С. Хантингтон выделяет массу факторов, которые пробудили в религиозной среде демократические процессы[36]. К примеру, появление молодого поколения духовенства привело к созданию общин и движений, близких к национальным движениям и к рабочему классу (движение «левых христиан» и сторонников марксистской по сути «теологии освобождения»). Лидеры этих общин, естественно, острее, чем церковного руководство, осознавали социальную несправедливость и были критично настроены по отношению к власти, то есть были менее политкорректны. В Бразилии с 1970-х гг. стал известен феномен «низовых церковных общин», которые изменили облик Католической церкви изнутри и стали заимствованием опыта евангельского протестантизма — главного конкурента католицизма в Латинской Америке. Политизация церкви «снизу», противопоставившая ее авторитаризму, произошла также в Польше и Чили.

В некоммунистических странах, как отмечает Хантингтон, «взаимоотношения церкви и авторитарного правительства чаще всего проходили три стадии: согласия, неопределенности и противостояния. Поначалу внутри церковной иерархии обычно брали верх консервативные элементы, олицетворяющие историческую позицию церкви как партнера истэблишмента и адвоката социального мира. Церковные лидеры

[35] Weigel G. Catholicism and Democracy: The Other Twentieth-Century Revolution // The New Democracies: Global Change and U.S. Policy / Ed. by B.Roberts. Cambridge: MIT Press, 1990. P. 20–25.

[36] Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 87–99.

приветствовали истэблишмент авторитарного режима. В Испании церковь помогла Франко победить и долго поддерживала его правление. Бразильские епископы сразу после переворота 1964 г. встали «на позицию горячих сторонников военного правительства». В Аргентине, Чили и других странах церковь точно так же легитимировала военные перевороты. В большинстве стран в какой-то момент наступал перелом в отношениях церкви и государства, когда национальная конференция епископов или верховный лидер церкви открыто ставили последнюю в оппозицию режиму».

В Испании Церковь дала «урок демократии» испанскому народу в сентябре 1971 г., когда была созвана Ассамблея епископов и священнослужителей в Мадриде, выступившая за права и свободы против авторитаризма. В Польше Церковь под руководством кардинала Юзефа Глемпа в большей степени играла роль посредника между правительством и оппозицией. С провозглашения роли Церкви как защитницы прав человека началось служение папы Иоанна Павел II. В своей энциклике «Redemptor hominis» («Искупитель человека») 1979 г. понтифик подчеркивал: «Церкви не нужно лишний раз подтверждать, что защита прав человека теснейшим образом связана с Ее миссией в современном мире. Ибо именно защита прав человека лежит в основе и общественного, и международного мира, как о том говорил Иоанн XXIII, Второй Ватиканский Собор, а также и Павел VI в специальных документах, посвященных этой теме. В конечном счете мир между людьми — это уважение неотъемлемых прав человека, мир есть результат справедливости — opus justitiae pax — тогда как война рождается в результате нарушений этих прав, принося с собой еще более тяжкие их нарушения. Но особенно прискорбно нарушение прав человека в мирное время. С точки зрения прогресса такое нарушение кажется совершенно непонятным. И такую борьбу за права человека совершенно невозможно согласовать с какой бы то ни было программой, называющей себя “гуманистической”»[37].

---

[37] Эниклика «Redemptor hominis» // John Paul II Foundation. Режим доступа: https://www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/65- (дата обращения: 02.03.2018).

Хантингтон также подчеркивает огромный личный вклад в развитии демократической программы Церкви, который внес папа Иоанн Павел II. В критические моменты процессов демократизации понтифик побывал в Польше в июне 1979 г., июне 1983 г., июне 1987 г.; в Бразилии в июне — июле 1980 г.; на Филиппинах в феврале 1981 г.; в Аргентине в июне 1982 г.; в Гватемале, Никарагуа, Сальвадоре, на Гаити — в марте 1983 г.; в Южной Корее в мае 1984 г.; в Чили в апреле 1987 г.; в Парагвае в мае 1988 г.

Одним из самых знаменитых и критикуемых стал визит папы Франциска в Чили (1–6 апреля 1987 г., девиз чилийского паломничества: «El amor es más fuerte» – «Любовь сильнее»), где он фактически выступил против Пиночета. Знаменитыми стали слова Иоанна Павла II о его отношении к демократии: «Я не проповедник демократии; я проповедник Евангелия. Послание Евангелия, конечно, касается всех проблем прав человека; и если демократия означает права человека, то послание церкви касается и ее тоже»[38]. Подводя итог этой демократической экспансии под католическим флагом С. Хантингтон отмечает: «В одной стране за другой выбор между демократией и авторитаризмом персонифицировался в конфликте между кардиналом и диктатором... Логотипом третьей волны вполне могло бы быть распятие на фоне значка доллара»[39].

Концептуализация общественно-политической роли религии в научных исследованиях выявила целый ряд подходов: социально-философский или религиоведческий (символическая роль религии как средства сакрализации или легитимации властных и общественных установок), социологический (различные концепции бытовая религии в эпоху (де) секуляризации), институциональный политологический (восприятие как института, меняющего общество в ту или иную сторону), политико-философский (религия как источник конфликта, но христианство как триггер демократизации). Эти подходы могут

---

[38] Mazurczak F. Remembering St. John Paul II's controversial 1987 pilgrimage to Chile January 14, 2018. Catholic World Report.

[39] Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С.87–99.

между собой пересекаться и встречаться в мировоззрении одного и того же ученого — эпоха постмодерна, в который помещена религия, позволяет перетасовывать эти подходы и смотреть на религию по-новому.

1.3. Религия в рамках демократической системы

Вплоть до середины-конца 2000-х гг. будущее религии в демократическом обществе подвергалось сомнению, а сама религиозная тематика вытеснялась из публичной политики. Общественные настроения, отраженные, в частности, в книге Ф. Фукуямы 1992 г. «Конец истории и последний человек» базировались на стремлении построить либеральную демократию, где религию фактически заменяет религиозный плюрализм, лишающий ее политического значения. Постепенный поворот к традиционализму в противовес либеральной демократии обозначился вместе с выходом статьи и книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1993, 1996), где религия была «возвращена» автором в историю в качестве цивилизационной силы. Для западного общества зримым воплощением идей Хантингтона стала трагедия 11 сентября 2001 г. в США. Однако и тогда значимого перелома в восприятии религии как одного из ключевых факторов развития общества, его институтов и норм не произошло.

В качестве резонанса к растущей роли религиозного фактора в международной политике и в обсуждении национальной идентичности европейцев религия стала, наоборот, восприниматься как враждебный для демократии элемент, а «светскость» как гарантия общественной гармонии. Первой масштабной попыткой вытеснить религию с публичной арены стала эпоха Просвещения, деятели которой выступали против тотального господства Церкви и ее роли как соратника авторитарной государственной власти (и почти все обвинения в адрес Церкви соответствовали истине). В отличие от эпохи Просвещения, современный агрессивный секуляризм преувеличивает конфликтогенность религии и необходимость сохранения идеологической стерильности гражданских институтов. По существу религия ставится вне демократических

правил, когда, к примеру, защищаются права на самовыражение молодежных субкультур и разного рода меньшинств, но запрещается ношение религиозных символов и одежды. Но это привело не к противоборству религии и демократии, а к конфликту традиционалистской и либеральной идеологий, и христианство в этой ситуации играет демократизирующую роль.

Почему, как и зачем христианские церкви стали демократизировать уже не авторитарные сообщества, но и саму демократию западно-европейского типа? Современная ситуация (2010-х гг.) радикально отличается от 1980-х гг., когда церкви вместе с обществом преодолевали последствия «холодной войны» и разных тоталитарных режимов. Помимо этого, исторические церкви были шокированы резким падением числа прихожан, а новые евангельские протестантские церкви заняты глобальной миссией в разных странах мира. Религиозные институты в значительной мере потеряли сферы приложения своей идеологии, которые всегда привлекали людей и считались обязательными — это освящение государственных институтов и посещение богослужений. В ходе секуляризации оказалось, что ни то, ни другое теперь не гарантирует церквям их прежней роли в обществе и более того, не гарантирует будущих религиозных возрождений.

Залогом сохранения ведущей роли церквей в обществе и защиты их интересов и базовых ценностей стало социальное, богословское и политическое участие религиозных институтов в гражданском активизме — он стал объектом освящения и сакрализации со стороны духовенства. Церковные структуры, еще пару десятилетий назад пришедшие с пустыми храмами к «концу истории», стали ядром демократии.

Одним из первых ученых, которые стали разрушать «секулярную завесу» над религией, стал американский социолог и политолог Альфред Степан. Он подчеркивал, что для процветания демократии и религии совсем не нужен секуляризм или светскость во французском ее варианте, но необходима институциональная дифференциация. Ее Степан называет «двойной толерантностью» («twin-toleration»), при которой религиозные власти не контролируют демократических чиновников, действующих на основании Конституции, а демократическая власть

не контролирует религию, пока религиозные акторы уважают права других граждан. Есть много моделей взаимных отношений, которые подпадают под «двойную толерантность», то есть могут быть «множественные секуляризмы», дружественные демократии и религии одновременно[40].

А. Степан отмечает, что доктринально нужно избегать предположения о том, что какая-либо из религиозных систем демократична или недемократична. Методологически надо избегать ошибочности «уникальных исходных условий». Нормативно надо избегать «либерального запрета» на то, чтобы «религиозные истины должны быть исключены из политической повестки дня»[41]. Исследователь доказывает, что Ислам, Конфуцианство, Восточное православие по своей природе не более авторитарны, чем Западное христианство. А. Степан критиковал тезис Хантингтона о том, что разделение религиозной и политической сфер существует только в Западном христианстве[42]. С середины 2000-х гг. исследования демократизирующей роли религии стали одним из трендов в социально-политических исследованиях. Особое внимание уделяется тому, как евангельский протестантизм «создает демократию» в Азии, Африке и Латинской

---

[40] Stepan A., Linz Juan J. Democratization Theory and the «Arab Spring» // Journal of Democracy. Vol. 24(2), April 2013. P. 15–30; Stepan A. Religion, Democracy, and the «Twin Tolerations» // Journal of Democracy. October 2000. Vol. 11. P. 37–57.

[41] World Religions and Democracy (A Journal of Democracy Book) // Ed. by L. Diamond ,ʼ M. F. Plattner,ʼ P. J. Costopoulos. Johns Hopkins University Press, 2005. 288 p.

[42] Stepan A. Rawls and Huntington on religion and democracy. «The World's Religious Systems and Democracy: Crafting the 'Twin Tolerations"», Arguing Comparative Politics. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 213–254; Stepan A. An «Arab» More Than «Muslim» Democracy Gap // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14. No. 3, P. 30–44; Rethinking Religion and World Affairs / ed. by T. S. Shah, A. Stepan, M. D. Toft. Oxford University Press, 2012. 336 p.; Blankholm J. «Twin tolerations» today: An interview with Alfred Stepan // Social Science Research Council. June 15, 2012. Режим доступа: URL: https://tif.ssrc.org/2012/06/15/twin-tolerations-today-an-interview-with-alfred-stepan/ (дата обращения: 25.02.2018); Kuru A. Alfred Stepan — Democracy and Islam. October 2017. Режим доступа: URL: https://www.opendemocracy.net/ahmet-t-kuru/alfred-stepan-democracy-and-islam (дата обращения: 25.02.2018).

Америке, об исламском дискурсе и демократии, о церквях и демократической культуре в Восточной Европе[43].

Ключом к пониманию роли христианства в процессах демократизации стало социальное служение церквей. Оно приобрело особое значение в новых условиях и оказалось максимально приближено к классическому представлению о гражданском обществе и его деятельности. Волонтерство является составной частью жизни религиозных общин, как в Европе, так и в других частях света. В особенности, тема волонтерской деятельности в общинах и в рамках некоммерческих организаций (НКО) исследована на примере американских конгрегаций, где социальное служение является знаком принадлежности к общине и жизни по ее нормам. Одни из закономерностей — недавно обращенные более активны в волонтерстве. Волонтеры, судя по опросам, в большинстве своем наиболее влечены в какую-либо религиозную активность (такого рода исследования проводились в целом ряде стран, к примеру, в Нидерландах). Исследователи выстраивают цепочку от религиозных убеждений и посещения общины к выстраиванию сети общения «лицом к лицу» («от сердца к сердцу») к вовлечению в жизнь общины. Такого рода вовлечение сопровождается: желанием быть частью данной группы, принятием общих правил служения, а значит и волонтерского служения в рамках общины и сообщества. Две причины объясняют, почему члены общины более общественно активны. Это «религиозные убеждения» («вера») и община как «социальные сети». Церкви довольно активно используют НКО и образ их действий, тогда как НКО не могут также использовать религиозную общину. В рамках этих правил церкви с государственной поддержкой больше нуждаются в волонтерстве в силу падения численности верующих, но этому мешает бюрократический характер структуры таких церквей. Тогда как церкви меньшинства больше зависят от членства в общинах, а, значит, и продуцируют больше волонтеров[44].

---

[43] Religion, Democracy and Democratization (Democratization Special Issues) / Ed. by J. Anderson. Routledge,2005. 230 p.

[44] Cnaan R.A. Volunteering in Religious Congregations and Faith-Based Associations // The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation,

Христианские церкви в рамках широкого определения «религиозного института», который был дан нами, встраиваются в систему социальных отношений, в которой ранее церкви не присутствовали. Это не означает, что предыдущие столетия церкви и верующие не занимались социальным служением и благотворительностью. Возможно, церкви занимались таким служением даже больше, так как церковные инициативы поддерживало государство, а приходские или епархиальные акции были обязательны и респектабельны. На современном этапе изменился характер, мотивация и в определенной степени целеполагание. Во-первых, социальное служение стало добровольным, во-вторых, «помощь ближнему» стала сочетаться не с долгом и процветанием государства, а с общественной солидарностью, конечной целью стало не милосердие, а создание социальной сети.

Более глубоко проанализировать перемены в религиозных институтах позволит когнитивная составляющая гражданского общества. Это способ увидеть то, что творится за «совокупностью негосударственных некоммерческих организаций». Согласно определению И. Мерсияновой, гражданское общество — это сфера человеческой деятельности за пределами семьи, государства и рынка, которая создается индивидуальными и коллективными действиями, нормами, ценностями и социальными связями: «Потенциал гражданского участия в сопроизводстве социальных услуг является основой социальных инноваций. Будучи вовлеченными в текущие интересы населения, организации гражданского общества выступают естественной средой производства таких инноваций». Одним их характерных признаков такого коллективного субъекта являются взаимосвязанность членов; совместная активность; групповая саморефлексивность. Сокращение социальной дистанции в гражданских институтах сплачивает и общество в целом: «Наиболее тесные связи выстраивают молодежь и представители высших слоев общества, обладающие ресурсами и социальным статусом, например руководители, специалисты. Характерно, что в пользу

---

and Nonprofit Associations / Ed. by Smith D., Stebbins R. A., Grotz J. Palgrave Macmillan UK. 2016. P. 472–494.

превалирования согласия и сплоченности среди близких людей чаще высказывались верующие, вовлеченные в жизнь церковной общины, и активные пользователи Интернета»[45].

Между тем, остается открытым вопрос о том, создают ли новые социальные связи и новые мотивации акторов гражданского общества, в том числе деятельность церквей, новое качество самих институтов. Поскольку религиозные и светские институты гражданского общества становятся ядром демократической системы и определяют ее развитие, то они обладают намного большим набором свойств и большей гибкостью, чем раньше. Для того чтобы понять, каковы эти свойства, обратимся к социологии «общественных движений нового типа». Они редко «ставят перед собой экономические или политические цели. В фокусе их внимания чаще находятся вопросы поиска автономии, идентичности и солидарности... новые общественные движения значительно реже используют традиционные политические каналы и механизмы принятия решений — для них в большей степени свойственна тактика гражданского неповиновения и мобилизации общественного мнения...». Помимо этого, они «размывают границу между понятием индивидуального и коллективного. Сфера публичного зачастую находится под воздействием индивидуальных нужд и потребностей: рождение и смерть, болезнь и старение становятся причиной мобилизации. В то же время те сферы, которые раньше рассматривались как исключительно индивидуальные (сексуальная ориентация, личные взаимоотношения) являются предметом публичных обсуждений и коллективных действий... новые общественные движения избегают жестких организационных форм»[46]. Если суммировать сказанное применительно к рели-

---

[45] Krasnopolskaya I., Mersiyanova ICivil Society as an Environment for Production and Diffusion of Social Innovation // Foresight-Russia. 2014. Vol. 8. No 4. P. 40–53.

[46] Скокова Ю. А. Социология общественных движений: возможности и ограничения основных теоретических концепций // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 132–140; Pichardo N. A. New Social Movements: A Critical Review // Annual Review of Sociology. 1997. Vol. 23; Melucci A. The new social movements: A theoretical approach // Social Science Information. 1980. Vol. 19. No. 2.; Buechler S. M. New Social Movement Theories // The

гиозным институтам, то под их «неполитической» идеологией скрывается стремление обеспечить осмысление окружающей реальности на индивидуальном уровне (как и отмечал Р. Инглхарт) и солидарность на основе идентичности и неформальной сетевой организации. Религиозные институты становятся как частью глобальных транснациональных диаспор, так и политических сетей[47].

Что происходит с религиозными ценностями и с религиозной составляющей церковных структур, когда они оказываются вовлечены в большую светскую работу на благо «безрелигиозного» общества? В политическом плане этот вопрос имеет значение, так как став частью демократического мира, церкви могут потерять свою собственную идентичность и при этом общество не станет ни на «йоту» религиозным по сути. В таком случае встанет вопрос о бессмысленности такого церковного ядра демократии, нивелирующего саму церковность.

На этот вопрос существует простой ответ: христианство способно переосмыслить (подвергнуть освящению) любые светские идеологии и мировоззренческие системы, приспособиться к ним, также как в эпоху раннего христианства Церковь вобрала в себя языческую философию и адаптировалась к римским институтам (безусловно, и это может быть воспринято как «выхолащивание» «истинного христианства» первых двух веков). Антитезис к этому ответу заключается в том, что религия секуляризируется изнутри, церковные структуры ведут «светский образ жизни», духовные запросы существуют в самом размытом виде. Однако вывод на самом деле во многом зависит от точки зрения стороннего наблюдателя, от его восприятия

Sociological Quarterly. 1995. Vol. 36. No. 3.; Johnston H. et al. Identities, Grievances, and New Social Movements in New social movements: from ideology to identity / edited by Lara a E., Johnston H., Gusfield J. R. Temple University Press, 1994.

[47] Островская Е. А. О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 102–110; Осипов В. А. Концепция политических сетей: переход к исследованию качественных характеристик и его значение для российской политической теории и практики. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 2. С. 90–103.

религиозно-мистической природы Церкви. Для одного человека ссылки на евангельские заповеди и необходимость «помощи ближнему» будет достаточно для того, чтобы ощутить христианскую природу солидарности (или «субсидиарности» — церковно-правового термина, который стал использоваться для обозначения системы взаимоотношений в рамках Евросоюза). Другой наблюдатель этой ссылки не заметит, и в силу секулярного восприятия и/или из-за понимания религии в узком смысле посещения богослужений.

Однако на практике ответ на этот вопрос более сложен. Существуют примеры либеральных по своему богословию европейских церквей, мировоззрение которых в действительности было опустошено адаптацией к секулярным нормам (многие иерархи не только скорректировали библейские ценности в том, что касается отношения к меньшинствам, но и, к примеру, стали сомневаться в божественности Иисуса Христа, и присваивать Богу «средний пол»). Но эти церкви стали проигрывать в смысле успешности миссионерской деятельности более консервативным движениям и церквям — религиозным фундаменталистам.

В странах, где церковные круги скептически относятся к демократии, общество и церковь сохраняют «традиционные ценности». Пример российского (и отчасти восточноевропейского в целом) православия показывает, что отказ адаптироваться к демократии также не гарантирует сохранения «истинной религиозности». В данном случае вопрос о том, действительно ли это так — остается открытым.

К примеру, по словам А. В. Ситникова, сфера либерально-демократических понятий остаётся не только чужой для православных, но они и не пытаются ее «переосмыслить, “пресуществить” исходя из базовых положений православия». «Воцерковленные» люди, как правило, антидемократично настроены и маргинальны. В связи с этим возникает, например, такой парадокс: «преподавание религиозных культур не будет оказывать существенного влияния на отношение школьников к политической системе общества и формирование гражданских демократических ценностей. В то же время возможным следствием этого будет рост доли граждан, выступающих

за ограничение свободы слова в целях защиты общественной морали, нравственного здоровья общества»[48].

Проблему исследователь видит в том, что религиозный фактор утратил свое значение в легитимации либеральной по сути власти, но «структурные характеристики, формы мышления продолжают действовать и развиваться». Фактически политическая сила Церкви ставится в зависимость от либеральной идеологии: «Тот, кто имеет монополию на толкование демократии и выставляет оценки за демократичность, тот и обладает властью. <...> Если бы внутри православной традиции имелось своё видение демократии и прав человека, то это увеличивало бы и значение традиции, и её влияние на общество»[49].

Успешными и демократичными становятся те верующие и церковные проекты, которые выходят за рамки «воцерковленной антидемократичности». Но и общественные и государственные акции, привлекающие Церковь, по мнению профессора М. Ю. Смирнова свидетельствуют об инструментальном, «магическом» отношении к православию. Социолог делает радикальный и довольно пессимистический вывод о социальном будущем Православной церкви как религиозного института: «мистико-сотериологическое содержание христианства православного исповедания так и осталось маргинальным, будучи востребовано крайне незначительной частью и прежних верующих и неофитов. В России религиозные организации не могут предложить никакой социально значимой объединяющей идеи, чтобы при этом не перестать быть именно религиозными организациями»[50]. Концентрация на идеологической составляющей социальной деятельности, которая осуществляется

---

[48] Ситников А. В. Религия в демократическом обществе: как влияет воцерковленность на политическую культуру? // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2011. Вып. 1 (20). С. 19–28.

[49] Ситников А. В. Религиозный фактор формирования институтов власти в России // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2014. № 12 (299). С. 52–60.

[50] Смирнов М. Ю., Скворцов В. Н., Шевченко И. В. Культура человеческих отношений и религиозная ситуация в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. № 3. С. 321–330.

в рамках «социального партнерства» с государством, действительно может вести к описанным последствиям. Это не позволяет даже отнести эту деятельность к сфере «независимого» от власти гражданского общества.

Один из логичных выводов из создавшейся ситуации: «Религии зримо получают новую востребованность, но не в их мистико-сотериологическом значении, а как символические представители этнической, социальной или политической идентичности. <...> Религиозность как бы выскальзывает из жестких институциональных объятий религии, да и часто не стремится в них оказаться вообще. Платой за такое выскальзывание становится делегирование верующими институциональных обязанностей религиозным профессионалам и “активному меньшинству” (что с подачи Грейс Дэви именуется «vicarious religion»[51]). Безусловно, такого рода явление в той или иной степени наблюдается не только в Европе, но и в США, но это не означает, что те, кто делегируют обязанности профессионалам, теряют религиозность совсем или частично. Как подчеркивает М. Ю. Смирнов, религиозность витает вне «прокрустова ложа религии, не очень далеко от него», не стремясь полностью в него вернуться. Именно в рамках свободы от религиозной институциональности возникает плюралистическое разнообразие явлений: «гибридизация, креолизация, бриколаж, транскультурация и проч., — которое уже трудно опознаваемо по традиционным “признакам религии”. Сюда же добавим и феномены квазирелигий, парарелигий, киберрелигий (в виртуальном пространстве), сетевых религий. <...> Напрашивается тезис и о “множественных религиозностях”»[52]. Этот феномен был отмечен целым рядом исследователей от Чарльза Тэйлора, П. Бергера до Р. Инглхарта и Д. Эрвьё-Леже с их идеями построения индивидуального духовного и религиозного микромира.

В рамках этой логики «будущее религий именно как религий» состоит в поддержании «сложного баланса между неизбежной

[51] Davie G. The Sociology of Religion: A Critical Agenda. Los Angeles; London etc, 2013. P. 128.

[52] Смирнов М. Ю. Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 2. С. 145–153.

модернизацией и периодическим “возвращением к истокам”». В современном мире «привлекательность религий уже и сейчас зачастую определяется не их доктринальным содержанием, а организационной эффективностью и удобством использования в качестве инструмента социального конструирования. <...> Перевод “религиозного фактора” в публичное пространство, стремление использовать его для каких угодно благих целей превращает религии в инструменты манипулирования общественным сознанием. Тем самым, собственно вероисповедное содержание маргинализируется или вообще выхолащивается, и религии девальвируются, становятся идеологизированными конструктами»[53]. Поскольку религия является, прежде всего, личным переживанием, то перемещение церковных структур в социально-политическую сферу может быть связано с потерей (или исчезновением) религиозного чувства.

Подтверждением этого являются другие специфические формы секуляризма. К примеру, в Болгарии исследователи называют сложившуюся ситуацию «симфоническим секуляризмом». Его основой является православное представление о взаимосвязи религии и политики, церкви и государства, допускающее вмешательство государства в регулирование религиозных вопросов: «Такая форма секуляризма не исключает религиозный плюрализм и не подразумевает глубокой личной религиозности»[54].

Следует отметить, что и либеральный вариант протестантизма и православие вполне укладываются в представление о «европейской исключительности», то есть о секулярности Европы на фоне общей десекуляризации. Вместе с тем, дело не в фатальной секулярности европейского пространства, а в особой ситуации трансформации религии (в этом смысле особая ситуация есть на каждом континенте). Как справедливо отмечает социолог И. Г. Каргина, европейская ситуация — это «глобальный прототип секуляризации», а особый регион религиозного

---

[53] Смирнов М. Ю. Перспективы религии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 2. С. 194–206.

[54] Matetskaya A. Religion and secularism in modern Bulgaria // Научный альманах стран Причерноморья. 2017. № 4 (12). С. 33–41.

плюрализма. Его характеристики уже соотносимы с развитием религии в других регионах мира: «Происходит сдвиг от понимания религии как варианта обязательства в сторону большего акцента на потребление и личный выбор». В контексте гражданского общества важно, что традиционные церкви обеспечивают функцию «полезных» социальных институтов (Г. Дэйви), оставаясь маркером идентичности и лояльности государству. Публичная значимость религиозных институтов, по мнению Каргиной, обеспечивается «усложнением повседневных контекстов взаимодействия между группами с традиционными религиозными идентичностями и теми, контекстами, которые формируются под влиянием процессов массовой иммиграции»[55].

Многофакторность и многофункциональность развития религиозных институтов лучше всего проявляется в рамках публичной политики. Как отмечает один из социологов Р. В. Светлов, «религиозное пробуждение», несмотря ни на что, происходит также и в исламских странах, где практически нет публичной политики. В рамках демократии религиозные институты уже освоили цели и формы поведения в рамках публичной политики: «Католики, к примеру, играют интегрирующую роль в жизни общества, а пример скандала вокруг сексуального насилия в католических школах показывает, что Церковь действовала в духе идеалов открытого западного общества, обратившись к стратегии покаяния и очищения. Ярким примером «христианского следа» в политике является программа Христианско-демократического союза в ФРГ (ХДС) (Дюссельдорфские тезисы 1949 г.), где акцент делается на социально ориентированное государство, семейные ценности, достоинство личности и субсидиарность, которая включает возможности для общественной деятельности религиозных организаций. Многие церкви превращаются в “социальные клубы”»[56]. В рамках современной дискуссии о трансформации религии нельзя сделать однозначного

[55] Каргина И. Г. Современный религиозный плюрализм: теоретико-социологический анализ / Дисс. ... докт. социол. наук. МГИМО (У) МИД России. М., 2016. С. 367.

[56] Светлов Р. В. Религия и публичная политика // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. Том 2 (4). С. 164–176.

вывода: выхолащивает ли религию демократическое пространство или же наоборот религия наполняет демократию мистико-сотериологическим содержанием, если на этот процесс посмотреть с точки зрения верующего.

На основании имеющихся теоретический концепций, социологических теорий и политических схем трансформацию религиозных институтов в демократическом обществе можно представить в виде алгоритма, превращающего церковь в религиозный институт нового типа. Демократический путь церквей можно представить в виде своеобразной «параболы политизации» — от структуры, которая исторически была вытеснена из политики, к структуре, которая становится частью политических процессов.

1. Приход-А. Община, которую мы обозначаем как приход-А, является основой любой религиозной жизни, она не тождественна церковному руководству и именно с нее нужно начинать для того, чтобы понять перспективы развития. Община также является наиболее приспособленной для гражданского общества периода демократии элементарной структурой Церкви.

2. Общинная солидарность. Сплоченность общины и неформальность связей внутри нее формирует солидарность, необходимую для совместных действий и развития деятельности вовне общины.

3. Околоцерковная деятельность. Солидарность вокруг прихода делает необходимой активность, которая не вписывается в рамки общины, а, значит, оказывается не только возможным, но и востребованным привлечение людей, не связанных с приходом в рамках такого рода работы.

4. Социальные и культурные инициативы. Самым ярким проявлением околоцерковной деятельности становятся нерелигиозные по своему характеру проекты (наряду с религиозными), поскольку они необходимы для привлечения широкого круга людей. Это может быть христианский театр, в постановках которого библейские сюжеты переплетаются с «религиозной» трактовкой классических светских произведений, а может быть и спортивная площадка, где священнослужитель или приходской активист проводит занятия для подростков.

5. Волонтерство церковное и нецерковное. Общественные акции оказываются невозможными без добровольчества,

которое имеет более широкую основу, чем приходская деятельность или богослужение и чем миссионерская деятельность. На этом этапе религиозный институт превращается в «добровольную ассоциацию», в рамках которого достижения спасения самыми сознательными верующими волонтерами опосредуется социальными связями и обязательствами. Для многих других людей такого рода деятельность становится удобным способом социализации в рамках «духовной сети».

6. Социальная религиозность или светская религиозность как мотивация. Мировоззрение сообщества, которое складывается на основе прихода-общинной солидарности-добровольчества, базируется на той или иной степени осознания ценности религиозности, ее норм и предписаний, пусть даже и в расплывчатом виде («диффузная религиозность»).

7. Религиозные консервативные или либеральные движения (политические, культурные и/или социальные). Религиозно мотивированная солидарность в соединении с гражданской активностью объективно ведет к формированию движений, где церковная мотивация играет определенную роль и где неважно, является ли член данного движения регулярным прихожанином или нет. Важно участвовать в общественно полезной деятельности на постоянной основе.

8. Религиозные квазипартии. Гражданская активность на низовом уровне в разных направлениях неизбежно ведет к участию в политической деятельности: она может быть прямой или косвенной, инспирированной интересами церковных структур или местного самоуправления, в котором активен тот или иной приход. Политическая активность это всегда переплетение интересов и аполитичные, как правило, околоцерковные движения рано или поздно также стремятся доказать свою силу и влиятельность (в рамках манифестаций в защиту семейных ценностей или протестов против «исламизации»).

9. Гражданская религиозность. Комплекс мотиваций, формирующих сообщество людей в рамках религиозных институтов, создает часть мировоззрения гражданского общества, которое можно назвать гражданской религиозностью. Это соединение разных видов гражданского активизма в публичном пространстве с наличием сильных, слабых или размытых религиозных мотиваций.

10. Приход-В. Прохождение всех этих стадий развития создает из прихода, группирующегося вокруг богослужения, приход нового типа, вокруг которого существует масса социальных и культурных инициатив. Такого рода приход становится частью социально-политической жизни.

Религия является значимым фактором в международной политике, элементом национальной политической идентичности и демократической структуры общества. Религиозные институты стали проявлять свою политическую значимость в самых разных сферах жизни общества, а сами институты стали трансформироваться в самые различные формы социальной и политической самоорганизации. Религия заняла разные уровни в рамках системы гражданского общества, а значит в рамках системы политической деятельности. Церковные структуры и в силу влияния идеологии либеральной демократии и в силу собственных общинных ресурсов стали проводниками гражданского активизма. Религиозные институты предложили свою систему развития церковной деятельности, которая не только совместима с демократизацией, но и врастает в политическую структуру демократического общества.

Христианские церкви Европы, как показывает опыт исследований социологов, религиоведов, политологов, философов, представляют из себя подсистему в рамках гражданского общества европейских стран. Основой влияния христианских религиозных институтов являются: историко-культурная укорененность церковных институтов и их способность проявлять в себя в качестве силы легитимирующей государственную власть, способность становится движущей силой процессов формирования национальной идентичности в условиях глобализации. Вместе с тем анализ научной литературы показывает, что появляется и новая область исследований, где объектом становятся церкви как институты гражданского общества и общественные организации и движения, ими созданные. В период обострения социально-политических кризисов религиозные институты начинают действовать как слаженная система, отстаивающая интересы не столько церковного руководства, сколько всей системы институтов вокруг церквей как составной части демократического общества.

Глава II

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕРКВИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

2.1. Статистика европейского христианства

Религиозная картина мира сильно меняется на протяжении нескольких последних десятилетий. По существу продолжается процесс трансформации религиозных традиций, который был начат в послевоенное время и вступил в свою активную фазу в 1980-е-1990-е гг.. Именно тогда глобализация, развитие науки, информационного общества, потребительской культуры казалось бы отодвинули религию как в виде исторических церквей, так и в виде желания верить во что-либо, на самое последнее место. 2000-е гг. показали, что религиозные институты не отмирают, а развиваются, религиозная тематика становится популярной на общественной арене, в СМИ и в сознании общества в целом. Возвращение религии произошло и происходит в обществах, которые формально считают себя светскими и исповедуют секулярные ценности. Но религия не делает общество замкнутым, отделяя его от глобализации, и даже не меняет светского характера государств, хотя от религиозных институтов общество ожидает скорее реакционности, противодействия прогрессу. Именно поэтому, с точки зрения секулярного мышления, большая роль религиозного фактора в современном мире, является скорее нонсенсом и неожиданностью.

Изменения в религиозной сфере отражают политические, экономические и информационно-технические сдвиги начала XXI века в мировом масштабе. Религия в свойственной ей форме преобразует эти сдвиги и приспосабливается к ним. Глобальные тенденции, в разной степени изменившие культурный ландшафт многих стран, включают в себя: рост секулярных

тенденций в обществе (равнодушие к вере в массовом сознании); попытки вытеснить религию из общественной сферы и закрепить это вытеснение на уровне законодательства; принципиальное присутствие религиозного многообразия во всех точках земного шара (французы могут становиться буддистами, а китайцы баптистами и т. д.); потеря монополии на массовое общественное сознание со стороны исторических религий; формирование и активное продвижение различных проектов глобализации, миссии без границ (католицизма, протестантизма, ислама, буддизма, индуизма); смещение вектора развития на глобальный Юг, в Южное полушарие, где отмечается наиболее бурный рост последователей самых разных общин. Помимо этого, все более очевидным становится рост глобального фундаментализма — популярность сплоченных радикальных движений, таких как исламисты в России, ЕС и США, фанатики-индуисты в Индии, буддистские монахи-националисты в Бирме, протестанты, сжигающие Коран в США, православные, которые громят выставки произведений искусства в России и т. п.

В контексте всех этих процессов религиозная ситуация в Европе долгое время оценивалась социологами и журналистами лишь с точки зрения упадка, снижения числа прихожан и влияния церквей (конечно, прежде всего, речь идет о христианстве). Европа представлялась чуть ли не как самая безрелигиозная, светская часть планеты. Однако же европейское христианство не отступило и сохранило значительную часть своих позиций. Демократизация культурной и общественно-политической жизни, к которой церкви (в первую очередь, Католическая церковь и национальные православные церкви, государственные лютеранские церкви) приспосабливались всю вторую половину XX века, не уменьшила роль религии, а помогла ей стать новым важным элементом жизни европейцев. Традиционная развитость низовых демократических институтов в Европе, укорененность религиозных мотивов и ценностей в культуре, истории, в быту позволили найти свой европейский путь десекуляризации — через гражданскую активность и создание околоцерковных социальных институтов и новое социальное возрождение внутри церквей. Религия и, прежде всего, христианство показало, что демократия с ее институтами

и ценностями — не препятствие, а основание для новой миссии, но не либеральной, а консервативной.

Христианство, как и во времена Реформации, вновь стало основой для религиозного возрождения в обществе, где тотальная религиозность вроде бы уже никому не нужна. Двигателем культурных, медийных и политических тенденций являются сетевые сообщества — в Интернете, в бизнесе, в социальном служении и в религии, в том числе. Близость к нуждам конкретных людей стала основным капиталом церквей. И каждая церковь решала проблему реформирования своих структур в этом направлении по-своему. Залогом успеха нового социального возрождения религии стало то, что признание демократических ценностей в качестве оптимальных и наиболее близких по духу христианству, стало общим местом в мировоззрении абсолютного большинства европейских церквей. Если в американских церквях демократия была изначально практически частью национального богословия, то в Европе Католическая церковь 1960-е-1970-е гг. преодолела и переосмыслила идеологию корпоративизма. Лютеранские церкви Севера Европы, зависимые от государства, только в 2000-е гг. были отделены от государства и стали самостоятельными — за демократизацию сверху они расплатились либерализацией богословия (также как и государственная Англиканская церковь). Православные церкви, пройдя тяжелый советский период и этап постсоветского национального возрождения (православие в Греции еще в 1980-е гг. начало проходить этап адаптации к демократии), также вполне социализировались в рамках норм европейской демократии. Они сохранили свое влияние и признают нормы демократии, несмотря на критику в адрес Евросоюза и политики внедрения секулярных норм (признания однополых браков и запрета религиозных символов). Русская православная церковь (РПЦ) выделяется на общем фоне своим критическим отношением к демократическим ценностям, но ее внутреннее развитие, несмотря на риторику церковного руководства, происходит в том же русле, что и развитие социально-политического мировоззрения европейских церквей.

Демократические ценности в идеологии различных церквей — это большая отдельная тема для исследования, также

как и причины отставания РПЦ в этом процессе и его последствия. Мы рассмотрим новые формы гражданской активности церквей на фоне общей оценки влияния христианства в Европе, а также вызовов и угроз в религиозной сфере. Несмотря на необъятность материала и многообразие самих стран европейского континента, мы постараемся выделить некоторые ключевые моменты в жизни церквей и факторы, определяющие настоящее и ближайшее будущее религии в Европе. Основная задача — проанализировать своеобразие ответов на вызовы современности со стороны основных конфессий (католицизм, протестантизм) и ислама, как составной части европейской религиозности. Для того чтобы понять реальную роль церквей необходимо обратиться к статистическим данным и к тому, как социологи оценивают состояние религии в Европе.

Многоукладность Европы и многообразие общественной и, в частности, интеллектуальной, жизни сыграли важную роль в процессе секуляризации. Как отмечает социолог Питер Бергер, секуляризация является следствием не модернизации и modernity (современности), а плюрализации и некоторых других специфических для каждой страны социально-политических и культурных факторов. Определение понятия секуляризации не входит в нашу задачу, но для нас важна уже доказанная относительность секуляризации.

Так, по словам социолога Дмитрия Фурмана, «падение цифр статистики, характеризующей религиозные верования и действия, не обязательно означает секуляризацию — оно может означать и вытеснение данной религиозной мифологии какой-то другой мифологией. Равным образом устойчивость религиозных мифологических символов, постоянство и даже рост цифр религиозной статистики не обязательно означают отсутствие секуляризации — секуляризация может происходить в скрытой форме, за счет переосмысления религиозных символов, не затрагивая до поры до времени их внешней формы»[1]. Процесс секуляризации проходит более «плавно» в рамках более гибкой системы, которая не противодействует развитию «нового

[1] Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981. С.9–10.

знания». Уровень публичных дискуссий в европейских странах фактически везде довольно высокий, что делает секуляризацию видимой — она проявляется в открытых конфликтах церковных консерваторов и секуляристов и в сознательной мимикрии некоторых церквей к либеральным ценностям, но не вытесняет религию из общественной жизни.

Тот же самый плюрализм и «новые знания», которые вели к секуляризации ранее, провоцируют и поддерживают религиозное многообразие. Это стало общей идеей целого ряда социологов (Д. Мартин, Х. Казанова, П. Бергер и др.), которые говорят о десекуляризации и о корректировке понятия «секуляризация». Идея религиозного плюрализма и свободы религии стала основанием для десекуляризации, то есть развития религиозной жизни в разных ее проявлениях на общественной арене, в разной степени в различных странах мира. Соответственно, и процесс приватизации религии (ухода религии в частную жизнь) сменился процессом ее деприватизации.

В рамках социологии религии возникали различные теории, объясняющие феномен «евросекулярности» или «евроисключительности». Дело в том, что в 1990-е гг. стало очевидным, что религиозный бум в Латинской Америке, Африке или Азии и сохраняющийся высокий уровень религиозности в США контрастируют с «безрелигиозной» или даже агрессивно секуляристской Европой. В смысле обращения к институтам веры мир шел вперед, а европейцы отставали (но с точки зрения светскости и толерантности продолжали идти вперед). В 2000-е и 2010-е гг. ситуация в Европе стала меняться быстрее, чем раньше — потому что на фоне вызовов глобализации, нового информационного сознания и исламизации стали трансформироваться исторические церковные институты. Но если ранее церкви подвергали самих себя либерализации, то теперь пришло время консервативной модернизации.

Сложилось две основные школы, объясняющие «евросекулярность». «Новая парадигма» (С. Уорнер, Р. Старк, С. Бэйнбридж, Р. Финке, Л. Яннакконе) предложила теорию рационального выбора. По мнению последователей этой школы, религия всегда была и остается частью общества и никуда не исчезает. Основным фактором успешного развития религиозности

оказываются условия религиозной конкуренции, рынка религий. Естественно, такого рода условия изначально складывались только в одной стране — в США, где церкви изначально существовали в форме добровольных объединений. Особенно американоцентричной «новая парадигма» становится в свете переосмысления самого существа процессов секуляризации со стороны Старка и Яннакконе. По их мнению, Европа никогда не была особенно религиозной, а средневековая набожность, или «золотой век веры» — это миф, поэтому нет и упадка современной религиозности. Трудно говорить о «дехристианизации» Европы, так как христианской Европы никогда не существовало. Так называемая христианская набожность была характерна в основном для аристократии, а уровень религиозного участия крестьянских масс был очень низким[2].

Наиболее распространенная школа — «старой парадигмы» секуляризации (Т. Парсонс, С.Брюс, Р. Белл, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман, Б. Вильсон, Д. Мартин, Р. Фенн и др.) учила о том, что религия в современном мире переживает упадок на индивидуальном, организационном и институциональном уровнях. Падает ее авторитет и значение в обществе, что во многом определяется процессами модернизации, урбанизации, дифференциации как внутри общества, так и в рамках религиозной сферы, роста образовательного индекса, плюрализации и других факторов. По словам Питера Бергера, секуляризация — это «процесс, посредством которого различные сектора общества и культуры освобождаются от влияния религиозных институтов и символов»[3]. Однако уже в 1990-е гг. Бергер с позиций социолога-христианина пишет о десекуляризации[4], а другой

---

[2] Руткевич Е.Д. «Религиозная исключительность» Италии: социологический ракурс // Теория и практика общественного развития. 2013. Вып. 3. С. 50–63; Stark R., Iannaccone L. A Supply-Side Reinterpretation of the «Secularization» of Europe// Journal for the Scientific Study of Religion,1994.

[3] Berger P. The Sacred Canopy: Elements of Sociological Theory of Religion. Garden City, N.Y., 1967.

[4] The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics / Ed. by Berger P. Washington D.C.: Ethics and Public Policy Center, 1999; Berger P., Davie G., Focas E. Religious America, Secular Europe? USA: Ashgate Publishing Company, 2008.

социолог Хосе Казанова вводит термин «деприватизация» религии. Современные исследователи все больше приходят к выводу о многофакторных причинах развития религиозности и степени секуляризации в разных странах в зависимости от их историко-культурного и политического развития. Тем более это относится к Европе, где антиклерикальный лаицизм во Франции соседствует с католическим клерикализмом в Италии и доминированием православного корпоративизма в России.

Французский социолог Д. Эрвьё-Леже и британский социолог Г. Дэви характеризуют понятие «европейской исключительности» с помощью таких концепций, как «веры без церковной принадлежности» («believing without belonging»), «заместительная религия» («vicarious religion»), когда люди доверяют церквям функции символов идентичности, сдвига от религии обязательства к религии потребления. Подобные рассуждения призваны объяснить сложность процессов, происходящих в Европе и по-прежнему высокий уровень людей, относящих себя к числу верующих и принадлежащих к какой-либо конфессии. Если веру без принадлежности к церковному институт вполне можно зафиксировать в опросах, то понятие «заместительной религии» становится слишком неуловимым. В социологическом и психологическом смысле возникает сложный вопрос: насколько исследователи могут определить, замещают ли люди веру символическим посещением церквей, и почему именно их веру нужно подвергать сомнению? Чем больше уточняющих вопросов социолог задает верующему, тем меньше «истинно» верующих становится и тем больше становится «замещающих религию».

Христианская Европа остается реальностью, но занимает уже иное место в пространстве мировых религий и глобального христианства. Несмотря на все научные, информационные, сексуальные, атеистические революции XX в. современное христианство по-прежнему является лидирующей религией в мире — 33 %, ислам — 22,5 %, индуизм — 13,6 %[5]. Конечно, индуизм и ислам, на основе данных Pew Research Center's Forum on Religion & Public

[5] World Christian Database, 2010. Режим доступа: www.worldchristiandatabase.org (дата обращения: 10.02.2018).

Life[6], растут быстрее, чем христианство, но по статистике с 1960 по 2010 г. численность христиан стабильно составляла около 30% популяции мира[7] (по данным World Christian Database, 2010, католиков — 16,99% населения мира, протестантов — 12,4%, православных — 3,53%[8]). Проблема в том, что Европа перестала быть средоточием мирового христианства в статистическом смысле — если в 1960 г. доля Европы в общей численности христиан в мире была 46%, то к 2010 г. эта цифра упала более чем вдвое и составила 22%. США и Европу по количеству христиан стремительно догоняют Латинская Америка, Африка и Азия. Тем не менее, все относительно — все равно около половины жителей Европы считают себя христианами, а это очень весомый показатель.

По словам социолога И. Каргиной, переконфигурация религиозного пространства, происходившая на протяжении всех последних десятилетий и в существенной степени затронувшая глобальное христианство, продолжает свое развитие в сторону значительного увеличения удельного веса, а значит и влияния, южной модели христианства. Американский социолог Д. Баррет пишет, что «эти колоссальные изменения не только являются следствием демографических и экономических процессов, но они связаны с качественными изменениями самой христианской религии. Христианство стремительно перемещается от образа жизни по европейскому образцу за пределы устоявшихся веками институциональных форм и традиций»[9].

---

[6] Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life. Режим доступа: URL: www.pewforum.org (дата обращения: 10.02.2018).

[7] Каргина И. «Следующее христианство»: качественные преобразования постмодернистского пейзажа // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013 г. № 1; Brierley P.. Future Church. A Global Analysis of the Christian Community to the Year 2010. Monarch books, 1998.

[8] World Christian Database. 2010. Режим доступа: www.worldchristiandatabase.org(дата обращения: 10.02.2018).

[9] Каргина И. «Следующее христианство»: качественные преобразования постмодернистского пейзажа. Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013 г. № 1. Режим доступа: URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/sledujushheje_khristianstvo_kachestvennyje_preobrazovanija_postmodernistskogo_pejzazha_2014–03–06.htm (дата обращения: 10.02.2018); Ostling R. N. Researcher tabulates world's believers // Salt Lake Tribune, 19 May 2001.

Таким образом, по мере развития глобализации и демографических сдвигов не только христианство, но и другие религии претерпевают внутреннюю секуляризацию, адаптируются к социальным изменениям, новым формам культуры и к запросам общества, прежде всего, молодежи, групп социального риска, к особенностям медийного восприятия реальности большинством людей через Интернет и телевидение. Но что неизменно — религия по-прежнему приходит в виде стремления возродить первоначальную истину. Реакционный религиозный фундаментализм предлагает возвращение к истокам, но по существу уже сам по себе является продуктом секуляризации[10]. Каждая христианская конфессия предлагает свой ответ на современные вызовы, лавируя между традицией и консерватизмом и секуляризмом, который часто навязывает свою повестку дня.

Одним из последних исследований, позволяющих сравнить католические и православные страны Европы, стал опрос американского центра Пью (Pew Research Center)[11]. В странах Центральной и Восточной Европы, включая и Россию, православные регионы оказались больше идеологически привержены религии, тогда как католические продемонстрировали снижение самоидентификации по отношению к религии. Католические общества продемонстрировали большую способность к самостоятельности, доверию внутри себя. И те и другие характеристики религиозности предоставляют большие возможности для развития церквей.

---

[10] «Именно модерн — разрушая традицию, вызывая культурный шок, неся для психики угрозы, изменяя этические основания общества и т. д. — порождает фундаментализм»: Костюк К. Н. Православный фундаментализм // Полис. 2000. № 5. С. 151.

[11] Опрос Исследовательского центра Пью проводился с июня 2015 г. по июль 2016 г. в 18 странах на 17 языках. В очных интервью приняли участие более 25 тыс. человек 18 лет и старше. Армении, Беларуси, Болгарии, Боснии и Герцеговине, Венгрии, Греции, Грузии, Латвии, Литве, Молдове, Польше, России, Румынии, Сербии, Украине, Хорватии, Чешской Республике и Эстонии. В очных интервью приняли участие более 25 тыс. человек 18 лет и старше. См.: Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. National and religious identities converge in a region once dominated by atheist regimes. PewResearchCenter, May 10, 2017, Release.

По данным Pew Research Center, около 57 % населения Центральной и Восточной Европы причисляют себя к православным христианам. К ним относятся жители десяти стран с православным большинством, в том числе России, Украины, Греции, Беларуси, Болгарии, Сербии, Грузии, Армении и Молдовы. Помимо этого, православные христиане образуют значительные религиозные меньшинства в Боснии (35 %), Латвии (31 %) и Эстонии (25 %). Доля католиков среди населения региона составляет около 18 %. В Польше, Хорватии, Литве и Венгрии они образуют религиозное большинство. Увеличение доли православных христиан и уменьшение доли католиков в итогах исследования связана, прежде всего, с сохраняющейся большой ролью национальных религий на постсоветском пространстве после распада СССР. К примеру, доля россиян, причисляющих себя к православным христианам, существенно увеличилась: согласно результатам нового опроса 2015 года, она составляет 71 % против 37 % в 1991 г. Такая же динамика отмечается на Украине и в Болгарии. Обратная тенденция в Польше, Венгрии и Чешской Республике, где доля населения, причисляющего себя к католицизму, в разной мере, но сократилась по сравнению с 1991 г., но все равно составляет больше половины населения (в Польше, Хорватии, Литве — более 70 %).

По сравнению с католиками, православные менее строго соблюдают религиозные предписания (в среднем 25 % католиков еженедельно ходят в церковь, среди православных таких 10 %), больше надеются на помощь государства и больше говорят о национальной гордости, испытывают ностальгию по СССР. Меньше различий между православными и католиками в количестве тех, кто молиться каждый день — больше отличий между странами. В России — 17 %, в Украине — 29 %, в Польше — 27 % и т. д., но в целом все страны показывают меньше половины (максимум у Молдовы — 48 %), тогда как, к примеру, в США 55 % взрослого населения отмечает в опросах, что молиться ежедневно. Среди респондентов Центральной и Восточной Европы невысокий уровень поддержки демократии как наилучшего способа правления, взаимного доверия, гражданского участия в волонтерстве или благотворительности. Но эти параметры могут и не быть напрямую связаны с религиозностью (в

России, к примеру, эти показатели выше, чем в Греции), а скорее с особенностями развития постсоветских политических систем (меньше всего доверяют выборам в Украине, Латвии, России, Эстонии, но все равно не менее 40% выборам доверяют). Что касается мусульман, то значительным меньшинством они являются в Грузии (9%), Болгарии (15%), России (10%), а в Боснии составляют 52%.

Как показал опрос, религиозные люди (признающее значение религии в жизни) больше участвуют в гражданских акциях, доверяют друг другу и признают значение демократических выборов. Это говорит о том, что верующие люди, независимо от христианской конфессии, исповедуют в значительной степени демократические ценности или, по крайней мере, культивируют навыки гражданской активности в религиозной среде. Вместе с тем, исследования показывают опасность абсолютизации какого-либо одного критерия, определяющего роль религии в жизни общества и государства. Для одних людей это вера в определенные богословские концепции и идеи, для других принадлежность к институту, как в смысле идеологии и культуры, так и в смысле религиозной практики, для третьих моральное поведение, отражающее умозрительную ориентацию на религиозные заповеди. В реальной жизни чаще встречается комбинация различных способов самовыражения и самоидентификации в сфере религии, и многое зависит от того, как сами церкви реагируют на общественные запросы.

Религиозная культура разных народов и стран есть фундамент их мировоззренческого своеобразия. Религия включается в политический процесс уже не только как институт, но и как форма коллективной и индивидуальной идентичности[12]. Для того чтобы понять мировоззренческие различия народов христианской культуры мы будем опираться на исследования Центра Пью (Pew Research Center) о религиозных, моральных и политических ценностях в европейских странах 2017 г. Наиболее значим для решения наших задач опрос «Религия и национальная

---

[12] Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. ИМЭМО РАН. М.: Весь мир, 2017. С. 338.

принадлежность в Центральной и Восточной Европе»[13] (дата публикации: 10 мая 2017 г. Главные исследователи: Нейха Сайгал, заместитель директора исследовательской группы, Алан Куперман, директор исследовательской группы по религиозным вопросам). Помимо этого, исследование «Пять веков после Реформации, католическо-протестантское разделение исчезло»[14] (дата публикации: 31 августа 2017 г.) затрагивает страны Западной Европы, а исследование «Православное христианство в XXI веке»[15] (дата публикации: 8 ноября 2017 г.) посвящено различиям между православными европейских стран, а также между католиками и православными. В отличие от большинства исследований о религии, социологи Пью не выделяли более или менее существенные (естественно, по мнению исследователей) параметры религиозности, но использовали разные вопросы о религии как равные и самодостаточные. Такой подход зримо и грубо сделал явными мировоззренческие различия, которые становятся значимыми именно в последние годы[16].

Православные в России, Беларуси, Молдове, в Украине, в Греции, Сербии, Румынии, Болгарии, несмотря на все различия между ними, демонстрируют много общего, что отличает их от народов католической и протестантской культуры.

---

[13] Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. May 10, 2017 // Pew Research Center. Режим доступа: URL:http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/15120244/CEUP-FULL-REPORT.pdf (дата обращения: 10.02.2018)

[14] Five Centuries after Reformation, Catholic-Protestant divide in Western Europe Has faded // Pew Research Center. Режим доступа: URL: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/08/12120339/Europe-Protestant-Reformation-08–29-FOR-WEB.pdf (дата обращения: 12.02.2018)

[15] Orthodox Christianity in the 21st Century. November 8, 2017 // Pew Research Center. Режим доступа: URL: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/12/06135709/Orthodoxy-II-FULL-REPORT-12–5.pdf (дата обращения: 10.02.2018)

[16] Европа XXI века. Новые вызовы и риски: монография / под общей редакцией Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017. С. 100–122; Никонов В.А. Цивилизационная карта современного мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2012. № 3. С. 40; Семененко И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 17–19.

Примечательно, что не подвергавшаяся насильственной атеизации Греция, демонстрирует те же особенности, что и подвергшиеся коммунистической атеизации государства православной традиции Советского Союза, Сербия, Болгария и Румыния.

Православные «верят в Бога», но мало молятся, ходят в церковь, читают Библию и другую православную религиозную литературу. Их религиозность в наибольшей степени выражается в стремлении сохранить национально-религиозную идентичность (личную и государства), связи веры с патриотизмом. Католики больше молятся, ходят в церковь, читают религиозную литературу.

Доля православных христиан, посещающих церковь каждую неделю, довольна мала: медиана по православным странам Центральной и Восточной Европы составляет 10%. Признались в том, что молятся ежедневно только 17% респондентов (для сравнения — в католической Польше — 27%, в США — 55%). Доля католиков, которые участвуют в таинствах и совершают религиозные обряды — например, ходят к причастию и соблюдают Великий пост — гораздо больше аналогичной доли среди православных. Кроме того, католики более склонны, чем православные, делиться с другими людьми своими мыслями о Боге, а также читать или слушать тексты Священного писания, вне религиозных служб и обрядов. Католики более склонны верить в ад и рай, нежели православные.

Таблица 1

Практическая религиозность

Религиозная принадлежность и национальная идентичность в странах Центральной и Восточной Европы[17]		
	Среднее среди православных	**Среднее среди католиков**
% тех, кто сказал, что посещает церковь каждую неделю	10	25
% тех, кто сказал, что принимает причастие	38	64

[17] Исследования были проведены в Греции, Сербии, Румынии, Болгарии, Польше, Хорватии, Литве, Венгрии, Эстонии, Боснии, Чешской Республике, Молдове, Грузии, Беларуси, России, Латвии и на Украине, в Армении.

Продолжение табл. 1

% тех, кто поститься	27	54
% тех, кто дает десятину (пожертвования)	14	20
% тех, кто читает Писание, по крайней мере, раз в месяц вне церкви	17	25
% тех, кто делится своей верой с другими, по крайней мере, раз в месяц	17	28
% тех, кто носит религиозные символы	64	46
% тех родителей, которые сказали, что их дети посещают церковь	67	82
% тех родителей, которые сказали, что их дети получают религиозное образование вне дома	21	55
% тех родителей, которые сказали, что их дети молятся или читают Писание	39	55
Православное христианство в Европе		
	Православные в странах бывшего СССР, среднее[18]	**Православные в других европейских странах, среднее**[19]
% тех, кто считает, что религия очень важна в их жизни	17	46
% тех, кто посещает церковь еженедельно	9	10
% тех, кто молится ежедневно	22	28
% тех, кто верит в Бога с абсолютной уверенностью	33	59
% тех, кто верит в Бога, но не совсем уверен	57	34
% тех, кто не верит в Бога	9	7
% тех, кто дает пожертвования церкви	12	41
% тех, кто поститься	25	64
% тех, кто причащается	34	65
% тех, кто носит религиозные символы	67	40
% тех, кто верит в рай	64	56
% тех, кто верит в ад	59	46
% тех, кто верит в чудеса	60	64

[18] Армения, Грузия, Молдавия, Украина, Беларусь, Казахстан, Россия, Латвия, Эстония.

[19] Греция, Румыния, Босния, Сербия, Болгария.

Продолжение табл. 1

Католики и протестанты в Западной Европе		
	Среди протестантов[20]	**Среди католиков[21]**
% тех, кто считает, что религия очень важна в их жизни	12	13
% тех, кто молится ежедневно	14	12
% тех, кто посещает церковь еженедельно	8	14
% тех, кто считает, что сегодня католики и протестанты больше похожи, чем различаются	54	49

В католических и протестантских странах Запада, с одной стороны, легко усваивается «либеральное» мировоззрение в условиях, когда большинство населения не желает отождествлять себя с какой-либо религиозной традицией. С другой стороны, оставшаяся религиозной часть населения намного более, чем в православных странах, вовлечена в церковную жизнь.

2.2. Влияние христианских конфессий

Католическая церковь является крупнейшей в Европе среди всех христианских конфессий. По объективным причинам католицизм как система институтов был непосредственно затронут процессами глобализации — Церковь должна была реагировать на изменение своего национального и демографического состава, на успех миссии за пределами европейского континента. В 1998 г. из 18 млн зарегистрированных в Католической церкви крещений 8 млн было в Центральной и Южной Америке, 3 млн — в Африке, и чуть менее 3 млн в Азии. Ежегодное общее крещение на Филиппинах превышает общую сумму в Италии, Франции, Испании и Польше вместе взятых. По данным Всемирной христианской энциклопедии предполагается, что

[20] Нидерланды, Норвегия, Швеция, Германия, Финляндия, Великобритания, Дания, Швейцария.

[21] Португалия, Испания, Ирландия, Италия, Нидерланды, Австрия, Бельгия, Германия, Франция, Швейцария, Великобритания.

к 2025 г. почти две трети всей католической популяции будет жить в Африке, Азии и Латинской Америке.

В традиционно католических странах Европы церковь сохраняет свое политическое и культурное влияние. Исследователи выделяют, как правило, два исключительных случая сохранения религиозной практики в обществе и даже относительного роста интереса к церкви — это Италия и Польша. Например, данные Европейского исследования ценностей (EVS) по Италии показывают, что по многим параметрам растет значение религии и то, что в православии называется воцерковленностью: общая церковная посещаемость выросла на 5% с 35% в 1981 г. до 40% в 1999 г. А показатели веры в Бога и в загробную жизнь соответственно выросли с 84% (1981 г.) до 88% (1999 г.) и с 47% (1981 г.) до 61% (1999 г.). Количество же тех, для кого «Бог неважен» уменьшилось с 10% до 6%. В возрастной группе от 18 до 29 выросли следующие показатели: вера в Бога с 82,6% (1981 г.) до 94,2% (1999 г.), загробную жизнь с 50,4% (1981 г.) до 73,6% (1999 г.), и вера в ад с 21,3% (1981 г.) до 44,6% (1999 г.). Количество же тех, для кого «Бог не важен», уменьшилось с 18,8% (1981 г.) до 8,3% (1999 г.)[22]. Нужно отметить, что, конечно, 1981 год в данном случае можно считать пиком секуляризации, эмансипации общества от традиции, а к концу 1990-х гг. ситуация просто выровнялась. При этом удержать интерес к католической вере, особенно, среди молодого поколения, — не такая простая задача.

Движение к новому образу Католической церкви, к переосмыслению отношений с окружающим обществом началось со Второго Ватиканского собора и развивалось во время понтификата Иоанна Павла II, который стал по существу первым медийным популярным папой. Бенедикт XVI продолжил линию на консервативную евангелизацию Европы и частично начал те реформы Ватикана, которые затем стал проводить его

[22] Руткевич Е.Д. «Религиозная исключительность» Италии: социологический ракурс // Теория и практика общественного развития. 2013. Вып. 3. С. 50–63; Intovigne M. 2002. Praise God and Pay Tax: Italian Religious Economy- An Assessment // A Lecture at The Institute of World Religions, Chinese Academy of Social science. Beijing (China). Режим доступа: URL: http://www.cesnur.org/ (дата обращения: 10.02.2018)

преемник. Однако по-настоящему мировоззрение социального диалога и открытости, новых форм миссии и по сути новой евангельской миссионерской и социальной политики появилось вместе с папой Франциском. Он представил миру и новый медийный образ, и новые социальные идеи, и реформаторское представление о роли мирян и жизни прихода. Папа Франциск вдохнул новую жизнь в старые идеи во многом благодаря личной харизме и экстравагантным для понтифика высказываниям и поступкам. В результате появилась принципиально иная программа Церкви. Она вызвала раздражение консерваторов за то, что подталкивает к созданию новых форм католической работы в области миссии, приходского служения и социальных проектов. Либералы, в свою очередь, также остались недовольны, так как папа Франциск так и не принял ни одного действительно либерального решения (манифестом католического либерализма, например, можно считать письмо богослова Ханса Кюнга, опубликованное в 2010 г., своему давнему оппоненту Бенедикту XVI, где Кюнг требует от Ватикана большей открытости и диалога со всеми, литургической реформы, фактической отмены безбрачия для духовенства и т. п.).

Программа папы Франциска была выражена в его энциклике «Evangelii Gaudium» («О возвещении Евангелия в современном мире») 2013 г.[23] Значение этого документа в том, что он отразил не только новые веяния в Католической церкви, но и выразил общие для всех исторических церквей тенденции: акцента на развитии активности мирян, открытости и повышения мобильности общин на местах, социальной направленности служения и миссии, в конце концов новые евангелический дух христианства. Все эти процессы происходят в консервативном контексте, а отнюдь не в стиле либерального богословия, свойственного лютеранам, методистам, англиканам. Многие положения энциклики папы Франциска перекликаются с теми призывами, с которыми к Церкви обращался патриарх Кирилл в 2009–2011 гг. Именно тогда сформировалось социальное

[23] Апостольское обращение «Evangelii Gaudium» о возвещении Евангелия в современном мире папы Римского Франциска. М.: Издательство Францисканцев, 2014. 194 с.

послание патриарха Кирилла. Глава РПЦ также, как и папа Франциск позднее, много говорил в своих проповедях о социальном служении Церкви, об изменении отношения к миссии, к простому человеку.

В своей программной энциклике папа Франциск провозглашает обновленное благовестие и новую евангелизацию[24]: «Всякий раз, когда мы стараемся вернуться к источнику и восстановить изначальную свежесть Евангелия, перед нами возникают новые пути, творческие методы, иные формы выражения, более красноречивые знаки, слова, наполненные новым значением для современного мира. Действительно, любое подлинное евангелизаторское действие всегда «ново» (II. Сладостная и утешительная радость евангелизации, 11). Миссия становится отныне центром церковной жизни: «Давайте во всех регионах земли объявим «бессрочное миссионерское положение». «Миссионерскому выбору» должна быть также подчинена и работа всех церковных структур. Они должны быть «подходящим руслом для евангелизации современного мира, а не для самосохранения. Только в таком смысле можно понимать реформу структур, требующую пастырского обращения: сделать так, чтобы все структуры стали более миссионерскими». Ватикан заранее освящает любую общественную активность вокруг Церкви, подчеркивая, однако, что они не должны терять связи с местными приходами: ««квазиприходы» и малые общины, движения и другие формы объединений — богатство Церкви, даруемое Святым Духом для евангелизации всех сфер и секторов». Чрезвычайно важно, что в столь централизованной структуре, какой является Католическая церковь, папа дает установку на изменение традиционных устоев и требует отказаться от критерия «так было всегда» (Глава I. II, 25, 27, 29, 33).

Франциск не критикует глобализацию как таковую и не отвергает устои современного общества в целом, то есть Церковь не противопоставляется светскому обществу и глобальным процессам. Папа не приемлет глобализацию безразличия, а культуру благосостояния воспринимает как анестезию, чтобы

---

[24] Подробнее о феномене папы Франиска см.: Риккарди А. Удивляющий папа Франциск. Кризис и будущее Церкви. М.: ББИ, 2015.

не думать о нуждах и бедах других. Ключевой кризис, с которым сталкиваются люди — это кризис всех социальных отношений, прежде всего, семейных. «Индивидуалистская печаль» охватывает общество, отмечает папа Франциск.

В это ситуации религия не может ограничиваться частной сферой, а плюрализм не подразумевает вытеснения веры в интимную сторону личности. Христианское обращение требует переоценить, «в первую очередь, все относящееся к социальному порядку и к достижению общего блага». Церковь не может отказаться от «влияния на социальную и национальную жизнь, не беспокоиться о здоровье институтов гражданского общества, не высказываться о событиях, интересующих граждан».

У христианства, подчеркивает папа, есть своя стратегия в этом обществе. Это творческая евангелизация, преодоление формализации церковной жизни. А в социальной сфере — это солидарность как «спонтанная реакция того, кто признает, что социальная функция бедности и всеобщее предназначение благ предшествуют частной собственности».

Акцент на социальном служении и соединении разорванных человеческих связей не столько на уровне прихода, сколько на уровне верующих и всех нуждающихся, является ключом к пониманию миссии Церкви в обществе. Причем, новой евангелизации не мешает европейский мультикультурализм и сложности воплощения миграционной политики в странах Евросоюза. По словам папы Франциска, «необходимо уделять внимание, быть рядом с новыми формами бедности и хрупкости, в которых мы должны видеть страдающего Христа, хотя ясно, что это не приносит нам осязаемых и немедленных преимуществ: бездомные, страдающие разными формами химической зависимости, беженцы, туземные народы, все чаще остающиеся в одиночестве старики и отверженные и т. д. Особый вызов бросают мне мигранты, ведь я — пастырь Церкви без границ, Матери для всех людей. Поэтому призываю страны к бескорыстной открытости, не боящейся разрушения местной самобытности и способной создать новые культурные объединения. Как прекрасны города, победившие нездоровое недоверие, интегрирующие иных людей и извлекающие из этой интеграции новый фактор развития! Как прекрасны города, где даже в архитектурном плане есть

много мест для соединения, установления общения, содействия признанию другого человека! (Глава IV Социальное измерение евангелизации, 183–184, 189, 210).

Папа явно предлагает новый язык и новый стиль общения с паствой, он говорит как афористичный проповедник: «Реальность выше идеи», Миссия для верующего — не украшение: «Я сам — миссия на этой земле». Провозглашая деву Марию Матерью евангелизации, Франциск отмечает, что мы «заново обретаем веру в революционную силу нежности и привязанности» (IV, 288).

Насколько евангелизационная эйфория Франциска адекватна развитию Церкви и применима в реальной жизни? Уже за несколько лет пребывания у власти папа приобрел себе массу оппонентов, как либералов, так и консерваторов. Не всем нравится новый образ папы и его открытые высказывания, оригинальное поведение, связанное с отказом от дорогих автомобилей, обедами в столовой с рабочими и т.д. Для консерваторов он открывает путь либеральным идеям, провоцируя реформы прихода и церковных структур, для реформаторов — он недостаточно радикален, да и вообще не делает никаких конкретных шагов, например, к отмене целибата и к смягчению отношения к гомосексуализму. Это означает, что довольно значительна часть Церкви по-своему понимает либо даже игнорирует «революционную нежность» Франциска. Помимо этого, совершенно очевидно, что многие формы и риторика обновленной миссии, творческой евангелизации и стремление сделать реальность выше идеи, то есть помочь всем категориям нуждающихся, заимствованы папой у евангелического протестантизма, популярного в Латинской Америке, Африке и Азии. Вне Европы уже давно развиваются «базовые общины» нового типа, а европейский католицизм еще находится в процессе перестройки. В Европе залогом развития католических движений является скорее многогранное сочетание евангелизации и интеллектуального богатства Церкви, многообразия направлений внутри и около Церкви.

Вместе с тем, призывы папы Франциска в энциклике «Evangelii Gaudium» имеют вполне конкретную аудиторию. Это, прежде всего, активные граждане в католических странах мира, которые считают себя католиками, ходят в церковь, но пока никак не проявили себя именно в рамках церковной деятельности.

Папа также поддерживает своими высказываниями одни мирянские католические движения евангельской направленности и ставит новые задачи перед другими.

Непосредственной опорой папы Франциска можно назвать и околоцерковные движения, объединяющие мирян и представителей духовенства и которые носят международный характер. Это, безусловно, Неокатехуминат — по сути, просветительская организация, которая была создана для катехизации и религиозного образования верующих, у нее есть свои семинарии, своя миссионерская литургия. Противники Неокатехумената критикуют это движение за то, что оно создает свои параллельные церковным приходам общины, воспитывает представление о некоторой элитарности членов этих общин, их отличии от других. Однако довольно много епископов участвуют в этом движении, а свою поддержку Неокатехуменату высказывал и Иоанн Павел II и нынешний папа Франциск. Помимо этого, действует известная организация мирян и духовенства «Опус Деи» (Opus Dei), которую Ватикан даже признал персональной прелатурой, не связанной с епископами территориальных приходов. «Опус Деи» занимается общественной миссией Церкви, помогает верующим жить в «миру», создает культурные, образовательные и благотворительные центры, активно работает с молодежь. Как гласит один из девизов организации, «Opus Dei» помогает найти Христа в работе, в семейной жизни и других повседневных занятиях».

Известны и другие миссионерские, образовательные и благотворительные организации и движения, такие как «Католическое действие», движение Фоколяры, Католическое Харизматическое Возрождение (Catholic Charismatic Renewal), Общность и Освобождение (Comunione e Liberazione), Община св. Эгидия. Существуют и региональные движения, выступающие за продолжение реформ в Католической церкви — «Pfarrer-Initiative» (ассоциация «Пастырская инициатива»), «Союз немецкой католической молодежи» (BDKJ).

В рамках этих движений, как отмечают исследователи, число последователей только росло, даже, несмотря на то, что в массовых опросах количество тех, кто называет себя католиками уменьшалось. Например, из движения Comunione e Liberazione вышли депутат Европарламента Марио Мауро, сенатор Рокко,

архиепископ Паоло Пецци, ординарий архиепархии Божьей Матери в Москве, архиепископ Миланский кардинал Анджело Скола. Кроме того, существует экономическое движение «Общение и освобождение» — Compagnia delle Opere, которое объединяет предпринимателей-католиков из 12 стран и представляет их интересы на внутреннем и международном рынках. Руководитель крупнейшего мирянского католического движения «Communione e Liberazione» священник Хулиан Каррон так описал возможности влияния Католической церкви в современном европейском обществе: «мы стараемся наладить связи между людьми и общественными организациями, создать общее пространство, в котором они могли бы вместе работать над решением каких-то вопросов. Или мы организуем присутствие в школе, где столько ребят не могут найти адекватную мотивацию к учебе. Мы стараемся ответить на потребности этих детей, которые терпят неудачи в школе, пытаемся помочь им преодолеть трудности и устроиться в жизни после школы. Или мы реагируем на нужды стольких людей, у которых нет самого элементарного, например, еды, и создаем организации, которые выплачивают пособия, поддерживаем семьи, которые попали в бедственное положение. Для христиан есть множество способов отреагировать на социальные нужды, если только сами люди не вытесняют свою веру в сферу личной жизни». О работе с мигрантами, которой занимается как международная католическая организация «Каритас», так и отдельные приходы, Хулиан Каррон говорит так: «приезжие интегрируются в общество, потому что получают возможность участвовать в его жизни. <...> Именно в христианской вере принято смотреть на человека и видеть в нем все его величие. А сколько раз мы воспринимали приезжих, в первую очередь, просто как «иммигрантов», а не как личности, у которых есть нужды и у которых есть достоинство». В духе энциклики Evangelii Gaudium папы Франциска Каррон подчеркивает: «Сегодня для нас нет никакой проблемы жить в обществе, где уживаются разные мнения, если мы сами уверены в красоте того, чем мы живем»[25].

---

[25] Католики в современной Европе // Татьянин день. 05.09.11. Режим доступа: URL: http://www.taday.ru/text/803317.html (дата обращения: 10.02.2018)

Развитие социального учения Католической церкви после Второго Ватиканского собора, стирание границ между мирянами и духовенством, рост влияния общественных католических движений — привели к определенному позитивному результату. Но относительный упадок приходов в Европе и конкуренция с протестантизмом в других частях Света заставили Ватикан неуклонно двигаться вперед.

Общество в разных странах мира откликнулось на изменения в Католической церкви — статистика подчеркивает неуклонный рост численности католиков в мире. По данным американского «Centers for Applied Research in the Apostolate» (CARA), число католиков в период с 1980 по 2012 г. выросло на 445 млн и составляет в общей сложности 1,22 млрд человек. Католическое население Европы увеличилось лишь на 6 %, в то время как в Африке — на 238 %. Статистический ежегодник Ватикана отмечает, что к концу 2012 г. католическое население мира достигло 1,228 млрд человек, увеличившись на 14 млн. католиков или на 1,14 %, что немного опережает глобальный темп прироста населения Земли — 1,09 %. Процент католиков по отношению к населению планеты остался неизменным с предыдущего года — в пределах 17,5 %. В Европе живет 24 % всех католиков. Общее количество священников Католической Церкви (как монашествующих, так и епархиальных клириков) во всем мире выросло с 413 418 до 414 313. В Германии, например, 13 230 клириков Церкви[26]. В Европе наблюдается непропорционально большая доля священников — 42 % при 24 % католического населения, учитывая даже неуклонное снижение численности духовенства в Европе за счет роста в Африке и Азии. Но все равно это означает, что в Европе — до 150 тысяч священнослужителей (для сравнения, согласно докладу патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 2 февраля 2015 г. в Русской православной церкви 38 344 священнослужителей, включая Россию, Украину и страны СНГ и Балтии). Тот же ежегодник Ватикана подчеркивает, что быстрый рост числа крещеных католиков во всем мире

[26] Catholic Herald. 6 мая 2014. Режим доступа: URL: http://www.catholicherald.co.uk/news/2014/05/05/vatican-statistics-church-growth-remains-steady-worldwide/(дата обращения: 10.02.2018).

произошел в период с 2005 по 2013 г., что также соответствует смене глобальных тенденций в сторону десекуляризации.

Относительность «упадка» католицизма в Европе хорошо видна на примере статистики 2000-х гг. в традиционно католической Италии и в Польше. По социологическим опросам около 50 % поляков, как из числа молодежи, так и старшего возраста, посещают мессы хотя бы раз в неделю, и это остается самым высоким показателем посещаемости богослужений из всех стран Европы[27]. Так, 10 % итальянских католиков говорят, что они принадлежат к какому-либо католическому движению. Около 250 000 итальянцев участвуют в «Католическом харизматическом возрождении». Общее количество тех, кто посещает церковь «почти еженедельно», «еженедельно», и «чаще, чем раз в неделю» – 55 %. При этом 42 % сицилийцев в целом и 41 % жителей Палермо ходят к мессе «два или три раза в месяц», «один раз и более в неделю». Влияние католицизма в Италии или в, например, Польше, конечно, не является показателем влияния церкви в Европе в целом, но демонстрирует значительное присутствие католической веры в обществе в условиях секуляризации и равнодушной к вере массовой культуры. Католицизм существует как в виде «народной веры», самоидентификации, так и играет важную роль в рамках гражданского общества, среди интеллигенции, мотивирует активистов социальных проектов.

Протестантизм стал ведущей религиозной силой в Латинской Америке, Африке и Азии с начала 1980-х гг., когда исламская миссия еще не рассматривалась общественностью в качестве глобального вызова и угрозы и только набирала свои обороты. К 2000-м гг. евангельский протестантизм, потесненный исламом, остался главной христианской силой во всем мире за пределами Европы, но его многочисленные деноминации представлены и в рамках Евросоюза.

Миссионерски активный тип протестантизма, который и сейчас успешно создает массу церквей, движений и деноминаций, является крайне консервативным течением. Его

---

[27] Лыкошина Л. С. Церковь и общество в современной Польше. Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. М., СПб., 2014. С. 211.

фундаменталистский консерватизм проявляется в отстаивании верховенства Библии и признания священности и незыблемости самого текста Священного Писания, защите библейских ценностей семьи, брака между мужчиной и женщиной, сопротивления абортам, эвтаназии, крайним формам европейского секуляризма, вытесняющим веру и верующих из публичного пространства. Единственное, что часто практикуется в евангельских церквях — это женское священство.

Лютеранские церкви Европы — это особый случай, либеральный вариант протестантизма в отличие от новой волны евангельского протестантизма. Прежде всего, потому что они представляют собой совершенно разные виды протестантского мировоззрения и практики, что обусловлено историческими и богословскими различиями. Новый протестантизм никогда не зависел от государства, в отличие от Лютеранских церквей Швеции, Норвегии, Финляндии или Германии. Новые евангельские общины критикуют лютеран за искажение Библии и экуменизм, и пользуются тем, что сами они, в отличие от лютеран, не привязаны к церковным структурам, апостольскому преемству, к определенному строю богослужения.

Развитие евангелического протестантизма уже отмечено социологам в качестве глобальной тенденции возникновения «независимых» («Independents») христианских церквей. Хотя определение «независимые» — не слишком удачное, поскольку основным источником евангельского протестантизма являются церкви и миссии в США, которые изначально были и являются «независимыми». Ко многим движениям подходит термин «постденоминационные», то есть это те церкви, которые не имеют формальных связей (или отрицают такие связи) ни с одной из структур мировых христианских религий. Определение «новый» протестантизм также применяется, но довольно относительно, так как «новым» этот тип протестантизма был в США и в Европе, в Африке в 1970–1980-е гг. на волне культурных и сексуальных революций, Движения Иисуса и хиппи. Вместе с тем, надо учитывать, что евангельский протестантизм, действительно, стал «новым» социальным феноменом с конца 1980-х и в 1990-е гг. в католических и православных странах бывшего соцлагеря, в целом в Восточной Европе, в России,

на постсоветском пространстве. К концу XX в. численность последователей евангельского протестантизма оценивалась в 386 млн человек, в 2000-е гг. их число составило более 500 млн человек.

Бурное развитие консервативного евангельского протестантизма за пределами Европы предопределило мнение о том, что для самих европейцев он не является вызовом. Однако это не совсем так. Присутствие новых евангельских церквей заметно практически в каждом крупном европейском городе, они активно привлекают молодежь, мигрантов, занимаются социальной работой. На общественно-политическом уровне они заметны меньше — светский истеблишмент и представители исторических церквей скорее свысока и снисходительно относятся к таким общинам, которые устраивают многотысячные служения в ангарах бывших заводов и ферм где-то за городом.

Социологические данные говорят о том, что за довольно короткий исторический срок в 20–30 лет в странах Европейского Союза, в условиях секулярной политики властей, сложилась принципиально новая христианская конфессия (состоящая из церквей, которые называют себя просто христианскими, евангельскими, являются евангельскими христианами, баптистами, пятидесятниками, харизматами, адвентистами, пресвитерианами и т.д.). Цифры, касающиеся присутствия евангельских церквей, важно привести и потому, что их роль до сих пор недооценена.

Население Европы составляет примерно 722 млн человек (по данным Евростата, население 28 стран ЕС на 2013 г. — 505 млн чел., плюс Турция — 75 млн чел., а также Россия — 142 млн чел.)[28], хотя во многих исследованиях фигурирует общая цифра населения Европы — 830 млн чел., что больше соответствует реальности, учитывая наличие легальных и нелегальных мигрантов. Процент евангельских верующих может составлять от 4 до 6% населения, то есть от 29 млн до 43 млн (или же от 33 до 50 млн, если исходить из максимальной цифры населения

[28] Total population as of 1 January (англ.) // Eurostat. Режим доступа: URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tps00001 (дата обращения: 10.02.2018).

европейского континента, в странах Евросоюза, соответственно, от 20 до 30 млн чел.). Таким образом, довольно неожиданно евангельское движение стало массовым не только в Африке и Латинской Америке, но и в Европе.

Исследования, проведенные в рамках проекта World values survey (WVS), по каждой стране Европы, на первый взгляд, дают довольно скромный результат — в среднем можно выявить 1–3 % тех, кто ассоциирует себя с пятидесятниками, свободными евангельскими церквями, просто протестантами или евангелистами. Доступные данные волны исследований WVS 2010–2014 гг. по протестантам таковы: баптистов в Румынии 0,3 %, в Украине 0,1 %, реформатов 4,7 % в Румынии, евангелических христиан (evangelicals) 32,6 % в Германии, 0,2 % в Румынии, 1,2 % в Словении, свободные церкви 2,4 % в Швеции, пятидесятников 0,3 % в Румынии, 0,1 % в Украине, просто протестантов 2 % в Беларуси, 0,1 % на Кипре, 7,6 % в Эстонии, 0,2 % в Польше, 2,9 % в Румынии, 1,2 % в России, 0,9 % в Испании, 1,8 % в Украине, адвентистов 0,3 % в Румынии, 0,1 % в Украине, к Церкви Швеции (Лютеранская церковь) себя относит 57,5 % опрошенных в Швеции, унитариев 0,2 % в Румынии, Новоапостольская церковь 0,5 % в Германии, голландские реформаты 6,6 % в Нидерландах, реформатские церкви 3,9 % в Нидерландах. Волна WVS 1990–1994 гг., например, протестантов в России не фиксировала, но отдельно были отмечены баптисты 0,3 %, в Испании протестантов было 0,4 %. В рамках волны WVS 1995–1999 гг. в Беларуси протестантов было 0,1 %, в Германии 29,6 %, в Польше 1,6 %, в России 0,1 %, в Словении 1,8 %, в Испании 0,8 %, в Украине 0,3 %. Волна WVS 2000–2004 гг. показывает свободных церквей в Швеции 0,5 %, а принадлежащих к Церкви Швеции 70 %, протестантов в Испании 0,6 %. Волна WVS 2005–2009 гг. зафиксировала пятидесятников в Финляндии — 1,2 %, во Франции 0,1 %, в Нидерландах 0,1 %, а также свободные церкви в Финляндии 0,6 %. В целом в 31 стране Европы, по которым есть данные в рамках этой волны, насчитывается 16,2 % всех протестантов, которые каким-либо образом себя обозначили[29].

---

[29] World Values Survey Waves. Режим доступа: URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp (дата обращения: 18.02.2018).

Опросы в отдельных странах часто дают даже больший процент распространения протестантских деноминаций, чем общеевропейское исследование. Например, в Португалии на 2011 г. — 3 % протестантов, что в 10 раз больше, чем в 1990-е гг.[30]

Учитывая все трудности идентификации евангельских верующих, а также то, что в разных волнах они по-разному учитывались, очевидно, что в целом ряде стран растет число граждан, которые способны сознательно оценить себя в качестве евангелиста или пятидесятника. Это особенно заметно в тех странах, которые не являются исторически лютеранскими или реформатскими — евангельские верующие, которые ранее считались «сектантами» или, по крайней мере, маргиналами, выходят за рамки статистической погрешности.

Оценить численность верующих и количество церквей (общин и групп) евангельских церквей чрезвычайно сложно в силу особенностей этого движения, а также того, как существуют религиозные общины во многих странах Евросоюза (без регистрации или зарегистрированы в качестве общественных объединений). В рамках социологических опросов в традиционно лютеранских странах (в Германии, например) в графе «протестантизм» могут быть собраны все направления и трудно отделить одних от других, евангелисты могут относить себя и к свободным евангельским церквям, и к пятидесятникам, и просто к «христианам», а также могут считать, что у них нет деноминации, а есть христианская вера без конфессии. В массовых опросах (при выборке по стране от 1000 до 2500 анкет) евангельские движение, маркерами которого являются пятидесятники, харизматы, свободные церкви, часто представлено 1–2 %, так как в массовом сознании живут только образы традиционных церквей, а сплоченные и активные, пусть даже многотысячные общины, рассеяны и не имеют пока единого образа.

Европейское исследование ценностей, которое по существу является частью мирового исследования, подтверждает постепенное появление евангелистов в массовых опросах по отдельным странам. Маркером является присутствие пятидесятников

---

[30] Португалия: Путь от революции... / Под ред. В.Л. Верникова. М.: ИЕ РАН, 2014. С. 309.

в опросах с совсем небольшим количеством анкет по стране (до 1000) — в Латвии, Финляндии, Исландии, Беларуси, Хорватии[31].

Многомиллионным евангельское движение можно назвать пока лишь в масштабах всей Европы, а не какой-либо конкретной страны, хотя в некоторых странах оно становится все более заметным в общественной сфере.

Наиболее ярким проявлением и результатом социальной направленности общин стало активное привлечение мигрантов в евангельские общины. По существу миграционные процессы сыграли большую роль в рождении принципиально новых протестантских общин в европейских странах. Мигранты из разных стран сильнее всего изменили и меняют облик национальных европейских государств, мигранты заметны в обществе, в культуре, в экономике.

Сплоченные группы евангелистов, пятидесятников и харизматов стали заметны в обществе как сторонники консервативных христианских ценностей, которые выступают против абортов, за ограничение и отмену эвтаназии, которая разрешена в Швейцарии, и как электорат христианских партий — правого Федерального демократического союза и умеренной Швейцарской евангелической народной партии.

Социальную направленность протестантизма подчеркивает активность либеральных церквей, в первую очередь, лютеранских церквей в Скандинавии и в Германии. Их работа более публична, она в большей степени направлена на межконфессиональное сотрудничество (экуменическое движение росло снизу) и социальные проекты, которые реализуются совместно с государством (помощь мигрантам, в целом — неимущим). В 2000-е гг. отделение лютеранских церквей от государства (в Норвегии, Швеции) сделало их еще ближе к обществу и его нуждам[32].

На этом фоне, консервативные протестанты стали важной частью европейского общества. Привлекательность их соци-

---

[31] European Values Survey. EVS 2008. Режим доступа: URL: http://zacat.gesis.org/webview/index.jsp?object=http://zacat.gesis.org/obj/fCatalog/Catalog5 (дата обращения: 18.02.2018).

[32] См.: Чернышева О. В. Отделение Шведской церкви от государства // Государство и Церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. М., 2013. С. 405–414.

альной позиции, борьба против секулярных чиновников, основанная на христианских ценностях, делают их популярными. Необходимость такого рода сплоченных христианских групп особенно обостряется в связи с осознанием европейским обществом роста влияния исламского фактора (и как угрозы псевдоисламского экстремизма и как роста влияния ислама как такового) и проблем с мигрантами. Но если евангельские миссионеры свой фундаментализм естественным образом противопоставляют исламскому (по форме и вероучению мусульманские группы вполне сравнимы с евангеликами), то миграционные проблемы церкви не готовы решать так, как это делают националисты, стремящиеся выгнать недавно пришедших мигрантов и не пускать прибывающих беженцев. Христианское мировоззрение евангельских общин обладает большой долей космополитизма не в последнюю очередь из-за того, что сами эти общины в значительной степени состоят из мигрантов.

Православие является третьей по численности и влиянию христианской конфессией в мире после католицизма и протестантизма. Но православие можно назвать самой европейской христианской силой, так как, в основном, верующие православных церквей сконцентрированы в Европе (в США, на Ближнем Востоке, в Азии православных меньшинство). По разным данным в среднем вместе с церквями Ближнего Востока в мире насчитывается до 250 млн православных. Значительная часть из них проживает в России. Большинство населения относит себя к православным также в Белоруссии, Болгарии, Греции, Грузии, Кипре, Македонии, Молдавии, Румынии, Сербии, Украине, Черногории. Проблема укорененности православной веры в обществе стоит во всех этих странах. В рамках православия отсутствует столь централизованная система церковной иерархии, как у католиков, нет и столь мощных православных мирянских движений. Каждая из православных церквей в той или иной степени отстаивают свой национальный сегмент, а само общество постоянно дрейфует между культурной самоидентификацией и практической религиозностью. Однако децентрализация, сложности с жесткой унификацией приходской жизни являются также преимуществом православия, делают его более мобильным.

Согласно опросам, в православных странах доверяют Церкви от 50 до 60% (например, в Греции, России на уровне 60%, в Болгарии — 48%, в Сербии 95% называют себя православными). Но это не значит, что в других странах православные совсем не заметны. В Австрии живет от 400 тыс. до 450 тыс. православных и с 2010 г. действует Конференция православных епископов Австрии. Согласно переписи населения в Ирландии в 2011 г. православными себя назвали 45 тысяч человек. В Германии — православных 1,5 млн — это и русские, и выходцы из Греции и бывшей Югославии, и сами немцы (во многих церквях службы ведутся на немецком языке). Во Франции около 150 православных приходов (30 из них находятся в Париже). Считается, что всего во Франции живет до 750 тысяч потенциальных православных, но прихожан не более 15 тысяч[33].

Во многих европейских странах поддержка церковных институтов во многом стала зависеть не от идеологии государственной власти (которая стала по-европейски светской), а от конкретной работы епархий и приходов. В Греции Элладская Православная Церковь стала за последние десятилетия намного ближе и к своим прихожанам и к обществу, что ярко проявилось в ходе кризиса 2014–2015 гг. За 2014 год на благотворительность было потрачено 120 млн евро, более 500 000 человек прибегают к помощи 280 пунктов раздачи бесплатного супа для бедняков. Более 75 000 греков получают помощь Церкви в 150 «социальных магазинах». Особенно успешно работает благотворительное учреждение «Апостоли» при Афинской Архиепископии. В рамках программы «Церковь на улицах», учреждение «Апостоли» бесплатно распределяет продуктовые пакеты среди 1500 бездомных.

Связующим звеном между греческим обществом, властью и Церковью также стали христианские клубы и братства, главным образом, братство «Зои» — это и движение катехизаторов и создателей школ, и движение за возрождение нравственности в политической жизни[34].

---

[33] Как живут православные в Евросоюзе? // 15.11.2011. Новости Беларуси. Режим доступа: URL: http://pyx.by/rus/novosti/belarus/1442/ (дата обращения: 18.02.2018).

[34] Мигдалис К.А. Православие в стране Евросоюза (взгляд из Греции) // Религия и общество. Часть 2 / Отв. ред. А.А. Красиков. М.: ИЕ РАН, 2007. С. 69.

В России социальные перемены в рамках Русской православной церкви стали происходить во второй половине 2000-х гг., и выразителем этих процессов стал патриарх Кирилл, возглавивший Церковь в 2009 г. При новом предстоятеле были значительно увеличены формальные показатели — количество епархий, епископов и приходов. На начало 2015 г. было 330 епископов (на 130 больше, чем в 2009 г.), 286 епархий (159 в 2009 г.), число реальных приходов составляет 35 496, а число клириков Московского Патриархата составляет 38 344 чел. Реформа церковных структур и укрепление самой Церкви через новые епархии, объединенные в митрополии, стала хоть и формальным, но важным шагом нового руководства. Малочисленность приходов и духовенства явно не соответствовала масштабу РПЦ как организации для большинства православных россиян, украинцев, молдаван, белорусов и т. п. Кроме того, Россия могла стать страной с меньшим количеством приходов и епископов, чем в Украине. Реформа должна была решить и географическую задачу — распространить приходы и епархии на всю страну. Если в Католической церкви в Европе одна община со священником приходится на 2–3 тысячи человек, то в России этот разброс очень велик — одна православная церковь приходится на 5–10 тысяч человек, а во многих регионах, вне больших городов на 20 тысяч человек. В связи с этим, важно отметить, что даже если приход социально активен и привлекателен для прихожан, то он все равно остается малодоступным и не может себе позволить работать индивидуально со всеми желающими.

Необходимость развития церковно-приходской жизни стала декларироваться в качестве непосредственной цели руководством РПЦ именно с приходом патриарха Кирилла. По мере развития патриарших инициатив в социальной, культурной, образовательной и иных областях оказалось, что для продвижения общецерковных проектов наличие активной миссионерской работы, общинной жизни, волонтерства, которое развивается вокруг прихода, обязательно. В ходе своих выступлений, в частности, во время епархиальных собраний духовенства г. Москвы и встреч с архиереями, патриарх Кирилл все чаще стал говорить об общинной жизни. По словам патриарха, «главным показателем, основным критерием, по которому можно определить

правильность устроения общины, является атмосфера внутри прихода, его микроклимат. «Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте» (Рим. 12:10). Патриарх Кирилл отмечает, что следует заботиться о том, чтобы волонтерские движения развивались по возможности на каждом приходе, «необходимо обсуждать эту тему с настоятелями храмов и с прихожанами. Убежден в том, что развитие волонтерского движения в Церкви и привлечение мирян к более активному участию в жизни приходов тесно связано с молодежной работой» (Выступление на Архиерейском совещании 2 февраля 2015 г.).

Если сравнивать с 2009–2011 гг., патриарх Кирилл все больше говорит том, что надо поддерживать инициативу прихожан: «Если мы дадим возможность людям раскрыть в епархиальной и приходской деятельности свои таланты, то в дальнейшем получим не только мощную поддержку в наших же трудах, но — и это главное — изменение отношения мирян к церковной жизни. Необходимо, чтобы миряне воспринимали приходы не только как то место, куда можно придти помолиться, но как важную часть своей жизни». Добровольчество также становится одним из приоритетов Церкви: «Сравнительно недавно стало активно развиваться волонтерское движение в нашей Церкви. Вначале оно было сосредоточено только на делах благотворительности, в рамках братств и сестричеств соответствующей направленности. И это правильно, дела милосердия — наиболее перспективное направление для добровольчества».

Безусловно, в России пока нет своих аналогов общественных движений, таких как католические мирянские движения. Тем не менее, к 2010-м годам появился целый слой православной интеллигенции, как среди духовенства, так и мирян, для которой христианская жизнь в рамках общины, ценности Евангелия стали смыслом бытия. Активность мирян стала ключевой в возрождении прихода, в проповеди основных христианских ценностей. Такого рода евангелически активная интеллигенция стала группироваться вокруг портала «Православие и мир» (www.pravmir.ru). Одним из заметных проповедников социального православия стал Юрий Белановский, лидер движения

«Даниловцы» — с 2002 по 2012 г. работал заместителем руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи. Белановский стал постоянным автором одной из массовых газет «Аргументы и факты», экспертом по благотворительности и социальному служению РПЦ. В одной из своих статей он отмечает недостатки церковной жизни и анализирует католические движения: «Жизнь христиан в идеале — это жизнь общинная. Иисус Христос заповедал своим ученикам быть вместе. История христианства говорит, что религиозная община — это единство верующих, некое подобие семьи, где каждый в чем-то неполноценен, даже грешен, но все вместе, дополняя друг друга, помогая друг другу, стремятся жить по Евангелию, быть в молитве и служить ближним. Община святого Эгидия — это не только собрание горожан-католиков, но и тех, кому они служат — бедных и бездомных. Для современных, в том числе и верующих россиян, это трудно понять. После советской партийности, единообразия, идеологизированности нашему обществу предстоит еще многое пережить, прежде чем появятся настоящие христианские общины»[35].

Социальная революция в РПЦ идет постепенно и неравномерно — среди 16 тысяч зарегистрированных организаций РПЦ (на 2015 г.) в России около 500 приходов и монастырей, которые с полным правом можно назвать социально активными ячейками гражданского общества, собирающими вокруг себя молодежь, интеллигенцию, организующими творческие центры, школы и фонды. В 2005 г. социолог Сергей Филатов оценивал количество такого рода общин в 200–250 на 12 тысяч зарегистрированных объединений.

Между тем, это совсем не значит, что больше никакой активности нет: социальную функцию выполняют и государственные по существу проекты или инициативы спонсоров, в которых Церковь участвует символически или полусимволически. Намного более важную роль играют сотни, а может быть и тысячи, рядовых приходов, которые в поселках и деревнях являются

---

[35] Белановский Ю. Может ли Церковь служить обществу? // Аргументы и факты. 29/11/2010. Режим доступа: URL: http://www.aif.ru/society/22090 (дата обращения: 20.02.2018).

единственным центром духовной, культурной жизни, хотя у них и нет больших проектов, молодежи и интеллигенции. Новые епархии и активные приходы становятся инструментом скрепляющим разорванное атомизированное общество, по мере того, как священник и прихожане, верующие и окружающее общество начинают жить одними и теми же нуждами.

В рамках социального служения нет системы, оно неоднородно, хаотично, создание хотя бы какой-то системы началось лишь с 2010 г., когда Отдел по благотворительности и социальному служению возглавил епископ Пантелеимон Шатов (в миру о. Аркадий Шатов, возглавлявший в Москве один из самых социально активных приходов). Порталы «Милосердие.Ру» и «Диакония.Ру» фактически стали общецерковными социальными узлами связи и информации, была сделана попытка распространить добровольческое движение, созданное в Москве еп. Пантелеимоном, на всю Россию (о том, насколько это удалось сделать, судить пока рано, так как не более 1000 чел. добровольцев в столице — это пока единственное крупнейшее движение в стране, все остальные примеры в регионах малочисленны и фрагментированы).

Рост приходов и развитие общинного сознания сами подсказали выход в виде социального православия евангелического типа. Оно естественным образом вырастает из христианского вероучения, из веры как таковой, в какой-то степени ломает привычные для православных приходов и епархий стандарты, особенно в том, что касается дистанции между клиром и мирянами, независимости суждений и действий. Евангелическое православие складывается на фоне преодоления стереотипов, традиций, этики, сложившихся еще в советское время, недостатка общинной жизни (радикальной реакцией на нерешенность приходского вопроса стало кочетковское движение, сформировавшееся в конце 1990-х гг., и создавшее систему «общин-семей», но оно осталось «вещью в себе», полузакрытой общинной сетью внутри РПЦ). Сила социального православия в том, что оно опирается на общину и формируется как принципиальный выбор общины, которая объединена, прежде всего, вокруг веры и проповеди Евангелия и принимает независимые, творческие, решения во главе со своим настоятелем.

Работа в региональных епархиях только начинается, а епископы только знакомятся со своими приходами, но уже есть примеры конкретной социальной работы, а не только административной. Один из примеров — Братская епархия (Иркутская митрополия). Все проекты новой епархии (образована в октябре 2011г.) осуществляют волонтеры (координатор социальных проектов Анастасия Черепанова, автор брал интервью с ней в июле 2012 г.[36]). Епископ Братский и Усть-Илимский Максимилиан (Клюев) приветствует активное участие мирян в церковно общественной деятельности, к проектам привлекается молодежь. В епархии регулярно собирают одежду для неимущих, священники ездят по деревням и там раздают одежду нуждающимся, берут с собой сколько могут. Один из активно и успешно развивающихся проектов епархии это скаутские лагеря. Епархии администрация передала территорию и здания детского лагеря. Лагерь будет существовать на субсидии из областного бюджета как социально-образовательная база. В качестве социально ориентированного проекта епархия развивает духовно просветительский центр «Добродетель», который получил гранты от государства. В рамках центра «Добродетель» существует молодежный клуб для думающих подростков, литературный клуб семейного

[36] Полевой материал автора (ПМА). Интервью у религиозных деятелей взяты автором в ходе полевых исследований в рамках проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», который осуществляется с 1998 года. По итогам исследований в более чем 70 регионах РФ опубликован целый ряд изданий: Атлас современной религиозной жизни России Т. 3. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2009. 863 с.; Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний Сад, 2002; Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / Под редакцией С. Б. Филатова. Том I. М.: Летний сад, 2014. 620 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том I / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2003. 327 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том II / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2004. 478 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том III / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2005. 463 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том IV / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2006. 365 с.

чтения христианской литературы для родителей и подростков. Театральная лаборатория также работает на воцерковление тех семей, которые воспринимают православие только как традицию. Как отмечают представители епархии, «через театр проповедуется живое православие, помимо этого ставятся постановки на социальные темы и планируется проведение театрального фестиваля». В рамках центра действует детский фотокружок для начинающих журналистов, центр семьи, материнства и детства «Под сердцем». Выездной киноклуб показывает кино по деревням, также как и театралы ездят с постановками по районам, проповедав и помогая людям. Главная цель проектов поднять самосознание людей и воспитать добровольцев. Более того, епархия организует круглые столы для волонтеров и общественных организаций, координирует деятельность активистов из разных объединений[37].

2.3. Религиозные институты в структурах Евросоюза

Христианские церкви занимают важное место в общественной структуре стран Евросоюза. Среди негосударственных организаций церкви являются наиболее пестрым и многообразным сообществом, в которое входят различные юрисдикции, деноминации, группы и движения разных конфессий и направлений. В конфессиональном смысле христианские церкви представлены четырьмя основными группами: Католическая церковь, Православные церкви, Классический протестантизм (Лютеранство, Реформатство, Англиканская церковь, Методистская церковь), Евангельский протестантизм (баптизм, евангелизм, пятидесятничество, адвентизм и т. д.). В организационном плане для нас в большей степени интересны совсем не национальные церкви сами по себе, поскольку отношения каждой церкви со своим правительством и государством — это отдельные темы. Кроме того, рассмотрение темы влияния христианских церквей не требует разделения Европы на страны

[37] Иркутская область // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II / науч. ред. С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2016. С. 3–33.

по их конфессиональной принадлежности, так как в результате процессов глобализации и этнокультурной интеграции в каждой европейской стране есть полный набор почти всех известных в мире конфессий и деноминаций. В рамках данной темы имеют значение наднациональные общеевропейские структуры религиозных институтов, которые взаимодействуют со структурами Евросоюза либо принимают участие в решении общеевропейских социально-политических задач.

Исследователи подчеркивают роль Католической церкви как заметного актора политических процессов: «если на международной арене она выступает в качестве суверенного государства, то во внутренней политике суверенных государств — в качестве религиозного института. <...> Декларируя формально неучастие в политической деятельности, в реальности Церковь придерживается четко выраженных политических позиций, отстаивая демократическое политическое устройство государства при сохранении рыночной экономики и ее дальнейшей глобализации. При этом в качестве основного требования она выдвигает принцип субсидиарности, то есть недопущения передачи всей власти исключительно на высший (в том числе, глобальный) уровень»[38]. Особую роль католицизма в рамках «третьей волны» демократизации 1970–1990-х гг. отмечал С. Хантингтон, это волна была по преимуществу католической — от Испании и Португалии до Восточной Европы и была связана с трансформацией Церкви после Второго Ватиканского собора[39]. В православном богословии также есть возможности для осмысления демократических ценностей и плюрализма в рамках идеи «единства в многообразии»[40]. Одновременно с демократизацией церковного мировоззрения церкви участвовали в процессах евроинтеграции — от идеи «единой Европы» до Европейского сообщества и Евросоюза. Представители всех конфессий

---

[38] Данненберг А. Н. Современная католическая экклезиология: место Церкви в мире // Миссия конфессий. 2017. № 20. С. 15–26.

[39] Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 87–99.

[40] World Religions and Democracy (A Journal of Democracy Book) / Ed. by L. Diamond,꞉ M. F. Plattner,꞉ P. J. Costopoulos. Johns Hopkins University Press, 2005. 150 p.

в ходе опросов демонстрируют значительный процент тех, кто поддерживает интеграцию (католики больше, чем протестанты и православные), в странах, недавно вошедших в ЕС молодое поколение меньше поддерживает евроинтеграцию, но значение христианской идеи растет в виде реакции на рост влияния ислама[41].

С одной стороны, религиозная тематика мало представлена в деятельности ЕС. На основании интервью с депутатами Европарламента, к примеру, Франсуа Форе делает вывод, что влияние церквей в принятии политических решений практически незаметно, а религиозный фактор светские политики не учитывают. Партии, входящие в Европарламент, поднимали тему религии редко (минимальный процент решений связан с церковными вопросами)[42]. С другой стороны, исследователи находят много общего между риторикой Католической церкви и ценностями ЕС, которые выражены на светском языке в рамках обсуждения «духовного измерения Европы» и «европейской души». Церковь распространяет свои ценности через иерархию и верующих, а также через консультационные и кооперационные подразделения Церкви, поддерживая политический порядок ЕС[43]. Как отмечает П. Кратохвил, отношения ЕС с религиозными общинами всегда были двойственными — отцы-основатели ЕС были христианами, но при этом ЕС долгое время противостоял влиянию церквей. Лишь в 2010-е гг. удалось наладить постоянный диалог с религиозными группами, а присутствие религии в публичном пространстве снова приемлемо[44]. Контакты струк-

---

[41] Nelsen B. F., Guth J. L., Highsmith B. Does Religion Still Matter? Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe // Politics and Religion. 2010. P. 1–26.

[42] Foret F. Religion and Politics in the European Union: The Secular Canopy. Cambridge Studies in Social Theory, Religion and Politics. Cambridge University Press, 2015.

[43] Kratochvil P., Dolezal T. The European Union and the Roman Catholic Church: the alliance of throne and altar revisited? // Politics and Religion Journal. 2016. Vol. 8. No. 2. P. 213–238. Режим доступа: https://www.politicsandreligionjournal.com/index.php/prj/article/view/47 (дата обращения: 02.03.2018).

[44] Czechs romanticise cultural Christianity. Interview with Petr Kratochvil, director of the Institute of International Relations Prague. Interviewer: Agnieszka Pikulicka-Wilczewska // New Eastern Europe. January 11, 2018. Режим

тур ЕС и церквей интенсифицировались после заключения Лиссабонского договора — от формальных контактов до неформального взаимодействия, появления лоббистских групп и советников по религии президента Еврокомиссии. Сила Церкви стала расти из-за того, что вырос интерес к религии в ЕС. Кроме того, Церковь научилась использовать различные формальные и неформальные каналы влияния на политиков. По словам П. Кратохвила и Т. Долежаля, нового «союза трона и алтаря» не произошло, но ЕС и Католическая церковь создали непростой альянс, который легитимизирует интеграционный проект в глазах европейских католиков и делает Церковь заметной в политике ЕС[45].

В рамках анализа роли церквей в процессе евроинтеграции исследователи подчеркивают, что на первом этапе христианские церкви были слабо включены в процессы создания Европейских сообществ, но с 1990-х-2000-х гг. появились и представительства церквей при ЕС, и специальные представители по взаимодействию с религиозными общинами. Представительства религиозных групп при ЕС можно подразделить на дипломатические представительства, официальные представительства церквей, межцерковные организации и сети, конфессиональные и философски организации, религиозные ордена и тематические организации (созданные вокруг определенной проблемы или вопроса). Статья 17 Лиссабонского договора установила механизм религиозного диалога, и Европейская комиссия является структурой, которая стала осуществлять мандат на диалог с «церквями, религиями и общинами различных убеждений»[46].

доступа: URL: http://neweasterneurope.eu/category/stories-and-ideas/(дата обращения: 02.03.2018).

[45] Dolezal T., Kratochvil P. Politics and Religion in Europe: The Case of the Roman Catholic Church and the European Union // Central European journal of international & security studies [online], 2014, vol. 8, no. 3, p. 6–26. Режим доступа: URL: http://static.cejiss.org/data/uploaded/1406739082969365/Article%2001.pdf. (дата обращения: 02.03.2018).

[46] Leustean L. N. The Representation of Religion in the European Union. European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies. RELIGIOWEST. EUI Working Paper RSCAS 2013/69. European University Institute, 2013. 28 p.

Положения Лиссабонского договора 2007 г. являются основополагающими принципами взаимодействия ЕС с религиозными институтами:

«Статья 17 (бывшая статья 16 С)

1. Союз соблюдает и не посягает на статус, которым пользуются согласно национальному праву церкви и религиозные ассоциации или общины в государствах-членах.

2. Союз также соблюдает статус, которым пользуются согласно национальному праву философские и неконфессиональные организации.

3. Признавая их самобытность и их специфический вклад, Союз поддерживает открытый, прозрачный и регулярный диалог с этими церквями и организациями»[47].

Модель, отражающая место и роль церквей в евроинтеграции, состоит из двух аспектов: церкви формируют идентичность и проявляют себя как негосударственные субъекты. Религиозные институты могут использовать прямое или непрямое лоббирование и действовать через политическую мобилизацию (особенно среди прихожан). Они формируют общественное мнение и как субъекты действуют на правительственном уровне[48]. Сам факт диалога христианских Церквей и европейских институций отнюдь не означает принятие Брюсселем ценностных установок христианства[49].

В условиях роста религиозного многообразия в Европе и усиления роли религии в международной политике, в том числе в противостоянии экстремизму и терроризму на псевдорелигиозной почве, Евросоюз максимально дистанцировался от любой религиозной тематики и от прямых связей с церковными структурами. Отвергнув религию в качестве элемента идеологии и своей опоры, руководство Евросоюза искусственно

---

[47] Лиссабонский договор. Режим доступа: URL: http://www.lisbon-treaty.org (дата обращения: 16.04.2018).

[48] Мудров С.А. Идентичность, негосударственные организации и религия в европейской интеграции // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2016. Т. 16. № 1. С. 34–48.

[49] Мудров С.А. О европейской интеграции // Православие.ru. 5 августа 2008. Режим доступа: URL: http://pravoslavie.ru/1394.html (дата обращения: 02.03.2018).

маргинализировало христианские церкви. Политкорректность и секулярный подход не совсем, но в значительной степени вытеснили церковных лидеров из публичной политики. Стали ли христианские церкви в этой ситуации «изгнанниками» на континенте и удалось ли им найти выход для защиты своего общеевропейского значения?

Насколько христианские церкви сумели капитализировать свое влияние и использовать предоставленные возможности, которые еще в XIX в. показались бы историческим церквям оскорбительными?

Секулярный «страх» руководства ЕС (и либеральных политиков, в основном, Западной и Северной Европы) перед церковными структурами (их неполиткорректностью и возможным нарушением принципа равенства) заставил религиозных лидеров выйти за их пределы. Церкви сконцентрировались на межцерковном диалоге и общественной активности, которые и стали реальной основой современного влияния христианства.

Общеевропейские религиозные институты можно разделить на несколько категорий, что позволит проанализировать многообразие и многофункциональность христианской активности.

К таковым относится католическая Комиссия епископских конференций ЕС (Commission of the Bishops' Conferences of the EU, COMECE), основанная в 1980 г., вслед за первыми выборами в Европейский парламент. Комиссия ставит перед собой цель поддерживать регулярный диалог с Еврокомиссией, Советом министров ЕС и Европейским парламентом, анализировать политические процессы в рамках ЕС, давать церковное осмысление вызовам, с которыми сталкивается единая Европа. Помимо этого, с 1971 г. действует Совет епископских конференций Европы (Council of Bishops' Conferences of Europe, CCEE), он включает в себя представителей 45 стран Европы, а не только стран-членов ЕС. Протестантские деноминации представлены Европейским евангельским альянсом (European Evangelical Alliance), свои общеевропейские структуры есть, к примеру, у баптистов, пятидесятников (Пятидесятническое европейское содружество, Pentecostal European Fellowship), квакеров (Quaker Council for European Affairs).

Протестантов, католиков, консервативных старо-католиков, православных, представителей Англиканской и Армянской апостольской церквей объединяет Конференция европейских церквей (Conference of European Churches, CEC), созданная в 1959 г. (штаб-квартиры Конференции есть в Брюсселе и Страсбурге). Одной из активно действующих гуманитарных организаций является католическая Община св. Эгидия, международное сообщество, которое на деле является межконфессиональным, поскольку активно сотрудничает со всеми церквями в рамках различных социальных и культурных миссий, помощи беженцам и преследуемым христианам в различных регионах мира (основателем Общины в 1968 г. был Андреа Риккарди, ее нынешний лидер).

Это могут быть как конфессиональные, так и межконфессиональные организации, которые напрямую не являются частью церковных структур. К примеру, это благотворительная организация «Каритас-Европа» и Иезуитский европейский социальный центр — католические структуры, которые участвуют в экспертизе законопроектов ЕС, которые касаются социальных вопросов, биоэтики, экологии. Европейский офис есть у Иезуитской Службы по делам беженцев (с 1990 г.). В общехристианских проектах в Европе принимает участие Международная католическая комиссия по миграции. Среди католических инициатив также стоит отметить деятельность Европейского католического центра в Брюсселе (European Catholic Centre, Foyer Catholique Européen), создан в 1963 г. для чиновников из разных стран мира, работающих в институтах ЕС. Общехристианской является Комиссия Церквей по мигрантам в Европе — CCME (Churches' Commission for Migrants in Europe), созданная в 1964 г. В нее входят федерации евангелических протестантских общин, экуменические советы разных стран, лютеранские и православные церкви. Социальными проектами занимается Евродиакония (сеть из 45 церквей — англиканских, реформатских и православных и других неправительственных организаций — действует с 1997 г.).

На встречах, организуемых Европейской комиссией, как правило, помимо руководства основных христианских организаций — COMECE и CEC, присутствуют объединения мусуль-

манских общин, Европейский еврейский конгресс, индуисты, сикхи, объединения мормонов (которые считают себя христианами и у которых есть свое представительство при европейских институтах).

Взаимодействие со светскими лидерами Европейского сообщества на завершающей стадии создания Европейского Союза стало большим разочарованием для христианских церквей. Ватикан, столь много вложивший в идею «единой Европы» в XIX–XX вв., другие конфессии считали христианскую идею фундаментом европейской культуры, истории и, следовательно, единства. Несмотря на попытки заигрывания с церквями, Евросоюз был сформирован без учета их мнения, что в глазах христианских лидеров было фактически несправедливым присвоением идеи единой Европы секулярной системой власти. Однако и в этот период представители церквей активно отстаивали свое право на особый статус в рамках Евросоюза.

Одним из проектов в рамках сообщества, который стремился выстроить европейскую идентичность с участием христианских церквей, но на более широкой основе, стала инициатива «душа Европы» председателя Европейской комиссии Жака Делора в начале 1990-х гг. Она была призвана вдохнуть новую жизнь в процесс евроинтеграции и наладить интенсивный диалог религиозных общин с ЕС. За диалог с церквями выступали и председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу и председатель Европейского совета Херман ван Ромпей. Баррозу принял решение проводить ежегодные встречи с религиозными лидерами на высшем уровне.

Борьба вокруг текста Конституции ЕС, а затем и Лиссабонского договора, показала, что церкви и Евросоюз нужны друг другу, но политики в Брюсселе готовы сотрудничать с церквями только на строго секулярной основе, не упоминая христианство в виде основы политического единства большинства народов Европы. Особые условия, которых добились церковные структуры, вместе с тем, показали большое общественно-политическое влияние церквей.

Формально и неформально представители Евросоюза поддерживают регулярный диалог с различными религиозными организациями. Ватикан представлен в Брюсселе на уровне

апостольского нунция с 1970 г. (посол при Европейских сообществах). С 2006 г. глава делегации ЕС был аккредитован при Святом престоле, что исправило диспропорции в дипломатических отношениях Ватикана и ЕС. С 2003 г. при ЕС действует представительство Мальтийского ордена, орден Иезуитов открыл свои офисы в Страсбурге в 1956 г., в Брюсселе в 1963 г. Доминиканский орден в 2001 г. создал Центр духовности, культуры и общества в Европе. Евангелическо-Лютеранская церковь Германии была первой протестантской церковью, которая в 1990 г. основала свое представительство при европейских институтах (эта же Церковь была одним из основателей Консультативной комиссии церквей Европейских сообществ 1964 г.). Свои представительства при ЕС есть у Вселенского патриархата (с 1994 г.), у Румынской и Кипрской православных церквей (с 2007 г.), у Церкви Англии (с 2008 г.). Православная церковь Греции была представлена при ЕС с 1998 по 2015 гг., но закрыла свое представительство фактически в знак протеста против политики ЕС в ходе греческого кризиса. Однако при Европейском Союзе работает Комитет представителей Православных Церквей, также как и представители отдельных национальных церквей. Число межконфессиональных организаций при ЕС стало постепенно увеличиваться после принятия Единого Европейского акта 1986 г.[50] Католическая церковь являлась доминирующей христианской конфессией в ЕС, пока в Евросоюз в 2007 г. не вступили православные страны — Румыния и Болгария. Курс на сотрудничество с ЕС, в том числе в рамках противодействия терроризму и экстремизму, провозгласил Комитет представителей Православных церквей при ЕС. Комитет был создан при активном участии Московского патриархата в 2010 г. в свете применения статьи 17 Лиссабонского договора о диалоге с церквями.

---

[50] Leustean L. N. Representing Religion in the European Union: Does God Matter? Routledge Studies in Religion and Politics. Taylor & Francis Ltd. Routledge. London, 2015. P.272; Leustean L. N. The Representation of Religion in the European Union. European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies. RELIGIOWEST. EUI Working Paper RSCAS 2013/69. European University Institute, 2013. 28 p.

Стоит также выделить основные моменты практического воплощения религиозной политики ЕС. Отправной точкой структурированного диалога Европейской Комиссии с церквями считается провозглашение Жаком Делором инициативы «Душа Европы» в 1994 г. Однако в дальнейшем этот проект не стал постоянной площадкой для встреч политиков и религиозных лидеров. В рамках подготовки Конституционного договора ЕС в 2003 г. была также создана консультативная группа экспертов, посвященная «духовному и культурному измерению Европы». Однако представители церквей не были в неё приглашены. По итогам работы группы глава Комиссии Романо Проди заявил, что «нельзя маргинализировать те религиозные движения, которые были вдохновителями европейской интеграции, и у которых снова появился интерес к диалогу с институтами ЕС. <...> Признание их наследия не должно означать их отвержения или исключения». Важно, что Проди отметил, что надо уходить от давнего противопоставления «клерикалов и антиклерикалов» и переходить на новый уровень отношений. Он также подчеркнул, что расширение ЕС увеличит влияние Православия и Ислама в рамках ЕС. Сила Европы, по его словам, в «смешении и соединении различных влияний и культур»[51]. Только с 2005 г. (после терактов в Лондоне в июле 2005 г.) встречи с религиозными лидерами стали проводится ежегодно. Ответственность за организацию встреч несла Группа политических советников Еврокомиссии (GOPA — Commission's Group of Policy Advisors, затем называлось Бюро политических советников — BEPA). В 2014 г. глава Комиссии Жан-Клод Юнкер создал на месте Бюро — Европейский стратегический политический центр (European Political Strategy Centre), который курирует тему диалога церквей с ЕС.

С 2007 г. Еврокомиссия решила проводить встречи представителей церквей и религий отдельно от встреч с общинами разных убеждений (communities of conviction), поскольку увеличилось

[51] The Spiritual and Cultural Dimension of Europe. Concluding remarks. Reflection Group initiated by the President of the European Commission and coordinated by the Institute for Human Sciences. Vienna / Brussels, October 2004. P.73–74.

количество групп, которые считаются «противоречивыми», с точки зрения исторических церквей, и таких организаций, как масонские ложи. Те, кто имеют свои представительства в Брюсселе, участвуют в различных программах ЕС. Непосредственно участие религиозных деятелей в дискуссиях вокруг политики ЕС происходит в рамках рабочих групп, семинаров (религиозные эксперты обсуждают проблемы с чиновниками ЕС разных направлений) и встреч политиков и церковных лидеров на высшем уровне. Приглашая представителей церквей и религий, чиновники ЕС выясняют, насколько темы рабочих групп адекватны деятельности тех или иных религиозных групп. Помимо этого, Комиссия заинтересована в религиозном взгляде на то, как налажена связь между национальными и наднациональными институтами[52]. Официально действующая программа Еврокомиссии называется «Диалог церквей, религиозных объединений или общин и философских и неконфессиональных организаций» или «Диалог на основе статьи 17» («Dialogue with churches, religious associations or communities and philosophical and non-confessional organizations»)[53]. Координаторами Еврокомиссии по диалогу с церквями были с 2012 г. Катарина фон Шнурбайн, а с 2014 г. им стал Винсент Депэнь. С 2007 г. встречи с представителями церквей стали проводиться на высшем уровне с участием председателя Еврокомиссии, глав Европейского совета и Европейского парламента. В 2014–2019 гг. религиозную сферу курирует заместитель председателя Еврокомиссии Франс Тиммерманс.

В 2013 г. Европейская комиссия разработала «Рекомендации по применению статьи 17», в которых отмечается, что именно Лиссабонский договор впервые на уровне первичного права вводит институт диалога европейских институтов и церквей. Подчеркивается, что диалог возможен со всеми, кто зарегистрирован

---

[52] Leustean L. N. The Representation of Religion in the European Union. European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies. RELIGIOWEST. EUI Working Paper RSCAS 2013/69. European University Institute, 2013. 28 p.

[53] Dialogue with churches, religious associations or communities and philosophical and non-confessional organizations. European Commission. Режим доступа: URL: http://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=50189 (дата обращения: 16.04.2018).

на национальном уровне и «разделяет европейские ценности», тогда как на европейском уровне нет ни регистрации, ни каких-либо процедур официального признания. Рекомендации гарантируют открытый и регулярный диалог на основе взаимного обсуждения выбираемых тем для семинаров и консультаций[54]. Основными темами конференций и семинаров в рамках Еврокомиссии стали обсуждение будущего Европы, общих ценностей, прав человека, толерантности, противодействия терроризму и экстремизму на религиозной почве, антисемитизму, исламофобии, с 2015 г. в центре внимания диалога ЕС и церквей — беженцы и проблемы миграции. Между тем, следует отметить, что риторика чиновников, ответственных за реализацию политики диалога практически не включает в себя упоминание христианских церквей. В десять приоритетов Еврокомиссии на 2014–2019 гг. религия на прямую не включена (религия является частью «Справедливости и защиты фундаментальных прав»). В политической программе (2014 г.) Жан-Клода Юнкера как председателя Еврокомиссии религия упоминается только один раз в контексте требования о недопустимости дискриминации.

Между тем, 2010-е гг. стали периодом активизации диалога европейских институтов и церквей, выработки новой религиозной политики Евросоюза. Взаимные подозрения, нежелание учитывать позицию церквей по моральным вопросам и по вопросу о «христианских корнях» Европы сменились целенаправленным желанием использовать идеологический потенциал церквей дял укрепления общеевропейской солидарности. С одной стороны, представители Еврокомиссии, также как и европейские чиновники 1990-х, требуют от религиозных лидеров соответствия их взглядов и действий правам человека, принципам толерантности и солидарности. С другой стороны, стараются мобилизовать христианское наследие в качестве основы для сплоченности европейцев, в том числе «новых» европейцев, иммигрантов и беженцев, представителей других религий. Об этом

[54] Guidelines on the implementation of Article 17 TFEU by the European Commission. 2013. Режим доступа: URL: http://ec.europa.eu/archives/bepa/pdf/dialogues/guidelines-implementation-art-17.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

свидетельствуют и встречи на высшем уровне и заявления руководителей ЕС. Заместитель председателя Еврокомиссии Франс Тиммерманс подчеркивает, к примеру, что он сохранил связи с католической верой, еще в отрочестве он получил конфирмацию в Риме, а его дядя был священнослужителем в Конгрегации Отцов Св. Духа в Ватикане. Во время встречи с церковными лидерами Тиммерманс сделал акцент на «иудео-христианском наследии»: «когда мы говорим об этом наследии, значит ли это, что мы гордимся им и хотим, чтобы оно было основой для диалога с другими? Или же мы делаем это, потому что хотим исключить из нашего сообщества тех, кто не обладает этим наследием, и создать разделения? ... Мое христианское наследие ничего не значит для меня, если оно исключает других... Я был воспитан иезуитами и францисканцами... Возможно, поэтому сейчас я социалист... Я говорю, как вы, выгляжу, как вы. Совсем не опасен. Я научился тому, что вера не являются чем-то абсолютно определенным... Это открытость к людям разных взглядов». Тиммерманс прямо убеждает католических прелатов переформатировать понимание наследия, в том числе в духе энциклик папы Франциска: «Если вы хотите, чтобы Европейский Союз обрел второе дыхание, надо рассматривать наше наследие как открытое приглашение, а не что-то из прошлого. Если мы этого не сделаем, то это приведет к тоске по прошлому, которая быстра станет новым опиумом для народа. Такая ностальгия как хорошее вино: оно прекрасно, когда пьешь один-два бокала, но не целую бутылку вина... Догмы, которых мы придерживаемся как католики и христиане, это фонарные столбы, освещающие путь. И используйте их так, но не будем пьяницами, которые держатся за столбы, как за догмы, и не движутся вперед». Тиммерманс прямо повторяет основные идеи из речей папы Франциска о беженцах — о том, что главной угрозой является «дегуманизация» в отношении к другим людям. Христианство учит тому, что надо смотреть на мир глазами другого, даже если это африканский беженец в лодке на Средиземном море[55].

---

[55] Speech at the opening ceremony of the COMECE (Re)thinking Europe Conference. 27 October 2017. Режим доступа: URL: http://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=50189 (дата обращения: 16.04.2018).

Между тем, основное внимание в рамках ЕС уделяется защите прав христиан за пределами Европы, а не в странах ЕС, а также противоборству «языку вражды» в отношении разного рода групп. К примеру, во время специального Общеевропейского Дня борьбы с языком вражды против мусульман 21 сентября (European Action Day countering Hate Speech against Muslims) Тиммерманс уже более обтекаемо говорит о «культурных, религиозных и гуманистических корнях ЕС, которые вдохновляют и продвигают общие ценности и права человека»[56]. Практическое воплощение религиозной политики Евросоюза оставляет открытыми вопросы: во-первых, о двойных стандартах в отношениях к историческим церквям, носителям христианского наследия, к другим религиозным традициям (Ислам) и к религиозным меньшинствам (Это индуисты, буддисты и т. д., мусульман уже сложно назвать «меньшинством»); во-вторых, неясно в какой степени европейские чиновники готовы прислушиваться к церковным структурам и их требованиям (например, о корректировке программ сексуального просвещения), а также допускать присутствие религиозных институтов в публичной сфере до уровня, адекватного поддержанию общеевропейской солидарности.

Стоит отметить и другие каналы воздействия церквей на национальные правительства и политику ЕС. Христианские лидеры также достаточно активны в рамках ОБСЕ (защита прав христиан в мире, за пределами ЕС), религиозные меньшинства активно пользуются инструментами правовой защиты согласно Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в рамках практики Европейского суда по правам человека. На национальном уровне в каждой из стран-членов ЕС действуют общественные и общественно-политические организации и движения, которые лоббируют интересы церквей, сотрудничая с политическими партиями, оказывая влияние, прежде всего, на социальную политику (как Консервативное христианское

[56] Message by Frans Timmermans, First Vice-President of the European Commission, to the Muslim community on the occasion of European Action Day countering Hate Speech against Muslims and on the Islamic New Year. 21.09.2017. Режим доступа: URL: http://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=50085 (дата обращения: 16.04.2018).

содружество в Великобритании или Общество св. Эгидия в Италии). Косвенным политическим влиянием обладают международные католические мирянские организации, которые имеют социально-миссионерскую и культурную направленность — это «Католическое действие», «Communione e Liberazione», «Фоколяры», «Неокатехуменат», «Опус деи». Своим собственным влиянием обладают и католические ордена (в особенности, Орден иезуитов, бенедектинцы, доминиканцы, Орден Слова (вербисты), салезианцы, специализирующие на работе с молодежью и т. д.). Таким образом, несмотря на то, что религиозная политика ЕС основана скорее на игнорировании религиозного фактора церквям предоставляются другие пути, прежде всего, для проявления гражданской активности верующих, межцерковных и околоцерковных объединений.

В рамках дискуссий о кризисе религиозности часто упускается целый ряд важных тенденций, которые способны в корне изменить понимание движущих сил религиозного развития Европы на современном этапе. С одной стороны, кризис понимается как упадок исторических христианских церквей, прежде всего, потерю влияния на широкое общественное сознание и формальное уменьшение количества приходов. С другой стороны, кризисом считается приватизация религии, понимаемая как отчуждение от религиозных институтов и переход религии только в частную жизнь человека.

Вместе с тем, на фоне самых разнообразных проблем, стоящих перед европейскими странами, такими как миграция, исламизация, размывание основ традиционных религий, стоит говорить не о кризисе, а о религиозном возрождении. Многие явления, которые считаются маргинальными или радикально фундаменталистскими, а также движения за пределами исторических церквей, широкая социально-политическая деятельность исторических и новых церквей и общин часто игнорируются при оценке религиозной ситуации в целом. Однако всплеск самых разных движений, распространение религиозных идей и гражданская роль христианских, мусульманских и других общин свидетельствуют, что Европа не исчерпала свой духовный потенциал.

Происходящее религиозное возрождение совсем не радует представителей власти, секулярную общественность, экспертов,

а скорее пугает, рождает массу вопросов: что таит в себе взрыв религиозных чувств, во что этот взрыв (или взрывы) может воплотиться и как все это изменит образ Европы, европейцев и облик каждой из европейских стран в отдельности. В силу секулярных фобий и устоявшихся стереотипов о том, к примеру, что такое церковь или приход, кризисные явления и трансформация привычных религиозных институтов не воспринимаются как возрождение религии, а значит и не рассматривается потенциал религиозного всплеска и упускается истинный смысл угроз и вызовов в этой сфере.

Нужно признать, что религиозные возрождения (в виде ревайвелов или обновлений или реформаций) являются естественным процессом развития европейского христианства, начиная со св. Франциска Ассизского и продолжая Реформацией XVI века. Они происходили и в XIX–XX веках в протестантских церквях, главным образом, под влиянием ревайвелов в США, и в Католической церкви в ходе процесса «аджорнаменто», обновления Церкви в середине XX века после Второго Ватиканского собора. В отличие от других ревайвелов прошлого нынешний процесс является всплеском религиозного фундаментализма как такового в секулярном обществе. Для многих европейцев религия снова превращается из средоточия мифов в мир, где сталкиваются реальные интересы. Религия вновь способна эмоционально, психологически, культурно мотивировать на достижение определенных целей новообращенных, будь то француз, принявший ислам, или африканец-харизмат. Неприятие секуляризма, миграции населения, безработица и кризис доверия к институтам власти требуют от религии и религиозных лидеров чрезвычайной социальной активности и мобильности, и более того — революционности. После периода секуляризации (а в России атеизации) граждане, особенно, разного рода мигранты и молодое поколение, даже требуют религиозных общин и доктрин, которые бы радикально меняли их самих и мир вокруг. В каком-то смысле последовательная секуляризация европейской жизни и стремление отодвинуть религию на обочину гражданской жизни и современной культуры создали почву для появления фанатичной религиозности. Именно фундаментализм, который вызывает массу фобий, является признаком

жизненности и европейской религиозности, и европейской культуры в целом, в которой религия традиционно играла большую роль.

Фундаментализм, как в виде христианского, так и в виде исламского активизма, растет в условиях нескольких основополагающих факторов.

Во-первых, это нарастающее недовольство секулярно-либеральной идеологией (демократией, которая провоцирует вседозволенность) в Евросоюзе и самой моделью Евросоюза на фоне экономического кризиса в ряде стран и миграционных проблем на всем европейском пространстве. Это недовольство является внешним проявлением сразу нескольких кризисов — европейской идентичности в целом, секулярной идеологии, христианской идентичности Европы. В религиозном плане Европа перестала быть мировым центром и средоточием христианской миссии, христианских трендов (формы и организации церквей, их миссий, перестала быть местом, где живет большинство верующих, где церкви сами создают общество и государство, и контролируют их мораль, как это было в Средние века и в Новое время, являясь неким идеалом для других народов). Европа стала периферией христианства, но сохранила свой культурный потенциал и способность к религиозному возрождению, необязательно христианскому или христианскому, но в рамках иных церквей.

Во-вторых, это трансформация религиозной традиции Европы. Исторически укорененные в странах европейского континента католицизм, лютеранство, реформатство, англиканство, православие либо становятся частью либеральных европейских институтов либо консолидируются изнутри. Появляются консервативные группы и движения внутри Католической церкви или протестантизма, которые готовы бороться и с секуляризмом и с исламизмом. Монополию на «христианскую» традицию размывают многочисленные независимые протестантские церкви, которые проводят чрезвычайно активную миссионерскую деятельность.

В-третьих, глобальные религии довольно легко превращаются в религии, отстаивающие узко национальные интересы. На постсоветском пространстве украинское и русское

православие демонстрируют высокий уровень фундаментализма и нетерпимости на национальной почве. Традиционно сохраняется и развивается польский католический национализм, который консолидируется и защищает консервативные ценности, также как и православные, в «либеральной» Европе. В рамках ислама также легко обособляются и конституируются группы и движения по этническому признаку.

В-четвертых, определенным, но не самым первостепенным вызовом является развитие новых религиозных движений, Нью-Эйджа, новых пророков и религий, восточных течений, возникающих на основе процессов глобализации и модернизации, которые проходятся 1970–80-х гг. в индуизме и буддизме. Эта социальная группа не привязана к историческому культурному слою, а демократическим ценностям новые движения привержены во многом из конъюнктурных соображений в силу ощущения себя религиозным меньшинством.

Христианские церкви сумели преодолеть секулярные запреты в структурах Евросоюза и стали играть роль общественных движений, которые не только лоббируют свои интересы в органах власти, но и становятся посредниками в разрешении социально-политических проблем. Факторами, работающими на укрепление отношений церквей и структур ЕС, стали:

— эффективность общецерковных и околорелигиозных структур как неправительственных организаций, играющих ключевую роль в построении демократического социально справедливого общества;

— социально-политические кризисы — миграционный, кризис доверия к институтам ЕС, кризис безопасности (рост экстремизма), кризис идентичности (объединивший общий кризис солидарности с кризисом идеологии ЕС), они сделали религиозные институты необходимыми для общества и власти медиаторами и источниками «новых смыслов» для восстановления доверия и усиления общей идентичности;

— наконец противоречивость религиозной политики Евросоюза, где защита светскости может сочетаться с защитой религиозных фундаменталистов (как правило, меньшинств), запрет на проявления религии в публичной сфере для мусульман и христиан с борьбой с «исламофобией» и дискриминацией христиан

в других странах, декларации об учете национальных интересов стран ЕС с дискриминацией исторических церквей, имеющих государственные преференции (в Греции или в Италии), забота о «единстве Европы» с отказом от тесного и прямого сотрудничества с естественным ядром этого единства — христианскими церквями.

Религиозные вызовы и угрозы испытывают европейскую демократию на прочность — религия, как это часто бывает в истории, способна как укрепить общество, государство, культуру, так и разрушить их. Для одних представителей религиозного мира кризисные процессы являются упадком веры, для других полем для возможностей, третьих кризис провоцирует к активным действиям, формируя новые движения. Если не удастся согласовать интересы различных групп, то Европу могут ожидать новые культурные и социально-политические противостояния, где религиозная мотивация будет играть не последнюю роль.

Глава III

ЦЕРКВИ В ЭПОХУ КРИЗИСОВ

3.1. Кризис партийно-политической системы

Активисты христианских церквей и косвенно церковные институты, прежде всего, Католическая церковь, сыграли значительную роль в формировании партийно-политической системы в целом ряде европейских стран на разных этапах их развития в XIX–XX вв. (в Германии, Италии, Франции, Нидерландах, Бельгии, Австрии). К началу XXI в. секуляризация общественного пространства, исчезновение конфессиональных партий, вымывание христианских принципов и ссылок на христианство и религиозность в партийных программах практически исключило прямое участие представителей церквей в политике и открытое провозглашение ими религиозных принципов. Однако потребность в политическом самовыражении христианства и его представителей не исчезла и приобрела новые формы.

В 2010-е гг. проблема осознания религиозной идентичности в политике стала одной из основных. В условиях череды общеевропейских кризисов возник запрос на фундаментальные ценности, такие как религия, национальная культура, христианская солидарность, в противовес либеральному секуляризму, глобализации и мультикультурализму, которые перестали создавать ощущение безопасности и стабильности у значительной части общества. После десятилетий упадка религиозности и господства крайнего секуляризма в публичном пространстве политическим институтам снова потребовалась религиозная мобилизация в качестве стабилизирующего общеевропейскую систему элемента. В массовом сознании осталось достаточное прочное основание для опоры на религию: среди европейцев значительное число составляют непрактикующие христиане и религиозно неаффилированные

граждане, но большинство опрошенных в Западной и Восточной Европе ассоциируют себя с христианством и, что важно в политическом плане, связывают свою веру с национальной идентичностью (этот фактор больше выражен в Восточной Европе и России)[1].

Новейшая религиозная мобилизация во многом была подготовлена предшествующим развитием политического мировоззрения Католической церкви, историей христианской демократии, особенностями взаимодействия церквей и власти в европейских странах. На протяжении XX века происходило, по крайней мере, два процесса, которые в религиозном смысле создали вакуум в мировоззрениях партий в отношении к религии.

Во-первых, это эмансипация христианских движений от церкви и их политизация с момента появления первых конфессиональных партий в середине XIX в., взлет христианской демократии в XX в., а затем фактическое исчезновение конфессиональных партий, отчуждение религиозных организаций от партийной системы и от системы светской власти. Этот процесс, в конце концов, привел к возникновению христианских сообществ и организаций, глубоко интегрированных в демократическое общество, но не связанных с партийно-политической борьбой. Церковь же стала носителем ценностей «низовой демократии», защитницей прав и свобод человека.

Во-вторых, европейские политические партии, особенно, это заметно на примере христианских демократов и социал-демократов, эволюционировали в сторону «светскости» — общего признания свободы религии, но стремления избегать как критики церквей, так и ссылок на христианские доктринальные принципы и символы в условиях секулярного характера государства и влияния либеральной этики политкорректности, подразумевающей приоритет прав меньшинств и игнорирование религиозности как ведущего фактора.

---

[1] Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. May 10, 2017 // Pew Research Center. Режим доступа: URL: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/15120244/CEUP-FULL-REPORT.pdf (дата обращения: 16.04.2018); Being Christian in Western Europe. 28 May 2018 // Pew Research Center. Режим доступа: URL: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2018/05/24143010/Being-Christian-in-Western-Europe-FOR-WEB1.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

Каким образом происходили эти сложные переплетающиеся между собой процессы можно проследить на примере развития христианско-демократических движений и отношение к ним Католической церкви, которая приветствовала участие верующих в общественно-политической жизни. С конца XIX в. Церковь искала разнообразные формы взаимодействия с околоцерковными структурами и христианскими движениями, которые выходили из-под контроля иерархии, лавируя между либерализмом и социализмом, противостоя коммунизму.

Часть историков связывает рождение христианской демократии с клятвой священников во время Великой Французской революции в 1789 г. на Национальном собрании в верности революции и заявлении их о том, что первым демократом был Иисус (в 1968 г. одним из известных лозунгов на улицах был: «Единственный революционер — это Иисус»). Краткая хронология христианских партий в XIX в. такова: в 1830-е гг. — либерально-демократические христианские партии в Бельгии, Франции и Ирландии. После 1848 г. — консервативно-монархические христианские партии во Франции и Германии, социалистические христианские партии в Италии (первая христианско-демократическая партия в Италии создана в 1919 г.). В 1870 г. — создана католическая Партия Центра в Германии, ликвидирована нацистами в 1930-е гг.[2]

Политические колебания Ватикана, поиск своего пути в рамках современной политики, а затем и в рамках демократической системы, можно проследить по папским энцикликам:

— осуждение либерализма в энциклике папы Григория XVI «Marari vos» (1832);

— критика злоупотребления свободой и отделения церкви от государства, уменьшения влияния церкви на общество и семейную жизнь в энциклике папы Льва XIII «Immontale Dei» (1885);

— призыв к участию христиан в управлении обществом в энциклике папы Льва XIII «Rerum Novarum» (1891) (корпоративизм, солидарность между классами и защита людей труда, а также частной собственности как естественного права);

---

[2] Амплеева А.А. Христианско-демократическое движение в Западной Европе и России. Аналитический обзор. / Отв.ред. И.С. Новоженова М.: ИНИОН РАН, 2002. С.5.

— впервые упомянута христианская демократия в энциклике папы Льва XIII «Graves de communi» (1901) (движение должно быть социально-благотворительным, а не политическим, папа противопоставил социал-демократию христианской демократии — «христианской народной акции»);

— критика либерализма за его индивидуализм и социализма за нивелирование личности отрицание частной собственности (ключевые принципы — корпоративизм и субсидиарность) энциклика Пия XI Quadragesimo Anno (1931);

— критика коммунизма в энциклике Пия XI «Divine Redemptoris» (1937);

— поворот к демократии в Рождественском выступлении Пия XII (1944) (будущее должно принадлежать демократии, так как существенная часть ее достижения должна принадлежать христианству. Церковь защищает истины, которые являются основой и директивной нормой демократии[3]). Еще ранее книга католического богослова Жана Маритена «Христианство и демократия» (1943 г.) провозгласила особую роль этого течения в обустройстве послевоенной Европы. Особое значение имели слова Маритена о том, что обезумевшие вожди, поставившие мир перед дилеммой выбора между коммунизмом. Изгонявшим Бога, и фашизмом, подчинявшим людей, загнали в тупик и христианские, и демократические принципы. Достичь мира можно при условии соединения снова чаяний демократии и христианства[4].

Коммунизм, как полагают некоторые исследователи, подтолкнул Ватикан к компромиссу с либерализмом и союзу с капитализмом. И либерализм, и католицизм признают объективную данность социального неравенства, но перед угрозой левых движений и эта риторика была смягчена[5]. При этом, христианская демократия стала голосом верующих в рамках представи-

---

[3] Сардарян Г.Т. Католическая политическая доктрина в эпоху мировых войн // Вестник МГИМО. 2017. № 6(57). С. 20–39.

[4] Амплеева А.А. Христианско-демократическое движение в Западной Европе и России. Аналитический обзор. / Отв.ред. И.С. Новоженова. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 9–13.

[5] Сардарян Г.Т. Католическая политическая доктрина в эпоху мировых войн // Вестник МГИМО. 2017. № 6(57). С. 20–22.

тельской демократии в послевоенное время, а ее лидеры стали основателями Европейского сообщества (Альчидо де Гаспери, Робер Шуман, Конрад Аденауэр).

В послевоенном вакууме христианско-демократические движения стали несоциалистической альтернативой коммунизму. Христианская демократия рассматривается также как синтез и «средний путь», отвергая консерватизм с его патриархальностью и иерархичностью, либерализм со свободой и индивидуализмом, социализм с равенством и классовым сознанием, марксизм за его антихристианскую направленность. Помимо принципов свободы, солидарности, субсидиарности, персонализма, социальной ответственности, христианская демократия поставила вопрос о социальном содержании рыночного хозяйства, что нашло свое отражение в концепции социального рыночного хозяйства в ФРГ при канцлерах К. Аденауэре (1949–1963 гг.) и Л. Эрхарде (1963–1966 гг.)[6].

Второй Ватиканский собор (1962–1965 гг.) и понтификат Иоанна Павла II (1978–2005 гг.)[7], связанный с большой ролью Церкви в демократизации в Восточной Европе и Латинской Америке, закрепили роль Церкви как защитницы демократических ценностей в борьбе с тоталитарными режимами в разных странах мира[8].

---

[6] Амплеева А. А. Христианско-демократическое движение в Западной Европе и России. Аналитический обзор. / Отв.ред. И. С. Новоженова. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 26–28.

[7] Стоит отметить целый ряд документов, определивших эпоху «католической демократизации» в мире: поддержка борьбы рабочего класса за социальную справедливость в энциклике папы Иоанна XXIII «Mater et Magistra» (1961), обоснование политического плюрализма среди верующих в апостольском послании Павла VI «Octogesima Adveniens» (1971) и осуждение любого тоталитаризма и призыв уважать права человека и демократию с опорой на нравственные ценности в энциклике папы Иоанна Павла II «Centesimus Annus» (1991).

[8] Путь лютеранства к демократии был связан с эволюцией самих государств, с которыми церкви были связаны, обладая государственным статусом. К примеру, Лютеранская церковь Германии не поддержала Веймарскую республику и отделение церкви от государства, значительная часть церкви поддержала нацистов. В 1945 г. Лютеранская церковь поддержала «демократию в свете основного закона».

В Скандинавии, как и в Германии, лютеранские институты эволюционировали в сторону либерализации вероучения. Дискуссии вокруг понимания

Однако христианская повестка дня и партийное мировоззрение большинства европейских движений к 2000-м гг. разошлись максимально далеко друг от друга. Между тем, политические размежевания в церковной среде в XX веке и активное участие христианских активистов — политиков, философов, избирателей — в построении единой Европы, привели к дифференциации христианского фактора в рамках широкого спектра партий и движений. Это привело к тому, что в современной политической системе каждый политик может заявить о своем праве на «религиозное наследие» и его защиту.

Падение коммунистических режимов положило конец политическим репрессиям в отношении религии, социалисты занимают позиции строгой светскости, социал-демократы, например, в Германии, заявили о необходимости партнерства с религиозными институтами (в противовес классовому подходу в оценке христианства и церкви, который был выражен в книге К. Каутского «Происхождение христианства» (1908 г.)). Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) изменила свое отношение к церкви еще в конце 1960-х гг. СДПГ в ГДР в 1989 г. создавалась при активном участии протестантских активистов и пасторов[9]. Годесбергская программа СДПГ (1959 г.) заявила о том, что «социализм не является заменой религии. Социал-демократическая партия уважает церковь и религиозные сообщества, их особую миссию и самобытность. Социал-демократическая партия выступает за их публично-правовую защиту»[10].

Христианская демократия потеряла свои ведущие позиции в провозглашении традиционных христианских ценностей,

---

демократии в православных странах стали происходить еще позднее — в 1980–90-е гг. вместе с распадом советской системы, процесс самоопределения православия в современной политической системе еще продолжается.

[9] Tamcke M. The Church and renewal of state as exemplified by the foundation of the Social Democratic Party in the German Democratic Republic in 1989 // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т.1. Вып.4. С. 503–507.

[10] Амплеева А. А. Христианско-демократическое движение в Западной Европе и России. Аналитический обзор. / Отв. ред. И. С. Новоженова М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 42.

а обращение к церкви и евангельским принципам приобрело условный характер или исчезло совсем. Конфессиональные партии превратили религию в гуманистическую концепцию, позволяющую им быть христианскими и секулярными одновременно. Большинство партий было связано с Католической церковью, в Германии ХДС сохраняет свои позиции с конца 1940-х гг. и остается биконфессиональной, лютеранско-католической, протестанты формировали свои партии в Нидерландах (Реформатская церковь) и Скандинавии (лютеранские церкви). «Религиозное вдохновение» или «ценности христианской цивилизации» стали лишь ссылками в официальных программах партий. Можно быть христианским демократом и агностиком, мусульманином или индуистом. Это «противоречие» является поводом для критики христианской демократии со стороны более консервативных партий (Голландского христианского союза). Религиозные партии сами по себе стали источником модернизированной версии «нескулярной политики». И христианская демократия в современном мире — не религиозная и не светская — она «несекулярная»[11].

Вместе с тем, пример Италии показывает, что фактическое исчезновение Христианско-демократической партии (ХДП) не привело к тотальной секуляризации политики. ХДП была партией большинства с 1946 по 1992 гг., и именно падение коммунизма нарушило баланс политических сил — противостояние с коммунистами потеряло былое значение. Пришедшие на смену политики, прежде всего, Сильвио Берлускони, защищали «неоспоримые ценности», во многом отвечавшие интересам церкви. Католики поддерживали Берлускони, церковные иерархи шли на соглашение с евроскептиками в Венето и «Лиге Севера», но затем церковь заняла более умеренные позиции. В 2011 г. «правительство профессоров» Марио Монти стало по существу кабинетом «христианских демократов», а в 2015 г. президентом Италии стал сын одного

[11] Kalyvas, Stathis N. and van Kersbergen, Kees, Christian Democracy (June 2010) // Annual Review of Political Science, Vol. 13, pp. 183–209, 2010. Режим доступа: https://ssrn.com/abstract=1691304or http://dx.doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.021406.172506 (дата обращения: 20.02.2018).

из основателей ХДП (Бернардо Маттареллы) — Серджио Маттарелла[12].

Распад советской системы также повлиял и на христианско-демократическое движение в Германии. В 1990-е гг. ХДС укрепило свои позиции на волне объединения Германии, а затем вступило в полосу кризиса, выйдя из него к концу 2000-х гг. с приходом к власти дочери пастора из ГДР Ангелы Меркель. ХДС в эпоху Меркель потеряла свой консервативный профиль и отступила от христианских ценностей, так и в преобладании протестантов в партии. Особенно это стало заметно в 2012 г., когда пастор Йоахим Гаук стал президентом ФРГ. Еще в 2009 г. католики подвергли Меркель критике за то, что она сделала замечание папе Римскому за то, что он не лишил сана епископа-антисемита Ричарда Уильмсона (в октябре 2009 г. административный суд немецкого города Регенсбурга оштрафовал Уильмсона на 12 тыс евро). В итоге в 2011 г. в ходе визита папы Бенедикта XVI в Германию значительное время понтифик уделил встрече с католиками из оппозиционных партий СДПГ и «зеленых». При Меркель католики престали занимать большинство министерских портфелей, тогда как католиков было больше и в правительстве Коля и даже социал-демократа Г. Шредера. В 2009 г. в рамках ХДС организован «кружок ангажированных католиков» (AEK). Подобный кружок существовал при Аденауэре, но был организован протестантами, которые были в меньшинстве (EAK). В отличие от эпохи Аденауэра при Меркель католический кружок не получил официального статуса в партии. В 2011 г. издан манифест ангажированных католиков, в котором было отмечено, что партия теряет доверие и свою идентичность, христианское ядро. Однако съезд ХДС 2011 г. в Лейпциге не оправдал надежд католиков. 75 % католиков Германии предпочитают голосовать за ХДС/ХСС, но это 7 %

---

[12] Салаконе А. Роль католиков в современной партийно-политической системе // Италия в начале XXI века (сборник статей по итогам конференции) / Отв. ред. А. В. Авилова, Ю. Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 37–42; Warner C. M.. Christian Democracy in Italy: An alternative path to religious party moderation // Party Politics. November 15, 2012. Vol 19. Issue 2. P. 256–276. Режим доступа: https://doi.org/10.1177/1354068812462934 (дата обращения: 20.02.2018).

избирателей[13]. В крупных городах конфессиональная принадлежность не играет роли. Меркель, с одной стороны, действует конъюнктурно, размывает политическую основу партии. С другой стороны, создает партию нового типа — «партию граждан» на основе не христианского, а государственного или реального патриотизма[14].

Христианская демократия во Франции долгое время играла роль баланса между левыми и правыми силами. Католический электорат был «разбросан», а партия отказывалась от политических контактов с церковью и официального обозначения — христианская демократия. Ее основные черты: опора на христианские ценности, связь христианства и демократии, моральные принципы в политике, социальное реформаторство и критика капитализма, антикоммунизм и антитоталитаризм. Д. В. Шмелев приводит оценку французских исследователей Ш. Деламара и Ф. Оливье из их книги «Европа, воплощение христианской демократии»: «Христианская демократия, такая, какой она создавалась с 1848 г., сегодня выполнила свою роль. Она исчерпала свои возможности. Она вывела христиан из политической изоляции. Они не являются больше «побежденными 1789 года». Эти слова вполне можно отнести к судьбе этого течения в других странах Европы[15].

Христианско-демократические партии по-прежнему занимают ведущие позиции в парламентах Ирландии (Fine Gael — Ирландское племя), Люксембурга (Христианско-социальная

---

[13] Оберройтер Г., Херинг С. Немецкая партийно-политическая система в период с 2008 года — динамика и вызовы // Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. II / отв. ред. Б. П. Гуселетов. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. С. 9.

[14] Тимошенкова Е. П. Партийная система Германии в эпоху перемен (глава 17) // Современная Германия. Экономика и политика / Под общ. ред. В. Б. Белова. М.: ИЕ РАН, 2015. С.470–473.

[15] Шмелев Д. В. Международные связи французской христианской демократии в XX веке // Современная Европа. 2016. № 5. С.55–67; Шмелев Д. В. Французская христианская демократия на исходе XX века // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет». Нижневартовск, 2016. С. 209–214; Delamare Ch., Olivier F. L'Europe, incarnation de la democratie chretienne. Paris: L'Hartattan, 2003. P. 228.

народная партия), Нидерландах (Христианско-демократический призыв), Португалии (Социал-демократы центра и народная партия), Швейцарии (Христианско-демократическая народная партия). В Чехии, Швеции, Норвегии и Дании (социал-демократы сближаются с Датской народной партией по вопросам иммиграции), Словакии (взлет Словацкого демократического и христианского союза пришелся на 2000-е гг., с 2012 г. партия в оппозиции) христианские демократы набирают незначительное количество голосов. Вместе с христианскими демократами на выборах в парламент проходят и конфессиональные партии. Так, в 2017 г. в Нидерландах «клерикальный» Христианский союз (ХС), представляющий, наряду с Реформатской партией, интересы жителей «библейского пояса» Нидерландов (членов кальвинистской консервативной Реформатской церкви), вошёл в правящую коалицию. ХДП и ХС выступают против эвтаназии, однополых браков и абортов[16]. Христианские демократы представлены в Европейском парламенте в рамках Европейской народной партии.

Присоединение к Европейскому Союзу стран Восточной Европы значительно увеличило традиционалистски настроенный электорат правых партий, пришедших к власти на волне кризиса евроинтеграции. Если в случае с христианской демократией под сомнение ставится ее христианская составляющая, то в случае с правыми партиями («политической альтернативой» или популистами) критики подвергается их демократичность из-за мнимой или реальной ксенофобии в контексте миграционного кризиса и стремления скорректировать либеральную демократию. Классические признаки правопопулистских партий: антиэлитарная и антииммиграционная повестка, стремление к идеальному обществу, коренящемуся в архаике (обращение к народу, нации, оборонительный характер), участие в законодательных органах своих стран, евроскептицизм[17]. Вместе с тем, в рамках «правого популизма» религиозная тематика стала инструментом

[16] Швейцер В. Я., Осколков П. В. Нидерланды: проблемы антинационалистического блока // Европа 2017: партии, выборы, власть / отв. ред. В. Я. Швейцер. М.: Ин-т Европы РАН, 2018 . С. 97–102.

[17] Осколков П. В. Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе // Современная Европа. 2017. № 5. С. 54–62; Харкевич

более ясного обозначения стоящих перед обществом проблем и претензий к правящим кругам, как в случае с риторикой представителей немецкой партии «Альтернатива дял Германии»[18].

На выборах 2017 г. поддержка избирателей ХДС/ХСС упала более чем на 8%, а социал-демократы показали худший результат за всю историю партии, а партия «Альтернатива для Германии», которая сумела стать третьей силой в нижней палате парламента (12,6%)[19]. Наряду с националистическими тезисами в программе «Альтернативы для Германии» присутствует консервативная повестка, сближающая ее требования с интересами церквей (поддержка традиционной семьи, запрет гендерных исследований, отказ от инклюзивного образования, повышение рождаемости и др.)[20].

Наиболее конфессионально ангажированной среди всех партий — «Право и справедливость» (ПиС) в Польше позиционирует себя как защитника национальной идентичности и Католической церкви, поддерживает тесные отношения с Польской конференцией епископов. Под влиянием католиков партия Ярослава Качиньского продвигает полный запрет абортов, а также приняло решение об ограничении доступа к экстренной контрацепции («таблетка следующего дня»), хотя согласно общим правилам ЕС такого рода контрацепция должна быть доступна без рецепта[21]. Было приостановлено финансирование процедур искусственного оплодотворения. Лозунги ПиС

М., Музалевский В., Осколков П. Архаика и современный правый популизм в Европе // Современная Европа. 2018. № 1. С. 59–68.

[18] Strickland P. Populism and the fight for the soul of German churches. 5 Sept 2017. Режим доступа: URL: http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/07/populism-fight-soul-german-churches-170724140321875.html (дата обращения: 20.02.2018).

[19] Тимошенкова Е. П. Выборы в бундестаг 2017: новый этап или кризис партийной системы? // Европа 2017: партии, выборы, власть / отв. ред. В. Я. Швейцер. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. С. 43.

[20] Хорольская М. В.. Усиление правового популизма в ЕС (на примере партии Альтернатива для Германии) // Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы / отв. ред. Л.О, Бабынина. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. С.43–44.

[21] Prange A. How the Catholic Church ties in to Poland's judicial reform. 4.07.2017. Режим доступа: URL: http://www.dw.com/en/

о моральной революции и оздоровлении государства — это попытка возвести здание общественно-политической системы на заветах Иоанна Павла II и евангельских заповедях. В ноябре 2015 г. Я. Качиньский, выступая на католическом радио «Трвам», он заявил: «В Польше не существует системы ценностей, которая соперничала бы с учением церкви. И мы либо поддерживаем это учение, либо впадаем в нигилизм»[22].

Лидер венгерской правой партии ФИДЕС премьер-министр Венгрии Виктор Орбан расценивает миграционный кризис как вызов для христианского характера европейского континента. Орбан считает себя христианским консервативным политиком, его партия сотрудничает с Христианско-демократической народной партией (ХДНП, KereszténydemokrataNéppárt — KDNP). Ультраправая венгерская партия «Йоббик» (Партия за лучшую Венгрию) более прямо, чем «Фидеш» называет себя «патриотической христианской партией». В апреле 2018 г. коалиция ФИДЕС/ХДНП закрепила свой результат 2010 и 2014 гг. и получила конституционное большинство в парламенте. Впервые праворадикальная партия Йоббик пришла к финишу избирательной борьбы второй, показав одновременно и лучший в истории партии результат[23].

Католическую идентичность отстаивают партия «Вперед, Италия» и Итальянская Лига Севера, в которой католики играют большую роль, выступает в защиту распятий в публичных местах против экспансии мультикультурализма. В 2017 г. в Италии «Движение 5 звезд» и «Лига Севера» добились успеха в итоге парламентских выборов. Правая коалиция, включающая партию «Вперед, Италия», «Лигу Севера» и «Братья Италии — Национальный Альянс» совместно набрала 37 % голосов[24].

---

how-the-catholic-church-ties-in-to-polands-judicial-reform/a-39809383 (дата обращения: 20.02.2018).

[22] Волобуев В. В. Иоанн Павел II и идеология братьев Качиньских // Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. I / отв. ред. Б. П. Гуселетов. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. С. 112–121.

[23] Шишелина Л. Н. Парламентские выборы в Венгрии 2018 г. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 2. С. 65–71.

[24] Гуселетов Б. П. Итоги парламентских выборов в Италии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 1. С. 55–69.

Австрийская партия Свободы определяет христианство как духовное основание Европы, отстаивает право на церковный звон против мусульманского азана (громкой молитвы с минарета). Шведская народная партия также выступает против мечетей и минаретов, её сторонниками является консервативная часть Лютеранской церкви. Голоса верующих и неверующих избирателей в Швейцарии привлекает известная своей антиисламской позицией Швейцарская народная партия. Именно по ее инициативе в 2009 г. в стране было запрещено строительство минаретов[25].

Антииммигрантскую риторику вместе с регулярной отсылкой к христианским ценностям в рамках политических дискуссий используют Национальный Фронт Франции, а в Великобритании Английская лига защиты (EDL) и националистическая партия Британская национальная партия (BNP)[26].

В целом ряде стран партии, выступавшие против истеблишмента и заявлявшие о защите национальной идентичности против мигрантов имели лишь кратковременный эффект, как, к примеру, в Финляндии, где партия «Истинные финны» набрала значительной количество голосов лишь в начале 2010-х гг.[27].

В Бельгии «правыми» можно назвать три основные партии: во Фландрии это Фламандский интерес и Новый Фламандский альянс (умеренные евроскептики), в Валлонии — «Национальная демократия» (с лозунгом: «бельгийцы прежде всего», отказ от мультикультурализма). «Правый популизм» в Люксембурге представлен Альтернативной демократической партией реформ (лозунг: «Меньше Европы, больше Люксембурга») и Социал-демократической народной партией[28].

---

[25] Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы / отв. ред. Л. О. Бабынина. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. С.52.

[26] Spencer N. The rise of Christian Populism // Theological journal, The Bible in Transmission Bible Society, 6 October 2017. Режим доступа: URL: https://www.biblesociety.org.uk/latest/news/the-rise-of-christian-populism/ (дата обращения: 20.02.2018).

[27] Плевако Н. С. Финляндия: остановился ли сдвиг вправо? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018 .№ 2. С. 86–91.

[28] Осколков П. В. Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе // Современная Европа. 2017. № 5. С. 54–62.

Однако же есть пример того, как в Западной Европе христианско-демократическая по мировоззрению партия проводит политику, сравнимую с политикой «правых» в Венгрии или Польше. В Австрии занявшая на выборах 2017 г. первое место Австрийская народная партия во главе с С. Курцем стала проводить политику по защите «национальной идентичности»: был принят запрет на ношение паранджи и платка в общественных местах, иммигранты и беженцы стали выдворяться с территории Австрии в случае отказа от предложенной им работы, специальный закон обязывал желающих остаться в Австрии изучать немецкий язык, австрийскую историю и культуру, а также местные законы, в 2018 г. был закрыт целый ряд мечетей и депортированы имамы. С. Курц заявил о том, что государство не будет финансировать детские сады для маленьких мусульман, препятствующие интеграции детей иммигрантов в австрийское общество[29].

В Словакии с лозунгами защиты словацкой идентичности выступила правившая в 2012–2016 гг. социал-демократическая партия «Курс» (Smer) и премьер-министр Роберт Фицо (2012–2018 гг.). Она провозгласила лозунг «Сохраняем Словакию» («Chránime Slovensko») и борьбу с мигрантами-мусульманами, чтобы они не создавали мусульманских анклавов: «мы принимаем только христиан». С аналогичной повесткой выступили «правые» из Словацкой народной партии и партии «Наша Словакия» с лозунгом: «национальная, христианская и социальная Словакия»[30].

В Нидерландах Партия свободы Вима Вилдерса объявила ислам чуждым духовной природе страны религией, потребовал снести минареты, закрыть мечети и запретить распространение Корана на территории страны, при этом, партия

---

[29] Швейцер В. Я., Грибовский В. Итоги парламентских выборов в Австрии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 1. Режим доступа: URL: http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/arkhiv-zhurnala/nauchno-analiticheskij-vestnik-ie-ran-1–2018 (дата обращения: 20.02.2018).

[30] Губалова В. Страх перед миграцией и его последствия для развития партийной системы Словакии: краткий обзор // Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. II / отв. ред. Б. П. Гуселетов. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. С.76.

выступает с общегуманистических позиций, а не с христианских. На выборах 2017 г. в парламенте заняла два места также правоконсервативная партия «Форум за демократию», созданная политическим философом Тьерри Боде, сторонником выхода Нидерландов из ЕС с лозунгами по названиям книг Боде: «Покушение на национальное государство», «За Европу, то есть против ЕС»[31].

Наряду с «правыми» партиями Восточной и Западной Европы лидеры государств осознают важность обращения к религиозной тематике на новом уровне развития европейской демократии. Помимо того, что секуляризованное общество стало проявлять озабоченность потерей религиозно-культурной идентичности, для правящих элит стало очевидным значение апелляции к идентичности в предвыборной борьбе. Одновременно появилась задача — перехватить «традиционалистскую» повестку дня у «популистов». В связи с этим политики ведущих стран ЕС стали сами заявлять о необходимости религиозной мобилизации, что во второй половине XX века было бы немыслимым.

Действующие политики стали активно обращаться к христианским лидерам с призывами, побуждающими их к большей гражданской активности — по существу это стало феноменом политической жизни 2010-х гг. Одним из первых таких призывов, вызвавших бурную общественную реакцию, была речь премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона в апреле 2014 г. на пасхальном приеме и его последующая статья в «Church Times»[32]. В то время как даже англиканские иерархи называют свою страну «постхристианской», Кэмерон призвал не стесняться заявлять о том, что Великобритания — христианская страна, быть более уверенными в этом, амбициозными и «более евангельскими». По его мнению, расширение роли околоцерковных организаций поможет изменить общество, а политике не хватает «евангелизма» в осознании значения

---

[31] Европа 2017: партии, выборы, власть: сб. ст. / отв. ред. В. Я. Швейцер. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. С. 100–101.

[32] Cameron D. My faith in the Church of England. 16 Apr 2014 // Church Times. Режим доступа: URL: http://www.churchtimes.co.uk/articles/2014/17-april/comment/opinion/my-faith-in-the-church-of-england (дата обращения: 20.02.2018).

роли церквей как жизненно важных партнеров государства для улучшения жизни людей и морального состояния общества. Заявление Кэмерона вызвало критику со стороны секулярно настроенной части интеллигенции. Большинство церквей Великобритании (католики, англикане) выступили впоследствии против брекзита, но это не смогло решить исход референдума. Однако церковно-политическая тематика стала более заметной.

Другой и еще более эпохальной речью стало выступление президента Франции Эммануэля Макрона в апреле 2018 г. перед более чем 400 членами Конференции католических епископов Франции[33]. Макрон прямо подчеркнул необходимость восстановить разрушенные партнерские отношения между церковью и государством, роль церквей в социальном служении, межрелигиозном диалоге, защите прав верующих во всем мире. По словам Макрона, в эпоху социальной напряженности он не может допустить углубления недоверия католиков к политике и к политикам, которые на протяжении многих лет не понимали церковь. Европейцы нуждаются в христианских смыслах в своей жизни и работе, поскольку люди страдают не только от экономических кризисов, но и от релятивизма и нигилизма. Обращаясь к епископам, Макрон сказал беспрецедентные для представителя истеблишмента ЕС слова: «Не впадайте в отчаяние по поводу Европы, которую вы воспитали. Не покидайте землю, которую вы возделали»[34]. Таким образом, Макрон реабилитировал христианские корни Европы в рамках публичной политики. Дискуссию вокруг роли церкви начала во время предвыборной кампании Франсуа Фийон, проигравший Макрону. Католические симпатии Фийона за нарушение принципа светскости раскритиковала Марин Ле Пен. Макрон за свою речь перед епископами был осужден за то же самое представителями Социалистической партии.

---

[33] Discours du Président de la République devant les évêques de France. Publié le 10 avril 2018. Режим доступа: URL: https://eglise.catholique.fr/actualites/cef-recoit-emmanuel-macron/454837-discours-president-de-republique-devant-eveques-de-france/ (дата обращения: 20.04.2018).

[34] Discours du Président de la République devant les évêques de France. Publié le 10 avril 2018. Режим доступа: URL: https://eglise.catholique.fr/actualites/cef-recoit-emmanuel-macron/454837-discours-president-de-republique-devant-eveques-de-france/ (дата обращения: 20.04.2018).

Характерен также поиск понимания «традиционных ценностей» среди «Республиканцев» во Франции накануне президентских выборов в конце 2016 г. «Твёрдые правые» (Саркози, Фийон, Вокье) опирались на традиционные ценности, акцентировали внимание на вопросах французской идентичности, ограничения иммиграции, восстановления авторитета власти и государства, общественной и семейной морали. Центристы во главе с мэром Бордо А. Жюппе считали такие взгляды чрезмерно консервативными, он предпочитал говорить не о французской, а о «счастливой идентичности», полагая, что французы представляют собой уже мультикультурный социум[35]. В итоге Франсуа Фийона во время президентских выборов поддерживали католические семейные организации и «Католическое действие», а Макрон обратился за поддержкой к Церкви после выборов.

Вместе с тем, партнерские отношения церкви и государства не так просто вписать в либеральную модель отношений ЕС с «конфессиональными и неконфессиональными» организациями. Ярким примером сложного взаимодействия церкви и политики в ЕС является позиция канцлера Германии Ангелы Меркель, дочери протестантского пастора, которая по существу установила принцип «светскости» в ХДС. Еще в 2007 г. Меркель заявила, что упоминания о Боге и о христианских корнях не будет в проекте Конституции ЕС, хотя сама она не против этого. Таким же образом в 2017 г. Меркель разрешила членам партии голосовать самостоятельно по вопросу об однополых союзах, хотя сама она — против легализации однополых браков (в итоге однополые раки были разрешены).

Несколько раз Меркель пыталась сделать позицию Католической церкви более политкорректной и соответствующей линии ЕС. В 2009 г. Меркель потребовала от папы Бенедикта XVI выступить с заявлением о неприемлемости отрицания

---

[35] Фёдоров С. М. Франция: «Республиканцы» в поисках новой идентичности // Европа 2017: партии, выборы, власть: сб. ст. / отв. ред. В. Я. Швейцер. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. С. 24; Канинская Г. Н. Открыло ли президентство Э.Макрона новую страницу в истории Пятой Республики? // Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы / отв. ред. В. Я. Швейцер. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. С.37.

Холокоста в ответ на решение папы не лишать епископского сана британского епископа-антистемита. В 2010 г. Меркель создала комиссию по расследованию случаев сексуального насилия в стенах церкви и религиозных образовательных учреждениях. В 2012 г. призвала католиков и протестантов к примирению, а Евангелическо-Лютеранской церкви посоветовала быть «более живой» — вовлекать граждан в социальную работу и просвещать их по поводу христианских праздников — и толерантной к исламу. В 2014 г. Меркель специально звонила папе Франциску, который сам сказал об этом в одном из интервью, с тем, чтобы понтифик объяснил ей свои обидные слова о Европе как «бесплодной старой женщине», сказанные им во время речи в Европарламенте в ноябре 2014 г. Наконец в рамках общего тренда «возвращения христианства» Меркель высказалась в 2015 г. Канцлер подчеркнула, что она хочет видеть больше людей открыто говорящих: «Я — христианин!». Кроме того, те, кто говорят об опасности ислама, должны, по ее мнению, обращать внимание на собственные корни: канцлер надеется, что жители Старого Света вернуться к своим религиозным практикам[36].

Интересы брюссельской бюрократии в отношении церквей в том, чтобы мобилизовать христианское наследие в качестве основы для сплоченности европейцев, в том числе «новых» европейцев, иммигрантов и беженцев, представителей других религий. Об этом свидетельствуют и встречи на высшем уровне и заявления руководителей ЕС[37].

На новом этапе эволюции общеевропейского проекта присутствие христианского фактора в политике поставило новые задачи: церкви с демократических позиций отстаивают свою роль в обществе перед лицом национализма популистов; лидеры

---

[36] «Вы не хотите исламизации Европы? Приходите в церковь!» Неожиданная позиция Ангелы Меркель // Сентябрь 15, 2015. Сибирская католическая газета. Режим доступа: ib-catholic.ru/vyi-ne-hotite-islamizatsii-evropyi-prihodite-v-tserkov-neozhidannaya-pozitsiya-angelyi-merkel/ (дата обращения: 18.05.2018).

[37] Frans Timmermans, the First Vice-President of the European Commission. Speech at the opening ceremony of the COMECE (Re)thinking Europe Conference. 27 October 2017. Режим доступа: URL: http://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=50189 (дата обращения: 18.05.2018).

европейских стран корректируют действия и взгляды церковных иерархов с точки зрения политкорректности, интересов демократии и ЕС; партии и движения учитывают голоса избирателей-христиан (католиков, протестантов, православных) и верующих в целом (в основном, мусульман). К примеру, в ходе опросов выяснилось, что значительная часть католиков поддерживает евроинтеграцию, как и либеральные протестанты и мусульмане, консервативные протестанты и православные выступают против или настроены скептически к евроинтеграции, как и часть католиков (в Великобритании, к примеру, мусульмане голосовали против брекзита, а значительная часть христиан — за него)[38].

Роль христианского фактора в партийно-политических дискуссиях и в ходе предвыборных кампаний сохранилась после падения советской системы и кризиса христианской демократии в силу того, что христианство не было маргинализировано. В XX веке Католическая церковь представила широкий выбор своим членам — они были представлены в самых разных движениях — от левых социалистических до, собственно, христианских демократов, либералов и корпоративизма (фашизм, нацизм, франкизм и т. д.). Сами христианские конфессии являются примером широты богословских и политических предпочтений: от консерваторов-традиционалистов в лице православных, до крайних либералов в лице лютеранских церквей Скандинавии и Германии (однако размежевания на либералов и консерваторов проходят и внутри конфессий, к примеру, в рамках православия, католицизма, англиканства — Епископальной церкви за пределами Великобритании, а также внутри стран — на католиков-традиционалистов и протестантов-прогрессистов[39]).

---

[38] Boomgaarden H., Freire A. Religion and Euroscepticism: Direct, Indirect or No Effects? // West European Politics. 2009. Vol.32. No.6. P. 1240–1265; Minkenberg M. Religion and Euroscepticism: Cleavages, Religious Parties and Churches in EU Member States // West European Politics. 2009. Vol.32. No.6. P. 1190–1211; Пилбим Б. Референдум в Великобритании о выходе из ЕС: бунт против элит? // Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. II / отв. ред. Б. П. Гуселетов. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. С. 36.

[39] Hien J. Unsecular Politics in a Secular Environment: The Case of Germany's Christian Democratic Union Family Policy // German Politics. 2013.

По сути, после того, как противостояние социализма и капитализма потеряло свое былое значение, и в церквях и в рамках политических движений стали возникать новые размежевания, связанной с критикой либеральной системы, где религия стала вновь играть одну из ключевых ролей.

Широта христиански окрашенного политического спектра подготовила современный этап вовлечения христиан в политику как напрямую, так и через провозглашение защиты религиозной идентичности Европы. Обращение к «традиционным ценностям» поставило вопрос о трансформации либеральной демократической системы. С одной стороны, это находит свое выражение в смягчении политики секулярной политкорректности (именно поэтому на этой почве возникает все больше конфликтов религиозных граждан и секуляристов) или даже в отсутствии таковой, как во многих странах Южной и Восточной Европы и в России. С другой стороны, либеральные политики вынуждены лавировать между интересами ислама (мусульман-мигрантов) и христианством, религиозными предпочтениями и светскостью, искать новые формы партнерства с церквями. При этом возникает диалектическое противоречие между либеральным духом «солидарности» ЕС и религиозной «солидарностью», где семейные ценности и культурная идентичность играют большую роль. В этих условиях политиками разных течений в качестве цементирующих общество могут восприниматься как заново осмысленные идеалы христианской демократии (субсидиарность, солидарность, социальная ответственность), так и традиционализм с элементами национализма и изоляционизма. Однако, как отмечают исследователи, несправедливо всех обвинять в этническом национализме. Невозможно и небезопасно игнорировать мнение коренного населения. Логичнее и своевременнее признать кризис моделей европейской национальной политики[40].

Эволюция христианской демократии более широко ставит вопрос об интеграции религии, в частности, ислама и исламских

Vol. 22. No.4. P. 441–460.

[40] Кандель П. Е. Европа перед этнополитическими конфликтами нового типа // Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века. Ч.III. Политические аспекты / Под ред. Н. П. Шмелева. М.: ИЕ РАН, 2006. С. 10–30.

партий в демократическую систему[41]. Политическая ситуация первой половины XXI в. является одним из самых сложных испытаний для демократического устройства европейских стран.

3.2. Кризис европейской интеграции

Основным постулатом для большинства христианских церквей является представлением о том, что именно вера лежит в основе единства европейских народов в качестве главной ценности и элемента их идентичности. В связи с этим особым парадоксальным феноменом можно назвать выступления религиозных лидеров против европейского единства. Значительная часть церковных лидеров является евроскептиками в смысле критики Европейского Союза и последствий и перспектив евроинтеграции в 2010-е, тогда как в 1950–1960-е гг. именно церковные деятели и христианские политики были главными протагонистами общеевропейского единства. Это, казалось бы, разрушает мечту о христианской Европе, противопоставляет одни народы другим, противоречит принципу субсидиарности и солидарности, который также имеет христианские корни. На волне роста «правого популизма» евроскептицизм часто безосновательно воспринимается как потакание национализму и ксенофобии[42].

---

[41] В исламском мире христианско-демократические партии сравнивают с Движением за общество и мир в Алжире, Партию Справедливости и развития в Турции (с 2003 г. — наблюдатель в ЕНП), Братьями-мусульманами в Египте и Эннада в Тунисе. Демократическая Лига Косово — член Христианско-демократического интернационала. Выделяют три объединяющих начала: 1.одинаковая ссылка на религиозность и соответствующее мировоззрение; 2. Политическая ориентация — - гетерогенные партии с широкой социальной базой и своим стилем (центр-правые, консерватизм); 3.похожая эволюция от враждебности к демократии к носителям демократической консолидации в своих странах. См.: Driessen M. Religious Democracy and Civilizational Politics. Comparing Political Islam and Political Catholicism. Center for International and Regional Studies Georgetown University School of Foreign Service in Qatar. 2013. Occasional Paper No. 12

[42] Лункин Р. Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях // Современная Европа. 2018. № 1. С. 102–113.

Почему же многие церковные лидеры выбрали этот опасный путь, углубляя кризис европейской идентичности?

Один из ответов на этот вопрос, как это ни странно, кроется в том, что церкви принимали активное участие в формировании Европейского содружества и приветствовали создание Европейского Союза. Воплощению католической идеи единой Европы и участию церквей в деятельности Евросоюза посвящён целый ряд исследований. Помимо этого, в научной литературе обсуждается позиция национальных церквей, в особенности в Восточной Европе, по поводу вхождения отдельных стран в состав ЕС, а также критика представителей ЕС со стороны епископата.

Активное участие политиков-католиков по вероисповеданию (Робер Шуман, Кондрад Адэнауер, Альчиде де Гаспери, Шарль де Голль, Жан Монне — стал католиком в конце жизни) в создании Европейского содружества стало результатом комбинации политического реализма с идеями христианской демократии, стремления к миру в Европе в послевоенное время, идеи единой христианской Европы, которые высказывали папы Пий XII, Иоанн XXIII, Павел VI (папа Павел VI отмечал, что вера должна стать «душей Европы» и основой европейской «цивилизации любви»)[43]. Для папы Иоанна Павла II ключевой стала идея единства Восточной и Западной Европы, он поддерживал расширение ЕС на восток, стремясь таким образом обогатить западноевропейскую культуру традициями и религиозностью востока. Как отмечают исследователи, «В отличие от других институтов европейской интеграции, Римская церковь как старейший из них выработала специфические механизмы коллективизации народного сознания, внедрения интеграционной идеологии в виде идей общеевропейской христианской общности». Между тем, «Европейская интеграция оказывается для Рима необходимым процессом, самостоятельное действенное участие в котором для нынешней католической церкви, в отличие от эпохи

---

[43] Sutton M. Political Realism and Roman Catholic Faith in the Construction of Europe: Konrad Adenauer, Robert Schuman, and Charles de Gaulle // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / Ed. by L. N. Leustean. Routledge studies in religion and politics, 2013. P.35.

Средневековья, невозможно»[44]. Однако именно социально-политические кризисы сделали участие церквей в европейской политике «действенным».

Европейские институты стали строится на секулярной основе, часто игнорируя мнение церквей, хотя формально диалог с верующими выстраивался на разных уровнях. Результатом этого противоречивого взаимодействия стала статья 17 Лиссабонского договора об особом статусе религиозных объединений и о признании исторически сложившихся в разных странах государственно-церковных отношений. По мнению части исследователей, это позволило вывести вопрос о месте религии в ЕС из плоскости политической теории в сферу обсуждения одного из способов конкретной имплементации религиозных институтов в системе ЕС. Даже в таком виде (статья 17 не упоминала христианство и слово «Бог») указание на диалог с церквями вызвало критику со стороны различных групп секуляристов — то, что нормально на национальном уровне казалось противоречащим светскому характеру ЕС на наднациональном уровне[45]. Однако влияние церковных институтов в ходе подготовки Конституции ЕС и Лиссабонского договора очевидно — статья 17 была подготовлена в тесном сотрудничестве с объединениями, которые включают большую часть конфессий: Католическая комиссия епископских конференций Европейского сообщества, Конференция европейских церквей[46].

Часть ученых рассматривает церкви в качестве автономной субсистемы в обществе, сложившейся в ходе социальной дифференциации, и религиозное измерение не считается самостоятельным и значимым фактором в ходе интеграции. Религия приобретает значение только во время споров о Конституции

---

[44] Жосул Е. Ватикан и европейская интеграция // Власть. 2008. № 11. С. 77.

[45] *Madeley J.* Deus ex Machina: Representing God on the Stage of the European Union // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / Ed. by L. N. Leustean. Routledge studies in religion and politics, 2013. P.53.

[46] Commission of the Bishops' Conferences of the EU (COMECE), Conference of European Churches (CEC).

и об идентичности Евросоюза[47]. В работах, специально посвящённых евроскептицизму, религия оказывается одним из не самых главных элементов, объясняющих это явление. Причинами критики ЕС считается конфликт христианства с мультикультурализмом после более важных факторов: борьбы правящих партий и периферийных, элиты и общества, новых и старых стран-членов ЕС с разными возможностями и идентичностями[48].

С либеральной точки зрения, конфликт церквей и Евросоюза был запрограммирован, поскольку это борьба модернизации с анти-модернизацией в лице церквей. ЕС не стал делать христианство «государственной религией», а в ответ христиане заявили о потере Европой своей духовной и культурной основы. Наиболее враждебны по отношению к ЕС протестанты-фундаменталисты и Православная церковь в Греции, считающие ЕС апокалиптической «новой империей» и воплощением зла[49].

Вместе с тем, пример целого ряда стран показывает, что христианские конфессии вовлечены как в политические дебаты, так и играют значительную роль в электоральном процессе. Такого рода примером является Великобритания, где сталкиваются как партийные позиции, так и интересы англикан и католиков, пресвитериан и католиков и т.д. По мнению Мартина Стивена, по крайней мере, в случае с Великобританией именно евроинтеграция и споры вокруг нее активизировали церкви в политическом плане из-за падения уровня влияния, которым многие церкви обладали автоматически[50].

Часть исследователей отмечает, что продвижению евроскептицизма на религиозной почве этого явления способствует

---

[47] Olteanu T., Nève D. Eastern Orthodoxy and the Processes of European Integration // Eastern Orthodox Encounters of Identity and Otherness Values, Self-Reflection, Dialogue / Ed. by A. Krawchuk, T.Bremer. Palgrave Macmillan US, 2014. P. 179–206.

[48] Euroscepticism and European Integration / Ed. by K. Arató, P. Kaniok. Zagreb, Centar za politološka istraživanja. 2009. P. 10–11.

[49] Milardović-Ivanković A. Euroscepticism in a Conflict of Ideologies of the Second Modernism // Euroscepticism and European Integration / Ed. by K. Arató, P. Kaniok. Zagreb, Centar za politološka istraživanja. 2009. P.52–53.

[50] Steven M. Christianity and Party Politics: Keeping the faith. Routledge Studies in Religion and Politics, 2011.

религиозная нетерпимость, которая поддерживает разного рода течения, направленные против ЕС и против вступления Турции в ЕС[51].

Центральная роль церковных институтов в формировании европейской идентичности проанализирована в исследованиях С. Мудрова. По его мнению, значение церквей как полноправных участников политического процесса и религиозных лоббистов недооценена (в особенности, в ходе реформы договора ЕС в 2001–2009 гг.). Они вносят большой вклад в выработку национальных интересов в разных странах, в дискуссиях вокруг единства Европы. Церкви также оказались чрезвычайно эффективны в создании коалиций интеллектуальной и политической элиты. Ссылаясь на европейских исследователей[52], Мудров отмечает, что протестанты считаются обычно большими евроскептиками, чем католики, и что православные в большой степени противостоят Евросоюзу, как и многие фундаменталистские группы (протестанты-евангелисты и, к примеру, Польская католическая церковь). При этом в реальности свободные протестантские церкви (евангельского направления) являются однозначно евроскептиками, а исторические протестантские церкви (mainline churches) поддерживают ЕС[53].

Масштабное исследование об отношении церквей к евроинтеграции провели Брент Нельсен и Джеймс Гут. Ученые заметили, что социологические опросы показывают, что

---

[51] Hobolt, S. B. van der Brug, W.; De Vreese, C. H.; Boomgarden, H. G.; Hinrichsen, M. C. Religious Intolerance and Euroscepticism // European Union Politics. 2011. Published online, P. 1–21. Режим доступа: http://faculty.washington.edu/cadolph/articles/eulobbies.pdf (дата обращения: 02.05.2018).

[52] Boomgaarden H., Freire A. Religion and Euroscepticism: Direct, Indirect or No Effects? // West European Politics. 2009. Vol.32. No.6. P. 1240–1265; Minkenberg M. Religion and Euroscepticism: Cleavages, Religious Parties and Churches in EU Member States // West European Politics. 2009. Vol.32. No.6. P. 1190–1211.

[53] Mudrov S. Christian Churches in European Integration // Routledge studies in religion and politics. 2016. P.192; Mudrov S. Christian Churches as special participants of European integration: the process of EU Treaties' Reform. // European Consortium for Political Research. Режим доступа: URL: https://ecpr.eu/Events/PaperDetails.aspx?PaperID=10583&EventID=1 (дата обоащения: 02.05.2018).

католики (члены Церкви — наследницы Римской империи, носителя идеи универсализма) всегда больше поддерживают евроинтеграцию, чем протестанты, для которых большее значение имеет национальное государство (оно является гарантией их прав и свобод). В Великобритании и Скандинавии католицизм с континента всегда рассматривался как угроза национальному суверенитету. Однако финансовый и миграционный кризис больше влияния оказали на католическое восприятие ЕС — в менее благополучных странах число католиков, поддерживающих ЕС резко уменьшилось, тогда как число протестантов-евроскептиков осталось прежним. Помимо этого, ученые увидели дополнительные причины для евроскептицизма в обычно еврооптимистичной среде: ранее, до начала кризисов, чем более религиозен католик, тем более он поддерживает ЕС, теперь же скорее наоборот, так как ЕС стал источником либеральной политики. Между тем, в ходе брекзита политические предпочтения были традиционными — католики за ЕС, мусульмане, буддисты, индуисты, евангельские протестанты — за брекзит. Католические идеи наднационального правительства и социальная доктрина католицизма оказали большое влияние на общую поддержку христианами других конфессий (прежде всего, государственных или полугосударственных церквей) концепции единой Европы. Между тем, авторы высказывают несколько предположений, исходя из своих социологических исследований. Прежде всего, то, что падение влияния религии на европейский дискурс в старых членах ЕС может быть препятствием для дальнейшей политической интеграции. Молодые граждане уже не связывают свои религиозные предпочтения с евроинтеграцией, убежденные протестанты среди молодежи — это евроскептики, а молодые мусульмане, более религиозные, чем старшее поколение, разделены на тех, кто видит в ЕС пространство свободы и возможностей для религиозных меньшинств, и тех, кто видит в ЕС культурную угрозу для европейских мусульман и для ислама целом. Авторы исследования делают вывод, что если евроинтеграция продолжит разделять мусульман и христиан, то конфессиональная культура вернется в качестве фактора, определяющего отношение к интеграции. Если столкновения

культур удастся избежать, то религия не будет иметь решающего значения для поддержки ЕС[54].

Религиозные меньшинства, скорее, голосуют за Евросоюз — это касается мусульман, которые ощущают более толерантное отношение к себе со стороны ЕС, чем на национальном уровне[55].

Эти данные подтверждаются также региональными исследованиями. К примеру, в Швеции консервативные евангелисты выступают против Евросоюза, тогда как Лютеранская церковь, иммигрантские общины и нехристианские религии поддерживают евроинтеграцию[56]. Пример католической поддержки евроскептицизма в Польше оценивается исследователями в качестве особого случая, поскольку это связана с польской идентичностью, где вера тесно связана с национализмом. С этой точки зрения, евроскептицизм в определенной степени был заложен в рамках евроинтеграции. Если правые партии не смогут стать доминирующими в Европе, то евроскептицизм постепенно превратиться в политическое направление, которое займет свою определенную нишу. В Польше опорой католической критики ЕС стали партии: Лига польских семей, Самозащита, Право и справедливость. Однако в противовес критикам религиозного евроскептицизма, которые обвиняют оппонентов Евросоюза во враждебности, ксенофобии и национализме, сами консервативные христиане считают структуры ЕС «чужими» в силу того, что они пропагандируют примат секулярных ценностей, противоречащих библейским нормам[57].

---

[54] Nelsen B. F.,ʼ Guth J. L. Religion and the Struggle for European Union: Confessional Culture and the Limits of Integration (Religion and Politics series). Georgetown University Press, 2015. 384 p.; Nelsen B. F.,ʼ Guth J. L., Highsmith B. Does Religion Still Matter? Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe // Politics and Religion. 2010. P. 1–26.

[55] Catholics like the European Union more than Protestants do. This is why / By N. Lalwani, S. Winter-Levy. January 12, 2017. Режим доступа: URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/01/12/protestants-dont-like-the-european-union-compared-to-catholics-this-is-why/?utm_term=.51f401a7296f (дата обращения: 05.05.2018).

[56] Hagevi M. Religiosity and Swedish Opinion on the European Union // Journal for the Scientific Study of Religion. 2002. Vol. 41(4). P. 759–769.

[57] Napieralski B. Political Catholicism and Euroscepticism: The Deviant Case of Poland in Comparative Perspective. London: Routledge, 2017. 234 p.

В рамках анализа позиции церквей по отношению к евроскептицизму особо подчеркивается способность религиозных институтов быть источником оправдания для праворадикальных партий, фундаменталистов, но только в том случае, если церковь находит союзника в лице политической силы. Между тем, к примеру, евроскептицизм Католической церкви в Польше или Хорватии довольно быстро сменился еврооптимизмом, когда для населения стала очевидна экономическая выгода от присоединения к ЕС. В Сербии же отношение Православной церкви осталось амбивалентным из-за волны признания независимости Косово большинством стран-членов ЕС в 2008 г.[58]

Двойственная или изменчивая позиция различных церквей по отношению к структурам ЕС и расширению Союза объясняется также своеобразием евроскептицизма как политического явления, отвергающего или критикующего политические линии ЕС. Определение евроскептицизма подразумевает его реактивную природу, то есть евроскептические аргументы относятся также к обоснованию политическими игроками легитимности процесса интеграции. «Жесткий» евроскептицизм принципиально противостоит процессу интеграции и членству отдельных стран в ЕС. Это чистая еврофобия, которая как политически, так и экономически отвергает евроинтеграцию. «Мягкий» евроскептицизм является своего рода реформистским и не является принципиальным отвержением интеграции и членства в ЕС. Он является скорее выражением беспокойства по поводу одной или нескольких политик ЕС, или же возникает там, где есть ощущение, что «национальный интерес» идет вразрез с траекторией движения Евросоюза. «Мягкий» евроскептицизм относится к еврореализму, который требует больше суверенитета для национальных государств. Основанием евроскептицизма может быть идеология, когда партия или движение исходя из своих идейных, ценностных позиций находится в оппозиции к евроинтеграции, и выбирает между «жесткой» и «мягкой» формами

[58] Guerra S. Eurosceptic Allies or Euroenthusiast Friends? The Political Discourse of the Roman Catholic Church in Poland // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / Ed. by L. N. Leustean. Routledge studies in religion and politics, 2013. P. 148–149.

евроскептицизма[59]. Стратегически обоснованный евроскептицизм является, прежде всего, прагматическим дополнением к программе той или иной партии, которая хочет привлечь голоса избирателей. Эти различия в формах евроскептицизма наполнены целым рядом парадоксов, которые характеризуют Евросоюз в целом. Это тренды централизации и децентрализации, тренды еврофобии между и внутри стран-членов ЕС, тренды государственного национализма, который проявляется через евроскептицизм и ксенофобию, и национализма меньшинств, который проявляется в евроэйфории. Исследователи выделяют четыре оттенка евроскептицизма: евроэнтузиасты, поддерживающие евроинтеграцию, евроскептики, считающие что ЕС — не лучший вариант достижения интеграции, европрагматики, полагающие что ЕС выгоден только в ближайшей перспективе, но не в будущем, евроотказники (Eurorejects), которые отвергают и ЕС, и евроинтеграцию[60].

Научные исследования, касающиеся евроскептицизма и религиозного фактора в рамках евроинтеграции, помогают понять, насколько глубоко исторические церкви Европы были вовлечены в этот многообразный процесс. Однако более сложен ответ на вопрос, какова роль христианства в формировании евроскептических настроений и какой из подвидов этого политического направления выбирают церковные структуры для достижения своих корпоративных, национальных и вероучительных целей. Общепринятыми в масс-медиа стали рассуждения о том, что европейский проект стал скорее разочарованием для христиан, а Европа стала «постхристианской». С этой точки зрения активное участие церковных структур в этом проекте становится парадоксальным, а сам евроскептицизм в религиозны контексте по существу перестает быть примитивным фундаментализмом (с ксенофобией и нетерпимостью), а может предстать сложным

---

[59] Taggart P., Szczerbiak A. The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States // Opposing Europe, Sussex European Institute. 2002. Working Paper No 51. Режим доступа: URL: https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=epern-working-paper-6.pdf&site=266 (дата обращения: 11.03.2018).

[60] Ultan M.O., Ornek S. Euroscepticiam in the European Union // International Journal of Social Sciences. 2015. Vol. IV(2). P. 49–57.

политическим явлением, поддерживающим жизнеспособность Евросоюза.

Традиционной опорой интеграционных процессов является Католическая церковь. К ней примыкают государственные или полугосударственные церкви Западной и Северной Европы — лютеранские церкви Германии и Скандинавских стран, Англиканская церковь. В силу своей традиционной лояльности власти и либеральной эволюции богословия эти церкви практически безоговорочно поддерживают общеевропейские институты и осуждают евроскептицизм как то, что противоречит духу открытости и толерантности.

Политическая позиция католической иерархии — более сложная. С одной стороны, Ватикан как глобальная централизованная структура, имеющая своих представителей во всех странах Европы, поддерживает другую бюрократическую структуру — Европейскую Комиссию. Святой Престол больше всех церквей заинтересован в том, чтобы концепция «единой Европы» существовала еще и в формализованном виде. Европейской идее соответствует католический универсализм и концепция единого христианского наследия Европы, о котором говорили в той или иной мере практически все папы Римские в XX и в начале XXI века. И хотя тема католического представления об общеевропейской идентичности является отдельной более сложной проблемой для исследователей, в ретроспективе развития Европейского сообщества по направлению к современной форме Евросоюза очевидно взаимовлияние — осознания духовного единства и христианских ценностей всех европейских стран, сформулированного католическими иерархами, на отцов-основателей Европейского сообщества, а также стремления политиков послевоенной Европы к единству ради мира и стабильности на углубление общеевропейского дискурса в рамках католического глобализма. Такого рода амбивалентный характер сотрудничества Ватикана и ЕС подчеркивают, в частности, чешские исследователи Петр Кратохвил и Томаш Долежаль[61]. Важно отметить в данном контексте, что Ватикан прошел путь

[61] Kratochvil P., Doležal T. The European Union and the Catholic Church: Political Theology of European Integration. Palgrave MacMillan, 2015.

от решимости к открытости и межрелигиозному диалогу (при Иоанне XXIII и Павле VI), стремления соединить Запад и Восток Европы (при Иоанне Павел II), переосмысления вызовов секуляризма и потребительской культуры (при Бенедикте XVI) к выработке новой идентичности для Европы в рамках глобальной миссии (при папе Франциске).

С другой стороны, внутри католического интеграционного мировоззрения существует свой евроскептицизм, который основан как на глобальных интересах Католической церкви, так и на традиционализме отдельных католических национальных церквей.

Прежде всего, церковные лидеры подвергли критике систему ценностей Европы и отдельных стран в связи с миграционным кризисом, который сделал тему развития христианского наследия континента чрезвычайно востребованной и острой. Папа Франциск предъявляет целый ряд обвинений европейским лидерам и Европе, но его высказывания о Европе можно скорее назвать призывами к интеграции и укреплению европейского содружества, чем наоборот. Одна из самых ярких таких речей папы Франциска прозвучала 6 мая 2016 г. в Ватикане, где в присутствии европейских лидеров (Мартина Шульца, Жан-Клода Юнкера и Дональда Туска) папе была вручена премия имени Карла Великого. По существу Франциск ставил в вину руководству ЕС то, что оно отошло от принципов, определенных его основателями. По мнению понтифика, «семья народов» все меньше ощущает стены Европы стенами своего собственного дома. Цитируя свои же слова, произнесенные в Европейском парламенте, папа снова сравнил Европу с «уставшей и бесплодной бабушкой»: «Европа устала и постарела, она бесплодна и безжизненна, а великие идеалы, вдохновлявшие Европу, судя по всему, утратили притягательную силу. <...> Что случилось с тобой, гуманная Европа, паладин прав человека, демократии и свободы? Что с тобой, Европа, земля поэтов и философов, художников, музыкантов и мыслителей? Что случилось, Европа, матерь народов и наций, матерь великих людей, умевших защищать и отдавать жизнь за достоинство своих братьев?»

Папа особенно выделил идею Робера Шумана по поводу того, что Европа не возникнет в один момент на основании

единственного плана, но только через конкретные достижения и, в первую очередь, «фактическую солидарность». Создание общеевропейского проекта основывается на беспокойстве об общем благе, что требует полной меры терпения и дальнейшего сотрудничества (в данном случае папа сослался на Альчиде де Гаспери). Новый европейский гуманизм, к которому призвал папа, должен базироваться на способности интегрировать, способности к диалогу и способности производить. Это значит, что сообщество европейских народов должно преодолеть искушение снова впасть в односторонние парадигмы и «идеологическую колонизацию»: «душа Европы фактически больше, чем нынешние границы Союза, и призвана стать образцом для нового синтеза и диалога. Истинное лицо Европы — не в конфронтации, но в богатстве ее различных культур и в красоте ее приверженности открытости». Без способности интегрировать, как отметил папа, слова Конрада Аденауэра могут оказаться пророческими: «Будущему Запада угрожает не столько политическая напряженность, сколько опасность конформизма, уравнивания мыслей и чувств; словом, система жизни, бегство от ответственности, обеспокоенность исключительно собственным “я”».

Какова же, по мнению Франциска, роль Церкви в процессе перерождения «уставшей Европы»? Во-первых, возвещение Евангелия воплощается в излечении ран человечества, но Бог обитает среди нас только через мужчин и женщин, преданных Ему всем сердцем. Во-вторых, только Церковь в богатстве своих свидетельств сможет принести чистой воды Евангелия к корням Европы. В связи с этим путь христиан к полному единению является знаком времени и ответом на призыв Господа — «будьте все едины» (Ин 17:21). Новый гуманизм папы Франциска основывается не только на милосердии к окружающим и семейных ценностях для молодежи, но и на том, что «быть мигрантом — это не преступление, а призыв к большей самоотверженности ради достоинства человеческой личности». По словам понтифика, «Я мечтаю о той Европе, о которой не скажут, что ее приверженность правам человека была ее последней утопией»[62].

---

[62] Conferral of the Charlemagne Prize (6 May 2016) // The web-site of The Holy. Режим доступа: URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/

Представители консервативного епископата, к примеру, из Венгрии или Польши, идут намного дальше, чем папа Римский и отмечают, что больна сама демократическая система в рамках Евросоюза. Венгерский кардинал Питер Эрдо, в частности, отмечает, что из-за роста релятивизма отношения между религией, государством и мировоззрением человека стали «проблемой». Отделение морали от закона привело к созданию безнравственных законов, таких как те, которые существовали в нацистской Германии... На Западе человечество является свидетелем «потрясения антропологических основ демократии... Западные демократии предполагают, что политики и партии представляют и защищают свои политические программы на рациональной основе и что зрелые и ответственные граждане делают свой выбор и избирают людей на основе рациональных аргументов, но это уже звучит как утопия. Идея относительности и непознаваемости естественного закона, или правил честного человеческого поведения, основанного на его связи с природой, набирает силу, равно как и отделение права от естественной морали[63]. Такого рода высказывания религиозных лидеров связаны, в первую очередь, с игнорированием роли религии, религиозных предписаний, мнения церковных институтов при принятии политических решений в ЕС.

Христианские лидеры вынуждены были смириться с тем, что христианство не было упомянуто в основополагающих документах ЕС. Помимо этого, очевидным стало и вытеснение представителей церквей и религиозного фактора из сферы гендерной политики, либерализации семейных отношений, разрешения абортов, статуса сексуальных меньшинств (нормы отношения к ним в обществе и к их союзам). Часть церквей с либеральным богословием активно приспосабливается к новым общественным нормам (лютеране, англикане, методисты), другие держат «глухую оборону» (православные и католики, евангельский

---

en/speeches/2016/may/documents/papa-francesco_20160506_premio-carlomagno.html (дата обращения: 26.04.2018).

[63] Cardinal Erdo: Democracy's foundations are 'shaking'. By Christine Rousselle. Jan 30, 2018. // CNA/EWTN News. Режим доступа: URL: https://www.catholicnewsagency.com/news/cardinal-erdo-democracys-foundations-are-shaking-17226 (дата обращения: 16.04.2018).

протестантизм). Но разделение на разные политические «партии» по принципу их отношения к либеральной модели демократии проходят также и внутри конфессий, прежде всего, это касается самых распространенных течений — протестантизма и католицизма, в которых представлены полюса фундаментализма и богословского релятивизма.

Чаще всего можно услышать опосредованную критику политики ЕС, причем, церковные деятели выступают с позиций защиты демократических ценностей и базовых прав человека. К примеру, епископ Манфред Шейер из Линца (Верхняя Австрия) подчеркивает, что Европа игнорирует преследования христиан в разных странах мира именно из-за агрессивной формы атеизма, которая связывает религию с отсутствием свободы и угнетением. Атеистическая политкорректность приводит к умалению ценности религиозной свободы. Наряду с этим, епископ Независимой евангелическо-лютеранской церкви (консервативное крыло немецкого лютеранства) в Германии Ганс-Йорг Фойгт заявлял, что Германия все больше отказывается предоставлять убежище мусульманам, которые обратились в христианство. Тогда как на родине их ожидают преследования за веру и смерть (у чиновников периодически возникали сомнения в том, насколько искренне мусульмане принимают христианство, чтобы остаться в Германии, а либеральные деятели призывали не заниматься «прозелитизмом» среди беженцев, что для консерваторов неприемлемо)[64].

Католики, консервативные лютеране и евангельские протестанты становятся основой для электоральной поддержки евроскептических партий и движений. Это «Альтернатива для Германии», где есть христианское крыло, партии Йоббик и ФИДЕС в Венгрии, пользующиеся открытой поддержкой католических иерархов. Во Франции католики принимали активное участие в президентской кампании 2017 г. С одной стороны, часть консервативных католиков поддерживало и поддерживает

---

[64] Europe's disregard for Christian persecution «almost sinister» / by Christa Pongratz-Lippitt // The Tablet — Catholic weekly journal. 06 February 2018. Режим доступа: URL: http://www.thetablet.co.uk/news/8523/europe-s-disregard-for-christian-persecution-almost-sinister- (дата обращения: 16.04.2018).

Национальный фронт Марин Ле Пен (около 25% убежденных католиков). С другой стороны, половина всех практикующих католиков, судя по опросам, отмечали, что будут голосовать за католика Франсуа Фийона[65]. Накануне второго тура президентских выборов в апреле 2017 г. католические иерархи Франции решили уточнить свою политическую позицию, не называя напрямую имен кандидатов. Конференция французских епископов выступила с заявлением, которое было воспринято общественностью и масс-медиа как фактически прямая поддержка Эммануэля Макрона. Очевидно, что крайне правый фланг в лице Национального фронта оказался неприемлем для церковного руководства. В заявлении был осужден радикальный евроскептицизм в виде пересмотра отношений с ЕС и иммиграционной политики ЕС, к чему призывает Марин Ле Пен: «Сегодня главная опасность — это отказ от борьбы за будущее в уг. фатализму». Епископы призвали к воплощению солидарности в обществе, к помощи нуждающимся и мигрантам, к регулированию противоречий между «неконтролируемым либерализмом» и сохранением «механизмов социальной защиты». На весенней сессии Конференции французских епископов в Лурде в конце марта 2017 г. президент конференции архиепископ Марселя Жорж Понтье также подчеркнул «необходимость братства» в политически разделенной Франции: «Мы не сможем переосмыслить будущее нашего народа, если мы изолируем себя друг от друга. Некоторые люди считают, что это (культурная изоляция) — это хорошо, но это приманка»[66]. Дополнительным

---

[65] French Catholics tempted by far right in presidential election. Text by Ségolène ALLEMANDOU. FRANCE 24—10 апр. 2017 г. Режим доступа: URL: http://www.france24.com/en/20170410-france-catholic-vote-presidential-race-conservatives-fillon-le-pen-libourne (дата обращения: 17.04.2018).

[66] Jesuit-educated Macron favorite to beat Le Pen as Catholic bishops warn to him as next president // The Tablet. 24 апр. 2017 г. Режим доступа: URL: http://www.thetablet.co.uk/news/7021/jesuit-educated-macron-favourite-to-beat-le-pen-as-catholic-bishops-warm-to-him-as-next-president (дата обращения: 17.04.2018).; Catholic bishops name no names as they weigh in on French presidential election. 24 April 2017 // Catholic News Service. Режим доступа: URL: http://www.thetablet.co.uk/news/7022/catholic-bishops-name-no-names-as-they-weigh-in-on-french-presidential-election (дата обращения: 17.04.2018).

фактором, который подогревал беспокойство французского episкопата, стало возникновение и активизация целого ряда католических общественных движений консервативного толка — это «Протест для всех» (Manif pour tous), «Здравый смысл» (Sens Commun), Ассоциация католических семей, которые организовывали массовые демонстрации в 2013 г. против закона о «браке для всех», а также участвовали в предвыборной кампании Франсуа Фийона. Часть консервативных верующих, безусловно, так или иначе переходит на откровенно евроскептические позиции, что и заставляет иерархов корректировать взгляды верующих.

В целом ряде стран можно увидеть самые различные оттенки евроскептицизма, которые, в том числе активно поддерживают верующие во время выборов. Критику ЕС и своей страны как части структур управления ЕС можно увидеть также в движениях, которые выступают за национальный суверенитет и независимость от «метрополии», как, к примеру, движение за независимость Каталонии от Испании (оно разделило католиков-каталонцев и вызвало осуждение со стороны лидеров Церкви Испании).

В Италии вслед за британским брекзитом о необходимости проведения референдума о выходе из ЕС заявляла в 2016 г. лишь крайне правая Лига Севера во главе с Маттео Сальвини. Партия евроскептиков движение «Пять Звезд», основанная комедийным актером Пеппе Грилло, не собирается выходить из ЕС, в лице Луиджи ди Майо предъявляла ряд претензий к ЕС, не обеспечивающему защиту граждан. Лига Севера является католически ориентированной партией, которая выступает с критикой епископов, которые принимают беженцев и побуждают к этому приходы по всей Италии. Критические высказывания Луиджи ди Майо о будущем ЕС вполне укладываются в стратегическое видение Ватикана. По словам ди Майо, «изначальный проект ЕС был правильным. Политический союз и ощущение сообщества. Мы должны вернуться к Европейскому сообществу»[67].

---

[67] No EU exit for us, say Italy's on-the-rise Eurosceptics // The Guardian. 18 июл. 2016 г. Режим доступа: URL: https://www.theguardian.com/world/2016/jul/19/no-eu-exit-for-us-say-italys-on-the-rise-eurosceptics (дата обращения: 17.04.2018).

Польская ситуация близких взаимоотношений евроскептиков из партии «Право и справедливость» и Католической церкви демонстрирует характерное для посткоммунистических стран переплетение религиозной принадлежности с принадлежностью к нации. Польская католическая церковь пропагандирует национальные ценности, в том числе, через евроскептицизм. Общественное мнение поддерживает «Право и справедливость» в силу давления, которое Европейская Комиссия оказывает на Польшу в связи с ограничением полномочий Конституционного трибунала, проверкой решений правительства, критикой запрета абортов в Польше. Но как справедливо подчеркивают многие исследователи, все это подогревает религиозный евроскептицизм в короткой перспективе, но открытая ассоциация иерархии только с одной партией может подорвать моральный авторитет Церкви в Польше[68].

Вместе с тем, не стоит преувеличивать степень возможного вреда, которую Церкви может нанести политическая ангажированность. Религиозным лидерам сложно противоречить и не солидаризироваться с политиками, которые в действительности выражают обеспокоенности большинства населения и одновременно обосновывают это христианской риторикой (в послевоенной истории Европы эти два элементы почти никогда не совпадали). Бывший премьер-министр Польши Беата Шидло (ее сын — Тимотеуш Шидло — священник Католической церкви), критикуя иммиграционную политику ЕС, заявляла, что поляки хотят жить в Евросоюзе, в котором христианство не подвергается идеологической цензуре, а христиане не стыдятся своей веры и традиций[69]. Широта принятии христианства использовалась премьер-министром в качестве идеального образа для процесса принятия решений в рамках ЕС, где уважение прав всех

---

[68] Guerra S. The Polish Catholic Church has become intertwined with Euroscepticism and the promotion of conservative «national values» // LSE's European Institute. EUROPP. 2016/05/02. Режим доступа: URL: http://bit.ly/1Y2oa9v (дата обращения: 18.04.2018).

[69] Polish PM calls for an EU where Christianity is not censored // Reuters. 9 ноября 2017 г. Режим доступа: URL: https://www.reuters.com/article/us-eu-poland-christianity/polish-pm-calls-for-an-eu-where-christianity-is-not-censored-idUSKBN1D92D3 (дата обращения: 15.04.2018).

граждан — это не пустой звук, а решения принимаются не только в Париже и в Берлине.

На другом полюсе находятся либеральные католики, для которых идея единой солидарной Европы является главной политической и социально-богословской ценностью. Следствием этого становится стремление адаптироваться к нормам политкорректности, что, прежде всего, касается отношения к разным категориям меньшинств. Один из лидеров данного условно либерального направления — кардинал Маркс, глава Конференции католических епископов Германии. Его самые громкие заявления касались возможности благословения гомосексуальных пар и увеличения роли женщин в церковных структурах ради пасторского душепопечения[70].

Следует отметить, что отношение католических церквей Восточной Европы к евроинтеграции не было стабильным и в большой степени зависело от общественных настроений и опасений по поводу вхождения в ЕС. В Польской церкви, к примеру, настроения варьировались от оптимистичных до крайнего евроскептицизма, основанного на идее о том, что «европеизм» может поглотить «польскую душу» и идентичность страны. Однако в целом польский католицизм следовал в фарватере Ватикана, учитывая огромное влияние в Польше папы Иоанна Павла II, благословлявшего европейское единство с опорой на ценности и национальные идентичности. Кроме того, значительная часть польского населения ожидала преференций от вступления в ЕС, а не только санкций и регулирования сельского хозяйства[71]. Соответственно, градус евроскептицизма стал расти по мере усиления миграционного кризиса и страха перед «исламизацией» Европы и международным терроризмом, но и это не сделало католиков «врагами» Евросоюза как структуры.

---

[70] Top German Cardinal signals cautious support for blessing same-sex couples. Tom Heneghan // Religion News Service. America: The Jesuit Review of Faith & Culture. February 06, 2018. Режим доступа: URL: https://www.americamagazine.org/faith/2018/02/06/top-german-cardinal-signals-cautious-support-blessing-same-sex-couples (дата обращения: 17.04.2018).

[71] Czaja J. Polish Church and European Integration // Yearbook of Polish European Studies, 3/1999. P.107–120. Режим доступа: URL: http://www.ce.uw.edu.pl/pliki/pw/y3–1999_Czaja.pdf (дата обращения: 10.04.2018).

Что касается лютеранских церквей Германии и Скандинавии, то они практически безоговорочно приветствовали евроинтеграцию. В частности, большинство христианских церквей присоединилось к Экуменической хартии 2001 г., подготовленной Конференцией Европейских церквей. Хартия декларировала поддержку ЕС и утверждала христианское наследие в качестве источника вдохновения и культурного богатства континента. Отношение лютеранства к евроинтеграции характеризуется наличием самых общих пожеланий для ЕС, основанных на свободе совести и в целом на соблюдении прав человека. К примеру, Лютеранская церковь Финляндии отмечает, что ЕС должна следовать постоянным принципам во всех сферах политики, создавать устойчивое в экономическом, социальном и экологическом плане сообщество, которое отличается открытость, интерактивностью и демократичностью[72]. Одним из требований к странам-членам ЕС стало обеспечение равенства всех религиозных объединений перед лицом закона, что означало корректировку статуса государственных церквей в Скандинавии. Руководство лютеранских церквей Норвегии и Швеции и так самостоятельно прошло путь к отделению церкви от государства с потерей государственного статуса — к 2012 г. лютеранские церкви перестали быть де-юре государственными структурами. Финляндия же является примером того, как отношения Церквей и государства были переосмыслены без формального отделения церкви от государства (т. е. без лишения православия и лютеранства государственного статуса). В Дании и Исландии государственный статус церквей компенсируется их либерализмом и стремлением адаптироваться к общественным настроениям. Церкви Северной Европы в рамках совместных заявлений приветствовали Лиссабонский договор как акт, способный усилить ЕС как сообщество, основанное на единых ценностях и прямой демократии на основе участия[73].

---

[72] The church and the European Union. Web-site of the Evangelical Lutheran Church of Finland. Режим доступа: URL:ttp://notes.evl.fi/EVLen.nsf/Documents/F3D8406AFBD3F5FFC2257C1A0049BFE6?OpenDocument&lang=EN (дата обращения: 17.04.2018).

[73] Matti K. Religion and the Secular State in Finland // Religion and the Secular State / La Religion et l'Etat laïque: Reports prepared for and issued upon

Несмотря на растущую критику Евросоюза со стороны вполне лояльных власти респектабельных церковных элит, их позиция не угрожает Евросоюзу и его существованию как единой структуры. Наоборот, для большинства иерархов важно показать кризис мировоззрения в Европе с тем, чтобы обновленное христианство стало одним из оснований будущего единого европейского сообщества. В связи с этим сама по себе интеграция призвана оставаться главной политической целью.

Среди православных церквей стран ЕС и стран-кандидатов в члены Евросоюза (Болгария, Греция, Румыния, Албания, Македония, Сербия, Черногория) вопрос об отношении к европейской интеграции в наибольшей степени обсуждался в Греции и Сербии. В целом православные церкви больше сосредоточены на своих национальных проблемах и также тесно связаны с государственной бюрократией, которая, как правило, проводит политику по вхождению своей страны в европейское сообщество. Но сама тема пребывания в Евросоюзе православных интересует меньше, чем католиков. Естественными активаторами евроскептицизма в православной среде стали конфликты вокруг попрания моральных норм и национальных святынь (проблема признания Косово). Большое влияние оказал миграционный кризис, но в целом граждане Центральной и Восточной Европы ожидают скорее экономических выгод от пребывания в ЕС, чем упущений. Кроме того, многие страны стали членами ЕС во второй половине 2000-х гг., поэтому до сих пор идет процесс их адаптации в рамках сообщества и его институтов.

Греция, вступившая в Европейское сообщество в 1981 г., является колыбелью европейской демократии, но именно здесь взаимоотношения греческого православия с Евросоюзом можно назвать фактически открытым конфликтом. Для церковных кругов пребывание в рамках ЕС, как и для части общества, оказалось большим разочарованием. Элладская церковь возглавляет движение за христианские семейные ценности против

---

the occasion of the XVIIIth International Congress of Comparative Law, held 25–31 July 2010 in Washington under the direction of Javier Martínez-Torrón and W. Cole Durham, publishing date of the article autumn 2014. Режим доступа: URL: https://www.iclrs.org/content/blurb/files/Finland.pdf (дата обращения: 14.04.2018).

введения права называть себя «третьим полом», против однополых браков. Помимо этого, церковь высказывала опасения по поводу исламизации Европы в связи с планами о принятии Турции в состав ЕС. При поддержке православных иерархов греки выступают против того, чтобы Македония использовала наименование исторической греческой провинции. Дополнительным аргументом в пользу критики Брюсселя стали экономический кризис, миграционная политика и наплыв беженцев на греческую территорию.

Прежде всего, Элладской церкви пришлось отстаивать свой статус и привилегии внутри самой Греции и договариваться с правительствами, которые не были настроены прислушиваться к церкви, даже несмотря на ее государственный статус по Конституции страны. За сравнительно короткий срок греческие иерархи столкнулись с масштабными вызовами для Церкви и для христианской веры. Правительство социалистов во главе с Георгиосом Папандреу в 2010 г. предлагало отделить Церковь от государства (в том числе ради экономии бюджета), Церковь была обложена налогами[74], а представители Европарламента рекомендовали греческому парламенту урезать дотации православному духовенству. В 2013 г. в масс-медиа появилось сообщение, что комиссары Евротройки потребовали сократить финансирование клириков (на 50%), а в программе приватизации содержался пункт о перепрофилировании православных храмов, находящихся в собственности государства[75]. Целенаправленная политика по внедрению либерального и противоречащего «греческим ценностям», с церковной точки зрения, законодательства началась с 2015 г. после того, как к власти пришел премьер-министр и лидер левого партийного бока «СИРИЗа» Алексис Ципрас. В его правление совпало множество факторов и законодательных решений, которые заставили Церковь активизировать свою политическую позицию: Ципрас назвал

[74] С 2010 года взимаются налоги с коммерческих доходов Церкви в размере 20%, с благотворительной помощи Церкви и с оплаты церковных услуг (в размере 5–10%).

[75] По данным ежедневной греческой газеты Katemerini, Евротройка требует лишить греческих священников денег. 17 июля 2013. Режим доступа: URL: https://russian.rt.com/article/12559 (дата обращения: 17.04.2018).

себя атеистом и ему запретили въезд на гору Афон; был принят закон о гендерной идентичности, разрешающий менять пол (в церквях в знак протеста против этого звонили колокола) и легализующий однополые союзы; была легализована кремация (Церковь была против); в школах отменена ранее обязательная молитва «Отче наш»; введены уроки по воспитанию гендерной толерантности; принят «антирасистский закон», согласно которому де факто нельзя осуждать «сектантов» и «геев», цитировать «оскорбительные» для каких-либо групп населения высказывания из Евангелия (по сути закон не соблюдается, реальных процессов против священников пока нет). Представители консервативного церковного крыла отмечают, что в стране ведется «антицерковная кампания». Ее основные положения касаются требований к иерархам пожертвовать своим имуществом в момент кризиса, обвинений в адрес священнослужителей в стяжательстве (Ватопедский скандал, когда настоятеля монастыря безуспешно пытались осудить за коррупцию).

Руководство Элладской церкви, выступая с критикой ЕС и левого правительства, стремится ограничиваться рамками «конструктивной» оппозиции решениям, которые принимаются в Брюсселе. Но по мере роста напряженности в обществе вокруг экономического кризиса и, по крайней мере, морального давления на Церковь (ограничение финансирования, либеральное законодательство) и тон выступлений главы Церкви становился все более резким. Поистине трагическим можно назвать заявление предстоятеля Элладской Церкви архиепископа Афинского Иеронима на заседании Священного Синода в октябре 2015 г., в котором он связывает антицерковную политику с требованиями чиновников из Брюсселя:

«Наши отношения с Европой, духовный, экономический и иные формы кризиса изнурили и продолжают изнурять греческий народ. Бедность, безработица, отсутствие безопасности, дороговизна, отсутствие уважения к человеческой личности имеют тенденцию к тому чтобы стать господствующими в нашем обществе. Самое страшное то, что эхо и сточные воды Европейского просвещения распространились повсюду. Они отталкивают все здоровое и ответственное, что еще уцелело в нашей стране. <...> Самое страшное, что наши враги уже не где-то далеко,

а среди нас. Мы это видим и чувствуем. Но если действительно (как об этом говорят) взяты обязательства и разработаны планы по сущностному изменению нашего общества — умалению нашей истории и традиций, уничтожению основ семьи и навязыванию разврата, продолжению деградации языка и пренебрежению нашей культурой, родиной, святынями — если все это входит в требования кредиторов к греческому правительству, то мы все (иерархи, клир и народ) станем заслоном и укрепленными стенами, чтобы этому противостоять»[76]. Чуть ранее — в августе 2015 г. — архиепископ Афинский и всея Греции Иероним II отозвал из Брюсселя представителя Греческой Церкви и объявил о закрытии представительства Церкви при европейских учреждениях. Фактически Иероним выразил протест против действий эмиссаров Евросоюза в Греции, объяснив свое решение необходимостью «сокращать расходы» и «возможностью перераспределить деньги на содержание представительства между бедными».

Целый ряд греческих публицистов, отмечающих пагубность «брюссельского» влияния в Греции, подчеркивают сложность религиозно-политического выбора для иерархов, которые в критический момент вынуждены вбирать «из двух зол». К примеру, Афанасий Зоитакис отмечает: «архиепископ Афинский и наиболее известные иерархи, возглавляющие крупнейшие кафедры — в Салониках, в Пирее, — высказываются за продолжение участия Греции в Европейском Союзе, за сохранение страны в зоне евро. <...> При этом нельзя сказать, что они соглашатели: они считают, что, если Греция выйдет из ЕС, будет еще хуже: начнется полный хаос — и это действительно может произойти, — а в наказание ее могут отдать на съедение соседям — тем же Албании и Турции. <...> Но и эти иерархи также критикуют ЕС»[77]. Самым радикальным оплотом евроскептицизма, высту-

---

[76] Архиепископ Афинский Иероним: «Наши «друзья» в Европе хотят изменить Грецию». 6 октября 2015 г. Режим доступа: URL: http://agionoros.ru/docs/1992.html (дата обращения: 16.04.2018).

[77] «Греция фактически теряет национальный суверенитет». Беседа с Афанасием Зоитакисом, заместителем главного редактора издательства «Святая Гора». 24 августа 2015 г. Режим доступа: URL: http://www.pravoslavie.ru/81553.html (дата обращения: 10.04.2018).

пающим за отделение Греции от структур ЕС, является православное монашество и в особенности афонская его часть. Часть духовенства, настроенного умеренно евроскептически по отношению к ЕС, была спровоцирована к более радикальным заявлениям вследствие «антицерковной» политики коалиционного правительства, а затем и премьер-министра Ципраса. К примеру, митрополит Пиреи Серафим прямо заявил, что представители партий «ПАСОК» и «Новая Демократия» в 2014 г. цинично обманули Греческую Церковь, скрыв от Синода поправку в «антирасистский закон» о наказании за оскорбление людей нетрадиционной сексуальной ориентации.

Позиция Элладской церкви во время референдума 5 июля 2015 г. по поводу выплаты долгов Греции свидетельствует, что греческие иерархи отнюдь не стремятся к самоизоляции страны от других стран ЕС, от Западной Европы как символа дехристианизации. Накануне референдума архиепископ Иероним высказался за социальную ответственность в смысле согласия выплачивать долги. Он обратился к гражданам с такими словами: «Мы должны пообещать нашим детям развивающуюся и процветающую Грецию. Грецию, которая будет уверенно продолжать свой путь, будучи плоть от плоти самого ядра общей европейской семьи». Митрополит Фессалоникийский Анфимос Руссас также связал исполнение обязательств перед должниками с общеевропейским путем Греции: «Голосуйте, как хотите, это абсолютно ваше право, но сейчас и у меня есть право сделать признание, я буду голосовать за Европу»[78]. Одновременно с обращением архиепископа, 26 июня 2015 г. Священный Синод направил письмо лидерам ЕС, составленное вполне в духе солидарности и еврооптимизма. Послание было адресовано председателю ЕС Дональду Туску, премьер-министрам государств-членов ЕС, председателю Еврогруппы Йеруну Дейсселблуму, президенту Еврокомиссии Жан-Клоду Юнкеру, комиссару Еврокомиссии по экономическим вопросам Пьеру Московиси.

---

[78] Одержимые демосом. Архиепископ Афинский — за Европу, папа Римский — за Грецию // НГ-Религии. 15.07.2015. Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2015–07–15/1_demos.html (дата обращения: 17.04.2018).

Греческая Православная Церковь обращается к лидерам Евросоюза с предложением не отказываться искать взаимоприемлемое решение вопроса о выходе Греции из кризиса: «Мы выражаем уверенность, что найти взаимоприемлемое решение можно, и надеемся на сдержанность, понимание и солидарность европейских стран и их лидеров с народом Греции», подчеркивается в письме Синода к ЕС»[79].

Между тем, целый ряд крупных иерархов не сдерживают эмоций по поводу навязывания либеральных норм и Евросоюза как «источника дехристианизации Европы», отступления от христианства, особенно, в Западной Европе[80]. Одно из самых известных заявлений сделал митрополит Месогейский и Лавреотикийский Николай: «У нас забрали нашу национальную идентичность, чувство собственного достоинства, а после этого ещё и уничтожили нашу экономику». Наряду с этим, митрополит признает, что ранее Церковь скорее плыла по течению и ничего не противопоставляла либеральному европейскому влиянию. Государственный статус накладывает на церковные структуры большую ответственность: «После того, как она обнялась с государством, у нее не осталось свободных рук, чтобы обнять народ»[81]. В связи с этим Церковь должна больше заниматься социальным служением ближним, всем нуждающимся, что и стало важным фактором социальной стабильности, который был признан также главой правительства Алексисом Ципрасом.

Православные консерваторы являются электоратом политиков-евроскептиков из партий «Народное православное

---

[79] Синод Греческой Церкви просит лидеров Евросоюза помочь Греции. 30 Июня 2015 г. // ПРАВМИР. Режим доступа: URL: http://www.pravmir.ru/svyashhennyiy-sinod-elladskoy-pravoslavnoy-tserkvi-obratilsya-s-otkryityim-pismom-k-lideram-evrosoyuza-s-prosboy-pomoch-v-vyihode-iz-finansovogo-krizisa/ (дата обращения: 10.04.2018).

[80] Епископ Фанарийский Агафангел: «Наш богословский диалог может стать свидетельством о Христе». Епископ Фанарийский Агафангел — генеральный директор «Апостолики диакониа» Элладской Православной Церкви // Патриархия.Ру, 21 декабря 2006 г. Режим доступа: URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/173160.html (дата обращения: 15.04.2018).

[81] Церковь не создает сторонников, Церковь создает святых. 26 декабря 2012 г. Режим доступа: URL: http://www.agionoros.ru/docs/427.html (дата обращения: 17.04.2018).

собрание» (LAOS), «Золотая заря», которые, однако, не пользуются массовой поддержкой избирателей. Представители этих движений выступают против строительства мечетей, против наплыва беженцев и за сохранение преференций для Церкви.

Контрастом выглядит позиция греческих католиков. Председатель Конференции католических епископов Греции епископ Франгискос Папаманолис заявил, что «Греция никуда не может идти без Европейского Союза». Он также раскритиковал референдум по поводу ужесточения бюджетной политики, прошедший в Греции, правительство Ципраса и приветствовал достижение соглашения о помощи Греции со стороны ЕС[82].

Сербская ситуация помогает понять, насколько сложен выбор между национальной идентичностью и политикой в русле ЕС как в светской, так и в церковной среде. В Сербии Православная церковь также, как и в Греции, учитывает проевропейский курс правительства (Сербия является с 2013 г. утвержденным кандидатом на вступление в члены ЕС) и значительной части общества, но старается обосновывать свою повестку дня в рамках защиты «традиционных ценностей» и национальных интересов. Церковь заняла непримиримую позицию по проблеме Косово как исконно сербской земли и вступила в прямую полемику по этому вопросу с представителями Евросоюза. 8 апреля 2013 г. Патриарх Сербский Ириней и члены Священного Синода в своем обращении к руководству Сербии подчеркнули важность европейского единства, но неприемлемость ультиматумов для сербского народа по поводу признания независимости Косово и Метохии. Церковные лидеры напомнили политикам об обещании не отрекаться от «исторической Старой Сербии» ради профанации «светлого европейского будущего» и обещаний вступления в ЕС: «Церковь, по своей соборной природе, не против идеи европейского объединения народов и государств, и не против идеи еще более широких процессов объединения. Дух сегодняшнего Европейского союза не является,

---

[82] Греческий епископ: «Без Европы Греция никуда не может идти // Свободная католическая газета. 13 июля 2015. Режим доступа: URL: http://skgnews.com/2015/07/13/grecheskij-episkop-bez-evropy-greciya-nikuda-ne-mozhet-idti/ (дата обращения: 11.04.2018).

к сожалению, духом доброй старой Европы. Мы по-прежнему за идею свободного духовного и экономического объединения европейского континента, но, ни в коем случае не за проект порабощения и унижения какой бы то ни было европейского государства, и в том числе и нашей Сербии. Мы уверены, что ни одно государственное руководство Сербии, и в том числе сегодняшнее, не имеет ни права, ни мандата соглашаться на условия, которые не были поставлены ни одному другому государству-кандидату за членство в Европейском союзе. Входной билет слишком дорог»[83].

В 2014 г. одним из поводов для обсуждения стали также санкции, введенные западными странами в отношении России. Правительство Аны Брнабич и президент Александр Вучич должны учитывать то, что, по словам П. Канделя, сербский электорат в целом остается русофильским[84]. Епископ Бачский Ириней одобрил решение правительства не присоединяться к санкционной политике, несмотря на давление со стороны Брюсселя: «Сербия, наше политическое руководство не приняло западного требования, можно сказать даже диктата, чтобы Сербия как страна-претендент на членство в Евросоюзе присоединилась к санкциям ЕС. Наши руководители — и президент, и премьер-министр — сказали, что мы этого делать не будем, мы живем в Европе, у нас нет общей границы с Россией, мы хотим быть вместе с остальными европейскими странами, но нас связывает с Россией вековая дружба, сотрудничество и искренняя любовь, и мы никогда санкции против России не будем вводить. <...> Что касается сербского народа, он всегда на стороне России как исторического союзника и друга и, прежде всего, народа единоверного»[85]. А глава Церкви другой страны-канди-

---

[83] Святейший Патриарх Сербский Ириней и члены Священного Синода СПЦ выступили с открытым обращением к политическому руководству Сербии. *8 апреля 2013 г.* Режим доступа: *URL: http://pravoslavie.ru/60688.html* (дата обращения: 15.04.2018).

[84] Сербия не хочет выбирать между Евросоюзом и Россией // Независимая газета. 20.12.2017.

[85] Сербы всегда на стороне России как исторического союзника и друга. 15 декабря 2014 г. // Интерфакс-Религия. Режим доступа: http://www.interfax-religion.ru/index.php/%3Chttp://www.interfax-religion.ru/%3Chttp://

дата в члены ЕС митрополит Черногорско-Приморский Амфилохий назвал предательством и позором присоединение Черногории к санкциям в отношении России. Между тем, крайне правые критики ЕС «проевропейской» политики Церкви и властей не находят поддержки в руководстве Сербской патриархии. Так, в 2015 г. патриарх Ириней сместил епископа Милешевского Филарета из Черногории (входит в юрисдикцию Сербской патриархии) за резкие выступления против патриархии, в том числе за свой радикальный евроскептицизм. Филарет заявлял черногорским политикам: «Ваши деды и прадеды так не делали, они хранили честь и спасали душу. Сегодня у нас нет ни души, ни чести, только и знаем, что мечтать о ЕС, а народу все хуже и хуже из-за вашего ЕС. Мы никакие люди, никакой народ, если ждем, что кто-то из Европы принесет нам тарелку супа»[86].

При этом важно отметить, что изначально Сербский патриарх активно поддержал вектор на вступление страны в ЕС. Подобным же образом поступили главы церквей Румынии и Болгарии в 2007 г., когда эти страны вошли в ЕС. Патриарх Румынский Феоктист и патриарх Болгарский Максим заявляли, что членство в Евросоюзе — это исполнение надежд их народов на лучшее будущее в составе единой Европы, но страны должны туда вступать «вместе со своим духовным наследием».

Однако общественные настроения корректирует миграционный кризис — в сербском обществе растет евроскептицизм на фоне поддержки традиционных ценностей и осознания своих различий с либеральной Западной Европой (что продемонстрировало исследование Пью Центра в 2017 г.). По мнению сербских исследователей, европейские ценности (которые относятся к интеграции Западной Европой) уже глубоко проникли в сербское общество, но в то же самое время есть и оппозиция этим ценностям. Православие занимает прочное положение в общественно-политической жизни страны. Дело в том, что

---

www.orthodox-canada.com/ru/75th-anniversary-peter-and-paul-church-in-north-star/%94?act=interview&div=410 (дата обращения: 13.04.2018).

[86] Синод Сербской православной церкви сместил епископа, выступавшего против Евросоюза. 13.03.2015. Режим доступа: URL: http://ruserbia.com/religions/sinod-serbskoj-pravoslavnoj-tserkvi-smestil-episkopa-vystupavshego-protiv-evrosoyuza/ (дата обращения: 12.04.2018).

в Сербии 2000-е гг. стали временем укрепления взаимоотношений Церкви и власти: были введены уроки религии в школах, институт военного духовенства, возвращено церковное имущество, восстановлен богословский факультет в Белградском университете. При этом последователи Православной церкви часто автоматически считаются евроскептиками и еврофобами, что не соответствует реальности. В сербском обществе, как и в Церкви, сложились течения, как либерального толка, так и ультраконсервативного, но настроения большинства православных прихожан оказались более сложными и интересными. Мария Бруич в рамках социологического опроса выявила, что большинство информантов придерживаются мнения, что ЕС не может оказать существенного влияния на православное христианство, на Церковь или на религиозную практику: «Христианство вечно, также как и Церковь», «Истинным верующим не важно, в каком государстве они живут. <...> Не существует христианского государства», «Церкви будет лучше в условиях конкуренции», «общество и без ЕС теряет свою идентичность, а в ЕС государство будет по-настоящему секуляризованным, и духовенство не будет управлять государством». Что касается православных евроскептиков, то помимо опасений по поводу разрушения идентичности с вступлением в ЕС, они отмечают: «Возможно ЕС будет более привлекателен для молодых людей, чем традиционные ценности Церкви»[87].

В отличие от православных церквей в странах ЕС, Русская православная церковь, как и Ватикан, ищет свой наднациональный образ единой Европы, так как для нее важно присутствие во всех странах евразийского пространства и сама идея его общности (епархии РПЦ действуют на территории от Лондона до Токио). Россия, которая является частью европейского пространства и соотносит свое развитие с развитием стран ЕС, «евроскептицизм» в широком смысле этого слова проявляется, в основном, в антизападных настроениях в обществе и также, как и в других странах, в заявлениях консервативных политиков

[87] Brujic M. EU Integration and the Serbian Orthodox Christianity // Journal for the Study of Religions and Ideologies. Summer 2017. Vol. 16. Issue 47. P. 32–46.

о стремлении защитить собственную идентичность. Вместе с тем, официальная позиция РПЦ по поводу европейского проекта соединяет в себе признание его значения и критику секулярности ЕС с позиций европейской многоукладности: «...то, что мы называем обобщительно «западный мир», представляет собой далеко не однородную субстанцию. Есть глобалисты-транснационалисты, есть христианские традиционалисты, есть националисты-евроскептики, есть левые. И сегодня всякий раз необходимо уточнять: о какой Европе идет речь? “Европ” сегодня много. У одной религиозные ценности, у другой узконациональные, у третьей глобалистские. Нам надо понять, как относиться к каждой из них. Вот почему обе модели, описывающие отношения России с США и странами Европы, — как догоняющая, так и конфронтационная — уже не соответствуют реальной духовно-культурной ситуации в мире. Думаю, нам очень важно это понять и от этого отталкиваться в определении наших будущих отношений с Западом. Второй важный момент, который необходимо учитывать, — это ощущение глубокого кризиса идентичности, охватившего западное общество. В основе этого кризиса лежит противоречие духовного порядка: с одной стороны, в обществе действуют глобалистские тенденции, активно пропагандируются идеи нарочитой секулярности и утилитаризма, а с другой стороны, — всё это наталкивается на сопротивление национальных культурных традиций, имеющих христианскую историю и христианские духовные корни»[88].

Сама по себе структура европейского православия подразумевает многообразие мнений и различных представлений о будущем Европы. Миграционный кризис, затронувший целых ряд стран (в основном, Грецию) или создавший определенные фобии в массовом сознании, обострил страх того, что нахождение в рамках ЕС может уничтожить национальную самобытность того или иного региона. В православных церквях этот фактор поддерживается традиционным консерватизмом и критикой либеральной идеологии, больше характерной для стран

[88] Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на XX Всемирном русском народном соборе. 1 ноября 2016. Режим доступа: URL: http://www.sedmitza.ru/patriarch/2016–11–01/6718351.html(дата обращения: 13.04.2018).

Западной Европы. Чем дальше на «новый дикий Восток» Европы (как некоторые исследователи называют новых членов ЕС), тем критика европейского проекта звучит жестче, но в каждой стране существуют свои нюансы евроскептицизма.

Европейская история предоставила возможность узнать, кто и в какой степени является наиболее последовательным сторонником или противником евроинтеграции — это дискуссии вокруг брекзита в Великобритании (23 июня 2016 г. граждане проголосовали за выход Великобритании из состава ЕС). Пример брекзита как кризиса европейской интеграции и идентичности поможет проанализировать спектр политических предпочтений различных церковных институтов от противников до радикальных сторонников выхода страны из Евросоюза. В представлении большинства церковных лидеров бюрократические структуры ЕС не только безрелигиозны, но и являются источником секуляризации и либеральной политики, особенно, в отношении введения моральных норм в законодательстве. Если антагонизм между секулярными структурами ЕС и церквями очевиден, то в таком случае парадоксом является всемерная поддержка христианскими институтами позиций Брюсселя и еврооптимизма в ходе обсуждения британского референдума.

Безусловно, большинство христианских церквей Великобритании выступало, скорее, на стороне той части общества, которая хотела остаться в рамках ЕС. По сути, церковные иерархи попали в ситуацию, когда их политическая позиция вступила в противоречие с мнением, по крайней мере, половины общества, в том числе и части верующих, которых отношение к брекзиту также раскололо. Кроме того, количество и содержание культурных и богословских аргументов против брекзита не отличалось разнообразием. Многие священнослужители сделали акцент на эмоциональных молитвах за неимением привлекательных политических лозунгов и уже привычной для исторических церквей позиции в светском обществе: «церковь никого не призывает голосовать каким-либо образом, она лишь призывает задуматься и различать разные идеи и их последствия».

Церковь Англии выступает за общее европейское будущее, то есть против брекзита. Накануне референдума для церквей и верующих была издана специальная молитва, которая

призывала граждан к проницательности ради процветания страны вместе «со всеми народами Европы». Молитва звучит так: Господь Истины, дай нам благодать для обсуждения вопросов, поставленных на референдуме с честностью и открытостью. Дай нам великодушие по отношению к тем, кто еще определяется с решением и проницательность к тем, кто голосует, чтобы наша нация могла процветать и чтобы со всеми народами Европы мы могли работать для мира и общего блага. Во Имя Иисуса Христа, нашего Господа. Аминь».

Архиепископ Кентерберийский Джастин Уэлби убеждал прихожан в том, что нет официальной христианской линии по поводу того, как голосовать, но напоминал, что Великобритания должна быть «страной мира» — это часть призвания британца. Церковь лишь стремится создать атмосферу мира и согласия, «строить мосты, а не стены» — именно находится в сердце христианского наследия британцев[89]. Сам Уэлби отдал свой голос за то, чтобы «остаться», поскольку, по его словам, нельзя поддаваться «худшим инстинктам», опасаясь иммиграции. Кроме того, брекзит может ухудшить экономическую ситуацию, что отразиться на беднейших слоях населения. Как отметил архиепископ, я молюсь и надеюсь, что достигнутый в ходе референдума результат приведет к единственной цели: процветающая Британия в процветающей Европе, будет страна частью ЕС или нет. Вслед за обществом Церковь признает наличие проблем и страхов, в том числе перед международным терроризмом и иммиграцией. Однако Джастин Уэлби выделяет главное, обращаясь к основам Европейского сообщества. По его словам, ЕС нуждается в новом видении и реформах, но сообщество ответственно за поддержание мира на континенте с 1945 г., что «было самой большой причиной для благодарности, которую мы только можем себе представить».

Из-за своей открытой политической позиции Джастин Уэлби вступил в публичную полемику с лидером правой Партии

---

[89] Archbishop of Canterbury supports remain campaign in EU referendum // The Guardian. 12.06.2016. Режим доступа: URL: https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/12/archbishop-of-canterbury-supports-remain-campaign-in-eu-referendum (дата обращения: 13.04.2018).

независимости (UKIP), обвинив Найджела Фараджа в преднамеренном возбуждении расистских настроений в британском обществе в рамках довольно грубой политической кампании. В ответ Фарадж назвал Уэлби «плохим архиепископом», который закрывает глаза на угрозы со стороны мигрантов. Возмутительной позицию Церкви Англии назвал и сторонник брекзита Питер Бон, член Консервативной партии. По его мнению, политика не должна иметь ничего общего с Церковью — «хотелось бы думать, что Бог занимает более нейтральную позицию по этому вопросу»[90].

Отдельные епархии также активно включились в политическую полемику по поводу положения Великобритании в ЕС. Епископы Уэльса в специальном заявлении призвали к примирению различные фракции, возникшие в обществе, в семьях и общинах, отметив приверженность евангельским ценностям правды, уважения и инклюзии (сопереживания и принятия других). Епископы подчеркнули общеевропейский характер своего служения: «Мы молимся за Соединенное Королевство и наших партнеров в Европе и во всем мире в это время неопределенности, когда мы продолжаем вместе строить справедливое и мирное будущее»[91]. Обеспокоенность епископата связана с тем, что именно в Уэльсе и Англии граждане в наибольшей степени поддержали брекзит.

Итоги референдума, безусловно, разочаровали церковное руководство, как и светских политиков, правительство Дэвида Кэмерона. Архиепископы Кентерберри и Йорка в совместном обращении к нации признали, что теперь придется серьезно переосмыслить, что это значит быть Соединенным Королевством в независимом мире, и какие ценности добродетели будут сопровождать страну теперь в ее отношениях с другими. Главной ценностью епископы назвали гостеприимство и сопереживание,

---

[90] Church of England Calls on God to Help «Brexit» Voters. By STEVEN ERLANGER. APRIL 26, 2016. Режим доступа: URL: https://www.nytimes.com/2016/04/27/world/europe/brexit-church-of-england.html (дата обращения: 12.04.2018).

[91] Church in Wales. 24 June 2016. Режим доступа: URL: http://www.churchinwales.org.uk/news/2016/06/bishops-statement-on-eu-referendum/ (дата обращения: 13.04.2018).

то есть строительство солидарного общества во время транзита в период пост-брекзита, который они назвали «драматическим изменением» для европейских лидеров.

Церковь Англии стремится доказать, что для нее брекзита как-будто бы не произошло, именно она остается не только британской, но и общеевропейской структурой. Это особенно хорошо видно в заявлении епископа епархии Церкви Англии в Гибралтаре Роберта Иннеса, который отметил, что брекзит затронет многих прихожан, но это не помешает диалогу с братьями и сестрами в Европе[92].

Дискуссии вокруг брекзита позволили более ярко заявить о себе консервативным христианским кругам, которые выступили единым фронтом за выход страны из ЕС. В британском варианте консервативное христианство состоит из части англиканских служителей, дистанцирующихся или осуждающих либерализм руководства Англиканской церкви, а также протестантских церквей евангельского направления. Это баптисты, евангелисты, пятидесятники, Армия Спасения, которые в той или иной степени относятся к направлению протестантского фундаментализма, отвергающего либерализацию законодательства и богословия (эти церкви могут принимать женское священство, но они всегда против однополых браков и союзов и поддерживают запрет абортов). Протестантские церкви также выступают против секуляризации общественного пространства, чтобы церкви имели право публично заявлять о своих взглядах и активно вмешиваться в политику. В ходе дебатов вокруг брекзита образовался альянс Консервативной партии и консервативных христиан, которые группируются вокруг независимых межденоминационных организаций, таких как «Христиане в политике», Консервативное христианское содружество (позиционирует себя как «мост между хрисианским миром и партией Тори»), «Христианская акция по исследованиям и образованию» (CARE). Специально для осмысления брекзита и пропаганды идеи выхода и ЕС была создана

[92] Church responses to the EU Referendum. Режим доступа: URL: http://www.thinkinganglicans.org.uk/archives/007293.html (дата обращения: 10.04.2018).

межконфессиональная политическая группа «Христиане за Британию». При этом представители группы «Христиане за Британию» призвали верующих читать накануне референдума ту же самую молитву, которую опубликовал архиепископ Джастин Уэлби, но каждый вкладывал в нее свой смысл.

Одним из ее лидеров стал Эдриан Хилтон, член Консервативной партии, который призвал рассматривать брекзит как стремление к «большей европейской идентичности», а не зацикливаться только на вопросе членства в Союзе: «Очевидно, что не надо быть в Евросоюзе, чтобы трудиться ради мира и общего блага в Европе». Хилтон приводит как политические, так и культурные аргументы в пользу брекзита, признавая, что большинство духовенства пытается убедить прихожан, что лучше остаться (в своих заявлениях Хилтон использовал схоже звучащих игру слов: «virtue of being a BeLeaver» — believer (верующий), т. е. можно прочитать как «добродетель быть верующим/покинуть ЕС»). Более всего Хилтон апеллирует к тому, что слишком много законов были навязаны Брюсселем Британии, что никак не соотносится с демократическими нормами: «Я считаю, что национальное государство — лучший способ упорядочить мир».

Участником движения является также известный священник левых взглядов Джайлз Фрейзер (служит в англиканской церкви св. Марии, Ньюингтон, юг Лондона). Он напомнил в связи с брекзитом о деятельности лидера левого крыла Лейбористской партии Тони Бенна (умер в 2014 г.), который заявлял о том, что для того, чтобы быть европейцем не обязательно состоять в Евросоюзе. По мнению Фрейзера, необходимо защищать британский суверенитет, и это «позор для общества, что традиция левого евроскептицизма сошла на нет». Главные причины, отмечал священник, состоят не в экономике и не в миграции: «Реформация была брекзитом. Мы не хотели, чтобы нами управляли в богословском смысле из Рима. И я не хочу, чтобы нами управляли политически из Брюсселя»[93]. Стоит отметить,

[93] Leave the EU for «Christian» Europe, says new group Christians for Britain // Christian Today. Ruth Gledhill Wed 24 Feb 2016. Режим доступа: URL: https://www.christiantoday.com/article/leave-the-eu-for-christian-europe-says-new-group-christians-for-britain/80557.htm (дата обращения: 10.04.2018).

что в том же духе еще в 2003 г. высказывался Эдриан Хилтон, за что подвергся резкой критике со стороны однопартийцев. По мнению Хилтона, ЕС может свести на нет традицию Реформации в стране: «Католический Евросоюз неизбежно приведет к подчинению протестантского духа Великобритании римско-католическому социальному, политическому и религиозному учению»[94].

Единомышленником Фрейзера и Хилтона является также председатель Консервативного христианского содружества и член парламента от Консервативной партии Дэвид Бэрроуз, член Свободной евангельской церкви Энфилда. Он выступает против брекзита, но отстаивает общеевропейскую идею с точки зрения христианской морали и демократии, солидарности, которые лежали в основании Европейского содружества. Современным структурам ЕС Бэрроуз предъявляет целый ряд обвинений: они более разрушительны для национального бытия и стали источником агрессивного наднационального секуляризма. Необходимость защиты своего суверенитета депутат объясняет с библейских позиций, отмечая, что многообразие наций и их самоопределение, разумное ограничение власти и ее подотчетность благословлены Богом[95]. Дэвид Бэрроуз отмечает, что он предпочитает называть себя не евроскептиком, а ЕС-скептиком (EU sceptic), так как признает европейское единство на основе христианских ценностей[96].

Протестантская оппозиция Евросоюзу, таким образом, представлена в британском обществе в самых различных вариантах и в самых разных сферах — от парламента, институтов

---

[94] Render unto the Pope... Adrian Hilton says that the EU is a means of undoing the Reformation and extending Vatican sovereignty over Britain // The Spectator. 30 August 2003. Режим доступа: URL: https://www.spectator.co.uk/2003/08/render-unto-the-pope/ (дата обращения: 13.04.2018).

[95] Burrowes, David MP. A Christian case for Brexit. Режим доступа: URL: https://www.care.org.uk/sites/default/files/David%20Burrowes%20EU%20Article.pdf (дата обращения: 10.04.2018).

[96] EU: LET'S LEAVE. David Burrowes MP tells us why he will be voting for Britain to exit the European Union on 23 June // Evangelicals now. Режим доступа: URL: https://www.e-n.org.uk/2016/06/features/eu-lets-leave/816de/ (дата обращения: 12.04.2018).

гражданского общества до самих церквей. Аргументация также базируется на культурно-исторических причинах и нежелании идти на поводу у бюрократических структур Европейской Комиссии. Для многих протестантов-фундаменталистов из независимых евангельских церквей (пятидесятники, харизматы, баптисты), американского или африканского происхождения, включающих в себя также и разного рода мигрантов, самой очевидной и достаточной причиной неприятия ЕС является его секулярность, стремление насадить политкорректность и заставить общество и церкви принять либеральные нормы и, тем самым, разрушить христианские семейные ценности, а значит и сами общины. Все остальные возможные аргументы как против, так и за ЕС (например, положения иммигрантов, которых много в независимых церквях), отходят на второй план перед «безбожным» характером власти современных структур Евросоюза. Часть протестантов также обеспокоена стремлением католиков с помощью ЕС построить «новую Священную Римскую империю». Такого рода опасения возникли после обсуждения книги католического историка Алан Фимистера, который доказывал, что план Робера Шумана для единой Европы был сознательным воплощением «неотомистского проекта папы Льва XIII»[97].

Пятидесятнические церкви предлагали членам общины свои духовные причины для протеста против ЕС. На другой день после референдума пастор Питер Хорробин, лидер харизматического служения Эллель (Ellel ministries) заявил, что Бог дал ответ на массовую молитву прихожан и «освободил Соединенное Королевство от внешнего духовного контроля Евросоюза». Служительница американского харизматического движения Международный дом молитвы из Канзас Сити Джули Майер предсказывала в своих «пророчествах», что Бог освободит людей и «пробуждение» начнется в Британии. Глава Евангельской ассоциации Билли Грэма Франклин Грэм также назвал результат референдума «историческим» и «великой возможностью».

---

[97] Fimister A. Robert Schuman: Neo-Scholastic Humanism and the Reunification of Europe (Philosophie et Politique / Philosophy et Politics). P. I.E-Peter Lang S. A., Éditions Scientifiques Internationales, 2008.

Одним из известных евангельских христиан, выступавших с проевропейской точки зрения, был лидер Либерально-демократической партии Тим Фэррон[98]. Следует отметить, что миссионерские церкви, так или иначе связанные с американскими евангельскими или пятидесятническо-харизматическими миссиями, активно действуют в Великобритании. Для этих многочисленных, но разрозненных общин выступление против «диктата Брюсселя» является символом их противостояния секулярному «греховному» обществу. В более практическом плане — это инструмент для того, чтобы выйти на пространство публичной политики, а также основа для новой миссионерской стратегии в Великобритании и в других европейских странах.

Наиболее радикальную форму протестантская оппозиция ЕС приняла в Северной Ирландии, хотя в целом этот регион проголосовал за то, чтобы остаться в ЕС. Протестанты Ольстера традиционно выступают с непримиримой критикой европейского единства и институтов. Одним из самых известных противников Евросоюза был пастор и лидер ольстерского юнионистского движения Иэн Пэйсли (1926–2014 гг.), который публично называл Католическую Церковь «вавилонской блудницей», а Европейский Союз «зверем» из Откровения Иоанна Богослова, подкрепляя свое мнение тем, что символом ЕС является похищение Европы Зевсом (этот образ рассматривается протестантами как «блудница верхом на звере»). Накануне референдума по брекзиту плакаты с цитатами из Откровения появились в Белфасте и в ряде других городов. Один из аргументов в пользу брекзита из Нового Завета, который приводили протестанты, звучит так: «И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее» (Откр. 18:4)[99]. Сторонниками ос-

---

[98] Christians and Brexit: Did God command the UK to leave the EU? Harry Farley // Christian Today. Tue 28 Jun 2016. Режим доступа: URL: https://www.christiantoday.com/article/christians-and-brexit-did-god-command-the-uk-to-leave-the-eu/89427.htm (дата обращения: 10.04.2018).

[99] Ulster evangelicals for Brexit. For hard-line Protestants, leaving Europe is a matter of eschatology. Why hard-line Ulster Protestants welcome Brexit // The Economist. Jun 24th 2016. Режим доступа: https://www.economist.com/blogs/erasmus/2016/06/ulster-evangelicals-brexit (дата обращения: 11.04.2018).

вобождения от «еврокандалов» стали протестанты-фундаменталисты из числа независимых евангельских церквей, баптистов и пресвитериан (сам Иэн Пэйсли был пастором Свободной пресвитерианской церкви Ольстера»).

Католическая церковь Великобритании на другом полюсе (в сравнении с протестантами-евангелистами) заняла самую определенную проевропейскую позицию в рамках брекзита. Церковное руководство оказалось свободно как от протестантской односторонности в оценке «антихристианского» проекта ЕС, так и от обязательств государственной Англиканской церкви быть «церковью всех британцев» и при этом выступать в целом на стороне истеблишмента, не занимая формально четкой политической позиции. Католическое видение в большей степени сконцентрировано на глубоком осмыслении христианских корней Европы и роли Церкви как объединителя континента, которую она не может потерять, даже несмотря на все претензии, предъявляемые брюссельской бюрократии.

Религиозные лидеры заняли непримиримую позицию в отношении брекзита. Совместно за то, чтобы «остаться», выступили кардинал Винсент Николс, архиепископ Вестминстерский, и бывший глава католиков Великобритании кардинал Кормак Мерфи О'Коннор (умер в 2017 г.). Кардинал Мерфи О'Коннор пожелал ЕС оставаться открытым к трансцендентному измерению жизни и «гуманистическому духу». Кардинал Николс обосновывал необходимость «остаться» в ЕС, защищая европейский проект в целом в соответствии с официальной позицией Ватикана. Логика католического прелата заключается в том, что надо стремиться к продвижению принципов справедливости и мира. Тогда как объединение европейских стран стала залогом мира в Западной Европе в послевоенный период. Идеалы, которые легли в основание Евросоюза — это мир, субсидиарность и солидарность (об этом говорил папа Франциск в Европейском парламенте в Страсбурге 25 ноября 2014 г.). Достигнутый на континенте мир может служить примером того, как проблемы становятся мощным основанием для единства. Вместе с тем, кардинал предлагает по существу не оценивать проблему брекзита с точки зрения проблем: «мы должны построить Европу

не вокруг экономики, а вокруг священности человеческой личности, <...> достоинства людей в Европе и за ее пределами». Как подчеркивает папа Франциск, мы должны постоянно задаваться вопросом: «кто мой ближний?»[100]

Позицию британского епископата поддержал и секретарь Ватикана по отношениям с государствами архиепископ Пол Галлахер, уроженец Ливерпуля. По его словам, лучше «быть в, чем вне» («Better in than out»).

Целый ряд католических священников выступает даже с более радикальной точки зрения. Отец Эшли Бэк из Твикенхэма (Университет св. Марии) заявил: «ты не можешь быть верным католиком и евроскептиком». В противном случае католик-сторонник брекзита прямо идет против того течения церковно-политической истории, о котором говорил папа Иоанн Павел II: «Единство континента, которое постепенно созревает в сознании людей и получает более четкое политическое определение, безусловно, вселяет большую надежду». Священник подчеркивает, что нельзя сводить социальное учение только к общим принципам. Церковь вправе заявлять свое мнение и по конкретным вопросам, также как папа Иоанн XXIII в своей энциклике «Mater et Magistra» (1961 г.) позитивно отозвался по поводу роли ООН в мире. Таким образом, с точки зрения части католиков голосование за брекзит разрушает весь европейский проект. Важным фактором является и то, что кампания по выходу подогревается антииммигрантскими подозрениями и страхами, источником которых являются «нехристианские» правые движения. Основанием для еврооптимизма священника Эшли Бэка является совсем не отсутствие проблем в евроструктурах, а осознание целей и задач, которые Ватикан ставит перед верующими. Одна из целей состоит в том, чтобы католики были вовлечены в работу европейских институтов и воссоединили ЕС с его европейскими корнями вновь[101].

---

[100] Bishops statement on the eu referendum // The Diocese of Westminster. Режим доступа: URL: http://rcdow.org.uk/cardinal/news/bishops-statement-on-the-eu-referendum/ (дата обращения: 13.04.2018).

[101] Why Catholics can't agree on Brexit // Catholic Herald Online. 3 мар. 2016 г. Режим доступа: http://catholicherald.co.uk/issues/march-4th-2016/why-catholics-cant-agree-on-brexit/ (дата обращения: 10.04.2018).

Как отмечают наблюдатели (к примеру, Дамиан Томпсон, редактор в The Spectator и Catholic Herald), довольно много католиков в противоречии с мнением иерархов поддерживают брекзит, но эти настроения полностью игнорируются церковной иерархией. Среди влиятельных политиков также есть католики, выступающие за выход из ЕС — это члены Консервативной партии Чарльз Мур и Джэйкоб Рис-Могг которые в большей степени обеспокоены регулированием иммиграции и безработицей из-за новых волн миграции[102]. Как отметил священник — отец Александр Люси-Смит — католики верят в субсидиарность, солидарность и участие, но все это в значительной степени остается теоретическими понятиями для большинства католиков, которые принимают решения, исходя из более конкретных факторов[103]. Это и неэффективность ЕС в урегулировании миграционного кризиса, и экономический кризис, примером которого является Греция (в решениях по отношению к этой стране нет ни субсидиарности ни участия).

После референдума, в ходе которого, чуть более половина общества, в том числе верующих, высказались за то, чтобы «покинуть» ЕС, католические иерархи признали право народа на этот выбор, но призвали оппонентов к примирению и к размышлению о «справедливости и мире» и ответственности за помощь нуждающимся. Как ранее Англиканская церковь, церковные иерархи предложили обратиться к молитве как одному из способов осознания будущего Великобритании. Конференция католических епископов Англии и Уэльса в своем обращении к верующим, что для начала они могут прочитать молитву за Европу кардинала Карла Мария Мартини (1927—2012 гг.). В контексте брекзита и споров вокруг евроскептицизма слова этой молитвы звучат красноречиво: «Отец человечества,

---

[102] Thompson D. Why bishops love the EU // Catholic Herald Online-12 мая 2016 г. Режим доступа: URL: http://catholicherald.co.uk/issues/may-13th-2016/why-bishops-love-the-eu/ (дата обращения: 13.04.2018).

[103] Voting in the EU referendum is not a question of faith for Catholics/ by Fr Alexander Lucie-Smith posted Monday, 22 Feb 2016 // Catholic Herald Online (blog)-22 февр. 2016 г. Режим доступа: http://catholicherald.co.uk/commentandblogs/2016/02/22/voting-in-the-eu-referendum-is-not-a-question-of-faith-for-catholics/ (дата обращения: 11.04.2018).

Господь истории, посмотри на Европу, которой Ты послал философов, законодателей, мудрецов, предвестников веры в Твоего Сына, который умер и воскрес. Посмотри на этих людей, обращенных Петром и Павлом, пророками, монахами, святыми; посмотри на эти земли, увлажненные кровью святых и затронутые голосом реформаторов. Посмотри на людей, которые соединены столь многими связями, но также и разделенных со временем враждой и войной. Помоги нам работать ради Европы Духа, основанного не только на экономических соглашениях, но также и на человеческих и вечных ценностях. Ради Европы, способной к этническому и экуменическому примирению, готовой принять странника, уважающей достоинство каждой личности. Дай нам силы, чтобы мы восприняли наш долг с надеждой, чтобы вдохновлять и развивать понимание между народами, чтобы на всех континентах были справедливость и хлеб, свобода и мир»[104].

Британские власти также старались укрепить общеевропейскую идентичность страны с помощью обращения к христианской тематике. Еще в 2014 г. живую дискуссию в обществе вызвало заявление премьер-министра Дэвида Кэмерона по поводу того, что неверующие не видят того, что вера дает человеку «моральный код», а поэтому он хотел бы, чтобы религия играла намного большую роль в Великобритании. По словам Кэмерона, он сам является «евангельским христианином» и призывает христиан Британии быть «более евангельскими», то есть более активными[105]. На сайте Консервативного христианского содружества приводится цитата из Кэмерона о том, что через это содружество Консервативная партия поддерживает связь со всеми христианами страны. Между тем, самого Кэмерона нельзя назвать консервативным христианином, поскольку он

---

[104] Statement from the Catholic Bishops' Conference of England and Wales on the result of the EU Referendum. Archdiocese of Cardiff. Режим доступа: URL: https://rcadc.org/statement-catholic-bishops-conference-england-wales-result-eu-referendum/ (дата обращения: 10.04.2018).

[105] David Cameron: I am evangelical about Christian faith. Rowena Mason. The Guardian. 17 Apr 2014. Режим доступа: URL: https://www.theguardian.com/politics/2014/apr/16/david-cameron-evangelical-about-christian-faith (дата обращения: 11.04.2018).

приветствовал заключение однополых браков в Церкви Англии и Уэльса, чтобы эта часть общества не была исключена из исторической церкви.

Однако судя по социологическим опросам, большинство христиан разных конфессий прислушались больше не к историческим и культурным аргументам по поводу единства Европы, а к конкретным нуждам своей страны. Согласно данным опросов компании Лорда Эшкрофта, шесть из десяти тех, кто считают себя христианами, проголосовали за брекзит (всего в рамках опроса 54 % респондентов назвали себя христианами). Тогда как, к примеру, 7 из 10 мусульман и индуистов выступили за то, чтобы остаться в ЕС. Это связано как с тем, что выходцы из Азии и чернокожие в большинстве своем голосовали против брекзита. Кроме того, это связано и с тем, что среди христиан больше людей старшего возраста, а среди мусульман половина моложе 25 лет, и именно молодые люди голосовали против брекзита[106].

Позиция церковных лидеров не изменила чашу весов в пользу Евросоюза во время референдума, но скорее в силу того, что общество было расколото и перевес в пользу брекзита действительности был небольшой (это отражает и раскол среди самих христиан-граждан Великобритании). На одном полюсе в ходе политического противостояния на стороне единства с ЕС была либеральная государственная Англиканская церковь и консервативная глобалистская Католическая церковь, на другом полюсе — консерваторы-фундаменталисты (в смысле соблюдения библейских ценностей, сексуальной морали, права заявлять свои религиозные предпочтения в светском обществе) из евангельских протестантских церквей. Такого рода политический спектр в той ли иной степени присутствует в большинстве европейских стран. К примеру, протестанты-нонконформисты в Швеции, принадлежащие к этому же евангельскому направлению, также, к примеру, выступают против Евросоюза в противовес Лютеранской церкви.

---

[106] Christians and Brexit: Did God command the UK to leave the EU? Harry Farley // Christian Today. Tue 28 Jun 2016. Режим доступа: URL: https://www.christiantoday.com/article/christians-and-brexit-did-god-command-the-uk-to-leave-the-eu/89427.htm (дата обращения: 16.04.2018).

Единство европейского континента является для церковных институтов чем-то естественным и по большому счету не требующим дополнительных доказательств. Христианская идея лежала в основе создания Европейского сообщества, но оно стало развиваться по секулярному и либеральному пути, который подразумевает отсутствие религии в публичной политике. Многие церкви надеялись на то, что христианство будет упомянуто в так и не принятой Конституции ЕС, но эти надежды не оправдались, хотя религиозные организации и сохранили свой особый статус. Однако церкви в основной своей массе не осудили общеевропейский проект, а приложили все усилия, чтобы заявить о своих интересах и амбициях в рамках сообщества. Анализ церковных заявлений по поводу Евросоюза показывает, что у религиозных объединений существуют свои политические интересы, которые не стоит путать с интересами и идеями «правых популистов» или иных радикалов-евроскептиков.

Мировоззрение христианских церквей, безусловно, укладывается в различные оттенки евроскептицизма — от «мягкого» (внутренней критики) до «жесткого» (структурной критики), от еврооптимизма до евроотрицания. Однако к этой градации добавляется еще ряд факторов: государственные (лояльные власти) церкви — еврооптимисты, глобалисты (католики) — европрагматики, религиозные меньшинства разделены на крайние полюса евроотказников и еврооптимистов. Религиозные группы разделяет также еще один фактор, влияющий на политические настроения и часто не учитываемый — это приверженность самим корневым вероучительным ценностям.

В христианстве представлены церкви и движения, которые разделяются между двумя сильными полюсами: морально-ценностного либерализма и морально-ценностного фундаментализма (под моралью имеется в виду общая трактовка нравственности в зависимости от понимания Библии и строгость ее соблюдения, под ценностями — библейские ценности или поразному трактуемые многими церквями требования христианского вероучения). Это значит, что церковный институт может даже действовать в какой-то степени себе во вред, отстаивая свою богословскую позицию, образ морали и общественных

ценностей. Либеральная церковь (к примеру, Лютеранская) теряет прихожан в стерильной секулярной среде, источником которой являются, в том числе, институты ЕС, но она будет в любом случае голосовать за ЕС, чтобы быть с обществом и проявлять солидарность. Протестантская евангельская церковь, которая находится в меньшинстве в Греции, Болгарии или Румынии, будет против Евросоюза и интеграции в силу своего библейского фундаментализма и негативного восприятия ислама, хотя общеевропейская политика поддержки свободы совести и религиозных меньшинств явно предоставляют такого рода церквям больше преференций, чем в любой другой стране мира (но не больше, чем в США).

Основными составляющими христианского евроскептицизма стали: защита евангельских ценностей, укоренных в Библии (что объединяет православных, католиков, консервативных протестантов-евангелистов); актуализация христианских корней Европы (что объединяет православных, католиков, в более либеральном духе лютеран, в меньшей степени — протестантов-евангелистов, которые больше сосредоточены на общинной деятельности); сохранение национальной самобытности против посягательств либеральной бюрократии (что объединяет православных и в меньшей степени католиков). У каждой конфессии свое сочетание этих претензий к Евросоюзу и выстроены они в различном порядке по степени приоритета.

Рост политического популизма в 2010-х гг., связанный с общим кризисом европейской идентичности на фоне антииммигрантских и антиисламских настроений, сделал актуальной и востребованной позицию христианских церквей. Главным образом, в публичном пространстве представлена Католическая церковь, именно она стала олицетворением общехристианской оппозиции правому популизму не только в Европе, но и в мире. Вместе с тем, также активно участвуют в общественных дискуссиях Англиканская церковь, Лютеранская церковь, различные протестантские деноминации, национальные православные церкви. В данном случае мы рассматриваем церкви как гражданские институты со своей общественно-политической позицией в рамках социолого-политологического подхода к изучению религии. В связи с этим христианский фактор

понимается, прежде всего, как институциональное влияние церковных структур.

Несмотря на то что религия в секулярном обществе часто воспринимается как архаичное явление, в целом можно сказать, что церкви в лице своего руководства заняли умеренно демократические позиции. Политическая риторика популистов стала включать в себя намерения защитить христианскую идентичность Европы или отдельной страны. Однако религиозные институты не стали частью правого популизма, не проявили абсолютной солидарности с популистскими партиями и движениями, даже если это касается случаев поддержки церквями правых партий в Восточной Европе. Реагировать на популистские акции, лозунги и решения церковных деятелей заставило использование светскими политиками прохристианской риторики, в том смысле, что её нельзя назвать в полной мере христианской ни с точки зрения интересов церкви, ни с точки зрения богословия различных церквей. Популизм в значительной степени приватизировал часть христианской повестки дня, поставив «защиту идентичности» на службу конкретным политическим интересам, что не могло не вызвать реакции (или даже отторжения) среди церковного руководства. Одна из острых политических проблем, которая возникла перед христианскими лидерами — как существовать в рамках или около популистской волны, охватившей многие страны, не отвергая движения и партии, за которые голосует много верующих или потенциальных христиан. Решая эту политическую задачу, религиозные лидеры по существу предложили свой собственный вариант «церковного популизма», который был адекватен новой ситуации.

Рост религиозного фактора был обусловлен обращением к теме защиты идентичности, где церковные институты исторически отводят себе ключевую роль. Как подчеркивает И. С. Семененко, «Неопределенность в вопросе о том, кем и какими путями эффективно осуществляется сегодня целеполагание национального развития, оказывается ключевым вызовом эпохи глобализации. В мировую политику настойчиво возвращается тематика национальной идентичности как ресурса развития». Правила политкорректности сознательно обходят вопрос

о «национальном» характере государства стороной, и национальный дискурс вытесняется на второй план, однако он возвращается «в форме дебатов об идентичности»[107].«Вызов идентичности» обостряется осознанием обществом новых угроз: согласно социологическим опросам, с 2016 г. на первом месте среди проблем для европейцев стоят иммиграция и терроризм[108]. Острота вопроса о защите национальной традиции и христианских ценностей обуславливается также усиливающимися сомнениями в том, что демократия и либеральные элиты смогут справиться с новым «переселением народов»[109].

Исследователи взаимоотношений религии и популизма отмечают, что правые политики во многом редуцируют христианские принципы до формального уровня «личной веры», в чем не отличаются от либеральных политиков. Наряду с этим, историко-культурная идентичность страны, региона, Европы в целом объявляется политическим фетишем, ради защиты которого можно использовать радикальные ксенофобские методы[110]. Причем, с критикой популизма выступают как светские, так и церковные исследователи. Часть учёных критически оценивает чрезмерное переплетение интересов церквей и правых правительств в Венгрии и Польше. Так, по мнению венгерских учёных, у популистов нет собственного политического содержания, они используют квази-религиозную конструкцию для мобилизации более широкого социального спектра — этнонационализма. Правые предстают перед избирателями не как глубоко религиозные партии, а как «христианские националисты»,

---

[107] Семененко И. С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 8–23.

[108] Громыко Ал.А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5–12.

[109] Европа XXI века. Новые вызовы и риски: монография / под общей редакцией Ал.А. Громыко, В.П . Фёдорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017. С. 265, 376.

[110] Spencer N. (The rise of Christian Populism. theological journal, The Bible in Transmission Bible Society, 6 October 2017. Режим доступа: URL: https://www.biblesociety.org.uk/latest/news/the-rise-of-christian-populism/ (дата обращения: 10.04.2018).

создающие языческое понимание христианства с этнически определяемой нацией с сакральным статусом[111].

В большей части публикаций анализируется роль Ватикана не столько в критике популизма, сколько через призму участия церкви в разрешении миграционного кризиса в европейских странах. Один из самых распространенных выводов — католическое противостояние популизму предопределено универсальным характером миссии и социального учения Церкви, выраженном в космополитическом видении папы Франциска[112]. В глазах многих обозревателей борьба Ватикана с популизмом способствует вовлечению Церкви в политику (учитывая разделения в среде европейских и американских католиков, заявления иерархов за и против популистов), напоминая время, когда папа Иоанн Павел II выступал против коммунизма и войны 1991 г. в Персидском заливе[113].

Основными чертами популизма, которые переосмысливают церковные круги, является: противопоставление «простого народа» «коррумпированной элите», антииммиграционная повестка, антиглобализм (в форме евроскептицизма), а также стремление к архаике в конструировании «идеального общества», в некоторых странах — католический консерватизм[114].

Более сложным является вопрос о том, насколько церковная оппозиция популизму влияет на общественное мнение. Голосование части католиков или же англикан за ту или иную правую партию лишь косвенно говорит о поддержке верующими

---

[111] Zoltan Á., Bozoki A. State and Faith: Right-wing Populism and Nationalized Religion in Hungary. Intersections. EEJSP 2(1): 98–122. Режим доступа: DOI: 10.17356/ieejsp.v2i1.143. URL: http://intersections.tk.mta.hu (дата обращения: 16.04.2018).

[112] Rougeau V. A Cosmopolitan Church Confronts Right-Wing Populism // Seattle University Law Review. 2017. Vol. 40. P. 1343–1358.

[113] Faiola A., Bailey S. P. How Pope Francis is leading the Catholic Church against anti-migrant populism // Washington Post. April 10, 2017. Режим доступа: URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/how-pope-francis-is-leading-the-catholic-church-against-anti-migrant-populism/2017/04/10/d3ca5832–1966–11e7–8598–9a99da559f9e_story.html?utm_term=.f736d145631d (дата обращения: 16.03.2018).

[114] Осколков П. В. Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе // Современная Европа. 2017. № 5. С. 54–63.

популизма, но мало говорит о церковном влиянии на общество. Можно говорить о том, что Католическая церковь в Италии оказала явное влияние на рост терпимости итальянцев по отношению к мигрантам: 44% опрошенных считают иностранцев важным «экономическим ресурсом», 80% высказались в пользу предоставления гражданства детям иммигрантов, рождённым в Италии, 99% заявили, что мигранты, исправно платящие налоги, имеют право на медицинскую страховку, а 88% сочли справедливым их участие в выборах местных органов власти. По словам В. Е. Языковой, «конечно, ситуация далека от безоблачной, страхи, предрассудки и тревога присутствуют, особенно перед лицом финансового кризиса и безработицы, однако в целом итальянцы уже не воспринимают иностранца как козла отпущения, виновного во всех бедствиях этого мира»[115]. Германия в большей степени расколота по отношению к беженцам[116]. Вопрос о судьбе беженцев в 2015–2018 гг. стал индикатором общественных настроений, но церкви и популистские партии существовали в рамках общего подъема традиционализма и гордости за национальную культуру[117], которые они по-разному трактуют.

Исследователи упускают из вида сложность политической позиции лидеров католиков, протестантов, православных, которым пришлось адаптироваться к новой для себя общественной роли — гражданских активистов. В глазах светских учёных и публицистов христианский фактор является в значительной степени инструментальным — это элемент, который корректирует радикальных политиков, но самостоятельная роль церквей даже не рассматривается.

---

[115] Языкова В. Е. Миграция в Италии: роль католической церкви в формировании общественного мнения. // Современная Европа. 2017. №5 С. 105–115.

[116] ImWestenkippt die StimmunggegenüberFlüchtlingen. Von Chris Scheucher. Veröffentlicht am 07.04.2017 // DIE WELT. Режим доступа: https://www.welt.de/politik/deutschland/article163489054/Im-Westen-kippt-die-Stimmung-gegenueber-Fluechtlingen.html (дата обращения: 16.03.2018).

[117] Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe // Pew Research Center. MAY 10, 2017. Режим доступа: URL: http://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/ (дата обращения: 18.03.2018).

Для того чтобы представить многообразие политической картины необходимо рассмотреть, по крайней мере, четыре измерения взаимоотношений религии и популизма: позиции партий и церковная выгода от популизма, церковная поддержка популизма, церкви против популизма, популистская критика в адрес церквей[118].

Мировоззрение правых партий и движений включает в себя широкий спектр элементов, которые так или иначе соотносят цели и задачи с религиозной идентичностью: от простого упоминания необходимости защищать основы своей культуры и традиции до прямой поддержки церкви. В большинстве случаев политики упоминают христианство в светском контексте, то есть не требуют расширить права самих церквей и не призывают их активно участвовать в политической жизни. Парадокс в том, что именно заявления популистов о значении христианства выводят церкви и околоцерковные движения на политическую арену. Однако в каждой конкретной стране церкви играют различную общественную роль и христианский элемент в программах партий также представлен по-разному.

В рамках партии «Альтернатива для Германии» христианское крыло возглавляет Анетт Шультнер (в 2013 г. вышла из ХДС). Она выражает точку зрения тех христиан, которые видят в лице «Альтернативы для Германии» прообраз будущей консервативной политической силы: «консерватизм — это важная часть демократии». Христианское крыло партии выступает против репродуктивных прав, однополых браков и за традиционные гендерные роли, против исламского права в Европе, минаретов на мечетях, никабов, закрывающих лицо женщинам полностью. Шультнер не раз заявляла, что те, кто запрашивают убежища, на самом деле хотят просто устроиться на работу в Германии и «воруют национальную идентичность» у страны. В апреле 2016 г. лидер партии Александр Голанд заявил, что Германия должна остаться «христианской страной», а «ислам – иностранным объектом»[119].

---

[118] Лункин Р. Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях // Современная Европа. 2018. № 1. С. 102–113.

[119] Strickland P. Populism and the fight for the soul of German churches. 5 Sept 2017. Режим доступа: URL: http://www.aljazeera.com/indepth/

В программе партии «Альтернатива для Германии» уделяется больше всего места религиозной тематике, сравнительно с другими движениями, в разделах: «Ислам не является частью Германии»[120] и «Немецкая культура вместо «мультикультурализма»». С одной стороны, партия выступала за рациональную критику религии, прежде всего, ислама, против религиозных символов в публичном пространстве. С другой стороны, среди основ немецкой культуры перечисляются: ценности христианства, античности, гуманизма и Просвещения: «Идеология мультикультурализма ставит под угрозу все эти культурные достижения»[121].

Что касается немецкого движения PEGIDA (немецкая аббревиатура, обозначающая «Патриоты Европы против исламизации Запада»), то в её программных тезисах лишь подчёркивается необходимость бороться с политическим или религиозным фанатизмом, радикализмом, исламизацией[122].

Партия «Право и справедливость» в Польше позиционирует себя как защитника национальной идентичности и Католической церкви, поддерживает тесные отношения с Польской конференцией епископов. В 2017 г. Католическая церковь подвергалась критике из-за того, что не выступила против правовой реформы партии, согласно которой министр юстиции может увольнять судей (иерархи ограничились заявлениями о необходимости «соблюдения конституционных принципов»). Под влиянием католиков партия Ярослава Качиньского продвигает полный запрет абортов, а также приняло решение об ограничении доступа к экстренной контрацепции («таблетка следующего дня»), хотя согласно общим правилам ЕС такого рода

features/2017/07/populism-fight-soul-german-churches-170724140321875.html (дата обращения: 16.03.2018).

[120] Официальный сайт партии «Альтернатива для Германии». Режим доступа: https://www.afd.de/zuwanderung-asyl/ (дата обращения: 16.03.2018).

[121] Официальный сайт партии «Альтернатива для Германии». Режим доступа: https://www.afd.de/kultur-medien/ (дата обращения: 16.03.2018).

[122] Официальный сайт движения PEGIDA (Патриоты Европы против исламизации Запада). Режим доступа: http://www.pegida.de/ (дата обращения: 16.03.2018).

контрацепция должна быть доступна без рецепта[123]. Было приостановлено финансирование процедур искусственного оплодотворения.

Церковь получила от правительства также и материальную поддержку[124]. Консервативное радио «Мария» выиграло грант от Министерства иностранных дел на общественную дипломатию. Церковь была освобождена от ограничений на покупку и владение землей, хотя для всех других категорий граждан и организаций были введены особые права владения сельскохозяйственными землями. Министерство образования поддержало преподавание религии в школе наряду с другими предметами[125].

Лидер венгерской правой партии «Фидеш» премьер-министр Венгрии Виктор Орбан подвергается критике как со стороны консервативной, так и со стороны более либерально настроенной католической общественности. Критики периодически напоминают Орбану, что и диктатор, поддержавший нацистов, Миклош Хорти (1868–1957) также называл себя христианином-консерватором. Но и последователи Орбана в 2016 г. раскритиковали премьер-министра за встречу с папой Франциском, которого назвали «либералом»[126].

Манифест ультраправой венгерской партии «Йоббик» (Партия за лучшую Венгрию) является одним из редких примеров отсылки к христианскому вероучению, а не просто к проблемам

---

[123] Prange A. How the Catholic Church ties in to Poland's judicial reform. 4.07.2017. Режим доступа: URL: http://www.dw.com/en/how-the-catholic-church-ties-in-to-polands-judicial-reform/a-39809383 (дата обращения: 16.03.2018).

[124] Wildmann J. Unholy Alliance. The Church in Hungary Lacks Distance from the Government. Herder Korrespondenz, 3/2011, P. 149–154. Режим доступа: URL: http://www.con-spiration.de/texte/english/2011/wildmann-e.html (дата обращения: 17.03.2018).

[125] Cienski J. Poland'sPiS in bed with Catholic Church, backs abortion ban. The relationship could pay political dividends for both sides. 4/5/16. Режим доступа: URL: https://www.politico.eu/article/polands-church-state-alliance-to-ban-abortion (дата обращения: 18.03.2018).

[126] Viktor Orbán visits Pope Francis — And Fidesz supporters attack the Pontiff and George Soros. August 29, 2016. Режим доступа: URL: ttp://hungarianfreepress.com/2016/08/29/viktor-orban-visits-pope-francis-and-fidesz-supporters-attack-the-pontiff-and-george-soros/ (дата обращения: 16.03.2018).

идентичности. В частности, в документе говорится: «Наша партия является христианским, ориентированным на ценности движением, поэтому источником наших слов, действий и каждого элемента нашей операции является наша вера в божественные законы и общечеловеческие ценности. Как консерваторы, мы считаем, что человеческая жизнь обладает присущим достоинством и что причина и цель всех видов деятельности, включая политику, — это сохранение и передача этого наследия. <...> Мы считаем, что наша нация не может укрепляться морально, если её совершенствование не основано на учении Христа, и мы хотим использовать наши средства в качестве политической партии для содействия достижению этой цели. Наши христианские церкви и общины должны сыграть ключевую роль в этом обновлении, поскольку они доказали на протяжении веков, в хорошие и плохие времена, что они могут служить последними духовными, умственными и культурными опорными пунктами нашего народа. На наш взгляд, национальная идентичность и христианство — это неразрывно связанные понятия»[127]. Помимо этого, важно отметить, что партия призывает религиозные институты активно включиться в политическую деятельность.

В Нидерландах Партия свободы Геерта Вилдерса в похожем на «Альтернативу для Германии» стиле заявляет о том, что ислам является угрозой для европейских ценностей и несовместим со свободой. При этом, партия также не предоставляет христианству эксклюзивного права быть фундаментом европейской культуры. По мнению Вилдерса, «голландские ценности базируются на христианстве, иудаизме и гуманизме».

Правая партия «Вперед, Италия» выступает скорее за больший контроль над религиозной жизнью, соответственно, мусульман. Согласно своей программе, партия против интеграции мусульманских общин в итальянское общество, несанкционированные мечети должны быть закрыты, а в контролируемых местах культа проповеди должны вестись только по-итальянски[128].

---

[127] Манифест партии «Jobbik». Режим доступа: https://www.jobbik.com/manifesto_0(дата обращения: 16.03.2018).

[128] Официальный сатй партии «Вперед, Италия». Режим доступа: http://www.direzione-italia.it/immigrazione/ (дата обращения: 19.03.2018).

Помимо этого, Итальянская Лига Севера, в которой католики играют большую роль, выступает в защиту распятий в публичных местах против экспансии мультикультурализма.

Австрийская партия Свободы определяет христианство как духовное основание Европы, отстаивает право на церковный звон против мусульманского азана (громкой молитвы с минарета). Шведская народная партия также выступает против мечетей и минаретов, её сторонниками является консервативная часть Лютеранской церкви. Национальный Фронт Франции с ультраконсервативным крылом использует образ Жанны д'Арк и христианские символы. Однако Национальный фронт не акцентирует внимание на христианских ценностях, а исходит из французского понимания светскости.

В Великобритании манифестации против мигрантов-мусульман проводят Английская лига защиты (EDL) и националистическая партия Британская национальная партия (BNP) вместе с рядом социалистов-антифашистов. Попытку обратиться к прохристианской риторике BNPделала еще в 2006 г. Партия выступила за возвращение молитвы в школы, а также выпустила постер с изображением Иисуса Христа и надписью: «Если Меня гнали, то будут гнать и вас...» (Ин 15:20). Сразу после публикации постера с осуждением партии резко выступили Церковь Англии, Конференция католических епископов Англии и Уэльса, Методистская церковь и ряд христианских организаций. Они заявили о недопустимости использования цитат и евангелия в ксенофобских целях. А в 2008 г. Церковь Англии запретила священнослужителям быть членами BNP. Английская лига защиты также объявляла о защите христианской идентичности — на логотипе партии изображён крест и надпись "Inhocsignovinces» («Сим победишь»), с которой победу одержал император Константин[129].

Лидер Партии независимости Соединённого Королевства (UKIndependenceParty (UKIP)) Найджел Фарадж неоднократно

---

[129] Spencer N. The rise of Christian Populism // Theological journal, The Bible in Transmission Bible Society, 6 October 2017. Режим доступа: URL: https://www.biblesociety.org.uk/latest/news/the-rise-of-christian-populism/ (дата обращения: 16.03.2018).

отмечал, что он волнуется по поводу ухода христианства из британской жизни, а также о том, что надо сохранять иудео-христианские ценности, чтобы побороть внутренние угрозы. Эти заявления Фараджа привели к религиозному курьезу: в одной из евангельских (протестантских) общин в Пакистане Фараджа стали считать пророком, который возродит «истинное иудео-христианство» в Европе[130].

Общеевропейская правоцентристская партия — Европейская народная партия, представленная в Европарламенте, формально указывает среди своих основных принципов христианскую демократию, а также основную задачу — защитить граждан Европы и наши ценности[131]. Антиисламская тематика фигурирует в скрытом политкорректном виде — в заявлениях об опасности «терроризма, джихадистов», а также миграции, которая создает «огромные проблемы для наших ценностей и обществ».

Государственная политика европейских стран в области религии прямо не касается проблемы христианства и популизма. Тем не менее, по крайней мере, в двух странах Евросоюза (Польша и Венгрия) правые партии не только заявляли, но и реализовывали программу по защите христианских ценностей и национальной традиции так, как они ее понимают. В Венгрии основные дискуссии разворачивались вокруг принятия религиозного законодательства, обеспечивающего права ряда «традиционных» конфессий, таких как Католическая и Реформатская церкви. В Польше в центре споров остается вопрос о запрете абортов, за что выступает Католическая церковь и часть представителей правых сил. Связи церковных кругов с правящей элитой в Польше и Венгрии позволила национальным католическим церквям укрепить свое политическое влияние среди элиты, получить определенную поддержку со стороны государства. Но в долгосрочном плане такого рода политические дивиденды и лоббирование узкоцерковных интересов среди светской

---

[130] Warren J. The Pakistani Christians Who Worship Nigel Farage. Aug 14 2017. Режим доступа: URL: https://www.vice.com/en_uk/article/gyygg7/the-pakistani-christians-who-worship-nigel-farage (дата обращения: 18.03.2018).

[131] Официальный сайт Европейской народной партии. Режим доступа: http://www.epp.eu/our-commitments/commitments/ (дата обращения: 16.03.2018).

элиты не способствует приобретению большего числа прихожан и завоеванию доверия общества.

В общеевропейском контексте показательным выглядит пример России, где символическая взаимная поддержка государства и Русской православной церкви в рамках политики, где есть черты и правого и левого популизма, выражается в ужесточении законодательства в пользу «традиционных религий» и политике возврата церковной недвижимости, но это лишь незначительно влияет на реальный рост количества прихожан и общин.

Представители церквей сталкиваются, таким образом, со стремлением политиков самостоятельно определить интересы христианства в Европе. Большинство правых движений имеет размытое представление об идентичности и евангельских ценностях, и они прямо противоречат церковным нормам. А те правящие партии, которые понимают защиту идентичности в виде государственной поддержки церквей в ущерб религиозным меньшинствам и либеральным группам, активно привлекают на свою сторону национальные конфессии, но также противоречат христианскому представлению о свободе и плюрализме.

Популистский крен в церковной среде был вполне закономерен. Он позволяет если не сломать, то, по меньшей мере, скорректировать сложившуюся секулярную систему политкорректности, основанную на вытеснении религиозных символов и принципов из публичного пространства, включая политику. Популизм стал возможностью заявить о своих реальных опасениях, интересах, правилах жизни в рамках политической борьбы, вовлекая в неё церковные и околоцерковные институты. Христианскую поддержку популизма, в основном, стоит считать косвенной. Активистами партий и движений стали члены различных церквей или же люди, не являющиеся прихожанами, но желающие отстаивать «христианскую идентичность» континента на основании своей исторической конфессии. Голосование за партии и участие христиан в деятельности ряда движений стало отражением общественных настроений, обеспокоенности за свое будущее, за безопасность и уклад повседневной жизни, в котором значительную роль начинают играть представители других этносов и религий.

Прямая поддержка правых политиков и их решений со стороны представителей церквей была отрывочной и эпизодической. Радикальные антииммигрантские или исламофобские высказывания иерархов являлись частью общенародной волны страхов перед новыми кризисами и будущим Европы, необходимым для церкви знаком того, что правый политический спектр также присутствует в церковной среде.

О поддержке католиками правых партий говорят не только социологические опросы, но и сами представители церковных кругов. По словам Антона де Вита, редактора голландского католического еженедельника «KatholiekNieuwsblad», общее облегчение в Церкви от поражения партии свободы Вилдерса было умеренным осознанием того, что много католиков его поддерживали: «политические разделения проходят также через Церковь. Многие католики разделяют обеспокоенности Вилдерса и верят, что их также надо воспринимать всерьёз». Де Вит подчеркивает, что у популистских движений есть как открытые и активные сторонники, так и молчаливые, и в каждой стране ЕС своё сочетание тех и других. Примечательно, что многие католики в Нидерландах были возмущены, когда епископ города Босх Жерар де Корт призвал голосовать против Вильдерса, но обошёл молчанием либеральную партию «Демократы 66», которая получила примерно такое же количество голосов, выступая за аборты и эвтаназию.

Католические активисты-миряне стараются смягчить на своем уровне риторику папы Франциска. К примеру, президент консервативного итальянского фонда Лепанто Роберто де Маттеи призывает к тому, чтобы церковь играла балансирующую роль по проблеме мигрантов: «Если при Франциске церковь встаёт на сторону неконтролируемой миграции, то что дальше? Правые движения будут обвинять церковь за связь с исламом и иммигрантскими движениями»[132].

---

[132] Faiola A., Bailey S. P. How Pope Francis is leading the Catholic Church against anti-migrant populism // Washington Post. April 10, 2017. Режим доступа: URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/how-pope-francis-is-leading-the-catholic-church-against-anti-migrant-populism/2017/04/10/d3ca5832–1966–11e7–8598–9a99da559f9e_story.html?utm_term=.f736d145631d (дата обращения: 10.03.2018).

В Польше члены Конференции католических епископов прямо поддерживают партию «Право и справедливость», призывая людей голосовать за неё (хотя глава Конференции архиепископ Станислав Гадецки считается сторонником папы Франциска). На политических акциях в поддержку партии поляки приходят с портретами Иоанна Павла II[133]. Когда «Право и справедливость» стала продвигать новый закон о полном запрете абортов, то на воскресных мессах священнослужители в проповедях говорили о своей поддержке этого закона (зачитывалось специальное пасторское письмо). Как отметил архиепископ Варшавы Казимир Ниж, «когда речь идет о человеческой жизни, компромиссов быть не может». Церковь естественным образом стала поддерживать правых консерваторов после того, как бывший президент БрониславКомаровский при поддержке партии «Гражданская платформа» подписал закон о финансировании искусственного оплодотворения несмотря на протесты католиков. В 2016 г. польские епископы даже пригрозили выйти из состава Конференции епископов Евросоюза из-за критической по отношению к партии «Право и справедливость» статьи, которая была опубликована на сайте Конференции (статью убрали, www.europe-infos.eu/whats-happening-in-poland). Архиепископ Пшемышля Йозеф Михалик в пасхальной проповеди назвал оппонентов правительства «историческими предателями своей страны, которые мобилизуют другие нации на ненависть к полякам, имеющим мужество избирать других политиков»[134].

Если относительно либеральная часть католической общественности группируется вокруг журнала «Tygodnik Powszechny». Консерваторы — вокруг радио «Мария» (отец Тадеуш Рыдзик). Ультра-консервативное католическое крыло представлено

---

[133] Prange A. How the Catholic Church ties in to Poland's judicial reform. 4.07.2017. Режим доступа: URL: http://www.dw.com/en/how-the-catholic-church-ties-in-to-polands-judicial-reform/a-39809383 (дата обращения: 16.03.2018).

[134] Cienski J. Poland'sPiS in bed with Catholic Church, backs abortion ban. The relationship could pay political dividends for both sides. 4/5/16. Режим доступа: URL: https://www.politico.eu/article/polands-church-state-alliance-to-ban-abortion (дата обращения: 16.03.2018).

Национальным радикальным лагерем, который провозглашает нацию, Бога и традицию одними из главных ценностей.

Взгляды консервативных католиков Польши, которые поддерживают правое правительство, отражает редактор польского Католического радио Малгожата Глабиш-Пневска. По её мнению, церковь должна поступать осторожно, но в том смысле, чтобы не ассоциироваться с истеблишментом, осуждающим новых радикалов: «все партии используют популистские лозунги, чтобы приобрести поддержку. Если некоторых называют популистами, так как они бросают вызов статусу-кво, то другие партии надо называть элитистскими. Пока популистами называют тех, кто не нравится, вместо того, чтобы дать им шанс протестировать свои идеи демократическим путём. Если популистами являются те, кто защищают маргинализованные слои, непредставленные во власти, то почему это должно быть обвинением? Церковь должна быть уверена, что люди хорошо информированы, и пусть они делают свой политический выбор сами»[135].

Поддержку Виктору Орбану оказывают связанные с Католической и Реформатской церковью движения: Ассоциация христианской интеллигенции, Ассоциация Венгерского гражданского сотрудничества (лидер — Золтан Балог, пастор Реформатской церкви и министр человеческих ресурсов в правительстве Орбана) и Профессорское сообщество Баттьяни. Католическая Церковь Венгрии открыто оказывала поддержку партии «Фидеш» с середины 1990-х гг., взамен Церковь получала субсидии от правительства[136].

Одним из проявлений политики по защите идентичности стало ужесточение религиозного законодательства в Венгрии. В 2011 г. по инициативе партии Фидеш был принят новый закон о религии. Он был поддержан католиками и реформатами,

---

[135] Luxmoore J. Europe's populist parties pose a challenge for the church // National Catholic Reporter. Apr 10, 2017. Режим доступа: URL: https://www.ncronline.org/news/world/europes-populist-parties-pose-challenge-church (дата обращения: 16.03.2018).

[136] Viktor Orban remembers fidesz and the catholic church over the years. Режим доступа: URL: http://hungarianspectrum.org/2015/11/02/viktor-orban-remembers-fidesz-and-the-catholic-church-over-the-years/ (дата обращения: 12.03.2018).

которые считали предшествующий вариант закона 1990 г. слишком либеральным. Генеральный секретарь Реформатской церкви Золтан Тарр прямо заявил, что новый закон должен затруднить процесс создания новых церквей (других направлений). Согласно закону, только 14 из 358 церквей автоматически предоставлялась регистрация, другие должны были пройти этот процесс снова (необходимо иметь, как минимум 1 тыс. членов и 20 лет существования в Венгрии). Официально признанными оказались Католическая церковь, Реформатская церковь, Лютеранская и Православная церкви и Еврейская община, потеряли статус — Методистская церковь и Исламская община[137]. В особенности от данного закона пострадали протестантские церкви евангельского направления — баптисты и пятидесятники. В 2014 г. Европейский суд по правам человека признал венгерский закон о религии противоречащим Европейской конвенции по правам человека по иску Венгерского евангельского содружества, меннонитов, евреев-реформистов и буддистов Венгрии (в апреле 2017 г. Европейский суд решил, что правительство Венгрии должно выплатить 3 млн евро в качестве компенсации Евангельскому содружеству за потерю преференций от государства)[138].

Существуют иерархи, которые напрямую встают на позиции правых популистов. Епископ из Южной Венгрии Ласло-Кисс-Риго, к примеру, сделал заявление в духе правых популистов, критикуя папу Франциска за призыв к полной открытости по отношению к беженцам. По словам епископа, «они не беженцы, это нашествие. Они кричат: «Аллах, акбар», ведут себя вызывающе и цинично и хотят захватить нас. Они представляют угрозу для христианских, универсальных ценностей. Я поддерживаю премьер-министра (Орбана — авт.). Папа не знает реальной ситуации».

---

[137] Luxmoore J. Hungarian churches divided over new religion law. July 15, 2011. Режим доступа: URL: https://www.christiancentury.org/article/2011–07/hungarian-churches-divided-over-new-religion-law (дата обращения: 10.03.2018).

[138] Novak B. Orbán is trying to squeeze small churches out of existence. June 9, 2017. Режим доступа: URL: https://budapestbeacon.com/orban-trying-squeeze-small-churches-existence/(дата обращения: 16.03.2018).

Вслед за некоторыми католическими иерархами в Венгрии позиции правительства Орбана фактически поддерживает вторая по численности деноминация — Реформатская церковь. Представитель реформатов Балаш Одор отмечает, что, хотя он и не разделяет взглядов Орбана об угрозе беженцев христианству в Европу, но сложившаяся ситуация опасна и ненормальна[139].

В марте 2016 г. в Греции стало широко известно заявление митрополита Калавритского Амвросия. Он заявил, что иммигранты разводят костры, бросая в них иконы из православных храмов, чтобы согреться. По словам митрополита, «Захватчики-переселенцы уже начали свое разрушительное дело! А власти страны предоставляют им приют, создают благоприятные условия для жизни и всячески защищают. Просыпайтесь! Воспряньте от летаргического сна! Посмотрите, что происходит вокруг! Греция гибнет!».

Особенностью сложившейся ситуации стало неприятие в православной, католической, лютеранской среде тех церковных лидеров, которые делают открытые заявления в русле правого популизма (исключения в Венгрии и Польше лишь подтверждают общеевропейское отношение — популизм изначально считается авторитаристским и антихристианским, хотя это далеко не так). Вместе с тем, отношение к верующим, которые симпатизируют правым, вполне терпимое либо этот вопрос церковными иерархами не затрагивается ради сохранения политического плюрализма в христианской среде и привлечения растущего числа симпатизирующих «защите христианской идентичности».

После того, как стало очевидно, что христиане (практикующие или по культурной идентификации) вполне естественно (в силу популистского призыва к церкви вернуться в культуру и политику) симпатизируют правопопулистским партиям и движениям и могут пойти за ними, церковные иерархи предприняли попытки сбалансировать ситуацию. Для церквей было

---

[139] Witte G. Hungarian bishop says pope is wrong about refugees September 7, 2015. Режим доступа: URL: https://www.washingtonpost.com/world/hungarian-bishop-says-pope-is-wrong-about-refugees/2015/09/07/fcba72e6–558a-11e5–9f54–1ea23f6e02f3_story.html?utm_term=.1c00c0d2dbe3 (дата обращения: 16.03.2018).

важно громко заявить свою позицию о поддержке самых незащищенных категорий иммигрантов — беженцев, а также осудить популистскую исламофобию. Безусловно, в данной случае радикальные правые популисты, пусть даже и провозглашающие «защиту идентичности Европы», разрушают, с точки зрения церковных иерархов, саму суть христианской веры: наднациональный характер церкви (что разделяют в той или иной степени и православные в Европе, особенно РПЦ) и принцип милосердия и помощи ближнему, кем бы он ни оказался. Без существа христианской веры и сама идентичность Европы, по мнению церковных лидеров, оказывается под вопросом, она теряет смысл.

В наиболее яркой форме антипопулистская точка зрения, принятая по сути всеми христианскими конфессиями, была выражена папой Франциском. Произошло это в рамках обращения папы к лидерам Европейского Союза 24 марта 2017 г. во время юбилея Римского договора 1957 г. Слова папы Римского стали своего рода направлением к действию, и если не поводом к прямым высказываниям, то общим впечатлением о желаемом будущем для Церкви. Пассаж из речи Франциска звучит так: «Европа находит новую надежду в солидарности, которая является самым эффективным антидотом к современным формам популизма. Солидарность влечёт за собой осознание себя частью единого тела и в то же самое время включает в себя способность со стороны каждого члена «сочувствовать» другим и целому. Когда один человек страдает, то страдают все (1 Кор. 12:26). Сегодня, вместе с Великобританией, мы скорбим по жертвам атак, которые произошли в Лондоне два дня назад. Солидарность не предписывает какого-то идеала; она воплощается в конкретных действиях и шагах, которые делают нас ближе к соседям, в какой бы ситуации они не находились. Формы популизма в противоположность этому являются плодом эгоизма, который опутывает людей и мешает им преодолевать, «смотреть вперед за пределы» их собственного узкого видения. Есть необходимость начать думать снова как европейцы, чтобы предотвратить и другие опасности тоскливого единообразия или триумфа партикуляризмов. Политика нуждается в таком лидерстве, которое избегает обращения к эмоциям для достижения

согласия, но вместе этого, в духе солидарности и взаимопомощи изобретает политики, которые помогут всему Союзу в целом развиваться гармонично. В итоге те, кто идут быстрее могут предложить руку тем, кто медленнее, и те, кому приходится тяжелее нагонят тех, кто идет впереди. Европа находит новую надежду, когда она отказывается поддаваться страхам или закрываться в рамках ложных форм безопасности»[140].

Далее папа Франциск делает акцент на том, что история Европы обусловлена встречами разных людей и культур и ссылается на свою речь, произнесенную им в Аахене на вручении премии Карла Великого 6 мая 2016 г. По словам понтифика, «корни наших народов, корни Европы были объединены в веках постоянной необходимостью к интеграции в новых сочетаниях самых разных и далёких друг от друга культур. Идентичность Европы есть и всегда была динамичной и мультикультурной идентичностью»[141].

Вслед за папой о том, что популисты способны привести Евросоюз к концу и разрушить его основы, заявили глава Церкви в Австрии кардинал Кристоф Шёнборн и президент Конференции Европейских комиссий за справедливость и мир архиепископ Люксембурга Жан-Клод Холлерич.

Определеннее других религиозных деятелей поддержку линии папы Франциска оказывает кардинал Рейнхард Маркс, президент Комиссии Епископских конференций Европейского Сообщества и глава немецкой Конференции епископов. По его словам, «Мы католики, и речи папы — это общая линия Церкви». Архиепископ Пол Галлахер, секретарь по связям с государствам Госсекретариата Ватикана, также осудив популизм

---

[140] To the Heads of State and Government of the European Union (24 March 2017). Friday, 24 March 2017. // Официальный сайт Святого Престола. Режим доступа: URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2017/march/documents/papa-francesco_20170324_capi-unione-europea.html (дата обращения: 10.03.2018).

[141] Conferral of the Charlemagne Prize Address of his Holiness Pope Francis. SalaRegia. Friday, 6 May 2016. // Официальный сайт Святого Престола. Режим доступа: URL:http://w2.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2016/may/documents/papa-francesco_20160506_premio-carlo-magno.html (дата обращения: 21.04.2018).

и «нездоровый национализм», при этом отметил, что политические различия в среде мирян и духовенства совершенно нормальны: «политика, как наука, всегда относительна»[142].

Вместе с тем, если рассматривать заявления национальных католических деятелей в отдельности, то может сложиться впечатление, что они противоречат папе или же не столь категоричны, как папа. Но это впечатление обманчиво (сам папа пользуется арсеналом инструментов популистов, заявляя, что Церковь — защитница бедных от жестокости мировой капиталистической системы). Фактически одной из задач церковных деятелей стала попытка направить популистское движение в русло развития гражданского общества, для представителей которого христианство уже будет неотъемлемой частью публичного пространства.

Церкви предложили мягкий способ адаптироваться к популизму. К примеру, вице-президент Комиссии Епископских Конференций ЕС бельгийский епископ Жан Кокероль подчеркивал, что популизм — это серьезная проблема, он часто говорит о глубокой обеспокоенности и поднимает важные вопросы. Однако, задавая естественные вопросы, он не дает правильных ответов: «Популизм заставляет людей думать, что есть очевидные решения, он предлагает упрощения, которые граничат с ложью». Французские католические епископы издали специальное пасторское послание (24 октября 2016 г.) «Восстанавливая смысл политики». В нем не было слова «популизм», но члены Конференции епископов Франции отметили атмосферу страха и ненависти, которые питают надежды на изменение ситуации, и предостерегли от простых, эмоциональных решений. Разочарование французов епископы связали не с отсутствием интереса к обществу, а с поиском новых форм гражданского участия и жизни вместе; ради этого надо работать и ощущать личную ответственность за происходящее[143].

---

[142] Glatz C. European Church leaders: populism «compromises» the truth // Catholic Herald. 28 Oct 2017. Режим доступа:URL: http://www.catholicherald.co.uk/news/2017/10/28/european-church-leaders-populism-compromises-the-truth/ (дата обращения: 21.04.2018).

[143] Luxmoore J. Europe's populist parties pose a challenge for the church // National Catholic Reporter. Apr 10, 2017. Режим доступа: URL: https://www.

В этом же ключе, который оставляет возможность для церковной интерпретации (в смысле адаптации, а не отвержения) популизма, размышляет госсекретарь Ватикана кардинал Пьетро Паролин. По его мнению, недавняя европейская история показывает опустошающие примеры популизма, но эти тенденции отражают несогласие общества с современным развитием: «ведущие партии должны найти конкретные ответы, не жертвуя своими идеалами».

Довольно остроумным является сравнение католическими авторами популистской волны с Реформацией XVI века. Если 500 лет назад протестанты пытались опровергнуть непререкаемый авторитет Ватикана, то теперь популисты низвергают авторитет Европейского Союза (либеральной элиты). Также как книгопечатание распространило новое течение ранее, теперь социальные сети распространяют популизм. Но при этом, в отличие от Мартина Лютера популисты не настоящие верующие, их обращение к христианским корням умозрительно, они скорее прагматики, которые не разрушат стен Евросоюза[144].

Свою интерпретацию церковной реакции на правую политическую волну предложил один из католических публицистов, американский адвокат Джеймс Калб. Он назвал эту реакцию своеобразным католическим популизмом. По мнению Калба, естественно, что церковь поддерживает общественные организации, Евросоюз и массовую иммиграцию. Это является проявлением солидарности церковных и светских бюрократических элит. Церковь благословляет субсидиарность в теории, но воспринимает местный партикуляризм как то, что легитимно, но может вести к проблемам. Кроме того, сами церковные элиты ощущают необходимость быть частью секулярных тенденций из-за страха стать неактуальными. При этом растет пропасть между церковной иерархией и простыми католиками, которые естественно реагируют на изменения окружающей культуры из-за миграции и секуляризации. Примечательно, что Джеймс

---

ncronline.org/news/world/europes-populist-parties-pose-challenge-church (дата обращения: 21.04.2018).

[144] Feffer J. Europe's Populist Reformation. Foreign Policy In Focus. Режим доступа: URL: https://www.huffingtonpost.com/john-feffer/europes-populist-reformat_b_5487511.html (дата обращения: 21.04.2018).

Калб, критикуя церковную иерархию, предлагает католикам тот путь, которым по существу идут многие религиозные лидеры, возможно, даже не осознавая этого: католики не могут связывать себя со светскими элитами или светскими революционерами, католики должны быть вместе с популистами в отвержении секулярного универсализма и должны скептически относится к односторонним слоганам, таким как толерантность, плюрализм, мультикультурализм и универсальная солидарность. Кроме того, популизм антиинституционален. Христианский универсализм противоположен экстремальным тенденциям — всеобщности левых и партикулярности правых. По мнению Калба, церковь должна проявлять свою независимость и не присоединяться к «секулярным проектам» ради иллюзорного влияния[145]. В этом русле осознанно или же интуитивно действует большинство церковных лидеров, причем, не только католических, но и протестантских и православных.

С точки зрения многих либеральных общин, правый популизм прямо противоречит христианским ценностям. Такого мнения придерживаются многие протестантские евангельские общины, лютеранские общины в Германии, которые активно занимаются проектами для беженцев. По словам пастора Альянса евангельских общин Берлина-Бранденбурга Силке Радош-Хиндер, у христиан есть историческая и моральная ответственность, которая обязывает их бороться с правым экстремизмом: «Все равны и все имеют равные права, мы выступаем за многообразие. Тогда как «Альтернатива для Германии» не верит, что все люди равны, отрицает истинные ценности веры и Священного писания»[146].

О несовместимости принципов «Альтернативы для Германии» с христианством также заявлял католический епископ Ульрих Ноймайер. В феврале 2016 г. епископ обещал отключить

---

[145] Kalb J. A Catholic Populism? FEBRUARY 16, 2017. // Crisis magazine. Catholic World Report. Режим доступа: URL: https://www.crisismagazine.com/2017/a-catholic-populism (дата обращения: 21.04.2018).

[146] Strickland P. Populism and the fight for the soul of German churches. 5 Sept 2017. Режим доступа: URL: http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/07/populism-fight-soul-german-churches-170724140321875.html (дата обращения: 21.04.2018).

огни на соборе Эрфурта во время ралли во главе с бывшим лидером партии в Тюрингии Бьорном Хоке.

В Германии действует целый ряд организаций которые на христианской основе борются с ксенофобией. Католики и протестанты стали основателями таких организаций как Служба примирения за мир (AktionSühnezeichenFriedensdiens te) и Федеральная рабочая группа по взаимодействию Церкви и правого экстремизма (основана в 2010 г.).

В Польше также есть голоса критики против действий партии «Право и справедливость». Архиепископ Гнезно — Войцех Поляк, член Папского Совета по пасторской помощи мигрантам и перемещенным лицам, призвал польское правительство принять беженцев[147]. В октябре 2017 г. Войцех Поляк пообещал запретить в служении всех клириков своей епархии, которые примут участие в демонстрациях, направленных против мигрантов.

В противовес популистской волне кардинал Джузеппе Бетори, архиепископ Флоренции, выделил участок земли мусульманам под строительство мечети и заявил городским властям, которые не хотели давать мусульманам землю: «Каждый имеет право на достойное место для того, чтобы исповедовать свою религию»[148].

Помимо этого, Конференция итальянских епископов во главе с епископом Нунцио Галантино оказалась в центре политического скандала. Конференция поддержала новую редакцию закона о гражданстве, которая предусматривает предоставление детям, родившимся в Италии, гражданства в случае, если один из родителей имеет гражданство или длительный вид на жительство. Гражданство также смогут получить те дети, которые окончили 6 классов итальянской школы. Поддерживая

---

[147] Sixsmith B. How influential is Poland's Catholic Church? // Catholic Herald. 14 Dec 2017. Режим доступа: URL: http://www.catholicherald.co.uk/issues/december-15th-2017/how-influential-is-polands-catholic-church/ (дата обращения: 21.04.2018).

[148] Kington T. In good faith: Catholic Church sells land for Florence's first mosque. December 15 2017. Режим доступа: https://www.thetimes.co.uk/article/in-good-faith-catholic-church-sells-land-for-florences-first-mosque-cjdwh7kjh (дата обращения: 21.04.2018).

этот закон, епископы вступили в схватку с правой Итальянской Лигой Севера и левым движением «Пять звёзд». Критикуя популистов, епископ Галантино заявлял, что важно обращать внимание на право и понимать, что некоторые вещи могут меняться, но они не изменяться, если прыгать на столы и говорить банальности. Но вещи изменятся, если понять, как важно, что ребенок, родившийся в Италии, хорошо знает итальянский язык и историю[149].

В Германии церковные лидеры активно критикуют антимусульманское движение в целом и, в том числе, движение Pegida. Епископ Фелик Генн запретил священнику Полу Шпатлингу выступать на акциях Pegida в Дуйсбурге в январе 2015 г., так как это противоречит христианскому образу любви, добра и открытости[150].

В Венгрии церковный протест против популизма выразился в критике ультра правой партии «Йоббик» за её антицыганскую, антииммигрантскую и антисемитскую риторику. Реформатская церковь, которая активно и открыто поддерживает партию Виктора Орбана, выступила против своего пастора Лорана Хегедуса, который принимал участие в акциях против Всемирного еврейского конгресса в 2013 г.. Ситуацию обострило то, что его супруга Енико Ковач Хегедус говорила речь на акции как депутат партии «Йоббик» в парламенте. Епископ Реформатской церкви Густав Болчски заявил, что провокативная деятельность Хегедуса не имеет ничего общего с Евангелием, а сам он будет лишен своего поста. Однако оказалось, что это не так просто — отец Хегедуса оказался епископом Будапешта, а решение о его отставке должна была принимать сама община. По сведениям самих представителей Реформатской церкви, около 10 % её служителей

---

[149] Giangravè C. Migrants: Pope's man in Italian Bishops' Conference wrestles with political right, left. Jun 20, 2017. // Crux Catholic Media. Режим доступа: https://cruxnow.com/global-church/2017/06/20/migrants-popes-man-italian-bishops-conference-wrestles-political-right-left/ (дата обращения: 20.04.2018).

[150] Bishop Silences German Priest for Speaking at PEGIDA Rally [Электронный ресурс] // Breitbart. 24 January 2015. Режим доступа: https://www.breitbart.com/national-security/2015/01/24/bishop-silences-german-priest-for-speaking-at-pegida-rally/ (дата обращения: 22.02. 2018).

имеют антисемитские взгляды. К критике «Йоббик» присоединился и католический кардинал Петер Эрдо. Кроме того, еще в 2010 г. католические епископы накануне выборов распространили послание с предупреждением о «неоязыческих тенденциях» в политике с прозрачным намеком на партию «Йоббик»[151].

Однако под удар антипопулистской церковной критики попала и партия ФИДЕС. Венгерская католическая церковь отменила церемонию 27 января в честь 150-летия со дня рождения Миклоша Хорти в Главной приходской церкви Успения Пресвятой Богородицы в Будапеште. Церемония была организована при участи партии ФИДЕС — выступать на ней должен был вице-спикер Национального собрания Шандор Лазак, который является членом венгерского парламента от правящей партии Фидеш. «На Святой Мессе мы с любовью и уважением вспомним покойного правителя Миклоша Хорти (1868–1957 гг.), который родился 150 лет назад», говорится в приглашении на эту церемонию. Правда, отмена церемонии произошла после протеста еврейских организаций[152].

Однако за критикой правого популизма стоит не только морально-этическая позиция церквей, укорененная в богословии, но и более глубокие политические причины: стремление скорректировать светскую политику в церковных интересах, то есть, оттолкнувшись от критики популизма, заявить о праве на христиан публично выражать свои предпочтения и заявлять о библейских принципах (например, против эвтаназии и однополых браков), бороться за традиционный брак и против абортов.

Светские политики, представляющие правые националистические движения и партии, намного более остро и болезненно воспринимают критику иерархов церквей, чем сами иерархи выпады в свой адрес. Осуждение со стороны христианских

---

[151] Heneghan T. Christian churches back Jews facing anti-Semitism in Hungary. MAY 14, 2013. URL: https://www.reuters.com/article/us-hungary-jews-interfaith/christian-churches-back-jews-facing-anti-semitism-in-hungary-idUSBRE94D08C20130514 (дата обращения: 21.04.2018).

[152] Hungarian church cancels event honoring Nazi ally. January 26, 2018 // Jewish Telegraphic Agency. Режим доступа: URL: https://www.jta.org/2018/01/26/news-opinion/world/hungarian-church-cancels-event-honoring-nazi-ally (дата обращения: 21.04.2018).

деятелей лишает политическую платформу правопопулистских деятелей основы, целеполагания, так как в глазах правых в таком случае «спасаемый отказывается от спасения».

Член партии «Альтернатива для Германии» ХайнерМерц резко осудил одного из священников, который назвал его на мероприятии в Шуттгарте «правым экстремистом»: «Это возмутительно, когда священник проповедует партийные предпочтения с кафедры»[153]. В ноябре 2017 г. было возбуждено уголовное дело из-за угроз, которые стали поступать со стороны партии «Альтернатива для Германии» в адрес архиепископа Бамберга Людвига Шика, который возглавляет Комиссию по международным делам, которая защищает беженцев и мусульман в Германии.

Наиболее резкая антицерковная риторика отличает Северную Лигу. Представитель Лиги в итальянской Палате депутатов Массимилиано Федрига подчеркивал, что «Слова некоторых высоких прелатов, предающих ценности Церкви, невыносимы». Координатор Лиги Роберто Кальдероли отмечал, что Конференция епископов Италии редко занимала столь жесткую позицию по проблемам мигрантов так, как она защищает мигрантов. Лидер Лиги Маттео Сальвини еще в более провокативной форме заявил: «Или Церковь принимает беженцев бесплатно и отказывается от дохода от иммигрантов или глава Конференции епископов Галантино уходит в отставку»[154].

В августе 2015 г. во время телешоу секретарь Конференции епископов Италии Нунцио Галантино сравнил политиков, играющих на ксенофобских стереотипах, с уличными торговцами, предлагающими никому не нужные вещи. В ответ лидер Лиги

---

[153] Faiola A., Bailey S. P. How Pope Francis is leading the Catholic Church against anti-migrant populism // Washington Post. April 10, 2017. Режим доступа: URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/how-pope-francis-is-leading-the-catholic-church-against-anti-migrant-populism/2017/04/10/d3ca5832–1966–11e7–8598–9a99da559f9e_story.html?utm_term=.f736d145631d (дата обращения: 20.04.2018).

[154] Claire Giangravè. Migrants: Pope's man in Italian Bishops' Conference wrestles with political right, left. Jun 20, 2017. Crux Catholic Media. Режим доступа: https://cruxnow.com/global-church/2017/06/20/migrants-popes-man-italian-bishops-conference-wrestles-political-right-left/ (дата обращения: 21.04.2018).

Севера Маттео Сальвини назвал Галантино «епископом-коммунистом», а себя верным католиком, имеющим право выражать мнение части прихожан[155].

В Греции оппозицию линии архиепископа Афинского Иеронима, главы Элладской церкви, представляют ультраправые из организации «Золотая Заря» (взгляды участников этого движения могут варьироваться от христианского национализма до неоязычества). Однако и внутри самой церкви есть консервативные силы, которые в духе популистских движений устраивают обструкции священникам, которые устраивают в своих приходах беженцев.

Насколько значительное влияние оказывает церковная критика на политические дискуссии и на голосование за те или иные партии на выборах? Сложность ответа на этот вопрос в том, что в Польше или Венгрии позиция Католической церкви неоднозначна, в других странах, к примеру, в Англии, радикальные партии маргинальны, во Франции неоднозначна позиция самой партии — Национального фронта, включающая в себя правое католическое крыло, но формально являющаяся светской. Можно сказать, что церковные иерархи помогают созданию маргинального образа правых популистов (это чувствуют и сами популисты), что с успехом используют существующие респектабельные партии и руководство Евросоюза.

Одним из промежуточных итогов противостояния (и косвенного сотрудничества) христианства и популизма стало формирование христианских консервативных сил в обществе, как радикальных, так и умеренных. Католики, протестанты, частично православные прошли в XX веке длинный путь адаптации к демократическим институтам и выработки своих миссионерских, богословских и политических рецептов на вызовы глобализации, антирелигиозного по существу секулярного либерализма, информационного общества. Накопленный опыт не позволил различным церквям поддаться на ксенофобские лозунги ради идеи сохранения идентичности и традиции, что, безусловно,

---

[155] Salvini: «Monsignor Galantino un vescovocomunista Io un cattolicopeccatore». 13 agosto 2015. Режим доступа: URL: http://www.corriere.it. (дата обращения 08.12.2017).

привело бы к маргинализации церковной позиции в ходе роста и падения популизма, который занял свою прочную, но скромную нишу в политическом спектре. Церкви использовали популистскую волну как шанс для укрепления в демократическом обществе, которое, казалось бы, уже «приватизировало» религию, ограничив ее рамками частной жизни. Однако именно популисты сделали христианский фактор значимым и политическим. Балансируя между политиками-либералами и политиками-традиционалистами церковные лидеры (в первую очередь, католики и протестанты) предлагают свою программу сохранения идентичности в мире (наднациональность, солидарность, милосердие), где политические и миссионерские интересы церквей представлены на разных континентах, а численность активных верующих больше за пределами Европы.

3.3. Мигранты: между ненавистью и состраданием

В большинстве европейских стран христианские церкви были вытеснены из публичной политики в ходе процессов секуляризации общественного пространства в целом и политических институтов, в частности. Участие церквей в разрешении миграционных проблем вернуло церковные институты и их лидеров в общественно-политическую жизнь. Под христианскими церквями имеются в виду Католическая церковь, национальные православные церкви и многочисленные протестантские церкви и деноминации. Все они мобилизовали свои усилия, и на фоне растерянности и медлительности светских властей, стали оказывать помощь мигрантам разных категорий. Вместе с социальной помощью церкви предложили свою морально-политическую программу и предоставили обществу фактически новую интерпретацию европейской идентичности. Способность церквей к мобилизации гражданского общества стала особенно важной в условиях кризиса общеевропейской солидарности[156].

---

[156] Лункин Р. Н. Церковная миссия среди мигрантов: горе как тест на веру и демократию // Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы Сер. «Доклады Института Европы». М., 2018. С. 79–92; Лункин

Исследователи подчеркивают, что Евросоюз, столкнувшись с кризисом солидарности внутри ЕС, встал перед необходимостью корректировки своей миграционной политики. При этом, важно отметить, что ЕС заявляет о своей поддержке национальных правительств, местных властей, гражданского общества в их деятельности по обеспечению интеграции мигрантов и формированию взаимного доверия между приезжими и населением принимающих стран[157]. Наряду с этим, миграционные проблемы рассматриваются в контексте кризиса идентичности, в том числе, в контексте поиска мусульманами своей идентичности и идентификационным кризисом современного европейского общества, поиска церквями своей роли в обществе[158].

Британский правовед Ронан Маккри отмечает, что миграция сделает Европу еще более секулярной. Свое мнение он основывает на том, что увеличение числа мигрантов с их фундаменталистской религиозностью только заставит лидеров ЕС еще больше ограничить религию частной сферой[159]. Другая опасность в том, что приезжающие из стран Ближнего Востока не становятся «немцами», а становятся «мусульманами», а их идентичностью становится «Ислам»[160].

Р. Н. Европейские христианские церкви перед лицом миграционного кризиса // Вестник Московского университета. Серия 25: международные отношения и мировая политика. 2017. Т.9, № 2. С. 37–64.

[157] Потемкина О. Ю. Мигранты в Европе. Европейский Союз // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 109–112; Потемкина О. Ю. «Европейская повестка дня по миграции» — новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 28–40.

[158] Китинов Б. У. Тропы Европы: мигранты в поисках идентичности // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 123–131.

[159] McCrea R. How to hobble religion // Aeon. 17 June, 2013. Режим доступа: URL: https://aeon.co/essays/is-migration-making-europe-more-secular (дата обращения: 21.04.2018).

[160] Spielhaus R. Religion and Identity — How Germany's Foreigners Have Become Muslims // International politics global. 2006. Известный немецкий социолог Ганс Георг Соффнер также полагает, что с миграцией Германия «импортирует религиозный конфликт», учитывая, что в 2015 г. 57 % немцев отметили, что ислам является угрозой для немецкого общества (исследование Фонда Бертельсманна).

В этих условиях, как отмечают многие социологи и политологи, политическая роль мусульман, так и христианских организаций, которые помогают мигрантам, в обществе и в отношениях с государством повышается, а власти больше уделяют внимание религиозной сфере[161]. Православные и католики по разным причинам выбрали путь многоплановой работы с мигрантами разных категорий[162]. Вместе с тем, возникают новые проблемы и противоречия уже в самой церковной среде. Американский журнал «Экономист»[163] посвятил целый ряд статей ситуации в Италии, в которых отмечалось недовольство паствы церковным начальством, которое принимает ищущих убежища, а также конфликты представителей Церкви с местными предпринимателям на Юге Италии, которые используют дешевый труд мигрантов. В частности, благотворительная католическая организация «Каритас» пролоббировала принятие закона, согласно которому работодатели должны участвовать в деятельности организаций, помогающих мигрантам. Однако бывает и так, что местные священники поддерживают «мафиози».

Марко Вентура, профессор религии и права в Сиенском университете, отмечает, что «Церкви требуется много мужества,

---

[161] Permoser J. M., Rosenberger S., Stoeckl K. Religious Organisations as Political Actors in the Context of Migration: Islam and Orthodoxy in Austria // Journal Of Ethnic And Migration Studies. 2010. Vol. 36 . Iss. 9. P. 1463–1481.

[162] Лункин Р. Н. Миссии милосердия: социальное служение церквей // Современная Европа. 2016. №4 (70). С. 154–158; Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт: коллективная моногр. / под ред. А. А. Красикова и Р. Н. Лункина. М.: ИЕ РАН, 2016.

[163] Migrants, Italians and the church. Faced with exploitation of migrants, the flock, not the church, looks away. Attitudes towards migrants in Italy pose a dilemma for the church. Mar 10th 2017 // ERASMUS and S. D'I. The Economist. Режим доступа: https://www.economist.com/erasmus/2017/03/10/faced-with-exploitation-of-migrants-the-flock-not-the-church-looks-away (дата обращения: 10.04.2018); Migrants, Christianity and Europe. Diverse, desperate migrants have divided European Christians. Sep 6th 2015 // ERASMUS. The Economist. Режим доступа: https://www.economist.com/erasmus/2015/09/06/diverse-desperate-migrants-have-divided-european-christians (дата обращения: 11.03.2018); Disharmony. The religious response to Syria's travails is prolix and confused. Apr 8th 2017 // ERASMUS. The Economist. Режим доступа: https://www.economist.com/erasmus/2017/04/08/the-religious-response-to-syrias-travails-is-prolix-and-confused (дата обращения: 11.03.2018).

чтобы выступить против сетей беззакония, которые могут иметь глубокие социальные корни, но иногда Церковь находит в себе это мужество». Другая проблема заключается в том, что формально христианские миссии не занимаются прозелитизмом, но фактически этого сложно избежать. К примеру, в порту Катания на Сицилии ищущие убежища могут по своему желанию посещать католическую мессу, находясь под эгидой «Каритас». Но протестантские пасторы уже заявляют о крещении сотен выходцев из Афганистана и Ирана. Своей многообразной работой представители разных церквей ставят острые вопросы, которые заставляют и общество и национальные государство задуматься над их неотложным решением — это соблюдение прав ищущих убежища и положение христиан в странах, где происходят конфликты. Но все это вместе ставит сами церкви в центр гражданского общества европейских стран.

Исследования церковной деятельности в социальной сфере и публицистика демонстрируют, что христианским общинам и движениям приходится находить новые формы взаимодействия с обществом и властями, а проекты выходят за рамки чисто внутрицерковной работы. Для автора данного исследования важно показать, что само по себе служение церквей среди мигрантов является самостоятельным и своеобразным политическим и идейным феноменом. Тогда как большинство исследований скорее рассматривает церковной социальное служение лишь как часть усилий государства или некоммерческих организаций в сфере помощи мигрантам. Для христианских активистов их миссия стала ярким свидетельством возвращения церквей на общественную арену. Проблема в том, что общественность, государство и сама церковь могут понимать эффективность работы с мигрантами по-разному, а та идеология, которую церкви предлагают вместе со своими проектами может не нравиться окружающему обществу и раздражать его.

В условиях миграционного кризиса для большинства церквей особое значение приобрела проблема сохранения общеевропейской идентичности, а не замыкания в рамках национальных государств с закрытием границ и ужесточением правил въезда и пребывания мигрантов. Для многих церквей изменение национального состава Европы стало уже давно свершившимся

фактом. Кроме того, процессы секуляризации лишили церкви части традиционных прихожан из числа исторически местного населения. В этой связи оказалось невозможным для церковного руководства ставить христианскую миссию в зависимость только от национальной идентичности народов Старого Света. Как это ни парадоксально, новая наднациональная европейская идея церквей обращена, прежде всего, к мигрантам.

Особая роль в выражении этой идеологии принадлежит Католической церкви, которая подчеркивает своей деятельное участие в формировании единой Европы.

Программа папы Франциска, включающая в себя внимания к мигрантам любых категорий, выражена в энциклике «Evangelii Gaudium» («О возвещении Евангелия в современном мире») 2013 года[164]. Папа не приемлет глобализацию безразличия, а культуру благосостояния воспринимает как анестезию, чтобы не думать о нуждах и бедах других. Церковь не может отказаться от «влияния на социальную и национальную жизнь, не беспокоиться о здоровье институтов гражданского общества, не высказываться о событиях, интересующих граждан» (Глава IV. Социальное измерение евангелизации, 183–184, 189, 210). «Мы, христиане, должны с любовью и уважением принимать исламских мигрантов, прибывающих в наши страны, как и мы надеемся и просим быть принятыми и уважаемыми в странах исламской традиции. IV. Социальный диалог как вклад в дело мира» (Глава IV.253).

Ключевые слова о новой европейской идентичности были сказаны папой Франциском в интервью французской газете La Croix в 2016 г.. Понтифик назвал помещение мигрантов в гетто худшей формой, приведя в пример террористов в Брюсселе, которые выросли в гетто, и осудил «экспорт демократии» в другие страны. В новой Европе надо отказаться от сознания колониализма: мусульманка должна иметь право носить платок, а католик — крест: «Когда я слышу разговоры о христианских корнях Европы, я иногда опасаюсь триумфалистского и даже мстительного тона, — сказал понтифик. — Да, Европа

---

[164] Апостольское обращение EVANGELII GAUDIUM о возвещении Евангелия в современном мире. М.: Издательство Францисканцев, 2014.

имеет христианские корни, и христианство несет ответственность за то, чтобы поливать эти корни. Но это должно делаться в духе “омывания ног”»[165]. Чрезвычайно важно, что первая поездка папы в 2013 г. за пределы Рима была на остров Лампедуза к ищущим убежища. С точки зрения папы, вакуум идеалов и потеря идентичности ведут к распространению экстремизма и религиозного фундаментализма, а вакуум порождает страх, который ведет к восприятию другого как врага[166].

Особое значение для Европы имеет мировоззрение кардинала Рейнхарда Маркса, президента Комиссии конференций католических епископов ЕС (COMECE, с 2012 г.) и главы Конференции епископов Германии (с 2014 г.). Его обращения, развивающие идеи папы Франциска, оказали большое влияние на христианское сообщество и политиков. По словам кардинала Маркса, мы должны побуждать власти, гражданское общество и членов Церкви к укреплению солидарности по отношению к нуждающимся, иммигрантам или ищущим убежища, которые пересекают границы или остаются в наших странах[167]. Маркс и руководство COMECE заявили, что Дублинская система, возлагающая ответственность на страну прибытия ищущих убежища, не работает, а строительство заборов от тех, кто ищет убежища, не является решением проблемы серьезного гуманитарного кризиса со времен Второй мировой войны[168]. Кардинал Маркс активно реагировал на трагедии в Средиземном море, где тонули ищущие убежища, заявляя, что незамедлительный поиск

---

[165] Папа Франциск: «Вклад Христианства в культуру не должен восприниматься сквозь призму колониализма». 20 мая 2016. Режим доступа: Седмица.Ru (дата обращения: 05.03.2018)

[166] Pope Francis speaks during a baptism ceremony in the Sistine Chapel at the Vatican // Reuters January 10, 2016. / Osservatore Romano. Режим доступа: https://uk.reuters.com/article/uk-pope-immigration-idUKKCN0UP0YL20160111 (дата обращения: 12.02.2018).

[167] Refugees, Migrants, Integration: Proposals of the European Bishops to the EU. COMECE. 18/12/2015. Режим доступа: http://www.comece.eu/site/en/ourwork/pressreleases/2015/article/9934.html (дата обращения: 11.03.2018).

[168] The refugees crisis requires a common European solution. 10/09/2015 // COMECE: The Catholic Church in the European Union. Режим доступа: http://www.comece.eu/site/en/ourwork/pressreleases/2015/article/8859.html (дата обращения: 20.03.2018)

решения проблем людей и есть тест на европейские ценности. Он встречал беженцев лично на вокзале Мюнхена в 2015 г. Кардинал Маркс призвал к переосмыслению общеевропейской идеи в результате кризиса, обозначив новые цели и обязательства: «Проект европейской интеграции и единства принес людям мир, безопасность и процветание. Эти достижения должны быть защищены и разделены всеми. Европа — это проект согласия, а не разделения. <...> Как христиане мы обязуемся сотрудничать для того, чтобы сделать этот проект реальностью, и мы делаем это с глубоким убеждением»[169]. Церковь заявила о неизбежности сотрудничества власти, церквей и гражданского общества в целом.

Позиция церквей вошла в противоречие с частью общественных настроений европейцев, является радикальным контрастом по отношению к восприятию приезжих в массовом сознании. Безусловно, католики и евангелисты поддерживают моральный консерватизм правых партий и их декларации о защите прав христиан в мире — «Право и справедливость» в Польше или Венгерского гражданского союза в Венгрии[170], но не могут полностью разделить их стремление избавиться от мигрантов[171]. В итоге между собой вступили в дискуссию не только

[169] Cardinal Marx: «Europe is a project of reconciliation, not of division». 16/07/2015 // COMECE: The Catholic Church in the European Union. Режим доступа: http://www.comece.eu/site/en/ourwork/pressreleases/ 2015/article/8619.html (дата обращения: 22.02. 2018)

[170] Например, в сентябре 2016 года в Венгрии было создано ведомство по делам преследуемых христиан. Премьер-министр Виктор Орбан принял решение создать новый отдел после встречи с Папой Франциском и принятия участия в мероприятиях International Catholic Legislator's Network. См.: National Catholic Register, 16.08.2016. Режим доступа: http://www.ncregister.com/ (дата обращения: 02.05.2018) Кроме того, новая венгерская конституция, вступившая в силу 1 января 2012 г., содержит упоминание о Боге и вере.

[171] В обращении Европейского евангельского альянса, объединяющего самые разные церкви от баптистов до пятидесятников, отмечается, что служение беженцам стало большим вызовом для церквей, мнения верующих по этому вопросу разделились. Но при этом все евангельские церкви стали активно работать на сербско-венгерской границе, а затем после ее закрытия на хорватско-венгерской. Верующие распространяли вещи, медикаменты, еду и Новый Завет на арабском языке, молились вместе

религиозные лидеры и секулярная бюрократия, но и верующие политики и священнослужители разных взглядов. В Германии церковные лидеры активно критикуют антимусульманское движение в целом и, в частности, Pegida — Патриотические европейцы против исламизации Старого Света. В Греции оппозицию линии архиепископа Афинского Иеронима представляют ультра-правые из организации «Золотая Заря» (взгляды участников этого движения варьируются от христианского национализма до неоязычества).

«Принципы и направления работы с мигрантами в Русской православной церкви (РПЦ)» (от 20 ноября 2014 г.) также повторяют общие христианские подходы в рамках концепции «страннноприимчества». РПЦ также призывает к «гармоничной интеграции» мигрантов, к участию мигрантов в хозяйственной деятельности епархий и приходов. Свою миссию РПЦ видит больше, как преодоление проблем между коренным населением и мигрантами, культурную миссию среди приезжих, помощь в репатриации, что связано со спецификой трудовой миграции в России. Но в православной среде размежевание по миграционной проблеме даже более заметно. Патриарх Кирилл отмечал, также как и папа Франциск: «Мы знаем, что на Страшном Суде Господь спросит с нас за тех людей, за тех странников, которых мы не приютили. Люди, которые приезжают в нашу страну, являются в каком-то смысле странниками. И поэтому, движимые христианским чувством, мы должны делать все для того, чтобы жизнь этих людей была достойной»[172]. Но, к примеру, Фонд единства православных народов заявил (в лице православных депутатов из Молдавии, Болгарии и России), что понятие христианской милости вообще не применимо к «агрессивным мигрантам». Их поддержали греческие митрополиты, заявившие, что некоторые мигранты-мусульмане разводят костры из икон,

---

с беженцами (по сообщению Альянса, случая отказа молиться вместе были единичными). См.: EEA Refugee Prayer Letter: News from Hungary // Bulletin, January 7, 2016. Режим доступа: http://www.worldea.org/prayer/2840/eea-refugee-prayer-letter-news-from-hungary (дата обращения: 12.04.2018).

[172] Подписано Соглашение о взаимодействии Русской Православной Церкви и Федеральной миграционной службы. 19 апреля 2013 г. Режим доступа: Patriarchia.Ru (дата обращения: 25.03.2018).

а в городе Кавала они потребовали снять икону Богородицы и прекратить звонить в колокола[173]. Священнослужители, которые принимали у себя в храмах ищущих убежища, подвергались оскорблениям со стороны националистов, которые кричали на литургии «Анаксиос!» («недостоин» — греч.)[174].

Наряду с этим, глава Отдела внешних церковных связей РПЦ митрополит Иларион (Алфеев) заявил, что создание благоприятной среды для мигрантов является одной из задач Церкви — РПЦ стала участвовать в работе курсов по языковой и культурной адаптации мигрантов, а при храмах были открыты центры для трудовых мигрантов[175] (но программа не приобрела большого распространения — «гастарбайтеры» были готовы учить язык или идти в музей, только если им заплатят).

Христианские церкви (Православная и Католическая церкви, прежде всего) реализуют программу мягкой ассимиляции мигрантов. Социальная и миссионерская политика построена на внимании к реальным нуждам людей, традициям и обычаям разных народов, но без прямой проповеди и противостояния с исламом и мусульманами. То, что церкви стали в центре миграционного кризиса связано с тем, что они на протяжении последних 20 лет занимались работой с мигрантами в разных ее видах.

Христианское мировоззрение, которое оказалось более понятным для мигрантов, чем государственная политика по их интеграции или выдворению, было воплощено в целом ряде

---

[173] Европейские православные против пораженчества перед мигрантами. Григорий Шугаев / 20 апреля 2016. // Русская планета. Режим доступа: URL: http://rusplt.ru/society/nashestvie-bejentsev-23810.html (дата обращения: 26.02.2018)

[174] Противникам нелегальной миграции. 10.03.2010. Режим доступа: www.miloserdie.ru (дата обращения: 01.03.2018).

[175] В соответствии с российской спецификой РПЦ подготовила учебник для китайцев по русскому языку и культуре, а также пособия для мигрантов из Средней Азии. Проводятся акции для беженцев с Украины. В ряде епархий были единичные случаи успешных проектов — детских садов для детей-мигрантов. См.: Митрополит Волоколамский Иларион: Создать для иммигрантов благоприятную среду — общая задача Церкви и государства. Интервью в программе «Церковь и мир». 11 февраля 2015. Режим доступа: Patriarchia.Ru (дата обращения: 26.02.2018).

инициатив. Церкви значительно расширили свою работу через гражданские институты, показав, что они являются значимой частью демократического общества, способны привлекать волонтеров и добиваться своих целей, в том числе политическими средствами. Эффективность социальных проектов церквей связана с тем, что в отличие от светских гуманитарных акций христианские волонтеры стараются создать квази-общину из числа тех, кому они помогают (члены такого сообщества могут не участвовать в богослужениях и многие являются мусульманами).

На институциональном уровне активное участие в организации социальных проектов для мигрантов принимают Комиссия конференций католических епископов ЕС — COMECE (Commission of the Bishops' Conferences of the European Community), существует с 1980 года. Фактически при каждой епархии действуют комиссии или проекты для мигрантов. В 2015 г. епископы Франции, Германии и Италии обращались с призывами к гражданам и властям изменить свое отношение к мигрантам и избавиться от страхов и стереотипов по отношению к ним. Ежегодные доклады по различным формам церковной помощи мигрантам издает Комиссия Церквей по мигрантам в Европе — CCME (Churches' Commission for Migrants in Europe), создана в 1964 г. В нее входят федерации евангелических протестантских общин, экуменические советы разных стран, лютеранские и православные церкви.

Рекомендации CCME церквей по работе с мигрантами определили основные и максимально широкие, демократические принципы работы с мигрантами. Эти рекомендации подписали, помимо CCME, католические благотворительные организации — Каритас-Европа, Иезуистская служба по помощи беженцам, Международная католическая комиссия по миграции, а также Комиссия конференции епископов Европейского Сообщества (Католическая церковь), Евродиакония (сеть из 46 церквей — англиканских, реформатских и православных — и неправительственных организаций) и Квакерский совет по европейским делам[176]. В документе, принятом 19 ноября

[176] Квакеры — протестантское пацифистское движение, возникшее в Англии в XVIII в.

2014 г., отмечается необходимость признания неотчуждаемости достоинства каждой личности и ключевых ценностей европейских обществ: сопереживания, солидарности, гостеприимства, уважения к семейной жизни и нормам закона (II.4)[177]. Более того, церкви отмечали обязательство не выдворять или не возвращать людей в ту страну, где они могут подвергаться опасности, и утверждали, что нужны «двери для беженцев» на границах ЕС (III.7–8). Специальный раздел посвящен более широкой интерпретации концепции «семьи» с тем, чтобы власти могли включать в это понятие родственников в случаях опасности (IV.11).

Крупнейшей международной организацией, у которой есть автономные национальные подразделения в разных странах Европы, является католическая миссия «Каритас». Ярким примером миссии является проект гуманитарных коридоров, который был предложен в 2015 г. и стал реализоваться в 2016 г., пока только на территории Италии. Инициаторами проекта стали католическая община св. Эгидия, Вальденсийская церковь и Евангельская федерация церквей. Идея проекта заключается в том, чтобы выдавать гуманитарные визы и проверять документы мигрантов перед отъездом беженцев в Европу (предполагается переправлять около 1 тыс. в год). Для этого целый ряд итальянских консульств открыли свои бюро в Ливии, Эфиопии и Марокко. Одна из целей проекта — найти альтернативное решение миграционных проблем для того, чтобы обеспечить безопасность и управлять миграцией. Общее мнение, в том числе и представителей церквей, состоит в том, что Европа стареет и нуждается в мигрантах. А мигранты, которые прибывают и устраиваются легально, платят налоги и улучшают ситуацию. Гуманитарное соображение состоит в том, чтобы Средиземное море не было кладбищем под открытым небом. Кризис 2014–2017 гг. носит политический и психологический характер — страх перед мигрантами велик, но численность мигрантов не столь катастрофична для Европы.

---

[177] Recommendations for the development of safe and legal paths to protection in the European Union. Brussels, 19 November 2014 // Caritas. Режим доступа: URL: http://www.eu/sites/default/files/christian_group_ recomm_for_safe_ legal_paths_to_protection_final.pdf (дата обращения: 30.03.2018).

Это всего около 1 млн ищущих убежища и иммигрантов на весь Евросоюз, хотя в Ливане на 6 млн населения 1,5 млн беженцев (интервью автора с Алессандро Салаконе, представителем Общины Св. Эгидия в России в мае 2015 года). Реализации этого проекта способствовал член Общины св. Эгидия — заместитель министра иностранных дел Италии Марио Джиро (ранее занимался общественными связями в Общине св. Эгидия). В связи с этим проектом стали более актуальными и многие идеи, которые популярны в этой общине — Евроафрики и Африки как европейской границы.

Логическим продолжением переселения легальных мигрантов в Европу является работа с ними. Община св. Эгидия организовала проект «Люди, ищущие мира», членами которого являются мусульмане. В 1982 г. община св. Эгидия организовала курсы итальянского языка, чтобы люди не закрывались и интегрировались в окружающее общество. За 30 лет через эти курсы прошло несколько сот тысяч людей. Община специально не создавала мононациональные группы, а в различных праздниках участвовали все члены проекта — вместе праздновали Рождество и Рамадан, привлекали к волонтерской работе всех, независимо от вероисповедания и нации (желающие, мусульмане и христиане, ходили по тюрьмам и больницам и т. д.).

Именно в рамках этого проекта гуманитарных коридоров папа Франциск, посетивший лагерь беженцев на греческом острове Лесбос, взял с собой в Ватикан 12 сирийских мигрантов, тех, у которых были оформлены предварительно гуманитарные визы. Идеология Общины св. Эгидия отражает взгляды папы Франциска на ситуацию с мигрантами и роль Европы в современном мире. Это и провозглашение солидарности и милосердия к нищим и переселенцам, отрицание как европоцентризма, так и колониализма. Прагматизм Церкви заключается в том, что в Африке проживает уже около трети всех христиан мира. Именно поэтому будущее — в дополняющих друг друга культурах, а не в мультикультурализме и не в дискриминации «чужих» культур. С этих позиций представители общины св. Эгидия критикуют правых политиков в Польше и Венгрии и целый ряд епископов в этих и других странах, которые призывают

оградить Европу от мигрантов[178]. Отдельно существует иезуитский центр беженцев в Европе. Общий принцип такого рода центров — предоставлять помощь ищущим убежища, давать им инструкции для жизни и требовать от них уважения к европейским нормам жизни.

В решении проблем мигрантов активно участвуют и отдельные католические, англиканские, лютеранские приходы в разных европейских странах. Папа Франциск призвал каждый приход принять хотя бы одну семью беженцев, мигранты были устроены в Ватикане, а также в Ламбетском дворце — резиденции Архиепископа Кентерберийского в Лондоне[179]. Вслед за надписями «Добро пожаловать, беженцы!» и «Беженцам всегда рады» появляются конкретные инициативы на местах. На передовой, куда прибывают мигранты из Ливии, на Сицилии, к примеру, в одном из приходов Палермо из церкви вынесли скамейки и стулья, расставили раскладушки, а прихожане приносят для еду и самое необходимое. С людьми работают добровольно врачи и психологи. Священник Розарио Франколино отмечает: «Мы заменили алтарь на кровати. Думаю, это самая лучшая месса, которую мы можем отслужить в эти дни. Жители Палермо помогают нам»[180].

Для всех христианских церквей работа с мигрантами стала не только вызовом, но и побуждающим стимулом, который способствовал развитию социальной, культурной активности приходов, сделал общины более открытыми и мобильными по отношению не только к мигрантам, но и к более широкой

---

[178] Luxmoore J. Eastern Europe's church leaders face growing criticism over refugees. Mar. 9, 2017 // The National Catholic Reporter. Режим доступа: URL: https://www.ncronline.org/news/world/eastern-europes-church-leaders-face-growing-criticism-over-refugees (дата обращения: 12.04.2018).

[179] Archbishop of Canterbury throws opens the doors of Lambeth Palace to migrant families and says «Jesus was a refugee». 20 September 2015 // DailyMail. Режим доступа: URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-3241941/Archbishop-Canterbury-throws-opens-doors-Lambeth-Palace-migrant-families-says-Jesus-refugee.html#ixzz4lhJns5TN (дата обращения: 12.04.2018).

[180] Церкви Сицилии превращаются в приюты для африканских мигрантов. 19 июня 2014 // Euronews. Режим доступа: URL: http://ru.euronews.com/2014/06/18/italian-churches-shelter-refugees-as-sicily-swarmed-by-new-crisis (дата обращения: 12.04.2018).

молодежной миссии. Такое побуждающее действие миграционного кризиса отвечает миссионерским задачам всех церквей. В реальности кризис позволил проявиться гибкой и неформальной миссии евангельских церквей, и побудил католиков к расширению своей общественной деятельности. Основатель Общины св. Эгидия Андреа Риккарди также предлагал ввести в европейское законодательство политику спонсорства (поддержки благотворителей), которая бы подвигла европейских граждан, приходы, ассоциации взять на себя ответственность за тех, кто ищет убежища, и предложить им условия достаточные гостеприимства[181]. Новые прихожане, действительно, в отдельных случаях заряжают приходы «новой энергией», как в случае с Ирландией, где общины стали намного более живыми и активными с притоком поляков, румын и других восточноевропейцев[182].

Католические миссии, наряду с другими, проявили себя в лагере для ищущих убежища в Кале, особенно, в части лагеря, который называется «джунгли». Благотворительная миссия «В поисках прибежища» (Seeking Sanctuary) распространяла не только необходимые вещи для беженцев, но и книги — Коран и Библию. О необходимости показать, что церквям есть дело до беззащитных детей и женщин, о значении взаимной ответственности заявлял католический епископ по делам мигрантов Патрик Линч (Конференция епископов Англии и Уэльса)[183].

Для католиков в разных странах выступать против мигрантов — парадокс, который будет преодолен, так как католицизм уже по определению глобален. Сама Католическая церковь, будучи интернационалом народов, способствует миграции, она сама создает Европу из разных народов. И для нее это шанс

---

[181] DOSSIER: tag Peace Meeting Tirana 2015. Режим доступа: URL: http://www.santegidio.org/pageID/5433/langID/en/tag/1420_5/DOSSIER_1420_5_Peace-Meeting-Tirana-2015.html (дата обращения: 12.02.2018).

[182] Immigrants re-energise Irish Church. 18 May 2007. Режим доступа: URL: news.bbc.co.uk (дата обращения: 21.04.2018).

[183] English and French bishops recommend ‘conflict resolution’ as the best way to end the migrant crisis. August, 2015. Режим доступа: URL: http://www.dioceseofshrewsbury.org/news/latest-news/english-and-french-bishops-recommend-conflict-resolution-as-the-best-way-to-end-the-migrant-crisis (дата обращения: 21.04.2018).

стать центром европейского демократического общества и мировоззрением, питающим европейскую солидарность, как неожиданное возвращение к христианским корням Европы с новым национальным колоритом.

Англиканская церковь активно присоединилась к программам помощи ищущим убежища. В частности, приход св. Джеймса на Пикадилли в Лондоне собирал средства для докторов, которые работали в Кале в лагере для беженцев, устраивали выставки сирийских художников вместе с Комиссией ООН по беженцам. Приходы Лондона присоединились к петиции с просьбой к местным властям в Британии принять по 50 ищущих убежища в каждом районе. За пределами Англии Церковь также основала целый ряд социальных центров для беженцев — под Загребом в Хорватии, в Будапеште, в Афинах (англикане работали в партнерстве с православными). По словам Роберта Иннеса, епископа Англиканской церкви в Европе, «неожиданно мы оказались благословлены происходящим. Люди, которые жили в благополучии, поняли, что предлагая милосердие и благодать, они сами получают милосердие и благодать. Общины забывали о различиях между собой, о своих разделениях, перед лицом большого вызова. И разные деноминации вместе осознают общую миссию в своем служении Христу»[184].

Общественно-политические проекты церковных объединений можно разделить на несколько категорий:

1. Дела милосердия в рамках общих социальных программ церквей в отношении малоимущих, людей без документов и места жительства, матерей-одиночек и беспризорных детей, алко- и наркозависимых.

2. Центры по адаптации мигрантов, в рамках которых оказывается социальная и правовая помощь (помощь с документами, консультации по их статусу, устройству детей в школу и медпомощи, воссоединению семей и т.д.) и проводятся

[184] «Strangely, we ourselves are being blessed» — how the Anglican Church in Europe is helping refugees // The Synod of the Archdeaconry of the East covers central Europe, the Balkans, Turkey, the Caucasus and all of Russia. 28 September, 2015. Режим доступа: URL: http://cofecomms.tumblr.com/post/130054929727/strangely-we-ourselves-are-being-blessed-how (дата обращения: 30.03.2018).

специализированные занятия для мигрантов по праву, истории, это и есть человеческое общение, которого им не хватает.

3. Межрелигиозный диалог, который неизбежен в рамках многообразного мигрантского сообщества. Среди мигрантов есть последователи разных направлений ислама и христианства, как католики, так и протестанты.

Миграционный кризис повысил роль церквей в гражданском обществе, позволил им более жестко критиковать национальные правительства за популизм и национализм и фактически положил конец секуляризму европейской политики.

Показательным примером «нового лица» европейского христианства, и элементом современной идентичности Европы являются протестантские церкви евангелистского или евангельского направления (баптисты, пятидесятники, харизматы, евангельские христиане). Именно эти евангельские церкви с конца 1990-х-начала 2000-х гг. ассимилируют часть мигрантов, формируют этнические общины и целые союзы со своей культурой, христианской, от отличной от того, что характерно для католиков, лютеран, православных. Однако по существу евангелисты или евангелики являются лучшим подтверждением эффективного сочетания прямой проповеди и социальной работы, близости к нуждам простых мигрантов, независимо от цвета кожи и страны происхождения, о чем говорит и папа Франциск.

По данным ООН наибольшее число международных мигрантов среди разных регионов мира в 2005 г. было сосредоточено в Европе — 64 млн. Примерно треть всех мигрантов в государствах Европейского Союза составляют граждане стран — других членов Европейского Союза, а 2/3 — выходцы из других государств. На цифре 64 млн рост мигрантов не остановится, поскольку этого требует экономическая и демографическая ситуация в ЕС. Для сохранения численности населения Евросоюза на нынешнем уровне необходимо в ближайшие пятьдесят лет привлекать не менее 950 тыс. человек ежегодно, а для сохранения численности занятого населения после 2010 г. — 2,2 млн. мигрантов ежегодно[185].

---

[185] Судоплатов П.А. Миграционные процессы и миграционная политика в странах Европейского Союза / Автореферат дис. ... канд. эконом. наук. ИСПИ РАН. М., 2006.

Церкви не только откликнулись на эту болевую точку Европы, но и стали средоточием евангельской мигрантской культуры с этническими особенностями. Евангелисты из Африки и Латинской Америки влились в протестантское сообщество Европы, привнеся на почву Старого Света свои представления о церковной культуре, миссии, проповеди, богослужении. Более того, африканские и латиноамериканские и иные евангельские церкви стали частью европейского христианства, и без них будущее христианского континента уже немыслимо.

Национальная пресса в странах ЕС все чаще обращает внимание на растущие экстравагантные церкви. В Мюльхайме (Mülheim an der Ruhr) большую известность приобрела община, выросшая в индустриальном районе, и насчитывающая 600 чел. Пастор — Эдмунд Браун (Edmund Sackey Brown), выходец из Ганы, поставил своей целью увеличить общину до 5 тысяч в ближайшие гг., для чего даже сделал специальный номер для своего «Мерседеса» — «MH FJ 5000» (Mülheim for Jesus 5000). В церковь приходят, в основном, мигранты из Африки, но есть также и немцы, которые помогают пастору. Ближайшим советником пастора является Ян Сикингер, сын лютеранского пастора. По его словам, церковь не устраивает шумных акций в центре города, а старается привлечь окружающее население в церковь: «Я не думаю, что в Германии есть сейчас какая-либо церковь, которая бурно растет, но ведь и первые немецкие миссии в Африке и Южной Америке также не достигали результата в одночасье». Как утверждает «Deutsche Welle», численность евангельских церквей за последнее десятилетие увеличилась вдвое, и они составляют, по крайней мере, 3 % населения[186].

Относительный бум мигрантских церквей во Франции был отмечен в середине 2000-х гг. По сравнению с посещаемостью служб в католических приходах регулярные многолюдные собрания евангелистов, выходцев из Африки, Азии и Латинской Америки, особенно заметны. Если ранее евангельские общины

---

[186] Costello M. Ghanaian pastor seeks to «re-Christianize» Germany. March 19, 2014 // Deutsche Welle. Режим доступа: URL: http://www.dw.de/ghanaian-pastor-seeks-to-re-christianize-germany/a-17501259 (дата обращения: 30.03.2017).

были микроскопическими, то на 2006 год была отмечена цифра в 460 тыс. активных прихожан. Во Франции действует Сообщество церквей африканского происхождения, куда входит мигрантские общины. Периодически возникают проблемы с местными властями, но как заявляют представители Сообщества, власти и представители МВД довольно быстро привыкают к ним, наблюдая за положительным эффектом деятельности церкви в округе. Одни из примеров — община в Иври-сюр-Сен (Ivry-sur-Seine) Христианский центр «Влияние», основанная конголезцами Ивом и Иваном Кастану. Они подчеркивают, что их церковь сфокусирована на нуждах людей, не только духовных, но и финансовых, семейных, любых других. Помимо этого, представители 26 национальностей из разных частей Африки чувствуют себя единым целым в церкви. Французы, которые также есть в общине, полагают, что атмосфера в общине более теплая и открытая к Богу, чем в других европейских церквях, которые скорее боятся евангелистов, в особенности, общин, проповедующих «процветание». Однако наряду с этим католические приходы заимствуют библейские классы у евангелистов, а протестантизм Реформации уже не так снисходительно относится к евангелистам-харизматам. По словам, Арнольда де Клермона, главы Протестантской федерации Франции, ранее французские протестанты немного с презрением относились к несолидной евангельской теологии, а теперь хотят учиться друг у друга и развиваться вместе[187].

В Великобритании увеличение числа практикующих верующих в новых евангельских церквях также стало открытием конца 2000-х гг.. Согласно данным опроса по христианским церквям Британии, посещаемость воскресных служб во всех христианских конфессиях с 1989 по 2005 гг. значительно упала (в Церкви Англии на 31%, в Католической церкви на 49%). Исключением стали пятидесятники и евангельские церкви, которые выросли на 22% и 10%, соответственно[188]. Одним из ключевых мо-

[187] Evangelical Churches Flourishing in Europe // Voice of America. October 31, 2009. Режим доступа: URL: http://www.voanews.com/content/a-13–2006–07–24-voa48/322976.html (дата обращения: 30.03.2017).

[188] Muir R., Stone L. Who Are We? // Identities in Britain, 2007. Режим доступа: URL: http://www.ippr. org/assets/media/images/media/files/publication/2013/04/who%20are%20we_1563.pdf (дата обращения: 30.03.2017).

ментов доклада Института исследования публичной политики (Institute for Public Policy Research, www.ippr.org) в 2009 г. стало то, что среди 4,5 млн жителей Британии, родившихся вне Соединенного королевства, более половины составляют христиане, среди которых самыми энергично растущими группами являются польские католики и африканские пятидесятники. Харизматические церкви активно привлекают выходцев из Африки и Латинской Америки. К примеру, в одном из самых больших районов на Юго-Востоке Лондона — Льюишаме — 65 пятидесятнических церквей связаны с нигерийской диаспорой, остальные обслуживают выходцев из Ганы, Конго, Кот-д-Ивуара[189].

Несмотря на высокомерное отношение к такого рода церквям со стороны католиков и «традиционных» протестантов (лютеран), они делают большую социальную работу, поддерживая семьи мигрантов, создавая ощущение семьи, а также воспитывая веротерпимое отношение, как между церквями, так и по отношению к мигрантам из разных стран. Было бы не совсем правильно считать, что евангельские проповедники просто попали в вакуум, образовавшийся в результате секуляризации общества и ослабления англикан, католиков и методистов в Британии. Один из христианских экспертов Эд Уэст обратил внимание на сам характер церкви и ее веры. По его словам, средний возраст евангельской церкви около 20 лет, тогда как в католическом приходе полными энергии считаются все, кому меньше 75. У евангелистов много людей из рабочего класса, обращенных мусульман, людей разных наций, объединенных в единое братство. Как остроумно заметил Эд Уэст, «во многих католических и англиканских церквях утром в воскресенье можно встретить молодых родителей, которые хотят определить своих детей в престижную школу, и это говорит о том, что атмосфера наполнена лицемерием. В противоположность этому евангелисты, нравится это кому-то или нет, верят и демонстрируют это. Сомнение и скептицизм — хорошие вещи, но религиозная община,

[189] Martin D. Britain's tolerance to Islam results in more than 1m Muslims setting up home here // DailyMail, 14 December 2009. Режим доступа: URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1235527/Britains-tolerance-Islam-results-1m-Muslims-setting-home-here.html#ixzz375Ex5tdo (дата обращения: 10.03.2017).

которая не верит в собственное послание, увядает и умирает, и на смену ей приходят другие. Я далеко не удивлен, что евангельское христианство на марше в Англии»[190].

Развитие церковных проектов происходит не только в тех странах, где много мигрантов. В Швейцарии международное христианское содружество (International Christian Fellowship) начало свою деятельность в 1996 г., а к 2004 г. в нем было уже более 5 тыс. последователей в 15 городах страны, ежегодный рост составляет 25%. Молодежь шла слушать Евангелие под танцевальную музыку и огни диско. Содружество называли «успешным продуктом» на религиозном рынке, течением американского евангельского фундаментализма, но после взрывного успеха евангелистов все остальные конфессии Швейцарии стали создавать молодежные миссии: реформаты основали «Jugendkirche Zurich», Католический Синод Цюриха с 2006 г. одобрил проект «Церковь молодых»[191].

К началу 2010-х гг. на воскресных служениях евангелистов стало больше людей, чем в традиционных реформатских церквях, хотя около одной трети из 7,8 миллионов человек в Швейцарии являются зарегистрированными членами Швейцарской реформатской церкви. Опрос в рамках национальной программы «Религии, государство и общество» в 2011 г. показал, что 690 тыс. чел. регулярно посещает религиозные службы каждую неделю. Из них 38% католики, 29% евангелисты, 14% члены традиционных протестантских церквей, 11% мусульмане. Пастор двух харизматических церквей в Пайерне и Невшателе Оливье Фавр, бывший пастор реформатской баптистской церкви Лозанны, объясняет привлекательность новых евангельских церквей тем, что она проповедует прямое вмешательство Бога в повседневную жизнь людей, принимает участие в решение их проблем, исцелении от болезней. Африканцам и южноамериканцам

---

[190] West E. I'm not surprised Evangelical Christianity is on the rise // The Telegraph. December 14th, 2009. Режим доступа: URL: http://blogs.telegraph.co.uk/news/edwest/100019857/im-not-surprised-evangelical-christianity-is-on-the-rise/ (дата обращения: 20.03.2017).

[191] Melodious Church Attracts Youth in Switzerland. 20 April 2004. Режим доступа: URL: http://www.christiantoday.com/article/melodious.church.attracts.youth.in.switzerland/659.htm (дата обращения: 20.03.2017).

церковь дает возможность сохранить язык и музыку своих родных стран[192].

Точной статистики по поводу обращений в христианство мигрантов нет, но в прессе появлялись сведения о нескольких тысячах выходцах из Ирана, Афганистана и Сирии, которые становились членами евангельских общин. Однако после того, как сразу около 600 человек крестились в Германии, оказалось, что многие мигранты, таким образом, хотели приобрести статус беженца, так как в Иране и других странах переход в другую веру является вероотступничеством и карается смертной казнью[193]. Миссией среди беженцев в лагере в Кале занималась церковь во главе с пастором-африканцем Тефери Шуремо. Он привлекал в общину, в основном, христиан из Эфиопии и Эритреи. Однако в феврале 2016 г. временный палаточный храм был разрушен французскими полицейскими, которые очищали 100-метровую зону безопасности вокруг лагеря, а пастор Шуремо и беженцы защищали храм с крестом в руках[194].

Представление о том, как изменились европейские церкви, благодаря миграции, в последнее десятилетие и как это активизировало сами общины, можно получить на основе доклада Комиссии Церквей по мигрантам в Европе «Картография миграции и картография ответов европейских церквей на вызовы миграции» (2016 г.)[195]. Так, на основании общеевропейского ис-

---

[192] Jaberg S. Evangelical churches boom in Switzerland. DEC 4, 2011 // Swissinfo.ch — the international service of the Swiss Broadcasting Corporation (SBC). Режим доступа: URL: http://www.swissinfo.ch/eng/evangelical-churches-boom-in-switzerland/31687432 (дата обращения: 20.03.2017).

[193] European Churches Witnessing «mass baptisms» for Migrants, by Oliver Jane, 6 March 2016. Режим доступа: URL: http://www.breitbart.com/london/2016/03/06/european-churches-witnessing-mass-baptisms-for-migrants/ (дата обращения: 20.03.2017).

[194] French authorities destroy refugees church and mosque in Calais jungle // The Tablet. 02 February 2016. Режим доступа: http://www.thetablet.co.uk/news/2992/french-authorities-destroy-refugees-church-and-mosque-in-calais-jungle (дата обращения: 02.05.2018).

[195] Mapping migration, mapping churches' responses in Europe: Belonging, Community, and Integration: the Witness and Service of Churches in Europe // Churches' Commission for Migrants in Europe. 2016. Режим доступа: URL: http://www.ccme.be/fileadmin/

следования, в 60% всех церквей от 6 до 100% мигрантов-прихожан. В тех общинах, где больше 60% мигрантов, как правило, и руководство из числа мигрантов. 74% респондентов ответили, что в местных приходах заметно присутствие этнических меньшинств, которые либо служат и собираются отдельно, либо являются составной частью общины. 25,7% заявили, что до 20% священнослужителей являются сами мигрантами. Особенно стоит отметить присутствие мигрантов среди церковной молодежи — в 32% церквей один из пяти молодых людей является мигрантом. Большинство церквей ищет те или иные способы взаимодействия с миграционной средой — в 48% церквей есть активисты или команды, помогающие беженцам, в 65% общин есть специальные проекты и межцерковное сотрудничество.

Комиссия Церквей по мигрантам в Европе выделяет христианские объединения с самым заметным этническим компонентом (40–60% и более мигрантов) и национальной миссией в крупнейших странах Европы. В Италии это Федерация протестантских церквей, Вальденсийская церковь и Методистская церковь привлекают выходцев из Ганы, Филиппин, Латинской Америки и Южной Кореи, а среди баптистов много румын и украинцев. В Великобритании это пятидесятнические церкви (самая большая — Мусама Диско Кристо Черч), Совет африканских и карибских церквей Соединенного Королевства и Альянс трансатлантических церквей и церквей Тихого океана. В Ирландии в рамках национальной миссии активна Методистская церковь — в общинах много выходцев из Африки и Индии, а также Бразилии, среди молодежи — до 40% мигрантов (из них половина новые мигранты, а половины — второе поколение мигрантов).

В Германии в Евнгелическо-Лютеранской церкви (ЕЛЦ) существуют общины выходцев из Индонезии, Ганы, Финляндии, Нидерландов, Швеции и Вьетнам. В ЕЛЦ также есть разного рода комиссии и проекты межкультурного служения. Во Франции особенно выделяется в межнациональной работе Объединенная протестантская церковь Франции (в Париже самый

---

filer/ccme/70_DOWNLOADS/20_Publications/2016–01–08-Mapping_Migration_2015_ Online__lo-res___2_.pdf (дата обращения: 02.05.2018).

высокий процент мигрантов в церквях — 20%), есть и этнические союзы — Союз африканских и карибских церквей. Французская протестантская федерация поддерживает межцерковные проекты с церквями, которыми руководят мигранты.

Давая общую картину распространения миссии среди мигрантов, Комиссия Церквей по мигрантам в Европе дает свою классификацию общин: церковь этнического меньшинства как часть более широкого объединения с другой традицией; международная церковь как мультиэтническая община, которая использует какой-либо национальный язык в богослужении; межкультурная церковь, в которой есть разные этнические группы со своим служением[196]. В реальности можно говорить о двух видах служения — во-первых, этническая община со своей национальной миссией (в Москве, например, есть филиппинская и корейская община в Католической Церкви, но они собираются отдельно). Во-вторых, мультинациональная и, следовательно, мультикультурная община, которая активно занимается миссией среди мигрантов, но интегрирует их в рамках более широкого объединения и общего богослужения (последний вариант наиболее характерен для протестантских церквей в России, хотя есть и этнические церкви).

Участие христианских церквей в разрешении миграционного кризиса стало вдохновляющим примером для духовенства и верующих. Оказалось, что христианство и его институты не только не изгнаны из общества в результате секуляризации, но и востребованы обществом, нужны ему. Таким образом, процесс десекуляризации привел не только к возвращению церквей и религиозной тематики в публичную сферу, но и к интеграции околоцерковных гражданских институтов (проектов, движений, фондов и т.д.) в демократическую политическую систему при всей ее внешней безрелигиозности.

Ради расширения своей миссии и политического влияния многим христианским деятелям пришлось идти против обще-

---

[196] Jackson D., Passarelli A. Mapping migration, mapping Churche's responses in Europe: Belonging, Community, and Integration: the Witness and Service of Churches in Europe. 2016. Режим доступа: URL: http://www.ccme.be (дата обращения: 02.04.2018).

ственного мнения, которое выступает за ограничение потока въезжающих в страны ЕС, части либеральных политических сил, которые стремятся минимизировать влияние миграционного и религиозного фактора, а также правых партий, которые настроены националистически. Но в итоге церковные миссии, пусть и не в столь массовом масштабе, стали не просто оазисами милосердия, но и центрами массовой ассимиляции в той или иной форме мигрантов разных категорий в европейских обществах. Новой основой идентичности современной Европы стала многонациональность и церковная миссия, меняющая лицо христианства на континенте и отношение к «чужим» в самом разном смысле этого слова. Преодоление национальных границ в церковном контексте вдохнуло новую жизнь в общеевропейское единство, но стало неприятной неожиданностью для исторических народов Европы, теряющих, часто в своих же странах, исключительное положение.

3.4. Религиозная реакция на пандемию коронавируса

3.4.1. Особенности религиозного сознания

Церковь в Европе — в отличие от светских властей — накопила многовековой опыт борьбы с эпидемиями. Последние послужили толчком для появления целого ряда церковных больниц и монастырей, орденов (например, католический Орден св. Лазаря, члены которого устраивали своего рода лечебницы - "лазареты"). Ватикан также использовал эпидемии, чтобы напомнить верующим о болезни, как наказании за грехи, о том, что грядут последние времена. Наряду с помощью людям и организацией первых больниц в монастырях церковь собирала большие пожертвования в трудные времена (многие эпидемии продолжались по десятку лет). Православные церкви, как правило, действовали в соответствии с указаниями властей, священнослужители посещали больницы, служили молебны, церкви закрывались в крайнем случае. Только к 1860-м годам после ряда эпидемий холеры в России были выработаны четкие гигиенические правила проведения служб во время борьбы с болезнями. Пандемия коронавируса 2020 г. стала вызовом для многих

церквей — их способности быть полезными обществу и государству в условиях, когда чиновники перестали обращать внимание на специфические интересы верующих и духовенства.

В то время как страны Европейского союза закрывают границы друг с другом, прерывается авиасообщение, да и просто человеческое общение в условиях карантина, религиозные организации показывают пример солидарности и открытости в борьбе с пандемией коронавируса COVID-19[197]. Христианские церкви проявили себя активной частью гражданского общества. Они живо и оперативно отреагировали на критическую ситуацию, которая сложилась в целом ряде европейских стран (прежде всего, в Италии, Германии, Испании, Великобритании). Во-первых, церкви снова (как и во время миграционного кризиса) показали свое значение для общества и разрешения его социальных проблем. Во-вторых, оказалось, что церковная деятельность в действительности является одним из оснований европейского единства, а христианство — «душой Европы», как об этом неоднократно заявляли религиозные лидеры. Еще в 1990 г. президент Европейской комиссии Жак Делор призвал церкви участвовать в созидании «сердца и души Европы». Значение христианства и необходимости особого диалога Евросоюза с церквями и иными мировоззренческими группами признавалось во время разработки Конституции ЕС и затем Лиссабонского договора (хотя от упоминания христианства в документе отказались). Церкви занимали общую позицию по поводу помощи мигрантам и в отношении популизма (они осудили национализм)[198]. Социальное служение религиозных организаций уже давно перешло их собственные границы и стало основой их новой общественно-политической роли в европейском обществе[199].

---

[197] Комарова А. Коронавирус. Хроника распространения. Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/03/03/koronavirus-hronika-rasprostraneniia.html. (дата обращения: 10.04.2020)

[198] Лункин Р., Филатов С. (2019) Борьба «за» и «против» идентичности во внутриполитических процессах. Мировая экономика и международные отношения, т. 63, № 9, с. 50–60. DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–9-50–60.

[199] Европа между трех океанов : монография / [Ал. А. Громыко, В. В. Журкин, В. П. Федоров и др.] ; под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Федорова ; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Рос-

Во время коронакризиса представители самых разных церквей предложили свой вариант сохранения европейской солидарности.

Религиозные организации вступили в борьбу с пандемией коронавируса как полноправная часть гражданского общества. Руководители различных объединений в подавляющем своем большинстве подчинились условиям карантина и разным уровням самоизоляции, а также согласились следовать санитарным нормам, часто необычным для верующих. Часть христианского мира (Ватикан и либеральные протестантские церкви) безоговорочно подчинилась требованиям государства ради общеевропейской солидарности, которая также стала своеобразной религией для церквей Европы. Наиболее оппозиционными по отношению к строгому карантину и фундаменталистски настроенными в отстаивании права на общую молитву оказались православные священнослужители.

Однако религия не была бы религией если бы не предложила свое мистическое решение проблемы распространения и искоренения коронавируса. И это решение в глазах священнослужителей (и мусульман, и христиан, и буддистов, и иудаистов) может быть единственно спасительным, а с точки зрения общества, преступным, нарушающим общественный порядок, потенциально опасным для людей. Безусловно, по большей части это касается проведения публичных богослужений, любых совместных молитв.

Сложно даже представить себе, чтобы все религиозные организации просто и легко отказались бы от богослужений и спокойно закрыли бы церкви и мечети, даже ради избавления от опасного вируса. И в Средние века и в Новое время были те священники, которые осознавали необходимость карантина, и те, кто упорно приглашал народ в храмы (и реакция была разная — в одних случаях сам народ карал таких клириков, в других — крестьяне бунтовали, не понимая приостановки их бизнеса во время эпидемии чумы во времена А. С. Пушкина). Ничего

сийской акад. наук. — М. : ИЕ РАН : Нестор-История, 2019. С. 471–490. Европа XXI века. Новые вызовы и риски. Монография. Под общей ред. Ал.А. Громыко, В. П. Фёдорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с. Серия: Старый Свет — новые времена. Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. С. 100–122.

нового в смысле человеческой реакции не происходит и сейчас. В то же время в современную постсекулярную эпоху безоговорочный отказ от богослужений означал бы полное подчинение религии светскому либеральному порядку, где вера не является «предметом первой необходимости».

Поведение верующих не оставило сомнений. Религии мира готовы действовать наперекор либеральному порядку и готовы нарушать закон. Столкновения представителей власти и священнослужителей в качестве исключения подтверждают общее правило, что религия является особой сферой жизни человека, которая не готова уходить на вторые или третьи роли в обществе после больниц, аптек и супермаркетов. Обострилась ситуация тем, что христиане во всем мире во время пика пандемии праздновали Пасху Христову.

3.4.2. Коронакризис и европейская солидарность

Европейская комиссия выпустила свои рекомендации по борьбе с вирусом 18 марта 2020 г. В них, в частности, предлагалось закрыть религиозные объекты, включая церкви и приостановить все публичные религиозные мероприятия[200]. Примечательно, что на фоне мер, которые принимают государства — члены ЕС, по закрытию границ, в документе не нашлось места слову «солидарность». Практически в каждом церковном обращении по поводу мер, связанных с борьбой с вирусом, упоминается о необходимости быть солидарными и сохранять общеевропейское единство. Уже 11 марта 2020 г. Конференция европейских церквей, объединяющая десятки организаций разных конфессий, объявила о закрытии всех собраний и мероприятий. 20 марта европейские церкви призвали к совместной молитве и размышлениям: «Мы нуждаемся в том, чтобы физически быть в отдалении друг от друга, но мы также нуждаемся в социальной солидарности»[201]. Кризис, как отмечается в обращении,

---

[200] COVID-2019. EU recommendations for community measures. 18 March 2020. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/covid19_-_eu_recommendations_for_community_measures_v2_1.pdf

[201] COVID-19: CEC calls on churches to stay united in prayers. March 20, 2020. URL: https://www.ceceurope.org/covid-19-cec-calls-on-churches-to-stay-united-in-prayers/

заставляет задуматься о новых возможностях, об открытии чувства солидарности заново в рефлексии о нас самих, о состоянии общества, государства и глобальной экономики.

Комиссия епископатов Европейского союза и Конференция европейских церквей в декларации от 2 апреля высоко оценили действия европейцев во время кризиса и призвали политиков работать «в духе сопереживания и демократии». Примечательно, что в качестве особой ценности в заявлениях церковных ассоциаций выступает сам «европейский проект» и «общеевропейские ценности». Происходит это в то время, когда сами эти понятия рассыпаются, а Евросоюз подвергается критике за неэффективность в ходе борьбы с вирусом. Церкви, наоборот, призывают: «нельзя капитулировать перед страхом и национализмом»[202].

Католическая церковь одной из первых приняла меры, аналогичные тем, которые принимают власти[203]. Папа Римский Франциск первым показал пример верующим — он перешел на дистанционные богослужения и виртуальный прием паломников. Кроме того, на площади св. Петра в Риме понтифик отслужил мессу в одиночестве. Соответственно, Конференция итальянских епископов вслед за светскими властями приняла решение о прекращении богослужений и фактическом закрытии храмов. 20 марта 2020 г. Апостольская пенитенциария Ватикана издала декрет о предоставлении специальных индульгенций для тех, кто заразился коронавирусом. Иерархи Католической церкви разъяснили, что индульгенция — это совсем не безоговорочное прощение грехов, а освобождение от наказания за грехи. В обычной жизни католик исповедуется, ходит на мессу

[202] Европейские Церкви: солидарность перед лицом угрозы Covid-19. Русская служба Радио Ватикана. 02/04/2020. URL: https://www.vaticannews.va/ru/church/news/2020–04/evropejskie-cerkvi-solidarnost-pered-licom-ugrozy-covid-19.html

[203] 8 марта 2020 г. папа Франциск совершает мессы онлайн, 10 марта собор Святого Петра закрыт, 12 марта — декрет кардинала-викария Римской епархии Анджело Де Донатиса (30 марта у него был диагностирован коронавирус) о закрытии всех храмов, 13 марта Ватикан решил оставить храмы открытыми для желающих, но без богослужений, 20 марта введены индульгенции для заболевших коронавирусом. 27 марта папа молился о прекращении пандемии коронавируса в мире на безлюдной площади перед собором Святого Петра в Ватикане под дождем.

и принимает причастие, что и очищает верующего от тех грехов, в которых он раскаивается. Для изолированного больного коронавирусом индульгенцией является чтение Символа веры, Отче наш, молитвы Пресвятой Богородице, а также изучение Библии в течение получаса[204].

В Германии, Франции, Италии и других странах церкви сразу пошли на экстренные меры, связанные с прекращением богослужений. 20 марта 2020 г. вышло специальное обращение председателя Конференции католических епископов Германии епископа Георга Бетцинга, председателя Совета Евангелической церкви в Германии епископа Хайнриха Бедфорд-Штрома и главы православного епископского собрания в Германии митрополита Августина под названием «Помощь, утешение и надежда». В нем представители конфессий объясняли, почему пришлось принять столь сложное решение об отмене совместных собраний. В силу необходимой изоляции, подчеркивается в документе, особенно необходима солидарность между людьми, чтобы «не изуродовать и даже не уничтожить гуманное лицо нашего общества».

В условиях такого экзистенциального кризиса, когда и между общественными институтами возникают границы, многое зависит от каждого человека. Религиозные лидеры привели в пример добровольцев, которые делают покупки для пожилых или больных соседей, или ухаживают за детьми, родители которых должны работать: «В наших сообществах также есть много тех, кто поддерживает социальный контакт и укрепляет сообщество с помощью телефонных разговоров, электронной почты и других средств массовой информации. Помощь включает в себя множество молитвенных групп, которые встречаются через интернет»[205]. Католическая благотворительная организация «Каритас» устроила в Германии акцию с хештегом

---

[204] Скрипунов А. "Все прощены!" Ватикан пошел на революционные меры из-за пандемии. 25.03.2020. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20200325/1569096309.html

[205] „Beistand, Trost und Hoffnung“. Ein Wort der katholischen, evangelischen und orthodoxen Kirche in Deutschland. Bonn und Hannover, den 20. März 2020. URL: http://www.obkd.de/Presseinformationen/Gemeinsames-Wort%20-%20Beistand,%20Trost%20und%20Hoffnung.pdf

#StayathomeHero с призывом ставить «домашние рекорды»: кто больше прочитает книг, просидит в ванне или в позе йоги и т. п.

Представители различных христианских церквей, а также мусульмане и иудеи, практически безоговорочно подчинялись даже самым радикальным требованиям властей, выраженным в приказной форме. Президент Франции Эммануэль Макрон 23 марта в наиболее прямой форме из всех европейских политиков заявил, что теперь все церковные праздники должны будут отмечаться без собраний, тогда как это самые важные события для основных религий и конфессий: пасхальная неделя и Пасха, иудейский Песах и начало священного месяца Рамадан для мусульман. Это и стало мерами «санитарной войны» для верующих, по выражению Макрона. Вслед за ним о запрете любых собраний и богослужебных, в том числе, заявил британский премьер-министр Борис Джонсон. Разрешены были только похороны. Англиканская церковь поддержала действия правительства.

В том же духе составлено Циркулярное письмо управляющего Берлинско-Германской епархией архиепископа Подольского Тихона (Московский патриархат), который наряду с призывом к взаимопомощи отмечает: «Учитывая рекомендации и предписания властей, мы с болью в сердце вынуждены были приостановить все общественные богослужения и церковные собрания и закрыть двери храмов для посещения верующими»[206]. Представитель РПЦ при европейских международных организациях, настоятель храма Всех святых в Страсбурге (Франция) архимандрит Филипп (Рябых) также прекратил совершать богослужения в церкви, заявил, что «угроза лишиться возможности совершать литургию и причащаться опаснее коронавируса». Другие православные церкви в Европе также прекратили публичные богослужения. В Финской, Румынской и Грузинской церквах приняты меры безопасности: причастие одноразовыми ложками, нельзя прикладываться к иконам в храмах.

---

[206] 24 марта 2020 — Циркулярное письмо об организации деятельности священнослужителей епархии с учетом эпидемиологической обстановки. URL: https://rokmp.de/cirkuljarnoe-pismo-ob-organizacii-dejatelnosti-svjashhennosluzhitelej-eparhii-s-uchetom-jepidemiologicheskoj-obstanovki/

Безусловно, было бы странным если бы церкви столь быстро и легко отказались от богослужения в храмах. В христианской среде появились свои диссиденты, которые не хотели в полной мере исполнять предписания властей. При этом, примечательно, что по существу не оказалось тех, кто полностью игнорирует правила карантина. Наиболее характерной для православных церквей стала позиция Константинопольского патриархата, Кипрской и Элладской церквей. Их Синоды вначале заявили, что причастие не может быть причиной передачи коронавируса, но затем все же призвали верующих временно не посещать храмы.

В Словакии и Польше как католики, так и православные не желали совсем приостанавливать богослужения, но были вынуждены подчиниться требованиям властей. В Словакии премьер-министр Петер Пеллегрини пригрозил православным жесткими санкциями. Председатель конференции католических епископов Польши Станислав Гадецкий после введения карантина призывал проводить как можно больше месс, чтобы не приводить к скоплению большого количества людей, а примас Польши архиепископ Войчех Поляк заявил, что надо слушаться властей и кланяться иконам, не целовать их.

Ватикан почти сразу призвал верующих и священнослужителей соблюдать условия карантина и санитарные нормы. Более того, папа Франциск личным примером показывал, что возможно проведение месс без прихожан в пустом соборе св. Петра в Риме. Однако католических священников, монахов и монахинь задерживали в Индии и в странах Африки за проведение месс и нарушение карантина. В Италии, несмотря на предписание церковных властей о прекращении богослужений в ряде регионов, священнослужители также нарушали правила. В Калабрии, к примеру, полиция оштрафовала организаторов крестного хода с иконой, который состоял из двух человек, в том числе священника.

Самые радикальные случаи касаются открытой фронды верующих по отношению к власти. Крупные национальные церкви искали возможности для того, чтобы обойти карантин. Сербская патриархия призвала к отмене комендантского часа на Пасху, а также заявила о солидарности с митрополитом Черногорским Амфилохием. Он был задержан, а затем

отпущен полицией за проведение службы. В Черногории также были задержаны священники в Которе и в монастыре Режевичи за службы в храме и панихиды. В Греции священнослужители были вынуждены подчиниться указаниям властей о закрытии храмов и запрете богослужения, поскольку содержание получают от государства, а за нарушение режима были введены уголовные наказания (в период с 12 по 20 апреля все богослужения совершались за закрытыми дверями). Однако на Корфу было возбуждено уголовное дело на местного митрополита и чиновников, отпраздновавших Вербное воскресенье. Только Болгарская церковь по соглашению с правительством страны не стала закрывать храмы.

Константинопольский патриархат, Кипрская Архиепископия, Православная церковь в Америке (в зависимости от ситуации по штатам), Коптская Церковь, Ассирийская церковь Востока в США и Западной Европе закрыли на карантин храмы и монастыри по всему миру и рекомендовали смотреть службы в теле- и радиотрансляции. Церковь Англии еще 17 марта приостановила проведение ежедневных публичных богослужений.

В Армении католикоса всех армян Гарегина II представители власти обвинили в том, что он не заботится о здоровье граждан, а только о «бизнесе церкви». Произошло это в рамках политической травли руководства Армянской апостольской церкви после заявления католикоса с просьбой освободить из-под ареста бывшего президента республики Роберта Кочаряна в связи с пандемией коронавируса. При этом, церкви в Армении открыты только «для индивидуальных посещений и уединенных молитв верующих». В США одни пасторы игнорировали правила карантина и были задержаны полицией (как во Флориде), другие объявили о новом формате виртуального онлайн-причастия через Интернет. Мусульмане также далеко не в полном составе подчинялись указаниям властей. В Бангладеш полиция разгоняла верующих, пришедших на намаз к мечети, несмотря на запреты.

3.4.3. Руководство РПЦ в ходе коронакризиса

Большинство религиозных организаций России восприняли ситуацию с распространением коронавируса серьезно и ответственно. Прекратились собрания в синагогах, исламские

объединения заявили о прекращении молитвенных собраний в мечетях. 13 марта 2020 г. появилось специальное обращение главы Католической церкви в России архиеп. Павла Пецци с подробными санитарными рекомендациями о том, как вести себя в храме и как принимать причастие безопасно[207]. Протестантские церкви перешли на формат собраний в небольших домашних группах. К примеру, глава Союза баптистов Петр Мицкевич в своем послании отметил, что пора научиться использовать средства современной коммуникации (интернет, телефон, соц. сети и др.) для развития удаленного служения церквей и онлайн общения с членами церкви. ...Советую прислушиваться и выполнять рекомендации врачей и быть послушными власти. Спасает Христос, а не пребывание в храме»[208]. И баптисты, и пятидесятники (церкви Российского союза христиан веры евангельской) перешли на собрания в «малых группах» и «виртуальное онлайн-причастие», совершаемое перед мониторами синхронно с пастором.

Однако, безусловно, общественное внимание было приковано к позиции Русской православной церкви (РПЦ) по поводу ситуации вокруг соблюдения жестких правил карантина. И в социальных сетях, и в масс-медиа реакция РПЦ подвергалась жесткой критике за медлительность и за несоответствие мерам, которые были объявлены властями. Церковь также подозревали в том, что она готова вступить в конфликт с органами власти за право совершать богослужения в храмах и собирать верующих[209]. Однако ни один из мрачных прогнозов о конфликте государства и церкви не оправдался. РПЦ заняла особую позицию, но она осталась скорее непонятной большей части общества и масс-медиа.

---

[207] Письмо архиепископа в связи с эпидемией коронавируса. 13 марта 2020 года. URL: https://cathmos.ru/documents/pismo-arhiepiskopa-v-svyazi-s-epidemiej-koronavirusa/

[208] Обращение П. В. Мицкевича к церквям России. 01.04.2020. Официальный сайт РСЕХБ. URL: https://baptist.org.ru/news/main/view/article/1545075

[209] Фаустова М., Мельников А. Коронавирусная фронда РПЦ быстро сменилась послушанием. 31.03.2020. НГ-Религии. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020–03–31/9_484_russia.html

11 марта 2020 г. Синод РПЦ принял заявление о необходимости принять профилактические меры в связи с коронавирусной инфекцией. Патриарх Кирилл образовал рабочую группу по координации деятельности церковных учреждений в условиях распространения коронавируса. 14 марта, в эфире телеканала «Россия 24» глава Отдела внешних церковных связей митрополит Иларион (Алфеев) сообщил, что богослужения в храмах РПЦ будут совершаться даже в случае серьезной эпидемии. 17 марта Синод принял Инструкции настоятелям приходов и подворий, игуменам и игуменьям монастырей РПЦ, где были четко прописаны все санитарно-гигиенические меры, которые необходимо принять в храмах и при принятии причастия, в том числе. 24 марта 2020 г. управляющий делами Московской Патриархии митрополит Воскресенский Дионисий направил всем епископам на территории РФ циркулярное письмо о принятии мер по противодействию угрозе распространения коронавирусной инфекции. По поводу самого больного для церкви вопроса в нем отмечается: «Вопрос об ограничении доступа в храмы для присутствия за богослужениями может быть рассмотрен в случае введения властями режима, ограничивающего пользование общественным транспортом, а также посещение публичных мест, таких как торговые учреждения, организации общественного питания и другие»[210].

Поведение РПЦ и постепенное изменение ее позиции вполне сравнимо с тем, как вели себя в данной ситуации другие европейские христианские церкви ранее (считается, что Россию пандемия затронула на месяц позже). Основное напряжение возникло после 25 марта, когда в своем обращении президент В. В. Путин ввел режим самоизоляции до 6 апреля (2 апреля продлен до 30 апреля). Мэр Москвы С. Собянин указом 26 марта 2020 г. № 31-УМ рекомендовал гражданам воздержаться от посещения религиозных объектов, что было более мягкой формой, чем та, которую выбрал губернатор А. Беглов в Петербурге. Он фактически приказал прекратить богослужения и не посещать

[210] Циркулярное письмо о принятии мер по противодействию угрозе распространения коронавирусной инфекции. 24 марта 2020 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5612227.html

храмы верующим (священникам и персоналу формально разрешили там находиться). Это вызвало критику со стороны Петербургской митрополии. Движение «Сорок сороков» заявило, что Беглов может стать «первым гонителем» христиан в новейшей истории России[211]. Губернатор Ханты-Мансийского автономного округа Наталья Комарова потребовала закрыть все храмы и мечети наряду с кальянными. После этого все с волнением ждали, что скажет патриарх Кирилл.

Рабочая группа РПЦ по противодействию пандемии 26 марта заявила, что церковь готова обеспечить людей онлайн-трансляциями, то есть фактически подтвердила, что патриархия не видит проблемы в исполнении рекомендаций властей. Глава ОВЦС митрополит Иларион в своих выступлениях резонно отмечал, что в отличие от Италии, Франции, Испании в России пока не введен режим полного карантина, а поэтому совсем храмы закрывать РПЦ не будет.

Наконец, патриарх Кирилл сказал свое слово во время проповеди в Неделю 4-ю Великого поста после Литургии в Храме Христа Спасителя 29 марта (храм был также почти пуст). Глава РПЦ заявил, что как и преп. Мария Египетская, которая молилась в пустыне, вполне можно прожить и без храма, без публичного богослужения. Патриарх явно приводил этот пример для тех ревнителей церкви, которые не желали подчиняться властям, а хотели спасаться молитвой, соблюдая все великопостные службы. Глава РПЦ говорил достаточно эмоционально, в том же духе, в каком выступали и представители власти, уговаривавшие граждан соблюдать самоизоляцию. Вот самые яркие отрывки патриаршего выступления: «Всякие другие проповеди, в том числе исходящие от неразумных священнослужителей, не слушайте — слушайте то, что вам сегодня сказал Патриарх». «Только самое главное — спасаться, а не, простите, дурака валять, как это делают те, кто даже дни, которые государство предоставило для сосредоточения, для спокойствия, для некоей реорганизации

[211] Ситуация обострялась еще и тем, что до 17 марта верующие поклонялись мощам Иоанна Крестителя, доставленным в северную столицу из иерусалимского монастыря. Стекло, к которому прикладывались люди, протирали «спиртосодержащим раствором с добавлением ароматических масел».

жизни, посвящают развлечениям на воздухе, шашлыкам, музыке и всему другому, думая, будто людям просто каникулы предоставили. Не каникулы!»[212]. 3 апреля после второго выступления президента В. Путина (2 апреля) патриарх Кирилл издал более краткое послание, которым подтвердил правомочность самоизоляции с духовной точки зрения и благословил в данных условиях «подвиг неотлучного пребывания в своих жилищах»[213].

Восприятие ситуации со стороны епископата РПЦ претерпело значительные изменения в течение месяца — с середины марта до середины апреля. Взгляды поменялись от принципиального заявления служить в храмах и молиться вместе до закрытия церквей для прихожан и осуждения слишком смелых и самонадеянных священнослужителей как «фарисеев». И опасения руководства РПЦ вполне можно понять. Эту эволюцию можно проследить по заявлениям высших официальных лиц — патриарха Кирилла и митр. Илариона, главы Отдела внешних церковных связей.

Если отдельно еще раз проследить высказывания патриарха Кирилла в этот период (проповеди на официальном сайте Patriarchia.Ru), то можно увидеть, как поддержка властей достигла своего пика 29 марта, а затем скорее сменилась тревогой за то, что происходит, и фактически отказом повторять строгие предписания властей.

Пасхальное послание (опубликовано 17 апреля): Власти применяют ограничительные меры, для того чтобы предотвратить взрывной рост эпидемии. В некоторых странах пастырской ответственности Московского Патриархата остановлено проведение общественных богослужений, в том числе и Божественной литургии. Однако нам, православным христианам, не должно унывать или отчаиваться в этих сложных обстоятельствах, а тем более поддаваться панике.

---

[212] Патриаршая проповедь в Неделю 4-ю Великого поста после Литургии в Храме Христа Спасителя.

29 марта 2020 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5613859.html

[213] Патриаршее послание Преосвященным архипастырям, священнослужителям, монашествующим и мирянам епархий на территории России. 3 апреля 2020 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5616517.html

18 апреля (Великая суббота): «победа зла, какой бы обжигающей она для нас ни была, какую бы видимую неприятность она нам ни приносила, — эта победа всегда временная. Победа зла невозможна, потому что Христос воскрес. А временные победы зла происходят для нашего испытания, чтобы мы испытали свою веру, свою способность сопротивляться злу».

16 апреля: «Сегодня мы особенно молились о здравии тех, кто болеет, кого посетила беда, и верим, что Господь будет помогать тем, кто не теряет связи с Ним, а по милости Своей — и даже тем, кто в Него не верит. Потому что многие молятся сейчас за больных, несчастных людей, вне зависимости от того, принадлежат они к Церкви или не принадлежат, православные они или неправославные».

12 апреля: «Хотя в эти дни многие храмы нашей Церкви закрыты по требованию санитарных властей, но и в своих домах давайте крепко молиться и проводить время у телевизоров, когда там идут трансляции богослужений».

3 апреля: «В нынешнее непростое время, в условиях, когда государственными властями предпринимаются все возможные меры по недопущению распространения коронавирусной инфекции, призываю архиереев, духовенство, монашествующих и мирян усилить молитву ко Господу об ограждении людей от вредоносного поветрия, а архипастырей и пастырей — продолжать ревностно совершать богослужения и особенно Божественную Евхаристию — таинство Тела и Крови Христовых, даже в отсутствие паствы».

29 марта: «51 год я проповедую с кафедр, призывая людей приходить в храмы, преодолевать тяготение собственной злой воли и внешних обстоятельств. Этому призыву я посвятил всю свою жизнь! Надеюсь, вы понимаете, как трудно мне сегодня сказать: воздержитесь от посещения храмов; и я, наверное, никогда бы этого не сказал, если бы не удивительный, спасительный пример святой Марии Египетской».

22 марта: «Еще раз хочу сказать: не пренебрегая никакими санитарными правилами и медицинскими указаниями, но одновременно сохраняя сильную веру. Пусть эти испытания помогут нам посмотреть и на самих себя с критической точки зрения».

8 марта (Торжество Православия): «Как нередко бывает, когда в церковные дела вторгается светская власть, государственные деятели начинают мыслить своими категориями, пренебрегая Преданием и чувствами верующих людей. В свое время император и византийские власти приняли, как им казалось, единственно правильное решение и запретили иконопочитание. А поелику решение было принято государственной властью, оно приобрело силу закона, а потому каждый, кто отказывался принять так называемое иконоборчество, становился врагом светской власти. Мы знаем, к чему привело это опаснейшее развитие событий. Светские силы, силы государственной власти обрушили прямое гонение на тех, кто почитал святые иконы. И это было особенно страшно потому, что гонение было не от язычников — оно было от своих, и не для того, чтобы искоренить веру, а якобы для того, чтобы веру укрепить. Всё, что произошло тогда в Византийской империи, стало важным примером того, как нельзя действовать внутри Церкви. Того, что не должна государственная власть вмешиваться в то, в чем она некомпетентна, потому что власть преследует в первую очередь политические цели».

Таким образом, еще 8 марта патриарх Кирилл прочитал проповедь, где содержалась критика властей, которая вполне подходила под ситуацию запрета богослужений, которая сложилась месяц спустя.

Эволюция высказываний митр. Илариона (Алфеева) была еще более радикальной. Исходя из его проповедей и интервью, опубликованных на сайте Отдела внешних церковных связей (Mospat.Ru), сложилась такая картина:

18 апреля: «Эту пасхальную радость у нас никто не может отнять — ни коронавирус, ни введенные временные ограничения».

13 апреля: «Мы ни в коем случае не берем на себя функции государства, медицинских служб, полиции — мы считаем, что каждый сейчас должен делать свое дело. Если принято решение о том, по каким причинам люди могут выходить на улицу, по каким — не могут, то это уже задача муниципальных властей и полиции — проследить, чтобы данное распоряжение исполнялось. Мы сейчас исходим из двух основных принципов.

Первый принцип — мы продолжаем совершать богослужения согласно церковному Уставу и не закрываем храмы для верующих, за исключением тех регионов, где этого могут потребовать власти по эпидемиологическим соображениям. В таких регионах богослужение все равно будет совершаться, но при закрытых дверях ограниченным количеством священнослужителей с участием, может быть, нескольких работников храма и, где это возможно, с трансляцией служб. Но мы не будем брать на себя полицейские функции и выгонять из храма тех, кто пришел».

12 апреля: «Это решение не церковных властей, а государственной власти и санитарных властей города Москвы. Но для нас всех это и предписание, которое мы получили от Святейшего Патриарха. И это не просто благопожелание Святейшего Патриарха, а его благословение, которое мы должны выполнить. Если какие-то батюшки в интернете распространяют видеоролики и говорят, мол, Патриарх только высказал пожелание, а послушаться его или нет, зависит только от вас — не слушайтесь этих батюшек, а слушайтесь Патриарха».

11 апреля: «Мы можем ограничить число верующих для каждого конкретного богослужения, и в этом случае те, кто не уместятся, будут вынуждены либо искать соседний храм, либо возвращаться домой. Но совсем закрыть двери храма мы не можем».

5 апреля: «Сейчас в силу создавшейся ситуации мы вынуждены прекратить допуск людей к церковным Таинствам в общем порядке. Мы продолжим совершать богослужения каждый день, но не будем допускать к Таинству причащения тех людей, которые не договорились заранее со священником».

4 апреля: «Храмы, конечно, не разорятся, но параллельно с резким сокращением доходов, которое неизбежно, придется и сокращать расходы. ... Патриарх призвал всех верующих сидеть дома. Большинство верующих это указание соблюдает. И слава Богу. Но есть такие, которые все равно приходят на службы. Мы их прогонять не можем и не будем, если только на каком-то этапе развития ситуации не появится предписание вообще закрыть храмы. Но там, где такое предписание появляется, это не решение Церкви, а решение местных властей».

30 марта: «В нашей стране ведь нет полного карантина. У нас работает метро, и ежедневно в каждом вагоне метро в час пик

скапливается гораздо больше, чем 50 человек. Поэтому, конечно, если будет закрываться вообще общественный транспорт, если будут закрываться торговые центры, то, наверное, встанет вопрос и о том, как уменьшить количество молящихся за богослужением. Но пока к нам таких просьб или предложений не поступало от властей или от медицинских служб».

24 марта: «Церковь не будет вступать в конфликт с властью, если потребуются экстраординарные меры для предотвращения эпидемии. Церковь не меньше, чем власти, заботится о здоровье и благополучии людей».

18 марта: «И в течение Великого поста, и на Пасху будут проводиться реальные богослужения с участием реальных прихожан. Это не означает, что в Церкви недооценивают угрозу. Если вирус будет распространяться и число зараженных расти, если будут появляться новые распоряжения властей относительно борьбы с коронавирусом, Церковь будет на них реагировать».

16 марта: «Я Вам точно скажу, что мы не будем ни закрывать храмы, ни отменять богослужения. Вопрос о том, кто будет посещать богослужения в таких случаях и как люди будут себя вести, что они будут говорить священникам, как мы будем предохранять людей от возможного распространения вируса — это вопрос, на который Церковь будет отвечать в каждом конкретном случае...».

13 марта: «В некоторых странах, где распространился коронавирус, закрыли храмы, чтобы воспрепятствовать совершению богослужения. Не думаю, что это правильный ответ, потому что богослужение еще никогда никому не повредило».

9 марта: «Мы этот вопрос обсуждали на последнем заседании Высшего Церковного Совета и решили, что в превентивном порядке не будем издавать какие-то указы или постановления, но если беда коснется России или придет в другие страны канонического пространства Русской Православной Церкви, то, конечно, мы будем на нее реагировать».

Митрополит Иларион, судя по его высказываниям, хотя и выступал против закрытия храмов и отмены богослужений, но вынужден был, как и патриарх, перестать об этом упоминать. На первый план вышли два момента: стремление защитить патриарха от превратной трактовки его слов со стороны

фундаменталистов и переключение ответственности на местные власти в ожидании полицейских мер — «перегибов на местах», которые не заставили себя ждать.

В целом Русская Церковь пришла к согласию с мерами государства по противодействию коронавирусу, как и Католическая церковь в разных странах мира, и, к примеру, Элладская церковь в Греции, фактически закрывшие свои храмы для верующих. В сфере социальной помощи населению РПЦ проявила себя не менее ярко, чем во время российско-украинского кризиса, когда была организована поддержка беженцев с Украины[214]. В начале апреля 2020 г. были созданы штабы по оказанию помощи нуждающимся на самоизоляции в 10 регионах, открыт 209 центров гуманитарной помощи, церковные волонтеры стали работать в каждой епархии[215].

В разных регионов России были случаи заболевания коронавирусом среди священнослужителей. В особенности, заражение инфекцией коснулось центрального региона. По сведениям *Рабочей группы при Патриархе Московском* и *всея Руси* по *координации деятельности церковных учреждений* в *условиях распространения коронавирусной инфекции* на 16 апреля коронавирус выявлен у 24 клириков Московской епархии, еще у 31 клирика есть симптомы. С одной стороны, духовенство сразу не присоединилось к строгим мерам карантина, так как и в столице долгое время (до циркуляра 11 апреля) каждый сам определял степень соблюдения самоизоляции и санитарных норм. С другой стороны, клирики неизбежно являются группой риска в силу постоянного общения с людьми (духовная помощь, причастие, нужно и больным и здоровым). По этой причине высокий процент заболевших или потенциально зараженных среди духовенства объясняется не непослушанием властям, а исполнением своего долга. В Италии, к примеру, более 100 священников умерло

---

[214] Митрофанова А. В. Социальная работа православных некоммерческих организаций: направления, цели, типология. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 1. С. 32–43. Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы. Отв. ред. Е. А. Маслова. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. С. 79–91.

[215] Церковь в коронавирус: центры помощи развернуты по всей стране. 3 апреля 2020 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5616557.html

от коронавируса из-за в целом большого количества клириков на душу населения, и из-за того, что представитель Церкви не может по сути отказать в общении любому человеку, находящемуся в критической ситуации, даже если есть угроза смерти.

Примечательно, что Украинская православная церковь (УПЦ, автономная структура в составе Московского патриархата) не стала повторять позицию РПЦ в вопросе противостояния пандемии. УПЦ выработала свою точку зрения в этом вопросе. Глава УПЦ митрополит Онуфрий 29 марта заявил, что храмы не будут закрываться при выполнении всех санитарных норм. Верующие, которые желают исповедоваться или причаститься, должны предварительно договориться со священнослужителем о времени посещения храма. На Страстной неделе Юридический отдел УПЦ заявил о нарушениях свободы совести и угрозах со стороны власти по отношению к верующим. Причем, в заявлении отмечалось, что нарушены права, гарантированные Конституцией Украины и Европейской Конвенцией по правам человека. Особенно отличились призывами перекопать дорогу к храму мэры Днепра и Конотопа, чиновники в других областях запрещали священникам служить[216], хотя официально никакого запрета не вводилось. В масс-медиа была развернута оскорбительная кампания против Киево-Печерской лавры и ее наместника митр. Павла из-за случаев заражения среди насельников монастыря и болезни самого наместника.

УПЦ было важно заявить о своей принципиальной решимости продолжать религиозную жизнь в храмах, чтобы показать свою самостоятельность и властям, и тем политикам, которые требовали закрыть храмы. Решение совсем закрыть церкви во время поста и Пасхи могло бы вызвать также и бурную реакцию паствы, которая привыкла надеяться на церковь, в том числе в молитве искать чудо, в иконах, мощах, в участии в литургии. Митрополит Луцкий и Волынский Михаил (Зинкевич) высказывал у памятника Тарасу Шевченко более курьезные

[216] Комментарий Юридического отдела УПЦ по поводу злоупотреблений и угроз представителей власти в адрес верующих и религиозных общин УПЦ. 17.04.2020.URL: https://news.church.ua/2020/04/17/kommentarij-yuridicheskogo-otdela-upc-po-povodu-zloupotreblenij-i-ugroz-predstavitelej-vlasti-v-adres-veruyushhix-i-religioznyx-obshhin-upc/?lang=ru

надежды на то, что уберечь от заболевания поможет «любовь к национальным гигантам духа». В России простая рекомендация не ходить в храмы, судя по отзывам священников в социальных сетях, во многом возымела действие — в церкви пришли или хотели придти только самые активные прихожане.

Во время пандемии РПЦ критиковали то за неповиновение, ведущее к потенциальному массовому заражению людей, то наоборот за абсолютную лояльность государству и готовность отменить «всю церковную жизнь» в Великий пост и на Пасху. Факт в том, что РПЦ довольно быстро пошла навстречу людям, как бы это болезненно не было для клириков и активных прихожан, которым также тяжело без служб. Лишь один священнослужитель высказался за полное «физическое закрытие» храмов (игумен Петр Мещеринов), так как люди все равно будут целовать иконы. Лишь единицы полностью игнорируют запреты властей и санитарные нормы в обиде на то, что храмы поставили ниже магазинов и аптек, да и ниже многих театров, где труппы собираются и показывают спектакли онлайн.

3.4.4. Православная оппозиция карантину

Представители РПЦ во время борьбы с коронавирусом проявили широкий спектр способов противостояния карантинным мерам, действиям чиновников и критики государственной политики. В большинстве российских регионов власти рекомендовали закрыть храмы и не проводить богослужений с прихожанами. Жесткие указания в адрес епархий РПЦ поступали, как правило, не от губернаторов, а от главных санитарных врачей региона (Роспотребнадзора). Судя по сообщениям, поступающим из субъектов РФ, церковное руководство обходило строгие правила карантина либо даже прямо игнорировали их, в том случае, если не было иных конкретных договоренностей с администрацией региона. Соответствующие сведения появлялись не только в СМИ, но и в социальных сетях, телеграм-каналах, консервативно ориентированных сайтах, к примеру, на портале «Русская народная линия». С петицией с требованием к властям разрешить богослужения с соблюдением санитарных норм на Пасху обратились общественные организации «Сорок сороков» и Союз православных женщин.

Фактически запрет проводить открытые публичные богослужения исходил не от патриарха Кирилла, а от управляющего делами Московской патриархии митрополита Дионисия, и запрет распространялся только на Москву и Московскую область[217]. В других регионах епископы самостоятельно принимали решения. На Пасху храмы были открыты в 43 из 85 регионов России[218].

Естественным образом в церковной среде возникли различные интерпретации действий священноначалия. Характерную реакцию духовенства выразил клирик московского храма в Бусинове Георгий Максимов, который в социальных сетях представил позицию патриарха Кирилла как более гибкую и более правильную, и не очень лицеприятно отозвался о заявлениях главы ОВЦС митр. Илариона (Алфеева): «Митрополит Иларион пытается представить призыв патриарха как приказ. Но тем и отличается призыв от приказа, что он оставляет свободу тем, к кому он обращён, — либо откликнуться на призыв, либо нет». Отец Георгий Максимов подчеркнул, что адекватно слова главы РПЦ прокомментировал митрополит Ростовский Меркурий: «Патриарх не сказал не посещать храмы. Патриарх предложил воздержаться — настолько, насколько это возможно. Ни один патриарх, тем более наш патриарх, никогда бы не призвал к этому. Тем более что закрыть храмы мы не можем». По словам о. Георгия Максимова, «И ни слова осуждения со стороны патриарха в адрес тех православных христиан, которые в силу разных причин не находят в себе силы откликнуться на этот его призыв — и вовсе не обязательно они это делают как какие-то бунтари или пренебрежители патриарха, а просто есть люди, которые ну не мыслят себе жизни без храма» (информация была распространена в соцсетях и в телеграм-канале «Сорок сороков».

Церковные лидеры стали искать выход, как обойти строгие правила карантина. Епископ Великолукский

---

[217] Циркулярное письмо митрополита Воскресенского Дионисия от 11 апреля 2020 года. 11 апреля 2020 г. Patriarchia.RU. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5620438.html

[218] В большинстве регионов церкви не стали закрывать для прихожан на Пасху. РБК. 16.04.2020. URL: https://www.rbc.ru/politics/16/04/2020/5e9715289a79475afe6558ea

Сергий (Булатников) распространил информационное письмо от 13 апреля, в котором подчеркивалось, что контролирующим органам необходимо отвечать, что никто храмы не закрывал, что верующие имею конституционное право собираться. Рекомендовалось не подписывать никакие бумаги от представителей Роспотребнадзора (такого рода рекомендации были в других епархиях).

Глава Сыктывкарской епархии Питирим (Волочков) 11 апреля Сыктывкарская епархия объявила о подготовке судебного иска, оспаривающего законность распоряжения республиканского Роспотребнадзора о запрете проведения религиозными организациями массовых мероприятий на время эпидемии. Широко по Интернету разошлась и проповедь епископа Каменского Мефодия (Кондратьева): «В итоге все равно нас в храм принесут. Но лучше прийти в храм своими ногами. Так мы натаптываем дорогу в Царствие Небесное». Директор екатеринбургского Музея святости православная активистка Оксана Иванова была задержана полицией за то, что назвала губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева «врагом церкви» за требование закрыть храмы. В итоге митрополит Екатеринбургский Кирилл все же вынужден был согласиться с позицией властей и призвать проводить богослужения без прихожан. Однако пасхальное послание митр. Кирилла (Наконечного) резко контрастировало с посланием патриарха Кирилла. Екатеринбургский митрополит был очень эмоционален: «Сегодня мир, впавший в панику и боящийся даже собственной тени, требует от нас отчёта в нашем уповании на Христа Воскресшего. Мир, не знающий иных ценностей, кроме собственного существования, не понимает почему мы не боимся вместе с ним.... Сколько бы нам не внушали, что страх и избегание опасности — это единственный путь, но Христос показал, что это не так. ... я призываю всех вас к противодействию губительному поветрию всеми мерами, которые известны и аскетике, и эпидемиологии — соблюдением дистанции, защитными средствами, гигиеной и всем тем, что нам активно советуют врачи. Но не менее тщательно нам надо соблюдать чистоту и незапятнанность наших душ. Держать дистанцию от провокаторов и паникёров, защищаться от информационного вируса и смывать не только

инфекцию с рук, а со своей души заразу греха, страха, неверия и паники. ... Общая беда пусть сплотит наши приходские общины ещё теснее. Ибо враг Воскресшего Христа, к сожалению, реален и значительно опасней, чем любой вирус. Он хочет похитить нас у друг друга, а у нас похитить наши храмы, а из храмов изгнать Евхаристию. Мы знаем кто мечтает сделать Церковь теплохладной. Но пока есть у Бога хотя бы несколько горящих в молитве праведников, объятых такой пасхальной радостью, которой не может помешать никакая внешняя скорбь, никакое гонение и притеснение — Господь милует нашу землю»[219].

В некоторых епархия епископы игнорировали предписания властей до последнего. К примеру, мэр Ельца Евгений Боровских заявил по поводу позиции епископа Елецкого и Лебедянского Максима (Дмитриева): «Я четвертый день пытаюсь получить ответ епархии, но пока безрезультатно. Поэтому сегодня лично отнесу Владыке Максиму запрещающее открытые для паствы богослужения предписание руководителя управления Роспотребнадзора по Липецкой области. Думаю, что мне удастся добиться положительного результата, и прихожане нашей епархии проведут пасхальную неделю дома»[220]. Противостояние мэры и епископа привело к тому, что в Великую субботу Воскресенский кафедральный собор в Ельце был опечатан, а служба в нем запрещена. Епископ Максим в своей проповеди в ютюб-канале «Елецкая епархия» обвинил власти в том, что они сочли храмы более грязными, чем автобусы и очереди в магазинах, но «мы не грязные».

Именно категоричность властей (в Санкт-Петербурге, в Ханты-Мансийском округе и ряде других регионов, предписаний Роспотребнадзора), потребовавших по сути закрыть доступ в «культовые сооружения», приводила к конфликту. Юридическая служба РПЦ, в частности, изначально (26 марта) обвинила

---

[219] Пасхальное послание митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла. 18.04.2020. URL: http://ekaterinburg-eparhia.ru/news/2020/04/18/23139/

[220] В некоторых епархиях РПЦ, несмотря на предписания светских и церковных властей, отказались ограничивать посещение храмов на Пасху. Центр «Сова». 16.04.2020. URL: https://www.sova-center.ru/religion/news/community-media/communities-conflicts/2020/04/d42319/

губернатора северной столицы А. Беглова в превышении полномочий и нарушении свободы совести и Конституции РФ[221] (да и Югорская епархия отказалась закрывать храмы). 28 марта верующих не пустили на службу в храм Спаса-на-Крови, а настоятель храма секретарь Санкт-Петербургской епархии протоиерей Сергий Куксевич, стоя на крыльце церкви, сделал заявление о «преступной власти, запрещающей в тяжёлое время самое главное — молитву». Однако затем (13 апреля) Петербургская митрополия сама предписала проводить службы без прихожан[222]. Однако к тому времени наместник Александро-Невской лавры Назарий (Лавриненко) заявил: «Мы не позволим закрыть храмы нашими собственными руками. Если это сделают силовые структуры, то все последствия будут на их совести».

Власти должны были в согласовании с религиозными организациями, предусмотреть и единичное посещение храмов людьми и визиты священников к людям, находящимся в самоизоляции. Епископ Орский и Гайский Ириней, к примеру, указал, что больных могут посещать только он сам и два иеромонаха, а не женатые священники, у которых есть семьи. 17 апреля патриарх Кирилл призвал допустить подготовленных священников-монахов в инфекционные отделения больниц в Москве. Московские власти, например, не предусмотрели исключений для священнослужителей, когда 15 апреля в столице были введены спецпропуска (только позднее пропуска стали выдавать по спискам, представленным РПЦ).

Коронакризис также активизировал социально-политическую позицию духовенства РПЦ. Характерно эмоциональное высказывание (в чем-то, возможно, некорректное и неправильное) в соцсетях известного врача-реаниматолога иеромонаха Феодорита (Сеньчукова). Он отметил: «Продление карантикул до 30 апреля — хана среднему и мелкому бизнесу. Формируется экономическая модель олигархической экономики, которая совмещает в себе все пороки как социалистической, так

---

[221] РПЦ считает, что запрет на посещение храмов Петербурга противоречит Конституции. Интерфакс-Религия. 26 марта 2020 года. URL: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=74536

[222] Вышло обращение митрополита Варсонофия о порядке служения в храмах. 16.04.2020. URL: http://mitropolia.spb.ru/news/mitropolit/?id=176444

и капиталистической модели. ... Государство вновь показывает свою антихристианскую сущность. Ограничение возможности ходить в храмы в самые главные для христиан... а почему собачникам послабление? Значит, собака для наших властей важнее чем духовные потребности человека. Т.е. наши власти — античеловечны. ... Дело не в том, куда пускают лично меня. Дело в том, что запрещены перемещения по городу, а храм не относится (по мнению властей) к жизнеобеспечивающим потребностям».

Обострились также социально-экономические проблемы расслоения среди духовенства РПЦ. В социальных сетях появились обвинения в том, что архиереи намерены собрать налоги с настоятелей приходов, несмотря на отсутствие пожертвований. В то же время и многие епископы небольших епархий, а таких в РПЦ было поставлено патриархом Кириллом более ста, оказались в трудном положении. Епископ Переславский и Угличский Феоктист (Игумнов) ярко описал ситуацию (в «Фейсбуке» на странице автора книги), характерную для многих провинциальных архиереев: «Куда нам — епископам регионов — деваться? Я про налоги. Ведь нам самим налог никто не отменял. Безусловно, я неоднократно читал про жирующих архиереев, но реальность, чаще всего, иная (если есть сомнения в моих словах — приезжайте, подробно расскажу и покажу цифры): все, что мы собираем в качестве налогов, мы отправляем дальше. Можно, конечно, обвинить МП (что многие и делают). Но МП тратит эти деньги на синодальные структуры (там тоже простые люди работают, получают они совсем немного, чаще всего на руки 26200, а это Москва) и на обеспечение наших приходов за рубежом. Последние — зарубежные приходы — вообще выживают с большим трудом. Им значительно хуже, чем самым грустным из приходов на территории России. ... не стану озвучивать сумму налога в Патриархию, скажу лишь, что наш налог в 10 раз больше, чем в других епархиях с таким же количеством населения. Связано это с туристическим потоком. В этом году туристов не будет, наши, возможно, к концу сезона поедут, но иностранцев, благодаря которым мы в основном и пополняли свой бюджет, уж совершенно точно не будет. Я не знаю, что мне делать в этой ситуации. Ни у нашей епархии, ни у меня

лично нет благодетелей, которые смогли бы помочь нам выплатить епархиальный налог. Знаю архиереев, у которых такие благодетели есть, благодаря им они и могут хорошо выглядеть в публичном пространстве, делать широкие жесты и слыть милостивыми архипастырями. А нам остается сидеть и чесать затылки. Ну и выглядеть в глазах общества немилосердными хапугами». Среди архиереев особенно выделился митр. Псковский Тихон (Шевкунов), которые не только освободил священников от налогов, но и за счет жертвователей финансово поддержал семьи священников. Патриарх Кирилл 21 апреля 2020 г. призвал власти временно освободить церковь от уплаты коммунальных платежей.

Внутри РПЦ в связи с истерикой и страхами вокруг коронавируса новое дыхание получило фундаменталистское консервативное направление. Его представители как прямо выступают за игнорирование закрытия храмов (но не против санитарных норм), так и косвенно присоединяются к ковиддиссидентству (к примеру, в Карелии сам митрополит Константин (Горянов) публично заявил, что бороться лучше бы не с COVID-19, а со СПИДом). Основными идеями консерваторов являются конспирология вокруг коронавируса (создание мирового правительства и т.д.) и борьба с цифровизацией как «печатью Антихриста». Такие публикации появлялись на портале «Русская народная линия»[223] и портале и телеканале «Царьград»[224], где был даже составлен рейтинг самых безбожных и самых богобоязненных властей. «Безбожников» возглавили губернаторы Республики Алтай и Петербурга, которые решили закрыть храмы без обращения к верующим и к епископу. Поддержали

---

[223] Василик В. Эпидемия страха страшнее коронавируса. К верящему человеку зараза не прилипает, или Почему надо позволить верующим достойно отпраздновать Пасху. Русская народная линия. 17.04.2020. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/04/17/epidemiya_straha_strashnee_koronavirusa (дата обращения: 17.04.2020)

[224] Малофеев К. Электронный концлагерь: "Большой брат" получил доступ к личной информации русских. Это конец? Царьград. 02.04.2020. URL: https://tsargrad.tv/news/jelektronnyj-konclager-bolshoj-brat-poluchil-dostup-k-lichnoj-informacii-russkih-jeto-konec_245704 (дата обращения: 17.04.2020)

верующих, хотя и призвали не посещать богослужения, губернаторы Мурманской, Челябинской, Тверской, Белгородской областей[225]. Известный писатель Захар Прилепин на своей странице в «Фейсбуке» подвергся резкой критике за призыв открыть храмы для верующих и выступил с целым манифестом: «Всякий написавший буйный комментарий к моему посту об открытых храмах, обязан написать петицию о закрытии магазинов, заправок, вокзалов и т. п.

Иначе вы не последовательны.

Будьте здоровы.

Вчера ездил по делам, в городе — тысячи машин. Открыт рынок. Ну и все такое прочее.

Мне пишут: без храмов можно обойтись, а кушать надо. Да-да.

В Москве на улицы выходят 2–4 млн человек ежедневно. Все погибают от голода, наверное.

Ох, люди. Всего наилучшего вам.

Хочу заметить: я не зову людей в храмы. Я просто считаю, что они должны быть открыты. Это моя позиция. Извините».

Захар Прилепин, как, например, и известный литературовед Иван Есаулов, отразил общее настроение духовенства и тех верующих, которые являются активными прихожанами или, по крайней мере, привыкли регулярно ходить в храм и причащаться. В социальных сетях стали появляться сообщения оппозиционно настроенных по отношению к карантину клириков. Одни сообщали, что богослужения проводить надо, но не делать фотографий и трансляций присутствующего народа. Другие отмечали, что их уже пригласили на подпольное богослужение в честь Пасхи.

Негативная реакции на решение властей просто «закрыть храмы», часто безо всяких оговорок, затронула священнослужителей самых разных взглядов. Даже вполне осторожный бывший пресс-секретарь патриарха прот. Владимир Вигилянский опубликовал резкий пост в «Фейсбуке», затем перепечатанный на портале «Русская народная линия»: «В сухом остатке мы видим абсолютное недоверие властей Москвы к Церкви,

---

[225] Пасхальный рейтинг. Царьград. 18.04.2020. URL: https://tsargrad.tv/articles/pashalnyj-rejting_248804

к законопослушным Патриарху, архиереям, священнослужителям, прихожанам, — констатировал он. — В отличие от других корпораций: охранников, чиновников, юристов, журналистов, строителей, продавцов, авторемонтников. Не удивлюсь, если закрытие храмов, а также невозможность получить разрешение на совершение церковных служб священникам кто-то оценит как дискриминацию по религиозному признаку».

Вот лишь некоторые характерные примеры эмоциональной реакции православных в «Фейсбуке». Сотрудник Синодального отдела религиозного образования и катехизации РПЦ иеромонаху Геннадию (Войтишко): «Церковь не может жить без Литургии, без Евхаристии... Я совершенно не понимаю, как можно прекратить ее совершение даже под предлогом вируса». Журналист и бывший сотрудник Информационного отдела РПЦ Сергей Болотов: «Емельян Ярославский вертится в гробу от зависти. ... Патриархия сдалась». Иеромонах Феодорит Сеньчуков: « Потому что нынешняя власть — это власть безбожная. Власть сатанинская. И это ответ всем, кто упрекал Церковь в сращении с государством Вот государство и показало, какие у них на самом деле скрепы, пахнущие серой...». Одним из главных диссидентов, выступающих за сохранение богослужебной жизни, стал популярный консервативный проповедник (переехавший в Москву из Киева после евромайдана) прот. Андрей Ткачёв: «Закрывайте от коронавируса не храмы, а публичные дома». Он отмечал, что карантин и самоизоляция сразу показали, кому дорога служба, кто является настоящим прихожанином, а кто нет.

Критике подверглись также меры Роспотребнадзора, главные санитарные врачи которого просто издали по регионам предписания закрыть храмы. Ведущий телеканала «Спас»», настоятель Георгиевского храма в поселке Нахабино Красногорского района Московской области иерей Павел Островский отметил у себя в инстаграмме, что существующий на налоги граждан Роспотребнадзор мог бы быть и покорректнее: закрывать храмы, которые не соблюдают санитарных норм, а не придираться ко всем подряд, используя, в том числе и полицию.

Итоги пасхальных празднеств в столице показали действенность политики московских властей. На Пасху в храмы по данным МВД пришло около 1 тысячи чел., хотя ранее эти показатели

достигали 100 тысяч (эти цифры учитывали освящение пасх и куличей, крестные ходы, то есть все массовые мероприятия, запрещенные во время карантина). Вместе с тем, применительно ко всей России прот. Максим Козлов, член Патриаршей рабочей группы по реакции Церкви на эпидемию коронавируса заявил, что власти нарушили договоренности (правда, неизвестно какие), и священноначалием не планировался полный запрет верующим на посещение храмов сегодня. В Москве были единичные случаи задержания певчих и служащих храмов, которые шли на службы, но это было до Пасхи. Реакция полицейского была такой: «Нас ваши внутренние документы не интересуют, храм не входит в список объектов, которым разрешена деятельность в условиях карантина». После обращения в правовое управление патриархии настоятеля храма храма Богоявления в Китай-городе прот. Андрея Нефедова власти перестали штрафовать верующих. Глава отдела по взаимоотношениям Церкви, общества и СМИ Владимир Легойда отметил, что задержание верующих, которые не находятся в режиме обязательной самоизоляции на Вербное воскресенье незаконно, так как предписание главного санитарного врача Москвы о запрете посещения храмов действует с 13 апреля. В дальнейшем В. Легойда придерживался общей позиции центрального руководства РПЦ о том, что прихожанам не рекомендовано посещать богослужения.

Сильное психологическое воздействие оказала на церковное сообщество смерть от коронавируса 21 апреля 2020 г. настоятеля Елоховского кафедрального собора прот. Александра Агейкина, известного священника, ранее служившего в Храме Христа Спасителя.

Публичный и виртуальный (в интернет-пространстве) конфликт представителей церкви и власти привел к политическим последствиям, которые начали постепенно разрушать симфонию РПЦ и государства, сложившуюся с середины 1990-х гг. Патриарх Кирилл служил на Пасху 19 апреля 2020 г. в пустом Храме Христа Спасителя, хотя многие епископы в регионах проигнорировали требование властей не пускать прихожан в церкви. Выступая в полночь в телетрансляции патриарх никого не осуждали и никого ни к чему не призывал, а с грустью высказал надежду на то, что пустота в храме — это не пустота в душе. Значительным

контрастом к скромному слову патриарха было пасхальное телеобращение президента В. В. Путина из его резиденции в Ново-Огарево. Президент предложил свою трактовку Пасхи как весенней радости и выразил своего рода гражданскую религию российского общества в ситуации борьбы с коронавирусом (и, видимо, в других ситуациях тоже): «На бога надейся, а сам не плошай». В этом нельзя было не уловить укол в сторону фронды внутри РПЦ.

Наряду с этим, возникшее и в обществе и во власти возмущение непослушным духовенством, поставившим под угрозу жизни людей, стало разрушать «проправославный консенсус» (термин Д. Е. Фурмана). К 2010-м гг. этот консенсус означал всеобщее одобрение православия как сакральной силы со стороны практически всех категорий населения, в том числе со стороны атеистов и мусульман. После 2012 года усилилась критика антидемократической позиции руководства РПЦ после осуждения иерархией митингов в защиту «честных выборов». В 2020 г. критика в адрес духовенства звучала и на центральных телеканалах. В одном из ток-шоу на телеканале «НТВ» ведущий Иван Трушкин призвал наказать священников, нарушивших карантин и допустивших верующих на богослужения. В Саратове отделение политической партии «Российский общенародный союз» инициировало проверку прокуратуры, ФСБ и следственного комитета в отношении митр. Саратовского и Вольского Лонгина и епископа Покровского и Николаевского Пахомия за отказ подчиниться властям и слова, что «выгонять никого не будут». Епископ Пахомий пожаловался на полицейских, штрафовавших верующих на подходе к храму. Подъезды к крупным церквям Саратова и Энгельса были блокированы тяжёлой техникой, а прихожане молились на улице с соблюдением дистанции. В Перми одна женщина потребовала проверить Всехсвятский храм, так как там «целовали икона и кормили с одной ложки». В Кемеровской области после Пасхи было закрыто на карантин два храма — Александра Невского в Кемерове и Архангела Михаила в деревне Береговая[226].

---

[226] Случаи неподчинения церкви властям и споров иерархов с чиновниками собраны в разделе «Религия в светском обществе» на сайте Информационно-аналитического центра «Сова»: https://www.sova-center.ru/religion/

Православная общественность в лице активистов («Сорок сороков» и других объединений, духовенства — прот. Дмитрия Смирнова и др.) и до коронавируса была настроена критически по отношению к власти. Поводом для критики были кампании по противодействию абортам и за семейные ценности. Особенно ярко чиновников и политиков представители РПЦ критиковали в 2018–2020 гг. за стремление принять закон о «бытовом и семейном насилии», в котором содержались нормы из западного законодательства, позволяющие органам опеки отбирать детей у родителей даже в случае «психологического насилия». В ходе борьбы с коронавирусом целый ряд местных чиновников, губернаторов и мэров, были объявлены противниками Церкви (прямо или косвенно это сделали лидер «Сорок сороков» Андрей Кормухин и многие епископы в регионах). В рамках избирательных кампаний в 2020-е гг. появился фактор в той или иной степени оппозиционной православной общественности. Однако сила этой оппозиции зависит даже не от точки зрения определенного регионального епископа, а от способности к самоорганизации в провинциальной церковной среде.

* * *

Особенности самой религиозной деятельности поставили проблему проведения публичных богослужений, различных вариантов относительно массовых мероприятий с участием священнослужителей. Во многих европейских странах изначально позитивная по отношению к мерам властей позиция церквей постепенно сменялась оппозицией карантину, на официальном уровне и внутри конфессий. Практически во всех церквях появилась внутренняя оппозиция, готовая критиковать действия властей и добиваться права на свободу вероисповедания и свободу собраний. Хотя такого рода случаи есть и среди других конфессий, но в наибольшей степени «свободомыслием» в выработке своей позиции по поводу жизни на карантине отличились православные, в том числе рядовые клирики Русской православной церкви.

Действия религиозных организаций в ходе коронакризиса показали их глубокую вовлеченность в социальное служение, способность к мобилизации ресурсов на помощь нуждающимся. Помимо этого, оказалось, что в светском обществе

существует достаточное количество граждан, которые посещают богослужения и не готовы от них отказываться просто по приказу властей.

Основной причиной конфликтов священнослужителей и представителей власти в Европе и в России стало противостояние религиозного мировоззрения и неолиберальной идеологии. Первое основано на провозглашении приоритета собственной идентичности и незыблемости прав и свобод человека. Вторая — неолиберализм — исходит из секулярных принципов, которые исключают религию, как и любую идентичность, из публичной политики и, таким образом, трактуют права человека в зависимости от их целесообразности по отношению к государству, плюрализму и нейтральности общества, интересам различных меньшинств[227]. В ходе коронакризиса оказалось, что религия требует соблюдения своих особых интересов. При этом, забытые во время борьбы за политкорректность особенности религии уже давно оговорены в международных и европейских документах, посвященных правам человека.

Проявлением неолиберальной истерии по поводу особенностей религии в рамках борьбы с коронавирусом стали кампании в масс-медиа в разных странах. Церкви называли архаичными, их реакцию на распространения вируса запоздалой, фактически церкви обвиняли в саботаже предписаний властей, в распространении вируса среди прихожан и духовенства.

Различные политические силы использовали коронакризис в своих целях. Противники руководства Армянской апостольской церкви снова требовали отставки католикоса, вспышку

---

[227] См. по теме борьбы неолиберализма и традиционализма и влияния этого противостояния на международные процессы: Лункин Р., Филатов С. Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом. Мировая экономика и международные отношения, 2020, т. 64, № 4, сс. 5–14. https://doi.org/10.20542/0131–2227–2020–64–4-5–14; Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Борьба “за” и “против” идентичности во внутриполитических процессах. Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 9, сс. 50–60. DOI: 10.20542/0131–2227- 2019–63–9-50–60; Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния. Современная Европа, № 3, 2018, сс. 102–114. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018102114

эпидемии в Киево-Печерской лавре украинские политики использовали для критики Украинской православной церкви Московского патриархата и лично ее главы митр. Онуфрия. В России объектом критики стал патриарх Кирилл и РПЦ как структура. Причем для критиков это стало наиболее беспроигрышным вариантом дискредитации РПЦ, так как дело касается здоровья людей, а внутри патриархата также есть сторонники полного и безоговорочного подчинения указаниям властей (проводником этих требований являются неолиберальные силы).

Избежать конфликтов или, по крайней мере, сгладить их удалось в тех случаях, когда политики и чиновники шли на личный контакт с религиозными деятелями, а не объявляли им директивно о введении запретов. Кроме того, даже в рамках самых жестких карантинных мер удавалось находить компромиссы с церковными деятелями, по сути для того, чтобы соблюдение карантина не выглядело бы как оскорбление религиозных чувств и попрание церковных установлений.

К такого рода балансу государства Европы призвал Совет Европы в своих рекомендациях, принятых в начале апреля 2020 г. В документе указывается, что ограничения общественной деятельности, в том числе и собраний верующих, неизбежно приводят к спорам и могут привести к жалобам в Европейский суд по правам человека (по статьям 8, 9, 10 и 11 Конвенции): «Хотя усиление ограничений в отношении вышеупомянутых прав может быть полностью оправдано во время кризиса, суровые уголовные санкции вызывают обеспокоенность и их применение должно находиться под строгим контролем. ... необходим справедливый баланс между принуждением и предупреждением, а также соблюдение пропорциональности»[228].

Следует отметить, что в религиозной среде в определенной степени запрограммировано существование консервативно настроенных фундаменталистов, особенно в таких больших

---

[228] Respecting democracy, rule of law and human rights in the framework of the COVID-19 sanitary crisis. A toolkit for member states. SG/Inf(2020)11, 7 April 2020. URL: https://rm.coe.int/sg-inf-2020–11-respecting-democracy-rule-of-law-and-human-rights-in-th/16809e1f40

церквях, как Католическая или национальные православные церкви Европы и России. Недовольные запретами на те или иные формы религиозной жизни, чем бы они не оправдывались, будут всегда. Однако степень радикализации в религиозной среде только на начальном этапе конфликта зависит от и от политиков, и от властей. В ходе развития противостояния многое зависит от способности властей находить баланс отношениях с верующими, в противном случае радикализм, оппозиционный властям, начинает расти, исходя из своей собственной логики и энергетики.

Глава IV

ЦЕРКВИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Постсоветское пространство является особым регионом в рамках исследования политической роли религиозных организаций. Государства этого региона отличает общее наследие — это различные формы подавления религии в советский период, вытеснение религиозного фактора из публичной сферы в сферу культуры, в виде одного из элементов архаичной традиции прошлого. Основные тенденции, характеризующие развитие стран бывшего СССР после падения коммунистической идеологии: возрождение этнорелигиозных традиций или их восстановление с нуля; религиозный бум, интерес к любым новым духовным течениям на фоне постсоветского идеологического вакуума; рост миссионерского, социального влияния тех религиозных направлений, которые исторически никогда им не обладали в постсоветских странах (к примеру, увеличение общественной роли протестантизма и католицизма в традиционно православных странах и протестантизма в традиционно мусульманских регионах); утверждение религиозного плюрализма как следствие религиозного бума и включения региона в процессы глобализации, когда Евразия стала ареной распространения, в том числе, транснациональных религиозных движений.

Европейская часть советского пространства — Восточная Европа, входившая в «советский блок», и те государства, которые образовались в результате распада СССР, сохранили особую приверженность религиозным традициям. Социологические опросы показывают, что, несмотря на общеевропейский уровень практической религиозности, населению посткоммунистических стран свойственно противопоставлять

традиционализм, религиозно мотивированный патриотизм — секулярной либеральной демократии[1].

В рамках данного исследования мы сконцентрируемся на роли христианских церквей в России, а также роли церквей в Украине и частично Белоруссии. Это позволит более объемно и глубоко увидеть основные тенденции становления христианских церквей как гражданских и политических институтов на постсоветском пространстве и увидеть, что отличает их отличает церквей остальной части Европы. Общими чертами религиозной жизни в европейских странах можно назвать стремление церковных структур стать частью публичной политики и оказывать на нее влияние, а также формирование вокруг церквей сетевой гражданской религиозности, которая стала новой формой миссии и социального развития религиозных институтов. Отличие постсоветских стран в том, что социально-политические кризисы более выпукло проявляют позиции разных церквей, их взаимоотношения с властью, меняют социальное и политическое мировоззрение в том же направлении, в каком развиваются и церкви Евросоюза: гражданская активность становится частью жизни их прихожан и происходит постепенная адаптация к демократическим институтам в новом глобальном политическом и информационном поле.

4.1. Политическая позиция Русской православной церкви

Христианские церкви на территории бывшего СССР принимают активное участие в выработке новой политической идентичности населения различных стран в этом регионе мира.

---

[1] Опрос Исследовательского центра Пью проводился с июня 2015 г. по июль 2016 г. в 18 странах на 17 языках. В очных интервью приняли участие более 25 тыс. человек 18 лет и старше. Армении, Беларуси, Болгарии, Боснии и Герцеговине, Венгрии, Греции, Грузии, Латвии, Литве, Молдове, Польше, России, Румынии, Сербии, Украине, Хорватии, Чешской Республике и Эстонии. В очных интервью приняли участие более 25 тыс. человек 18 лет и старше. См.: Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. May 10, 2017 // Pew Research Center. Режим доступа: URL:http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/15120244/CEUP-FULL-REPORT.pdf (дата обращения: 11.03.2018).

Одним из ключевых общественных институтов на постсоветском пространстве является Русская православная церковь (РПЦ, Московский патриархат), включающая в себя поместные (национальные) церкви Украины, Белоруссии, Молдавии, республик Центральной Азии, Прибалтики, приходы в Западной Европе (а также целый ряд церквей в дальнем зарубежье — Японии, Китае, США, Латинской Америке). На религиозном поле основными партнерами РПЦ в рамках межрелигиозного диалога являются мусульманские объединения, как внутрироссийские, так и национальные и межрегиональные (Центральной Азии, Закавказья). Среди христианских конфессий РПЦ является наиболее крупным и влиятельным религиозным объединением. Влияние православия многогранно, его нельзя свести к какой-то отдельной сфере или же к позиции только церковной иерархии. Как и многие европейские церкви, РПЦ в 2000-е гг. стала активно заявлять о своей точке зрения по экономическим, социальным, культурным проблемам, по биоэтике и т. д. Основные черты восприятия Церкви и особенности ее общественной деятельности, существующие в России, характерны и для других республик, где православие является национальной (или одной из такого рода конфессий) религией (Молдавия, Украина, Белоруссия). Между тем, вопрос церковно-политических разногласий, в том числе, на уровне церковных иерархов и политиков, более сложный — по сути РПЦ приходится иметь дело с новой реальностью, в рамках которой единство славянской православной цивилизации подвергается испытаниям[2].

Политическую роль Церкви можно назвать сложносоставным механизмом, в котором выдялются два полюса — идеологическая декларативная роль православия в сочетании с низкой практической религиозностью и находящаяся в стадии своего начального развития социальная роль РПЦ и религиозных организаций, повторяющая во многом социально-политическую эволюцию церквей Западной Европы.

---

[2] Митрофанова А. В. Международные славянские движения и интересы России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2010. № 4 (47). С. 226–233.

Во-первых, можно выделить идеологический образ РПЦ и православия в массовом сознании, который основан на «проправославном консенсусе»[3] (позитивном отношении к православию и Церкви как к чему-то сакральному и «государствообразующему» со стороны практически всех социально-мировоззренческих групп).

Во-вторых, РПЦ и православие, наряду с «традиционными религиями», занимает определенные позиции в государственной идеологии, в риторике политиков и чиновников: на особое уважение к православию, как и к другим традициям, указывает преамбула Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г.; с середины 2000-х гг. РПЦ стала фундаментом «русского мира», вершиной этого процесса в 2007 г. стал Акт о каноническом общении между и РПЦ и РПЦ Заграницей (сам процесс активно поддерживался президентом В. Путиным[4]).

В-третьих, существует медийный образ РПЦ, основанный на том, как православие непосредственно «применяется» и понимается в общественной среде. Этот образ также многообразен и включает в себя фольклорно-магический или фолькорно-оккультный, культурно-исторический и социальный элементы. По мере развития РПЦ и сам этот медийный образ постепенно меняется от идеологического монолитного до «живого» социализированного образа Церкви[5].

---

[3] Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 20.

[4] Президент В. Путин встретился с руководством РПЦЗ в генконсульстве РФ в Нью-Йорке, передал им послание патриарха Алексия II лично и пригласил в Москву, отметив: «Россия возвращается в семью цивилизованных наций, возвращается и для Русской Православной Церкви Заграницей. См.: Недумов О. Президент объединяет православных. 01.10.2003 // Независимая газета (НГ-Религии). Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2003–10–01/1_dialogue.html (дата обращения: 22.02.2018).

[5] Лункин Р. Н. Образ РПЦ в светских масс-медиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-оккультным православием // Православная церковь при новом патриархе / Под ред. Малашенко А. В., Филатова С.Б; Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2012. С. 171–223; Филатов, С. Б. Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности // Православная церковь при новом патриархе / под

Общественное сознание наделяет церковь несколькими ключевыми качествами — это ее «надмирность», неизменность и национальный характер. Большинство россиян считает, что РПЦ должна ограничиться духовными вопросами, а не решать общественные, политические и социальные проблемы. Такого рода представление о православии следует из аморфности самого по себе «проправославного консенсуса». Только так, по мнению Д. Е. Фурмана и К. Каарийнена, «церковь может объединять современных русских с их предками, олигарха и нищую старушку, «братка», который между разборками вполне может дать деньги на церковь, и генерального прокурора, недавно призвавшего ввести институт полковых священников, правительственных чиновников и «коммуно-патриотическую» оппозицию. РПЦ — неизменный сакральный символ «русскости», «русской духовности» и русского единства»[6].

Процесс превращения православия в религию придающую вес в обществе, в «надмирный» символ, санкционирующий земное существование, происходило в 2000-е гг., в том числе, по мере эволюции общественного сознания в антидемократическом направлении, по мере относительной стабилизации за счет отказа от демократических институтов. Церковь и власть, отмечается в сборнике, «снова вместе, как до революции 1917 года, и укрепляют друг друга». Православность президента Путина способствует его восприятию как традиционалиста соответствующего параметрам «русской духовности», а церковь переносит на Путина свой авторитет. Православность еще не стала условием карьеры, но уже превратилась в признак социальной респектабельности.

Для определения ядра политической базы православия важно, кого можно назвать «традиционными верующими», последователями РПЦ. Пытаясь выявить примерное число людей, которые сознательно исповедуют православие и являются в некоторой степени церковными, авторы книги выбрали респондентов, которые удовлетворяют довольно строгим критериям

ред. А. В. Малашенко, С. Б. Филатова; Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2012. С. 9–68.

[6] Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 30.

по сравнению с размытой в целом православной религиозностью. В понятие «традиционные верующие» входят те, кто 1) идентифицируют себя как верующих; 2) верят в Бога, с которым можно вступить в личные отношения (а не в «жизненную силу»); 3) считают себя православными и 4) или а) посещают церковь не реже раза в месяц, или б) часто молятся. Эту категорию авторы назвали ядром всех верующих — в 1991 г. таких было 3 %, в 1996 — 6 %, в 1999 — 7 %, в 2005 — 8, 8 %. Однако К. Каариайнен и Д. Е. Фурман замечают, что и ядро верующих им приходилось щадить и не применять на самом деле строгих критериев, так как 15 % «традиционных верующих» не верят в загробную жизнь, 30 % не признают воскресение мертвых, 13 % никогда не причащались и т. д.[7]

Несмотря на все сложности и парадоксы посткоммунистического развития, Россия идет в русле общей европейской тенденции, которая условно называется «приватизацией религии», когда ослабляется роль религии как внешней по отношению к индивиду силе, способной заставить его верить в определенные догматы и совершать какие-либо действия. Отличительной чертой России является слабая самоорганизация гражданского общества, а отсюда стремление к воссозданию государственной церкви и православия как всеобщей официальной идеологии этого общества. По словам Д. Е. Фурмана, «при этом людей, которых действительно можно назвать религиозными, в нем — крохотное меньшинство, перспективы роста которого — очень сомнительны, а моральная эволюция общества идет совершенно независимо от церкви. На наш взгляд, возникает болезненная и чреватая конфликтами ситуация»[8].

Место православия в религиозной картине России можно увидеть, оценив реальную численность приверженцев той или

---

[7] Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 59.

[8] Лункин Р. «Проправославный консенсус» в России: вера и неверие // Современная Европа. 2008. № 1 (33). С. 139–144; Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 25.

иной религии и конфессии в России на основании ряда критериев. Так, исходя из этнического принципа исчисления религиозной принадлежности (например, русские — православные, евреи — иудаисты, представители народов Кавказа и татары — мусульмане и т. д.) в России: 120 млн православных, 600 тысяч католиков, более миллиона верующих Армянской Апостольской Церкви, 14 миллионов мусульман, 230 тысяч иудаистов и 900 тысяч буддистов (данные приведены на основании Всероссийской переписи 2002 г.).

Если основываться на том, кто себя называет сам православным, протестантом или мусульманином (показатели культурной религиозности, т. е. численность людей считающих себя представителями данного религиозного движения) выглядят следующим образом: православных — 75–85 млн (православными в различных опросах называют себя от 60 до 70 % опрошенных), католиков — до 1 млн, протестантов — 1,5–1,8 млн, староверов — менее 1,5 млн, мусульман — 6–9 млн., иудаистов — до 50 тыс., буддистов — около. 550 тысяч, новых религиозных движений — не более 300 тыс.

Наконец, по данным социологических исследований, численность практикующих верующих составляет в РПЦ — 3–15 млн чел., старообрядцев — 50–80 тысяч чел., католиков — 60–200 тысяч чел., протестантов — более 1,5 млн. чел., иудаистов — 30 тыс. чел., мусульман — не более 2,8 млн. чел., буддистов — не более 500 тысяч чел., новых религиозных движений — не более 300 тысяч человек[9].

В социальной сфере РПЦ активизировалась в конце 2000-х гг., как за счет внутренних ресурсов, так и при поддержке государства. В период президентства Дмитрия Медведева, с 2009 года, государство постепенно переориентирует Церковь на социальные приоритеты и способствует новому этапу в развитии церковной жизни — от восстановления зданий к миссионерству и религиозному просвещению, чтобы РПЦ в большей степени

[9] Лункин Р., Филатов С. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45; Р. Лункин. «Русские» регионы России: степень православности и политические ориентации // Социологические исследования. 2008. № 4 (288). С. 27–37.

соответствовала политической роли как элемента идентичности и патриотической идеологии.

Дмитрий Медведев проявил себя как сторонник некоторых существенных черт демократической политики государства по отношению к религии — добровольности, привлечения различных религиозных объединений (не только РПЦ) к сотрудничеству как социальных партнеров. Характерна в этой связи его реакция на вопрос о вызывающем множество споров в России преподавании «Основ православной культуры» в школах, заданный в ходе первой интернет-конференции Медведева 5 марта 2007 года. Это был единственный вопрос, который как-либо касался религии. Дмитрий Медведев отметил: «Очевидно, что ничего принудительного в этой сфере в светском государстве быть не может. В то же время школа должна откликаться на те предложения, которые исходят от родителей учеников, от самих учеников, по преподаванию основ той или иной религии или основ мировых религий. На мой взгляд, для того чтобы не нарушать равновесия, которое все-таки сегодня, слава богу, сформировалось в этом вопросе, мне кажется, что достаточно важным является соблюдение принципа добровольности в этом вопросе, с тем чтобы соответствующие предметы преподавались на добровольной и факультативной основе»[10].

Провозглашение в конце 2000-х гг. курса на усиление гражданского общества отразилось и на религиозной политике. Именно при Медведеве государство приняло целый ряд конкретных решений в поддержку идеологических, финансовых, социальных и культурно-образовательных инициатив РПЦ, которые стал активно предлагать власти избранный в начале 2009 г. (после смерти в декабре 2008 г. патриарха Алексия II) патриарх Кирилл. Стремление Церкви получить государственные преференции во всех сферах от армии и образования до прав на недвижимость и установление православной символики в разного рода учреждениях — вызвало споры и разногласия среди общественности. Церковь во главе с патриархом Кириллом стала

---

[10] :Интернет-конференция первого вице-премьера Дмитрия Медведева. Стенограмма. 5 марта 2007 г. // Вести.Ru. Режим доступа: URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=117753&tid=43672 (дата обращения: 12.03.2018).

одной из центральных тем для общественных дискуссий. Ранее скептицизм по отношению к роли православия в России был свойственен лишь части интеллигенции. Теперь споры вокруг превращения РПЦ в государственный символ со всеми привилегиями ведут и те граждане, которые ранее об этом не задумывались. Среди них и те, которые называют себя православными, а тем более те, кто считает себя далеким от религии агностиками или атеистами.

Начало 2010-х гг. ознаменовалось целым рядом решающих шагов по продвижению Церкви к закреплению своего господствующего финансово-идеологического положения в стране, как среди религиозных объединений, так и вообще среди общественных организаций. Укрепление социально-политической РПЦ в современной России фактически не имеет аналогов в истории. Образовательные и культурные инициативы РПЦ и совместные государственно-церковные проекты, при этом, в большинстве своём соответствуют подобным формам поддержки церквей со стороны государства в европейских странах (особый статус Католической церкви, спонсирование социальных акций властями, военные капелланы, религиозные предметы в рамкха образования, теология в вузах). Социально-политическое развитие РПЦ и других христианских конфессий в России и на постсоветском пространстве имеет тот же вектор эволюции, что и развитие церквей Западной Европы в послевоенный период.

В июле 2009 г. Президент России Дмитрий Медведев выразил согласие с предложениями целого ряда «традиционных» религиозных объединений, прежде всего, РПЦ, об усилении роли религии в обществе[11]. Д.Медведев поручил Министерству обороны возродить в России институт военного духовенства. Было заявлено о том, что на первом этапе священнослужители появятся в военных подразделениях за рубежом. В ходе второго этапа (с 1 января 2010 г.) будут назначены священнослужители

---

[11] Силантьев Р. Июль стал триумфальным для традиционных религий России — религиовед. // Интерфакс-Религия. 23 июля 2009 г. Режим доступа: URL: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=31188 (дата обращения: 16.04.2018).

РПЦ во всех вооруженных силах до бригады включительно. Уже с 1 декабря 2009 г. в Вооруженных силах РФ была введена должность помощника командира воинской части по работе с верующими военнослужащими. А в начале февраля 2010 г. было утверждено положение о функциональных обязанностях помощников командиров частей по работе с верующими военнослужащими в Вооруженных силах РФ. В апреле 2010 г. Министерство обороны РФ объявило о создании Управления по работе с верующими военнослужащими, которое должен возглавить священнослужитель РПЦ. В Министерстве обороны РФ отметили, что предложения о назначении военных священников поступили пока только от Русской Православной Церкви, и в обязанности православных священнослужителей также будет входить окормление верующих иных вероисповеданий[12].

Одновременно, летом 2009 года, президент Дмитрий Медведев также поддержал введение в школах предметов о религии, прежде всего, «Основ православной культуры». Эксперимент по введению в школьную программу 19 регионов на выбор трех предметов (Светской этики, Основ мировых религий и Основ одной из «традиционных» религий — православия, ислама, буддизма и иудаизма) был начат в ускоренном режиме и вызвал скрытое и открытое недовольство не только представителей Министерства культуры, но и большинства учителей. Однако эксперимент (2009–2011 гг.) прошел успешно и не вызвал серьезных конфликтов, и религия заняла свое место в школах. Согласно проведенным опросам родителей в среднем по всем регионам, участвующим в эксперименте, «Основы православной культуры» выбрали для своих детей около 30 %, и примерно такое же количество выбрало светскую этику и «Основы мировых религий. Представители РПЦ были разочарованы такими результатами. Более того, например, старообрядцы — Поморская древлеправославная церковь рекомендовала староверам

[12] Пчелинцев А. В. Русская православная церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия. 21 ноября 2011 г. // Портал «Религия и право». Режим доступа: URL: http://www.sclj.ru/analytics/comment/detail.php?ELEMENT_ID=3640 (дата обращения: 16.04.2018).

выбирать именно светскую этику, а не учебник Московской патриархии[13]. В 2015 г. президиум ВАК РФ одобрил паспорт новой научной специальности «теология»[14].

В начале 2010 г. стало также очевидным, что неформальная реституция православных культовых зданий и ценностей вскоре вступит в новый этап своего развития. В начале 2010 г. представители РПЦ заявили, что новый законопроект о передаче религиозным объединениям (на 99% проект касается РПЦ) имущества религиозного назначения уже почти готов к внесению в Госдуму и для обсуждения общества. Проект закона стал результатом ускорившихся при патриархе Кирилле консультаций представителей патриархии и Минэкономразвития (концепция проекта была подготовлена еще несколько лет назад). Суть законопроекта заключается в разработке механизма передачи имущества, которым владеет РПЦ, и культовых объектов, которыми она еще не владеет, в собственность РПЦ, так как в настоящее время церковь пользуется большинством храмов и монастыре на правах бессрочной аренды. Кроме того, многие здания, принадлежавшие РПЦ до революции 1917 г. еще не переданы церкви. Обязательными условиями, которые должны сопутствовать принятию проекта, являются: одновременное принятие законов, которые позволят федеральным и региональным властям финансировать реставрацию, восстановление и содержание памятников культуры истории, переданных РПЦ МП в собственность, а также компенсация Церкви затрат на оформление имущества в собственность. Закон 2010 г. «О передаче имущества религиозного назначения религиозным организациям» установил единый порядок и обязал передавать Церкви имущество на всех уровнях — федеральном, региональном и муниципальном.

---

[13] Преподавание религии в государственных и муниципальных школах России. (эксперимент 2009–2011 гг.). Материалы мониторинга и рекомендации. Межрегиональная правозащитная группа Воронеж/Черноземье. Воронеж, 2010. Режим доступа: URL: http://irhrg.ru/sites/irhrg.ru/files/book_OPK_monitoring.pdf (дата обращения: 13.04.2018).

[14] Теология утверждена в России как научная специальность. 12 октября 2015 г. // Патриархия.Ru. Режим доступа: URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4243074.html (дата обращения: 22.02. 2018)

В 2010 г. также принят закон, который позволил государству поддерживать социальную работу религиозных объединений: Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». С 2018 г. было принято решение о том, что власти смогут оказывать помощь добровольцам, в том числе и религиозных объединений: был принят Федеральный закон от 05.02.2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)»[15].

Все перечисленные решения относится к сфере государственно-церковных отношений, в рамках которых РПЦ имеет государственное значение для общества и для идеологии власти. По мере увеличения социальной роли православия проявлялась и политическая позиция Церкви. Церковное руководство на протяжении 1990-х гг. и 2000-х гг. не вмешивалось в политическую предвыборную борьбу, а отдельные политические высказывания делали по большей части региональные епископы, а не патриарх. Лишь с 2009 г., когда главой РПЦ стал патриарх Кирилл, политическое самоопределение Церкви стало происходить динамично, отвечая новым целям и задачам укрепления Церкви как административно, так и материально при поддержке государства[16].

Важно отметить, что современная социально-политическая позиция Церкви отражена в одном официальном документе, который был принят еще в 2000 г. Это Социальная концепция РПЦ, разработанная при активном участии будущего патриарха,

---

[15] Гаврилов С. Впервые деятельность религиозных организаций в сфере добровольчества находится в фокусе внимания законодателей. 08.02.2018 // Императорское Православное Палестинское Общество: официальный сайт. Режим доступа: URL: http://www.ippo.ru/news/article/sergey-gavrilov-vpervye-deyatelnost-religioznyh-or-403834 (дата обращения: 16.04.2018).

[16] Филатов С. Б. Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности // Православная церковь при новом патриархе / Под ред. А. В. Малашенко, С. Б. Филатова; Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2012. С. 9–68.

а тогда главы Отдела внешних церковных связей митрополита Кирилла (Гундяева)[17]. Содержание концепции выражает политические идеалы РПЦ в том виде, как они сформировались в 1990-е гг., что предопределило появление противоречий в ходе политического самоопределения Церкви в 2010-е гг. Социальная концепция РПЦ предписывают и повиноваться властям, и не абсолютизировать власть, обожествляя правителей и превращая ее в самодовлеющий институт (Церковь и государство, III.2). Государство не должно вмешиваться в жизнь Церкви, но должно опираться на нравственные нормы, а светскость государства не должна пониматься как «отстранение религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач, лишение их права давать оценку действиям властей» (Церковь и государство, III.3). Идеальной формой правления концепция провозглашает византийскую симфонию Церкви и государства (где они взаимодействуют, как душа и тело). Отвергается форма существования РПЦ в Синодальный период в качестве государственного института, как отражение наследия Реформации в России. Подвергается критике сам по себе принцип отделение Церкви от государства как наследие эпохи Просвещения и Французской революции с ее антиклерикализмом (Церковь и государство, III.4), отмечается необходимость неповиновения власти, которая принуждает к отступлению от Христа (III.5). Принцип «свободы совести» однозначно связывается с наследием Просвещения и с секуляризацией (религия превращается в «частное дело» человека). Религиозная свобода в концепции РПЦ оказывается своего рода «неизбежным грехом»: «Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и к победе над грехом. Но этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества» (Церковь

[17] Основы социальной концепции РПЦ. Архиерейский собор 2000 г. 9 июня 2008 г. // Patriarchia.ru. Режим доступа: URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (дата обращения: 16.04.2018).

и государство, III.6). Защита прав человека в современном мире в рамках концепции РПЦ также подвергается критике как «защита своеволия, развития теории естественного права, которая не учитывает греховности человеческой природы, лишает права человека нравственных начал, а человек становится не образом Божьим, а «самодовлеющим субъектом» (IV.7). Таким образом, подчеркивается относительность «прав и свобод человека».

Церковь, при этом, должна указывать государству на недопустимость распространения некоторых убеждений, требовать построения отношений, учитывая количество своих последователей и культурно-историческую роль. Церковь также не вправе высказываться за изменение формы правления (III.7). Основой отношений Церкви и государства должно быть «соработничество», что можно считать теорией солидарного партнерства власти и РПЦ. При этом, клирикам запрещается участвовать в государственном управлении (III.11).

Церковь допускает наличие политического разномыслия в своих рядах, но подчеркивает, что политическая борьба может вестись, в том числе и с нарушением норм христианской морали (Церковь и политика, V.1–2). Однако фактически прямое участие представителей Церкви — священнослужителей — в политической жизни в рамках РПЦ запрещается: «Невозможно участие церковного Священноначалия и священнослужителей, а, следовательно, и церковной Полноты, в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах, таких, как публичная поддержка участвующих в выборах политических организаций или отдельных кандидатов, агитация и так далее. Не допускается выдвижение кандидатур священнослужителей на выборах любых органов представительной власти всех уровней. В то же время ничто не должно препятствовать участию иерархов, священнослужителей и мирян, наравне с другими гражданами, в народных волеизъявлениях путем голосования» (V.2). Допускается участие мирян в политике в рамках особых христианских (православных) политических организаций или христианских (православных) составных частей более крупных политических объединений (V.4).

В интерпретации свободы совести и критике демократического устройства РПЦ в наибольшей степени выделяется среди

всех христианских конфессий, большинство из которых в своих официальных документах, богословии и миссии восприняли и обосновали ценности демократии[18].

Политическая роль РПЦ впервые ярко проявилась в ходе «общественной мобилизации» 2011–2012 гг., предвыборной кампании, митингов и манифестаций граждан[19]. По словам социолога С. Филатова, если патриарх Алексий неявно мог выступать в поддержку кандидатов партии власти, то до 2012 г. патриарх Кирилл отстранялся от политики. В конце 2011 г. официальная позиция РПЦ заключалась в том, что «серьезные недостатки в работе чиновничества и полиции разозлили людей и вывели их на улицы, а этим воспользовались продажные и безответственные политиканы, находящиеся в услужении западных недругов России»[20].

Проявлениями более тесной солидаризации позиции РПЦ с государством стало обсуждение реакции представителей Церкви на панк-молебен группы «Pussy Riot», которая выступила 21 февраля 2012 г. со своими плясками и частушками в пустом храме Христа Спасителя. Вместе с панк-группой иерархи РПЦ осудили и ту часть общества, которая критиковала Церковь и призывала проявить милосердие к осужденным. Такого рода «враги» и даже «предатели в рясах» (либерально настроенные священнослужители) были отмечены в ходе «молебного стояния в защиту веры» перед храмом Христа Спасителя 22 апреля 2012 г., собравшего несколько десятков тысяч верующих из разных городов страны[21]: «“Враги церкви” — это и те,

---

[18] Филатов С. Б. Русская Православная Церковь в поисках культурно-эстетического национального идеала // Русское Ревью Кестонского института. 2006. № 13. Октябрь. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition13/02ROC.html (дата обращения: 26.09.2017).

[19] Лункин Р. Н. Вера и выборы. Впереди 2012-й. // Независимая газета. 25.11.2011. Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/ideas/2011–11–25/5_church.html (дата обращения: 26.02.2018).

[20] Филатов С. Б. Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко, С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2014. С. 9–41.

[21] Слово Святейшего Патриарха Кирилла перед началом молебна в защиту веры, поруганных святынь, Церкви и ее доброго имени. 22 апреля

кто сделал предметом обсуждения историю с дорогими часами “Breguet” на руке патриарха (масла в огонь подлило их исчезновение на одной из официальных фотографий), имущественный спор предстоятеля из-за строительной пыли, попавшей к нему в квартиру от его соседа хирурга Юрия Шевченко в Доме на набережной и якобы испортившей мебель. Из-за громадной стоимости иска Шевченко чуть не лишился квартиры. “Враги церкви” — это те, кто осуждал патриарха за поддержку “Единой России” и В.Путина на выборах, те, кто ждал от патриарха осуждения фальсификаций на выборах. “Враги церкви” — это те, кто выступает против преподавания “Основ православной культуры” в средней школе, и те, кто недостаточно почтительно отзывается о патриархе. Причем патриарх и его окружение сознательно драматизируют ситуацию, даже называют себя жертвами гонений, находят аналогии с первыми годами советской власти, когда в порыве богоборчества атеисты-коммунисты крушили храмы и убивали верующих»[22].

Вслед за Д. Е. Фурманом[23], С. Б. Филатов делает вывод, наиболее логично объясняющий отношения Церкви и общества в России. По его словам, РПЦ вновь оказалась заложницей исторического маятника: «церковь была сметена революцией из-за союза с архаичным политическим режимом Николая II и на волне отрицания этого режима испытала тяжелейшие гонения от советской власти, объявившей официальной идеологией воинствующий атеизм; после падения власти коммунистов РПЦ вследствие пережитых гонений и запретов получила массовую народную поддержку и уважение; теперь, поддерживая авторитарные тенденции в обществе, РПЦ вновь оказывается перед лицом рождающейся на наших глазах новой волны

2012 г. // Патриархия.Ru. Режим доступа: URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2177868.html(дата обращения: 26.02.2018).

[22] Филатов С. Б. Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко, С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2014. С. 9–41.

[23] Воронцова Л. М., Филатов С. Б., Фурман Д. Е. Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 81–91.

антиклерикализма (а может быть, и агрессивного атеизма)». При этом важно отделить борьбу за отказ церкви от антидемократических политических теорий РПЦ от борьбы с церковью и религией: «В противном случае борьба с церковью как раз по антиклерикалам и ударит. Общество, за исключением воинствующих безбожников, осознает важную конструктивную роль церквей в жизни современного общества. Чем сильнее будут антиклерикализм и воинствующий атеизм, тем дальше на следующем повороте истории качнется исторический маятник в сторону религии и церкви»[24].

К концу 2010-х годов православие стало частью мировоззрения нового консервативного большинства, а затем и элементом идеологии усилившихся после 2014 года на новой патриотической волне радикальных консерваторов[25]. Цивилизационными характеристиками «русской мечты»» стали: православие; сильная централизованная власть; имперская внешняя политика; духовность в противовес меркантильности[26]. Наряду с этим, отношение к самой РПЦ остается противоречивым, Церковь сама становится орудием идеологической борьбы, что является свидетельством политической расколотости «русского мира» и «русской мечты», отсутствия внутреннего консенсуса. Участие представителей РПЦ в политических дискуссиях на стороне власти оценивается скорее негативно, даже несмотря на то, что православие важный элемент государственной идеологии. Целый ряд скандалов в прессе вокруг предметов роскоши церковных иерархов

---

[24] Филатов С. Б. Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко, С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2014. С. 9–41.

[25] Бызов Л. Г. Ценностная трансформация российского общества на фоне социально-политического кризиса и посткрымского синдрома // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 5–20.

[26] Бызов, Л. Г. Украинский кризис в контексте социально-политических и социокультурных процессов, формирующих массовое сознание россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1 (9). С. 65.

снизил доверие к РПЦ как к институту[27]. В рамках исследования Института социологии РАН в 2016 г. на вопрос об оценке активной политической роли РПЦ 34 % ответили, что видят в этом больше плюсов, 13 % — больше минусов, 53 % затруднились дать какую-либо оценку. По мнению Л. Г. Бызова, налицо если не растущее раздражение позицией РПЦ, то по крайней мере — значительное отчуждение[28].

Однако изменения, происходящие внутри РПЦ, иногда способны радикально и быстро менять сложившиеся стереотипы о Московской патриархии. Открытое письмо священников в защиту заключенных по «московскому делу» от 17 сентября 2019 г., безусловно, войдет в историю. В 2000-е гг. были случаи, когда епископы и духовенство ходатайствовали за губернаторов, мэров и глав районов. Которые хотя и были коррупционерами, но строили храмы. Однако открытой фронды по отношению к власти и к определенной части общества со стороны представителей РПЦ не было никогда. Письмо 2019 года подписало 182 духовных лица (священников и диаконов). Это не просто призыв отпустить кого-то из заключенных (хотя под петицией в поддержку актера Павла Устинова также уже есть подписи священнослужителей). Дело Константина Котова приводится лишь как пример, прежде всего, потому что он был задержан с плакатом со словами протоиерея Александра Меня «Милосердие — то, к чему мы призываем» и призывом к обмену пленными с Украиной. Письмо является своего рода декларацией ценностей прав личности, понимания справедливости, этического кодекса сотрудников правоохранительных и судебных органов. Не случайно целый абзац посвящен именно соблюдению прав человека в суде, поскольку карательное правосудие и безнаказанность представителей власти стали самой обсуждаемой общественной проблемой: «Мы обращаемся к людям, облеченным

---

[27] Бызов, Л. Г. Украинский кризис в контексте социально-политических и социокультурных процессов, формирующих массовое сознание россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1 (9). С. 52–77.

[28] Бызов Л. Г. Ценностная трансформация российского общества на фоне социально-политического кризиса и посткрымского синдрома // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 5–20.

судебной властью и несущим службу в силовых структурах нашей страны. Многие из вас крещены в Православной Церкви и считают себя верующими людьми. Судебные разбирательства не должны носить репрессивный характер, суды не могут быть использованы как средство подавления несогласных, применение силы не должно осуществляться с неоправданной жестокостью. Мы выражаем обеспокоенность тем, что вынесенные приговоры в большей степени похожи на запугивание граждан России, чем на справедливое решение в отношении подсудимых. Апостол Павел связывает страх с рабским состоянием человека: «Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе» (Рим. 8.15), а апостол Иоанн писал: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершенен в любви» (1 Ин. 4.18). На запугивании нельзя построить общество свободных, любящих друг друга людей».

Священникам удалось избежать радикальной политизации своей акции, так как они не выразили поддержки ни одной политической партии или кандидатам в Мосгордуму. Составители письма также не стали давать оценку московским протестам в целом.

Уникальность этого обращения не только в том, что это первая подобного рода политическая и нравственная акция духовенства. В новейшей истории России еще не было таких масштабных выступлений. Письмо поддержали не только священники, которых считают «православными либералами» (о. Алексий Уминский, о. Александр Борисов), но и широкий круг батюшек из российской провинции, из дальнего и ближнего зарубежья, которые не являются ни известными консерваторами, ни либералами. После того, как число подписавших перевалило за сорок человек, сработал эффект «снежного кома», и многие другие рядовые священнослужители потеряли страх перед начальством и стали подписывать обращение. Многие, только узнав о наличии такого письма, поставили свою подпись. Среди таких известных подписантов — православный диссидент советского и постсоветского времени — протоиерей Георгий Эдельштейн, клирик Костромской епархии. К обращению присоединился и представитель Русской Архиепископии в Западной

Европе, недавно перешедшей в РПЦ, историк и публицист диакон Александр Занемонец и многие другие.

Но само по себе обращение выходит далеко за пределы обычного политического манифеста с требованием правды и милосердия по отношению к жестокой власти. В церковно-плитическом смысле произошел бунт низшего рядового духовенства против высшего церковного начальства и его где-то молчаливой, где-то абсолютно лояльной властям позиции. Среди подписавших письмо нет ни одного епископа, хотя в РПЦ их более 300, и около 100 епископов представляют собой новое поколение, появившееся при патриархе Кирилле в ходе раздела митрополий на небольшие епархии.

Молодое поколение рядового приходского духовенства (30–50 лет), составляющее значительную часть подписавших письмо, громко заявило о себе, вообще о своем существовании. Теперь с этим фактором гражданского общества придется считаться всем — и масс-медиа, и епископату РПЦ, и светским чиновникам. Новое поколение оказалось по роду своего служения ближе к почве, к интересам людей, простых прихожан. Как справедливо и не раз отмечал патриарх Кирилл в своих проповедях, в Церковь пришло много молодежи за последние десять лет, это уже не бабушки в платочках. Костяк общин, особенно, в мегаполисах, это активные граждане среднего возраста с детьми. Конечно, большая часть верующих настроена скептически по поводу далеких «москвоских протестов» и любой оппозиционной деятельности, ориентируясь на установки российского телевиления. Однако молодое духовенство прислушивается к активным прихожанам, к тому поколению, которое осознанно пришло в храм и резонно ожидает того, чтобы церковь была совестью общества. В каком-то смысле священники как практики выбирают будущее православия, свободное от идеологической связи с государством и связанное с вполне осознанной неформальной евангельской миссией, с желанием не потерять молодежь для христианской веры.

То, насколько изменилась РПЦ за последние годы, хорошо видно, если сравнить с ситуацией 2012 года. В то время лишь несколько энергичных священников заявляли о своем несогласии с властью, причем и со светской и с церковной. За честные

выборы выступали отец Дмитрий Свердлов (уволен за штат), отец Федор Людоговский (подписал нынешнее обращение), тогда же было в той или иной степени запрещено выступать с оппозиционными речами и статьями игумену Петру (Мещеринову), а протодиакон Андрей Кураев стал главным критиком патриарха Кирилла и недостатков внутрицерковной жизни. Для руководства РПЦ такое поведение ряда священников стало шоком, особенно, после скандала вокруг Pussy Riot, и патриарх Кирилл назвал диссидентов «предателями в рясах». В ходе полевых исследований и интверью с настоятелями многих приходов автору и его коллегам приходилось много раз слышать критику патриарха и политики руководства РПЦ после 2012 г. Как отмечает социолог религии Сергей Филатов, изменилась сама атмосфера, еще в начале 2000-х гг. рядовое духовенство в епархиях было забитым и боялось сказать даже слово о чем-либо, не говоря уже о критике архиерея. Теперь все по-другому, появилась смелость и самостоятельность в высказываниях и творческих инициативах, которые строятся на демократических принципах. Тем более что новым молодым епископам требуется все больше социальных и культурных проектов для отчета наверх. Фактическое противопоставление РПЦ демократическому движению, жесткая позиция по поводу осуждения Pussy Riot и любых протестов, одновременно с бюрократизацией самой патриархии и выстраиванием вертикали власти — все это, по мнению многих батюшек, сильно повредило миссионерству среди молодого поколения.

Контраст между мировоззрением этого активного духовенства и начальством виден невооруженным глазом в оценке письма о «московских протестах» со стороны зампредседателя Отдела по взаимоотношениям с обществом и СМИ РПЦ Вахтанга Кипшидзе. Он посоветовал духовенству вместо призывов к милосердию собирать средства на адвокатов, то ли для себя, то ли для осужденных оппозиционеров. Официальная реакция Синодального отдела во главе Владимиром Легойдой в заявлении 18 сентбяря 2019 г. оказалась оригинальной. Основные призывы духовенства были проигнорированы. Проверка виновности фигурантов «московского дела» была возложена на Правозащитный центр Всемирного Русского Народного Собора

(ВРНС), который стал известен защитой тех, кто разгромил выставку в Манеже в 2016 г., а также намерением решать вопросы, связаные с противодействием строительству храмов (курирует работу центра заместитель главы ВРНС (с 2019 г.) предприниматель Константин Малофеев). При этом, священники были обвинены в непрофессионализме, так как им «неизвестны детали уголовных дел».

Меньше всего представители духовенства думали об образе Церкви в обществе, но именно такого рода заявления привлекли и привлекут к православию многих. Потенциально это очень миссионерская, а не только политическая акция. Когда еще главный атеист страны телеведущий Владимир Познер согласился бы с Церковью хоть в чем-либо, но сейчас он с православными. Возможно, что батюшки не правы в некоторых конкретных деталях уголовных дел и «московские протесты» это совсем не протесты праведников. Однако честные и открытые ответы на острые и наболевшие вопросы о справедливости, нравственности правосудия, уважении к личности, о милосердии сполна искупают возможные ошибки.

4.2. Социальное православие

Однако одновременно с противоречивой ролью православия как элемента политической идеологии и со столь же неоднозачным отношением к РПЦ и ее руководству, в рамках Церкви идет процесс осознания своей реальной роли в обществе. В рамках настоящего исследования мы обратимся к двум значимым процессам, которые играют решающую роль для понимания практических возможностей РПЦ в разрешении социально-политических кризисов и участия представителей РПЦ в демократической трансформации общества в будущем. Это преодоление социальных вызовов и особенности участия в российско-украинском кризисе с 2014 года. Несмотря на то, что это разные сферы и различные темы, но именно в рамках них можно емко представить целый ряд важных для понимания роли церквей в разрешении социально-политических кризисов элементов: осознание необходимости социального служения как

миссии Церкви и способа интеграции в критическую по отношению к религии среду, возможность стать ближе к интересам граждан; формирование независимой от государства позиции Церкви по самым разным вопросам — от внешней политики до социальной несправедливости; появление вокруг Церкви той гражданской среды, которая способна к формированию будущих православных общественно-политических партий и движений (таких, к примеру, как консервативное движение «Сорок сороков»).

Русская православная церковь довольно поздно стала развивать современные формы социального служения — протестантские церкви уже в 1990-е гг. заняли многие ниши в сфере помощи разным категориям нуждающихся, католические приходы в меньшем масштабе, но также успешно создавали свои проекты в рамках работы «Каритас» и личных инициатив. В РПЦ остались лишь воспоминания о том, какие благотворительные общества и кружки трезвости, богадельни были в начале XX века. В советский период православные общины отучили заниматься какой-либо общественной деятельностью, в том числе и социальным служением, а в 1990-е гг. церковные руководители не ставили социальную работу в качестве первой цели по сравнению с воссозданием и возвращением храмов и монастырей, а многие не считали это делом Церкви вообще.

Отсутствие любой публичной деятельности в эпоху СССР сформировало такой тип православного благочестия, при котором предполагалось, что социальная работа противоречит аскетической, молитвенной практике, мешает богослужебному процессу[29]. Соответственно, успешные инициативы в православных общинах, которые исходили от священников или от групп активистов, чаще всего пресекались или ставились под жесткий контроль местных архиереев в 1990-е гг. Вплоть до середины 2000-х гг. социального служения на общецерковном уровне по существу не было, оно не считалось приоритетным направлением развития церковной жизни.

---

[29] Лункин Р. Н. Русское православие перед лицом социальных вызовов: волонтерство и христианская реабилитация групп риска // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 156–171.

Распространение различных общественных инициатив в российском обществе и параллельное укрепление приходов, превращение их в христианские общины, которые заботятся об окружающих, привлекают молодежь и интеллигенцию, сделало неизбежным целенаправленное обращение РПЦ к проблеме социального служения. Развитие приходов как социальных комплексов только становится объектом рассмотрения в научной литературе[30]. Для крепких христианских общин в российских регионах социальные проекты стали чем-то само собой разумеющимся, исходящим из принципов Евангелия и единства верующих вокруг Евхаристии. РПЦ стала играть большую роль в обществе, не только в сфере государственной идеологии, но и в жизни граждан. Всего церковных социальных проектов — более 4500 (данные по России, Белоруссии, Украине, Казахстану, Эстонии, Таджикистану, Киргизии). В России — 8412 социальных работников[31]. Церкви пришлось начинать процесс создания и развития социальных проектов с нуля.

---

[30] Забаев И., Пруцкова Е. Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета (ПСТГУ). Серия I: Богословие. Философия. 2013. №4 (48). С. 120–136; Приход Русской Православной Церкви в России и за рубежом: Материалы к изучению приходской жизни. Вып. 3 / Отв. ред. И. П. Рязанцев, ред.-сост. М. А. Подлесная. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 232 с.; Европа XXI века. Новые вызовы и риски: монография / под общей редакцией Ал.А. Громыко, В.П . Фёдорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017. С. 100–122; Лункин Р. Н. Миссия милосердия: социальное служение церквей // Современная Европа. 2016. №4 (70). С. 154–158; Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / Под редакцией С. Б. Филатова. Том I. М.: Летний сад, 2014; Филатов С. Б. Христианские религиозные сообщества России как субъект гражданского общества // Отечественные записки. 2005. №6. Режим доступа: URL: http://www.strana-oz.ru/2005/6/hristianskie-religioznye-soobshchestva-rossii-kak-subekt-grazhdanskogo-obshchestva Режим доступа: (дата обращения: 16.03.2018).

[31] Социальное служение Церкви: общий обзор и статистика. Доклад председателя Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению епископа Орехово-Зуевского Пантелеимона на заседании Высшего Церковного Совета. 11 мая 2018 года // Patriarchia. Ru. Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/5194895.html (дата обращения: 16.03.2018).

4.2.1.Добровольцы

Движения добровольцев, столь необходимые для любых социальных проектов и участия в разного рода благотворительных акциях, стали появляться в РПЦ только к концу 2000-х гг.. Долгое время более или менее массовым и организованным было лишь добровольческое движение в Москве в рамах службы «Милосердие» и движения «Даниловцы». Лишь впоследствии стали появляться аналоги этих движений в регионах. Их зарождение помогает увидеть те сложности, с которыми активисты — энтузиасты своего дела — сталкивались, когда какой-либо проект в действительности приводил к созданию мощного движения. Первой реакцией священноначалия, скорее, были страх и подозрения в отношении независимости нового направления околоцерковной деятельности. Большинство проектов развивались без целевой церковной помощи. Волонтеры остались православным движением и выжили, благодаря тому, что деятельность добровольцев была реально востребована обществом, а Церковь уже не могла обходиться без помощи гражданских активистов — будь то волонтеры во время богослужений патриарха, добровольцы, раздающие обеды неимущим или же активисты движения «Сорок сороков». Каждое из этих движений выдерживает свою собственную дистанцию с церковным руководством.

Основная проблема волонтерства основана на том, что православные приходы и епархии столкнулись с ограниченностью кадровых резервов — мотивированных людей. Это связано не только с тем, что по-настоящему граждански активных прихожан и общин довольно мало, но и с низким уровнем солидарности, соучастия в российском обществе в целом. В этом смысле РПЦ пришлось преодолевать и церковные стереотипы, связанные с существованием и организацией социальной работы, подозрением к волонтерам, и косность, равнодушие окружающего общества. Целый ряд добровольческих православных проектов, социальных центров для молодых мам и людей с разными формами зависимости, говорят о развитии христианской солидарности в церковной среде, которая лучше всего отвечает духу Евангелия и укрепляет Церковь изнутри, будучи основанием для будущего расцвета христианского милосердия и общинной жизни в РПЦ.

Появление добровольцев тесно связано с новыми целями и задачами церковно-приходской жизни, которые стали декларироваться в качестве конкретной цели руководством РПЦ фактически только с приходом к власти патриарха Кирилла в 2009 г. И тогда призывы патриарха совпали с уже существующим в епархиях оживлением социальной и приходской работы. По мере развития патриарших инициатив в социальной, культурной, образовательной и иных областях оказалось, что для продвижения общецерковных проектов наличие активной миссионерской работы, общинной жизни, волонтерства, которое развивается вокруг прихода, обязательно. Вместе с тем, окружение патриарха во время публичных акций молодыми людьми в футболках с надписью «Волонтер» или «Доброволец», недостаточно. В ходе своих выступлений, в частности, во время епархиальных собраний духовенства г. Москвы и встреч с архиереями, патриарх Кирилл все чаще стал говорить об общинной жизни.

Лучше всего под определения патриарха подходит одно из начинаний, которые патриарх сам же и благословил — это Патриарший молодежный центр при Даниловом монастыре. Многое из того, что патриарх говорил в ходе Архиерейского совещания 2 февраля 2015 г. в целом о задачах развития волонтерства и приходской работы, характеризует именно этот центр. По словам патриарха, «Главным показателем, основным критерием, по которому можно определить правильность устроения общины, является атмосфера внутри прихода, его микроклимат. “Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте” (Рим. 12:10). Патриарх Кирилл отмечает, что следует заботиться о том, чтобы волонтерские движения развивались по возможности на каждом приходе, «необходимо обсуждать эту тему с настоятелями храмов и с прихожанами. Убежден в том, что развитие волонтерского движения в Церкви и привлечение мирян к более активному участию в жизни приходов тесно связано с молодежной работой»[32].

[32] Патриарх Кирилл: Каким должен быть приход XXI века и существуют ли в Церкви активное и пассивное «сословия»? 2 февраля 2015 г. // Портал «Православие и мир». Режим доступа: URL: http://www.pravmir.ru/patriarh-kirill-kakim-dolzhen-byit-prihod-xxi-veka-i-sushhestvuyut-li-v-tserkvi-aktivnoe-i-passivnoe-sosloviya/ (дата обращения: 16.03.2018).

Если сравнивать с 2009–2011 гг., патриарх Кирилл все больше говорит том, что надо поддерживать инициативы прихожан: «Если мы дадим возможность людям раскрыть в епархиальной и приходской деятельности свои таланты, то в дальнейшем получим не только мощную поддержку в наших же трудах, но — и это главное — изменение отношения мирян к церковной жизни. Необходимо, чтобы миряне воспринимали приходы не только как то место, куда можно придти помолиться, но как важную часть своей жизни». Добровольчество также становится одним из приоритетов Церкви: «Сравнительно недавно стало активно развиваться волонтерское движение в нашей Церкви. Вначале оно было сосредоточено только на делах благотворительности, в рамках братств и сестричеств соответствующей направленности. И это правильно, дела милосердия — наиболее перспективное направление для добровольчества». Безусловно, все эти призывы главы Русской Церкви вызвали большое воодушевление в церковной среде[33].

Между тем, история патриаршего Даниловского центра отчетливо показывает, сколько много может дать Церкви простое доверие по отношению к людям, и как доверие и личные инициативы сталкиваются с бюрократизацией и стремлением руководства РПЦ к централизации власти. Уникальность центра в том, что он начинался как миссионерский и образовательный проект монастыря в то время, когда большинство монастырей об этом не думали и занимались строительством и реставрацией.

Формально Патриарший центр духовного развития детей и молодежи был создан при московском Даниловом ставропигиальном мужском монастыре в 1999 г. Однако основой для Центра стала активная работа монастыря еще с конца 1980-х гг., с момента его открытия. Монастырское руководство с самого начала приветствовало миссионерскую, катехизическую и социальную деятельность мирян, членов монастырского прихода, что в то время являлось большой редкостью. Фокусом такой работы стала молодежная среда.

---

[33] «Во славу Божию»: волонтеры — не бесплатная рабочая сила. 02.02.2015. // Приход.Ru. Режим доступа: URL: http://prichod.ru/aktualniye-voprosy/20769 / (дата обращения: 16.03.2018).

Еще в 1989 г., после торжеств, посвященных 1000-летию Крещения Руси, при обители начала работу одна из первых в Москве воскресных школ. В 1992 г. открылись специальные курсы для желающих принять крещение, глубже познакомиться с основами христианства.

По словам руководителя образовательных и просветительских программ Александра Боженова (интервью автору в октябре 2014 г.), «Очень быстро пришло понимание, что работать с детьми в школе в каком-то смысле бесполезно, и школа стала семейной, а для взрослых людей были открыты специальные катехизические курсы. Потом на эти катехизические курсы пришли молодые люди, которые захотели что-то делать, и на нашей монастырской территории, где в советское время был Центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей. Молодые люди стали ходить в новое место, куда переехал этот центр, чтобы как-то поговорить с детьми, которые там содержаться». Сотрудничество с этим Центром для несовершеннолетних правонарушителей продолжается до сих пор.

В 1999 г. был создан Центр духовного развития молодежи, В 2001 г. появилась Школа молодежного служения при Центре, в 2004 г. Центр получил статус Патриаршего. В 2008 г. было основано широко известное в Москве добровольческое движение «Даниловцы», формально действующее как независимая светская общественная инициатива прихожан монастыря. Однако «Даниловцы» выросли в рамках Центра и располагаются в помещении Центра. В рамках Центра действует 35 различных миссионерских, просветительских и социальных проектов, около 150 профессиональных сотрудников и добровольцев, более 1 тысячи волонтеров.

Высшее религиозное и административное управление Центром осуществляет Патриарх Московский и всея Руси. Органами управления Центра являются: Совет Центра и руководитель Центра. Руководитель Центра осуществляет непосредственное управление деятельностью Центра и назначается Патриархом Московским и всея Руси по представлению наместника Данилова монастыря. Председатель Совета Центра — архимандрит Алексий (Поликарпов), наместник Данилова монастыря. Руководитель Центра — игумен Иоасаф (Полуянов).

На протяжении последних 15 лет Центр зарекомендовал себя как образцовая организация, которая помогает частным инициативам прихожан. В 1990-е гг. Центр был одним из немногих, кто доказывал, что прихожане при участии Церкви должны заниматься социальным служением, миссией среди молодежи, организацией досуга детей и молодежи. Многие проекты Центра и сама его структура стала образцом для создания такого рода центров в других регионах России.

При монастыре действует два добровольческих движения — это «Даниловцы» (руководитель — Юрий Белановский, www.danilovcy.ru) и «Реставросъ» (www.dom-restavros.ru), которая помогает восстанавливать храмы. «Даниловцы» сотрудничают более чем с 20 учреждениями, в которые почти каждую неделю группа, в основном, молодых добровольцев ходит и организует досуг детей в рамках детской реабилитации и восстановления, чтобы у детей был хороший и позитивный настрой после операции или до операции. Есть также группа ремонтов, которая в основном помогает малообеспеченным слоям граждан сделать дома ремонт. (Как отмечают члены движения: «Например, сидит пенсионер, инвалид дома, вот он накопил столько-то денег, что смог купить материал, но, условно говоря, на покраску стен и на поклейку обоев у него нет денег. Соответственно добровольцы приходят и помогают»[34]). Существует группа переписки, она при монастыре существует очень давно — больше 20 лет. «Даниловцы» подхватили эту инициативу и тоже ведут такую работу по переписке с заключёнными.

Среди волонтеров есть, как православные, так и люди, которые просто решили помочь. По словам Александра Боженова, «человек может ходить в ту или иную больницу и не иметь больше никакого отношения к монастырю, а может, с другой стороны, скажем, ему понравится, он, может, захочет воцерковиться, у друзей что-то узнает, что здесь какая-то интересная

[34] Полевой материал автора. См.: Лункин Р. Н. Общинный микроклимат в эпоху бюрократизации. Даниловский монастырь как миссионерский приход // Русское Ревью Кестонского института. 2015. № 64. Февраль. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition64/04%20Lunkin%20about%20Danilov.htm (дата обращения: 16.03.2018).

жизнь. У нас раз в месяц для всех участников из всех проектов центра проходит молодёжная литургия. На литургию максимум ходят 200 человек, а в одном движении «Даниловцы» в базе добровольцев 1 тыс. человек». Во время молодежной литургии ещё по благословению патриарха Алексея II Евангелие и Новый Завет, «Апостола» стали читаться на русском и церковно-славянском языках. В рамках Центра также планировалось издать молитвослов на русском языке специально для пожилых людей, которым трудно выучить церковно-славянский язык и трудно читать молитвы, но издание не получило благословения церковного начальства.

Добровольческое объединение «Реставросъ» возникло 25 лет назад, когда группа энтузиастов стала ездить в отдалённые монастыри, в то время очень сильно разрушенные. Молодёжь из «Реставросъ» организуют порядка 15–20 смен, почти в каждые выходные у них есть какие-то выезды, и каждый будний день они приглашают добровольцев в тот или иной московский храм.

При Центре действует христианский и творческий клуб «Мелос» (ранее назывался — «Поиск на Крутицах», так как он располагался на Крутицком подворье). Раз в неделю клуб приглашает интересных христианских музыкантов, и поэтов.

На различные мероприятия Центра приходит от 20 до 50 человек, костяк какой-либо инициативы или движения, составляет как минимум 20 человек. Волонтеры посещают больницы и другие учреждения на добровольной основе, не получая за это денег. Поэтому часто волонтерское движение носит волнообразный характер, когда приходит новое поколение молодежи, которая учится в вузах, аспирантуре, затем они идут работать, обзаводятся семьями и многие уже не имеют возможности часто посещать больницы. С другой стороны, у «Даниловцев» есть стабильная группа волонтеров, которая ходит к детям, которые привыкают к тем, кто с ними играет. В Москве, по мнению представителей Центра, безусловно, легче привлечь волонтеров, поскольку это большой мегаполис, куда съезжается масса людей, здесь можно заработать деньги, в столице сосредоточены и большие общественные движения, такие как «Подари жизнь» и Клуб волонтеров.

Помощью алко- и наркозависимым при монастыре занимается центр «Метанойя» (http://metanoia.msdm.ru/) во главе с игуменом Ионой (Займовским). В рамках центра оказывается психологическая поддержка, собираются группы самопомощи (такого рода группы есть также в Новоспасском монастыре). По словам Александра Боженова, «несколько групп самопомощи мы пускали к себе, и опять же возникали какие-то разговоры, что вот, нецерковное дело. Но, как метко наш отец-наместник заметил, что мы видим, люди, которые были полностью деградированы, которые находились на дне общества, — выздоравливали — то есть они перестают пить, понимаете? Это само по себе является благом»[35].

В Центре провозглашается самодостаточность социальной работы: «если мы, люди, делаем добро — выносим за больными горшок в больнице, да просто играем с ребёнком, который идёт завтра на операцию или после того — идём делать с ним домашнюю работу, или любое другое — это само по себе благое дело. Если мы делаем добро людям от имени христианской организации, то это и есть уже миссия, то есть оно само собой свидетельство, что пришёл человек, помог тебе — он уже христианин»[36].

Одной из популярных программ Центра с 2002 г. является программа детских лагерей «Звезда Вифлеема», которая была трансформирована в летние выезды детей на природу. Руководитель этого направления — Егор Коврижкин. Программа основана на христианском воспитании и личностном росте детей, для чего устраиваются ролевые игры, исторические реконструкции. Таким образом, в Центре действует лаборатория игрового

[35] Полевой материал автора. См.: Лункин Р. Н. Общинный микроклимат в эпоху бюрократизации. Даниловский монастырь как миссионерский приход // Русское Ревью Кестонского института. 2015. № 64. Февраль. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition64/04%20Lunkin%20about%20Danilov.htm (дата обращения: 16.03.2018).

[36] Полевой материал автора. См.: Лункин Р. Н. Общинный микроклимат в эпоху бюрократизации. Даниловский монастырь как миссионерский приход // Русское Ревью Кестонского института. 2015. № 64. Февраль. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition64/04%20Lunkin%20about%20Danilov.htm (дата обращения: 16.03.2018).

моделирования — проекты, которые рассчитаны на 20–30 детей, и подростковый клуб «99 овец» для подростков 14–16 лет, для которых устраиваются квесты и ролевые игры (например, игра «Муми-Тролль», театральные постановки по Р. Киплингу, Р. Толкиену).

Жесткая административная политика, стремление все централизовать и бюрократизировать, не могла не затронуть столь свободный и творческий проект, каким являлся Центр. После реформ патриарха Кирилла 2010-х гг. Центр по существу стал приходским центром Данилова монастыря, при котором действует семейно-воскресная школа. Действовавшая при Центре школа молодежного служения оказалась не востребована, так как молодежным работникам было предписано церковным руководством проходить курсы «Вера и дело» при молодежной комиссии г. Москвы. Ранее от преподавания в Центре за статьи в либерально-демократическом духе был удален публицист игумен Петр (Мещеринов). Подозрение к деятельности движения «Даниловцы» возникло после того, как выяснилось, что одна из участниц группы «Пусси Райот» Мария Алехина была добровольцем в этом движении. Однако «Даниловцам» удалось удержаться в рамках Центра. По существу Центр — это самый крупный приход в Москве — в монастырь постоянно ходят 2–3 тыс. человек каждое воскресенье. Однако Центр и независимые движения внутри него продолжают более широкую социальную и миссионерскую работу в рамках всей столицы (www.cdrm.ru/).

Другим примером успешного развития добровольчества является служба «Милосердие». Под руководством епископ Пантелеимона (Шатова), который еще будучи священником собирал вокруг себя энтузиастов на одном из московских приходов, служба стала крупнейшим церковным социально ориентированным НКО. Она объединяет более 20 социальных проектов в Москве. Помощь в службе «Милосердие» получают различные категории нуждающихся: одинокие старики, инвалиды, тяжелобольные дети и взрослые, многодетные семьи, женщины в кризисной ситуации, бездомные и др. Один из проектов службы «Милосердие» — служба добровольцев, которая объединяет более 1500 человек. Добровольцы помогают тяжелобольным людям на дому, работают в различных учреждениях, начиная

от домов престарелых и заканчивая хосписами. Основа службы помощи «Милосердие» — это сестры милосердия, которые осуществляют квалифицированный уход за тяжелобольными людьми. Сестры милосердия задействованы в ряде проектов службы: помощь в государственных домах-интернатах для детей-инвалидов, помощь взрослым инвалидам в психоневрологическом интернате, патронажная служба ухода на дому, помощь одиноким больным в московских больницах и др. Сестры милосердия являются выпускницами Свято-Димитриевского училища сестер милосердия при Первой градской больнице в Москве или выпускницами патронажных курсов при училище. Училище является единственным в Москве православным училищем сестер милосердия, то есть одновременно и религиозным, и лицензированным светским учебным заведением с православным компонентом. Служба «Милосердие» на 67% существует благодаря частным пожертвованиям. Среди проектов службы помощи «Милосердие» три детских дома и Центр семейного устройства при Марфо-Мариинской обители, который помогает найти для детей приемную семью или вернуть их в кровные семьи. Один из детских домов — Свято-Софийский детский дом для мальчиков — стал первым в России негосударственным детским домом для детей с множественными нарушениями в развитии[37].

Один из ключевых проектов службы «Милосердие» — сайт Милосердие.ру — является одним из главных порталов о благотворительности в Рунете. На сайте ежедневно публикуются просьбы о помощи, на которые читатели сайта жертвуют миллионы рублей. Другой проект службы — группа работы с просителями — каждый будний день принимает в Марфо-Мариинской обители людей с улицы — всех, кому нужна помощь: выдает продукты, решает их проблемы. Служба помощи бездомным — один из старейших проектов службы «Милосердие». На сегодня приоритетным направлением деятельности службы

[37] Русская православная церковь. Общественная деятельность. Общая характеристика // Религиозные объединения Москвы: история, особенности вероучения, социальная деятельность: справочник / под ред. Р. Н. Лункина; Департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы. М., 2015. С. 15–18.

является профилактика бездомности — возвращение домой людей, попавших в Москве в кризисную ситуацию. Программа «Возвращение» создана службой «Милосердие», чтобы вести сбор пожертвований на покупку билетов людям, которые попали в трудную жизненную ситуацию, которым не на что вернуться домой. Два пункта профилактики бездомности на московских вокзалах организованы в последние два года: на Казанском и на Курском вокзалах. С 2003 г. по улицам Москвы курсировал и подбирал бездомных по ночам автобус «Милосердие», но сейчас московские власти по примеру службы через несколько лет запустили свой проект — «Социальный патруль». В связи с этим служба сконцентрировалась на проекте профилактики бездомности. 1 декабря 2014 г. служба «Милосердие» во дворе Синодального отдела по благотворительности открыла новый зимний сезон обогреваемой палатки для бездомных — «Ангара спасения». Основная задача проекта — способствовать возвращению бездомных в общество. Социальный работник в палатке оказывает бездомным помощь в восстановлении документов, налаживании связей с родственниками, поиске временного приюта и работы, отправке домой. На территории палатки бездомные могут помыться в мобильных душевых, поесть, поменять одежду и обувь, воспользоваться бесплатным телефоном-автоматом для звонков по России: с его помощью бездомные могут связаться с родственниками или вести поиски работы. В настоящее время требуются волонтеры для работы в психоневрологическом интернате, в детских домах для детей-инвалидов, в основном, это работа в отделениях милосердия, где находятся самые тяжелые дети, с очень тяжелыми пороками развития. Сестры милосердия работают в детских домах для детей-инвалидов с утра до вечера пять дней в неделю (в ДДИ «Южное Бутово» и в ДДИ № 15, а также в психоневрологическом интернате № 11). В службе «Милосердие» сестрическая помощь отличается от добровольческой. Сестры ходят на работу каждый день.

Добровольческая служба была организована в начале 2000-х гг. Как отмечает Василий Рулинский, сотрудник Синодального отдела по социальному служению и благотворительности РПЦ, в основном, сначала туда шли люди пожилого возраста, которые услышали объявление отца Аркадия Шатова (будущего

епископа) по радио «Радонеж». Сейчас основной костяк добровольцев — это люди 25–35 лет — студенты, менеджеры, часто очень успешные: заместители генеральных директоров, директора по юридическим вопросам, бухгалтеры. Каждый человек может прийти, заполнить анкету в храме царевича Димитрия, пройти собеседование со священником и стать добровольцем. Причем каждому предлагается на выбор, когда он заполняет анкету, в каких направлениях он хочет помогать: старикам, бездомным, детям-инвалидам и так далее. Координаторы службы разбиты по округам, где они курируют группы добровольцев. Каждая просьба, которая поступает по справочному телефону службы «Милосердие» идет к координатору, он ищет соответствующего добровольца, который мог бы удовлетворить эту просьбу. Вероисповедание или же недостаточно частое посещение храма не является препятствием для того, чтобы стать добровольцем. Рекомендация духовника не требуется. Как подчеркивает Василий Рулинский, «существует проблема нехватки кадров — сестер милосердия. Далеко не так много людей готовы посвятить свою жизнь от начала и до конца служению милосердию. Не все можно построить на волонтерской помощи. Есть, допустим, тяжелые больные, которых надо обязательно уметь переворачивать, а пожилые люди еще и привыкают к тем сестрам, которые к ним постоянно ходят»[38]. Служба «Милосердие» организовала проект бесплатной комплексной помощи людям с БАС — боковым амиотрофическим склерозом. В Москве таких людей порядка 600–800 человек, на страну их порядка 9000. В 2011 г. службой была организована Детская выездная паллиативная служба. Это первый этап на пути создания стационарного отделения — хосписа. Детская выездная паллиативная служба существует при медицинском центре «Милосердие» в Марфо-Мариинской обители. «Милосердие» очень активно сотрудничает с благотворительным фондом «Банк продовольствия “Русь”». Цеха фасовки «народных обедов» для

[38] Православная служба помощи «Милосердие» // Религиозные объединения Москвы: история, особенности вероучения, социальная деятельность: справочник / под ред. Р. Н. Лункина; Департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы. М., 2015. С. 19.

нуждающихся людей постоянно работают в Москве, Сергиевом Посаде, Екатеринбурге, Гатчине, Тихвине, Воронеже, Великом Новгороде, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Твери, Смоленске, Владивостоке, Хабаровске. Московский цех действует в Марфо-Мариинской обители. В трех регионах (Ростов-на-Дону, Смоленск, Тверь) служба делает «народные обеды» для беженцев. Молочные продукты, которые дают заводы, «Банк продовольствия» и служба «Милосердие» распределяют по разным храмам в Москве. За прошедший год ряд проектов службы «Милосердие» серьезно выросли и значительно изменились, чтобы повысить качество помощи подопечным. Чтобы продолжать оказывать помощь в необходимом объеме в будущем, служба «Милосердие» остро нуждается в постоянной поддержке жертвователей. По последним данным, общий дефицит службы «Милосердие» на 2015 г. составляет около 50 млн рублей. В службе «Милосердие» надеются на помощь Друзей милосердия — тех неравнодушных людей, которые регулярно поддерживают службу своими пожертвованиями. Оформить регулярное списание с банковской карты или воспользоваться другим способом перечисления средств можно на сайте Милосердие.ру. «Понемногу от многих — это спасает жизни!» — девиз Друзей милосердия, которых сейчас у службы уже около пяти тысяч[39].

Безусловно, в России пока нет своих аналогов общественных движений с широкими целями, а не просто благотворительных, таких как католические мирянские движения, которые ратуют за общинные ценности и христианскую проповедь различным слоям общества (таких как Фоколяры, Неокатехуменат, Communione e Liberazione, возникших в 1950–60-е гг.). Единственным примером является «Преображенское братство» прот. Георгия Кочеткова, многообразная деятельность которого (в том числе, и социальная, культурная, образовательная) выросла как раз из стремления возродить «истинную» общинную христианскую жизнь. На рубеже 2000-х гг. большинство иерархов

[39] Православная служба помощи «Милосердие» // Религиозные объединения Москвы: история, особенности вероучения, социальная деятельность: справочник / под ред. Р. Н. Лункина; Департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы. М., 2015. С. 20.

РПЦ, скорее, оценивали деятельность братства как «обновленчество», «сектантство» и «либерализм», с которыми надо бороться, — в этом смысле «Преображенское братство» не является типичным внутрицерковным социальным движением.

Тем не менее, к 2010-м гг. появился целый слой православной интеллигенции как среди духовенства, так и мирян, для которой христианская жизнь в рамках общины, ценности Евангелия стали смыслом бытия. Активность мирян стала ключевой в возрождении прихода, в проповеди основных христианских ценностей. Такого рода евангелически активная интеллигенция стала группироваться вокруг портала «Православие и мир» (www.pravmir.ru). Одним из заметных проповедников социального православия стал Юрий Белановский, лидер движения «Даниловцы» — с 2002 по 2012 г. работал заместителем руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи. Белановский стал постоянным автором одной из массовых газет «Аргументы и факты», экспертом по благотворительности и социальному служению РПЦ. В одной из своих статей он отмечает недостатки церковной жизни и анализирует католические движения: «Жизнь христиан в идеале — это жизнь общинная. Иисус Христос заповедал своим ученикам быть вместе. История христианства говорит, что религиозная община — это единство верующих, некое подобие семьи, где каждый в чем-то неполноценен, даже грешен, но все вместе, дополняя друг друга, помогая друг другу, стремятся жить по Евангелию, быть в молитве и служить ближним. Община святого Эгидия — это не только собрание горожан-католиков, но и тех, кому они служат — бедных и бездомных. Для современных, в том числе и верующих россиян, это трудно понять. После советской партийности, единообразия, идеологизированности нашему обществу предстоит еще многое пережить, прежде чем появятся настоящие христианские общины»[40].

Вслед за многими священниками, создававшими творческие социальные проекты, Юрий Белановский подчеркивает новую

---

[40] Белановский Ю. Может ли Церковь служить обществу? // Аргументы и факты. 29/11/2010. Режим доступа: URL: http://www.aif.ru/society/22090 (дата обращения: 15.04.2018).

реальность, в которой живет община. Ее самостоятельность, открытость в ведении всех дел заставляет по-другому взглянуть и на многие материальные вопросы и проблему ответственности духовенства перед верующими: «Община предполагает не только знакомство, общую молитву, причастие Тела и Крови Христа, но и совместное совещательное решение важных вопросов, общую ответственность, в том числе — материальную и финансовую, за организацию богослужений, за содержание храма, за помощь больным, малоимущим, нуждающимся, за содержание священника и его семьи. Кстати, отсюда проистекают ответственности священнослужителей не только перед Богом, но и перед общиной»[41]. В этом отношении Юрий Белановский выделяет опыт отца Александра Меня: «Для него община — это единство, в которое входят как пастыри, так и миряне: как служащие, так и те, кому служат. В общине каждый человек важен, ибо каждый обладает и служит своим даром, к которому призван Богом. Я думаю, важным наследием отца Александра является такое понимание христианской общины, где пастырь и община вместе служат Богу и людям, вместе многому учатся, духовно растут»[42].

Однако вывод автора о ситуации с развитием общинной жизни в РПЦ в целом пока не утешителен: «мы видим, что и внутрицерковные подпорки в виде общинности, заботы, поддержки, правильного распределения ответственностей, прав и обязанностей — пока не сложились»[43]. Однако, заметим, что поиск этих «внутрицерковных подпорок», идет, и довольно часто (намного чаще, чем в 1990-х — 2000-х гг. это не только низовые гражданские инициативы, но и движение со стороны иерархии РПЦ, которая ищет место для социально значимых

---

[41] Белановский Ю. Кто такие священники и почему появились «предатели в рясах»? // Аргументы и факты. 10/09/2012. Режим доступа: URL: http://www.aif.ru/society/35981 (дата обращения: 15.04.2018).

[42] Мень А. Не нужно церковного «гетто» // Аргументы и факты. 10/09/2010. Режим доступа: URL: http://www.aif.ru/society/20502 (дата обращения: 15.04.2018).

[43] Белановский Ю. Почему священников запрещают и почему они сами уходят? // Аргументы и факты. 21/01/2013. Режим доступа: URL: http://www.aif.ru/society/39761 (дата обращения: 15.04.2018).

проектов в структуре епархии или того или иного «демократичного» прихода.

В 2005 г. социолог Сергей Филатов оценивал количество такого рода общин в 200–250 на 12 тыс. зарегистрированных объединений[44]. Сейчас среди 15 тыс. зарегистрированных организаций РПЦ в России около 500 приходов и монастырей, которые с полным правом можно назвать социально активными ячейками гражданского общества, собирающими вокруг себя молодежь, интеллигенцию, организующими творческие центры, школы и фонды.

Между тем, это совсем не значит, что больше никакой активности нет: социальную функцию выполняют и государственные по существу проекты или инициативы спонсоров, в которых Церковь участвует символически или полусимволически. Намного более важную роль играют сотни, а может быть и тысячи, рядовых приходов, которые в поселках и деревнях являются единственным центром духовной, культурной жизни, хотя у них и нет больших проектов, молодежи и интеллигенции. Довольно часто новые епархии и такие движения, как Центр при Даниловом монастыре и служба «Милосердие», при которых складывается целый комплекс движений и проектов, естественным образом становятся инструментом скрепляющим разорванное атомизированное общество, по мере того, как священник и прихожане, верующие и окружающее общество начинают жить одними и теми же нуждами.

4.2.2. Реабилитация наркозависимых

Существуют совершенно особые примеры — того, насколько сложно продвигается социальная работа РПЦ, и какие формы она приобретает в тех областях, где у Церкви нет определенных и больших достижений. Такого рода областью является реабилитация нарко и алкозависимых, помощь как зависимым,

---

[44] Филатов С. Б. Христианские религиозные сообщества России как субъект гражданского общества // Отечественные записки. 2005. № 6. Режим доступа: URL: http://www.strana-oz.ru/2005/6/hristianskie-religioznye-soobshchestva-rossii-kak-subekt-grazhdanskogo-obshchestva (дата обращения: 15.04.2018).

так и созависимым (то есть их родственникам и друзьям)[45]. Успехи православных центров реабилитации не так заметны, как, к примеру, деятельность ребцентров, которые созданы протестантскими церквями. Наркозависимыми в РПЦ занимался вплоть до недавнего времени — до 2015–2016 гг. — еще более узкий круг энтузиастов, чем любыми другими проектами для нуждающихся. И эти энтузиасты до недавнего времени никак не были объединены. Более того, казалось, что Церкви нечего предложить в сфере реабилитации, кроме окормления наркодиспансеров священниками и идеологической реабилитации, которая по большей части заключалась в критике «сектантских» ребцентров (имеются в виду центры пятидесятников и харизматов), которые, по мнению православные активистов-сектоведов, наркозависимость меняют на свою «духовную зависимость»[46].

В сфере реабилитации наркозависимых у РПЦ был и отрицательный опыт работы с движениями, которые занимались различными видами зависимости. Один из примеров — это деятельность организации «Преображение России» (ПР) в Сибири, которая сотрудничала с РПЦ, но затем представители Церкви вынуждены были отмежеваться от нее, так как лидеры этой организации построили реабилитацию, прежде всего, на бесплатном труде бывших наркозависимых, а православная составляющая в воспитании реабилитантов «Преображения России» (8 июня 2011 г. Верховный суд РФ принял решение о ликвидации «Преображения России») отсутствовала. С середины 2000-х гг. ребцентры ПР стал налаживать сотрудничество с рядом епархий, в частности, с Новосибирской епархией, просили архиереев о духовно окормлении центров ПР. Однако если отбросить все личные обиды, разногласия и конфликты, то можно сделать вывод, что вертикальная система ПР не вписалась в епархиальную систему РПЦ. Совершенно очевидно, что «преображенцы»

---

[45] Степашина Т. Н., Лункин Р. Н. Русское православие: первые шаги волонтерского служения // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 229–237.

[46] Лункин Р. Н. РПЦ и группы социального риска: поиск христианского пути к человеку // Русское Ревью Кестонского института. 2017. № 73. Ноябрь. URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition73/02-Lunkin-ROC-helps-alcoholics-and-other.html (дата обращения: 16.03.2018).

хотели контролировать свои центры, саму реабилитацию и трудотерапию, которую проходят реабилитанты, работая в том числе, выполняя муниципальные заказы. С другой стороны, священнослужители РПЦ стали превращать центры ПР в православные, и в конце концов несколько десятков центров стали православными. В итоге в 2010 г. основатель и лидер ПР Андрей Чарушников запретил сотрудничество с епархиями и прервал контакты с РПЦ.

В некоторых случаях сами представители власти побуждали священнослужителей заняться реабилитацией, как, например, в Новосибирске. При поддержке государства был также организован православный ребцентр при соборе Александра Невского, где также располагается антисектантский центр отца Александра Новопашина (бездомными и ребцентром занимается свящ. Константин Работа). Как отмечают чиновники, православные долгое время критиковали инициативы протестантов, но сами не занимались такой социальной работой (по словам местных чиновников, «родителям наркомана все равно, в какой он церкви, главное, чтобы он жив остался»). В 2010-е гг. Новосибирская епархия РПЦ стала создавать ребцентры в районах. В других случаях удавалось переманивать активистов протестантских ребцентров, которые затем начинали создавать примерно такую же систему, но уже на православной почве, как, например, произошло в Ставрополе[47].

Как отмечает отвечающий за эту сферу деятельности в РПЦ епископ Каменский и Алапаевский Мефодий, «первые опыты

[47] Интервью у чиновников и религиозных деятелей взяты автором в ходе полевых исследований в рамках проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», который осуществляется с 1998 года. По итогам исследований в более чем 70 регионах РФ опубликован целый ряд изданий. См.: Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 620 с.; Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 686 с.; Атлас современной религиозной жизни России Т. 3. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2009. 863 с.; Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний Сад, 2002; Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / Под редакцией С. Б. Филатова. Том I. М.: Летний сад, 2014. 620 с.

общения с наркозависимыми у духовников в основном были не особо удачными. Известны случаи положительного исхода встречи, но в массе взаимопонимание и отторжение были обоюдными. Поначалу нелегко было догадаться, что встречу священника и наркомана продуктивнее рассматривать не как встречу двух говорящих на родственном языке иностранцев, а как встречу двух инопланетян»[48].

Необходимость узких специалистов в сфере психологии и реабилитации (или наличие обращенных людей, которые сами прошли зависимость, каких много в протестантских общинах) является одним из обязательных условий успешности этого вида служения. Отсутствие и тех, и других, заставило представителей Церкви создавать систему реабилитации административным путем, сверху, а не снизу. Каких же результатов удалось достичь?

Согласно официальной статистике[49], в России действует около 200 церковных центров помощи наркозависимым. Среди них — 70 ребцентров для наркозависимых, 12 центров ресоциализации, 9 амбулаторных центров, 40 консультационных пунктов, 7 мотивационных центров и 62 группы взаимопомощи (для сравнения при различных протестантских церквях — баптистов, пятидесятников — действует около 600 ребцентров для наркозависимых). Созданием базы данных православных пунктов помощи наркозависимым занимается с 2010 г. Координационный центр по противодействию наркомании Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ во главе с епископом Каменским и Алапаевским Мефодием (владыка Мефодий был основателем центра для наркозависимых в Кинешемской епархии). Центр действует на базе Фонда св. прав. Иоанна Кронштадтского, учрежденного в 2011 г. (центр успешно получает граниты Минэкономразвития и правительства Москвы). Еще в 2012 г. была разработана и принята Синодом 26 декабря 2012 г. концепция «О деятельности РПЦ по реабилитации

[48] Общецерковная система реабилитации наркозависимых. Синодальный отдел по благотворительности и социальному служению РПЦ. Благотворительный Фонд св. прав. Иоанна Кронштадтского. М., 2016. С. 101.

[49] Информация пресс-службы Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ.

наркозависимых», готовится также «дорожная карта» помощи созависимым с адресами, куда можно обратиться за помощью[50].

Система реабилитации с самого начала была поделена на разные сегменты в силу невозможности привести все к единообразию. Понимание этого также стало залогом успеха постепенного развития этой системы. Все организации были поделены на три категории: церковные организации, входящие в единую сеть помощи наркозависимым; канонические и учрежденные каноническими подразделениями Церкви организации, не являющиеся членами сети; находящиеся под эгидой Церкви независимые НКО, реабилитационный процесс в которых определяется и контролируется Церковью. Церковных центров, входящих в число членов сети — на 2017 год — десять. Это значит, что их программа соответствует методике Синодального отдела, и эти центры предлагают полноценную реабилитацию. В перспективе предполагается создание отделов и групп взаимопомощи при епархиях, приходах и монастырях, а также сети вспомогательных церковных и общественных организаций для выстраивания полного цикла реабилитации.

Что касается методики, то православные ребцентры строятся, в основном, на принципах «терапевтического сообщества», когда профессиональные психологи, психиатры, социальные работники, священники участвуют в «духовной терапии» и большая роль отводится волонтерам. Миннесотская модель — это совмещение принципов терапевтического сообщества с «Программой 12 шагов». Польская программа «Фамилия» (аналог — «Монар») — это совмещение принципов терапевтического сообщества с более строгой системой правил и внутренних законов в центре-общине, чем в «программе 12 шагов». Епископ Мефодий фактически отверг программы Анонимных алкоголиков и Анонимных наркоманов, призвав батюшек на приходах не отчитываться о проведенной работе наличием такого рода групп. По мнению владыки Мефодия, программы АН и АА никогда не смогут стать церковными и православными, так как

[50] Общецерковная система реабилитации наркозависимых. Синодальный отдел по благотворительности и социальному служению РПЦ. Благотворительный Фонд св. прав. Иоанна Кронштадтского. М., 2016.

они рождены в протестантской среде, затем стали нерелигиозными, однако основные черты протестантизма остались: группы АН и АА создают культ трезвости, каждая группа автономна, то есть отделена от прихода и приходской жизни, методика позволяет по-разному трактовать «понимание Бога», отрицая Священное Предание, исключается духовное наставничество со стороны священника.

Взамен епископ Мефодий предложил православную методологию социальной реабилитации наркозависимых в церковной общине. Фактически новая методика — это переработанный опыт реабилитации, который проходили зависимые в монашеской общине при Свято-Георгиевском храме села Георгиевского Кинешемской епархии. Именно в этой общине начинал заниматься реабилитацией сам епископ Мефодий. Опыт этой общины говорит о том, что возможно органичное вхождение реабилитационного процесса в жизнь общины, что реабилитация совмещается с традиционным укладом духовной жизни приходов и монастырей, не разрушая его. Было сформулировано три принципа такого рода церковной реабилитации: 1. Реабилитация в Церкви есть, в первую очередь, результат действия Божественной благодати, являемой во всей полноте церковной жизни». 2. Включение реабилитационного процесса в жизнь церковной общины (в этом миссионерском евангелизаторском характере реабилитации методика епископа Мефодия похожа на методику протестантских центров). 3. Компетентность (профессионализм) членов церковной общины, участвующих в реабилитации[51]. На деле включенная в приходскую жизнь реабилитация является чрезвычайно сложной задачей для священников, которым в таком случае придется окормлять довольно разную по своему составу паству или учить прихожан общаться и както взаимодействовать с бывшими зависимыми. Пример общины при Свято-Георгиевском храме села Георгиевского Кинешемской епархии характерен и по-своему уникален. Реабилитацией

[51] Координация деятельности церковных организаций в реабилитации наркозависимых. Синодальный отдел по благотворительности и социальному служению РПЦ. Благотворительный Фонд св. прав. Иоанна Кронштадтского. М., 2016. С. 11.

будущий епископ — игумен Мефодий (Кондратьев) — стал заниматься еще в 1998 г., когда из села стали уезжать люди, и бывшие наркозависимые стали помогать храму, одновременно с реабилитацией. В настоящее время в селе Георгиевское около 10 реабилитантов, 4 священноинока и несколько послушников, но в селе уже никто не живет[52]. Таким образом, для воспитанников уже создается уникальная духовная атмосфера, которой нет ни в городском приходе, ни в монастыре, привлекающем массу паломников.

Одними из самых образцовых центров для наркозависимых в Центральном регионе России являются Центр помощи наркозависимым «Радуга» в Кимрах Тверской области при храме Вознесения Господня (с 2013 г., по польской программе «Фамилия», аналог программы «Монар»), Христианский благотворительный фонд и центр «Старый Свет» при храме Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Ерино Новомосковского округа г. Москвы (с 2003 г., на основе программы «12 шагов» и миннесотской модели) и группа поддержки родственников зависимых, то есть созависимых 15–20 чел.), при храме преп. Сергия Радонежского в Солнцево, один из лидеров — психолог Ольга Балабанова, настоятель храма — прот. Александр Волков (с 2016 г.)[53]. В Петербурге сеть центров «Обитель исцеления» организовал прот. Сергий Бельков, действует также центр «Диакония» и стационар при Александро-Невской лавре, есть центр Александра Невского прот. Александра Новопашина в Новосибирске.

У каждого православного центра был свой путь развития. Как правило, все держится на энтузиазме отдельных верующих активистов — до момента целенаправленной поддержки центра со стороны Церкви, получения грантов и появления спонсоров на реабилитацию (что является большой редкостью — проще привлечь средства на строительство храма, чем на социальный проект). Руководитель Центра «Радуга» в Кимрах прот.

---

[52] Общецерковная система реабилитации наркозависимых. Синодальный отдел по благотворительности и социальному служению РПЦ. Благотворительный Фонд св. прав. Иоанна Кронштадтского. М., 2016. С. 16.

[53] Данные интервью с представителями этих центров, взятые в ходе пресс-тура 19 июня 2017 года Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ.

Андрей Лазарев отмечает, что Кимры в конце 1990-х гг. были одним из центров наркобизнеса, и в 2000 г. на приходе стала вестись работа с наркозависимыми, появилась мечта открыть свой центр. В 2004 г. отец Андрей прошел обучение в Польше в Гливице по программе «Фамилия» у Маевского, которая предполагала работу с пациентами с двойным диагнозом — зависимостью и психическими заболеваниями. Однако для православного центра, который существует при храме, оказалось, слишком тяжело работать с такими пациентами, поэтому в центр принимают просто зависимых. Центр был создан в 2012–2013 гг. после разговора прот. Андрея Лазарева с епископом Мефодием (тогда отец Андрей был третьим священником в соборе, у которого нет «ни средств, ни власти»).

Реабилитантам предлагают придти к Богу, но не ждут от них обязательного воцерковления, хотя многие исповедуются и причащаются, читается молитва по утрам, раз в неделю проходит молебен, по воскресеньям все приходят на службу в храм. Воспитанники центра участвуют в организации концертов (на территории храма выстроена сцена) для всех желающих, проводятся занятия в театральной студии и спортивной секции Федерации рукопашного боя, летом и зимой устраивается военно-спортивный лагерь. Выпускники также помогали делать резной иконостас в храме и делают плитку на специальном станке.

Суть программы «Фамилия» — в создании микрокосмоса, маленького государства, где есть юстиция, должности, карьерный рост. Таким образом, приобретенные опыт и знания переносятся на социум, и реабилитант встраивается в нормальную жизнь вне центра. Корректируется психика, меняются ценности. Провозглашается принцип равенства независимо от возраста и консенсуса в принятии решений. Лечение — групповое, терапевтическое. Данная программа является чисто светской по духу. Общие правила пребывания в центре предполагают отсутствие агрессии, половых отношений (в центре «Радуга» есть и мужчины, и женщины), нельзя покинуть центр без разрешения. При этом, по утверждению сотрудников центра, никто никого не запирает на замок и нет наказаний (тем, кто привык курить, даже разрешается это делать). За год в 2016–2017 гг. через центр прошло, к примеру, 90 человек, а осталось 14. Как

признается прот. Андрей Лазарев, в центр обращаются наркозависимые и их родители из благополучных семей, так как зависимые из неблагополучных семей часто и не ищут никакого выхода. Немаловажно, что родственники все же должны оплачивать питание в центре в размере 15 тысяч рублей, что могут делать только семьи с регулярным достатком (в среднем общее содержание воспитанника — около 40 тысяч в месяц, что восполняется пожертвованиями и спонсорами).

О своем отношении к центрам других христианских конфессий отец Андрей Лазарев говорит так: «Дело не в конфессии, а в профессионализме (в центре работает два психолога). Надо лечить людей, это же смертельное заболевание. Лучше душу спасти. Даже если человек у сектантов находится, то грехов он меньше совершает». Православный подход также заключается в том, что бывшие зависимые не должны быть руководителями или сотрудниками центров, как это бывает у протестантов (только после, как минимум, 7 лет «чистой» жизни)[54].

По другим правилам живет центр «Старый Свет», его основателем является первопроходец системы реабилитации в России, психолог Евгений Проценко — его называют перфекционистом в этой сфере. Он основал свой фонд еще в 1990 г., с 1992 г. стала реализовываться амбулаторная программа. «Старый свет» в разное время сотрудничал с самыми разными конфессиями — одно время фонд располагался в Англиканской церкви в Москве, потом в католическом храме Непорочного Зачатия, и лишь с 2010 г. его базой в Москве стал Храм Всех Скорбящих Радости на Большой Ордынке (там проводятся амбулаторные занятия). Основные хозяйственные постройки и строительство дома для реабилитантов и «дома на полпути» — общежития для адаптации бывших зависимых к обычной жизни — ведется в пос. Ерино в Новой Москве. Полный курс, в отличие от центра «Радуга», составляет не год, а 2–3 года, и реабилитанты (7–8 чел.) сами себя должны содержать — работают на подсобных работах и при церкви, то есть это вариант бесплатной реабилитации. Евгений Проценко занимается психотерапевтической деятельностью,

---

[54] Из интервью, взятом в ходе пресс-тура 19 июня 2017 года Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ.

а настоятель храма в Ерино свящ. Андрей Дерягин духовным окормлением, что и дает процесс целостной реабилитации. Как отмечает Евгений Проценко, надо четко разделять права и обязанности в центре, и священник, даже если он является хорошим психотерапевтом, не должен вести руководить центром и вести реабилитацию. В центре запрещаются любые химические вещества, в том числе курение.

В «Старом Свете» реабилитация основывается на методике терапевтического сообщества, которая основывается, прежде всего, на взаимодействии и взаимной помощи. Это общий быт и труд, и программа «12 шагов», адаптированная к православной вере, с обращением к конкретному, а не абстрактному Богу. По словам Евгения Проценко, если человек прожил в таком центре полгода, то с вероятностью 70 % он сможет и дальше сохранить трезвость. Родители иногда участвуют в жизни центра, но не всегда плодотворно, так как сдают детей туда иногда просто, «как чемодан». Как и в других центрах воспитанники постепенно включаются в молитву и в богослужения, никто не отказывается[55].

Одним из крупнейших православных центров по реабилитации алко и наркозависимых в Иркутской области является Душепопечительский центр во главе с настоятелем Храма Веры, Надежды и Любви и матери их Софьи протоиереем Владимиром Кокориным (автор брал интервью с о. Владимиром в июне 2012 г.). Отец Владимир также является руководителем Отдела Иркутской епархии по работе с наркозависимыми и другими видами зависимости. Община бывших наркозависимых была создана при Князь-Владимирском храме в 2005 г., затем у центра появилась своя загородная база в Марково в бывшем детском лагере, при храмах священник проводит курсы для созависимых. В рамках обмена опытом отец Владимир также общается с организаторами протестантских ребцентров — баптистами и пятидесятниками, они обмениваются методиками (хотя формально отец Владимир в интервью отмечает, что «сектанты меняют наркотическую зависимость на духовную»). Отец Владимир вместе

[55] Из интервью, взятом в ходе пресс-тура 19 июня 2017 года Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ.

с активистами своего центра регулярно проводит антинаркотические акции, например, он обходил аптеки, которые продают запрещенные к продаже кодеиносодержащие препараты, используемые наркоманами. Однако в милицию отец Владимир не обращается — он читает проповеди продавцам и проводит беседу с директорами аптек. В Спасской церкви существует трезвенническая православная группа, которая в том числе работает по программе 12 шагов (лидер группы — Владимир Снарский, настоятель — отец Александр Беломестных). Вокруг центра отца Владимира Кокорина фактически сложилась община прихожан и активистов, подростков, которые ездят в детский лагерь и помогают священнику в социальной работе. Община применяет новые формы миссионерства, не боится идти на межконфессиональные контакты, если есть общее поле для помощи наркозависимым.

Существующие примеры православных проектов по реабилитации показывают, что налаживание церковной бюрократической системы социальной работы далеко не всегда означает только навязывание административных норм. Приходские проекты существуют параллельно с созданием общецерковных механизмов социального служения. При этом, просветительская и образовательная деятельность Синодального отдела по социальному служению и благотворительности РПЦ помогает воспитанию специалистов в самых разных сферах, которые оказываются востребованы государством, общественными и околоцерковными фондами, которые получают государственные гранты (наряду с епархиями и приходами) и негосударственные гранты в рамках, например, конкурса церковных культурных и социальных проектов «Православная инициатива». Все это создает чрезвычайно благотворную среду для развития низовой волонтерской деятельности, молодежного служения, привлечения в РПЦ активных граждан как таковых, что и формирует влияние Церкви как гражданского института.

Поскольку многие особенно сложные формы социальной работы в РПЦ начинались с чистого листа, то рецепция зарубежного и иноконфессионального опыта была неизбежна. Особенно ярко это проявилось в сфере реабилитации нарко и алкозависимых, в создании кризисных семейных центров, приютов

и т. д. Протестантские и католические методики с различной степенью успеха были адаптированы к православной среде и богословским особенностям. На основе этих методик было создано и создается многообразие форм социальной работы в РПЦ.

Можно без преувеличения сказать, что социальное служение на уровне приходов, монастырей, епархий изменило жизнь Церкви. Волонтерские проекты привлекли в Церковь массу новых людей, возможно, не совсем или даже совсем не воцерковленных, но готовых помогать в рамках церковных проектов, и, как правило, постепенно становящихся прихожанами[56]. Увеличение социальной роли Церкви отразилось в становлении оригинального внутри и внешнеполитического мировоззрения.

Социальные проекты поставили новые цели и задачи перед церковными активистами и перед самим духовенством: более строгой организации приходской жизни, ориентации на сотрудничество с другими общественными организациями и конфессиями, создания возможностей для вовлечения активных верующих, в первую очередь, молодых людей, в жизнь общины и социальные проекты. Прежде всего, поддержка личных инициатив на местах перестала быть такой уж редкостью или же показателем из ряда вон выдающегося «либерализма» региональных архиереев или настоятелей больших приходов.

Наконец, социальная работы представителей Церкви не только сама формирует среду вокруг и внутри прихода, но и постепенно меняет отношение окружающего общества к Церкви, лишает почвы противопоставление РПЦ как института и Церкви как исполнительницы заповедей Христа. Это позволяет людям, скептически настроенным по отношению к православию или к католицизму, увидеть тот «образ христиан и христианской общины», открытой и милосердной, о которой люди читали в Евангелии или, по крайней мере, читали в литературе и видели в кино. Одновременно происходит кристаллизация социально-политической позиции РПЦ, основанной на защите собственных церковных интересов.

---

[56] Степашина Т. Н., Лункин Р. Н. Русское православие: первые шаги волонтерского служения // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 229–237.

4.3. Православие против православия в Украине

Особенности социально-политической позиции РПЦ проявились в ходе российско-украинского кризиса. Он выявил как способность Церкви к самоорганизации и масштабным социальным проектам, так и амбивалентную позицию РПЦ, которая проявляет себя как государственническая сила внутри России, но проводит свою независимую внешнюю политику, не совпадающую с официальной линией российского руководства.

События в Крыму и на Донбассе значительно изменили конфигурацию отношений между российским и украинским обществами, в том числе самым серьезным образом изменились отношения между церквями. Политические разногласия между странами, смена власти в Украине стали для большинства церквей испытанием. Ситуация также осложнялась различиями между нашими странами и принципиальным отличием церковно-политической картины в России и в Украине[57].

Украинское общество исторически было более религиозным, чем российское. В Украине было больше религиозного плюрализма, бурно развивались самые разные движения, которые затем приходили в Россию (протестантизм), Украина снабжала кадрами православную церковь и евангельские общины. Даже по численности религиозных объединений сейчас Украина превосходит Россию.

Религиозное многообразие делает Украину единственной страной бывшего СССР, где нет одной господствующей «традиционной» религии. В российском сознании довольно мало осознан тот факт, что Украина является одной из самых христианских стран Европы, учитывая количество церквей и общин (более 35 тысяч) и численность населения страны (около 50 млн чел.). При этом Украина является страной не только с многообразным православием разных юрисдикцией, католицизмом и греко-католицизмом, но и с большим разнообразием протестантских течений. Евангельские церкви — баптисты,

---

[57] Лункин Р. Н. Церкви и политика в российско-украинском кризисе 2014–2015 гг. // Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт. М.: ИЕ РАН, 2016. С. 65–83.

пятидесятники, адвентисты, евангелисты всех мастей распределены по всей территории Украины, сильные многотысячные церкви есть как на Востоке, так и на Западе. Чтобы представить себе религиозную картину Украины, посмотрим на данные Министерства культуры Украины на 1 января 2013 г. (в отличие от России в Украине регистрируются практически все реально действующие общины и религиозные центры)[58]: всего — 36995 (без Автономной республики Крым — 34917), Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП) — 12895 (из них 532 в Крыму), Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) — 4702 (из них 44 в Крыму), Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ) — 1247 (из них 10 в Крыму), иные православные церкви — 186 (из них 10 в Крыму), все православные общины — 19030.

Религиозный фактор играет исключительную роль в Украине, церкви непосредственно участвуют в политике, религиозная принадлежность политиков и судьбы церквей обсуждаются в ходе выборов и разного рода социальных конфликтов. Евромайдан, свержение Януковича, война на Донбассе поставили церкви, в особенности, православных из различных юрисдикций, в центр политической арены[59].

Во время майдана различные церкви заняли консолидированную позицию, которая проявилась в заявлениях созданного еще в 1996 г. и активизировавшего свою деятельность в президентство В. Ющенко Всеукраинского совета церквей и религиозных объединений (ВСЦ). Значение совета в том, что он объединяет все православные юрисдикции (УПЦ МП, УПЦ КП, УАПЦ), греко-католиков (УГКЦ), католиков и целый ряд протестантских объединений (лютеране, баптисты, пятидесятники, адвентисты), всего 18 объединений. В ходе событий 2014 г.

---

[58] Звіт про забезпеченість церков і релігійних організацій України культовими будівлями на 01.01.2013 р. 27.03.2013. // Институт религиозной свободы (Киев). Режим доступа: URL: http://www.irs.in.ua/ (дата обращения 20.02.2018).

[59] Лункин Р. Н. Православие против православия: ситуация на (в) Украине // Московский Центр Карнеги. 10 июня 2015 г. Режим доступа: URL: https://carnegieendowment.org/files/Orthodoxy_Ukraine_Lunkin_2015.pdf (дата обращения 20.02.2018).

члены ВСЦ были активны на самом майдане, выполняя миротворческую роль и устраивая молитвенные палатки, проводились встречи с новым руководством страны (с А. Турчиновым, А. Яценюком и П. Порошенко).

Украинские церкви (даже конкурирующие и/или не признающие друг друга) согласны вокруг ряда пунктов: поддержка евроинтеграции Украины, осуждение коррупционного режима В. Януковича, необходимость защиты суверенитета и целостности Украины, признание наличия агрессии со стороны России (частично на Донбассе и в рамках аннексии Крыма), значение демократических ценностей. Все эти пункты сложились в общую для всех церквей «теологию майдана», которая выросла из «революции свободы и достоинства» — церкви объединяет признание благотворного значения народного выступления против власти, применившей насилие, уважение к «Небесной сотне», гордость за граждан и гражданское общество, проявившее себя на майдане, в том числе, через церкви.

Однако дальше начинаются разногласия, которые усугубила военная ситуация на Юго-Востоке Украины и межцерковные противоречия. «Теология майдана» включает в себя, как националистов, которые хотят создать единую православную церковь, которая отражала бы только их интересы, так и патриотов, которые признают плюрализм церквей и не считают, что надо проводить в той или иной степени украинизацию.

Националистические элементы «теологии майдана» в настоящее время наиболее близки и власти, и части интеллигенции. «Теология майдана» в том, как она понимается частью церковной элиты (православные и протестанты, такие как архим. Кирилл (Говорун), прот. Андрей Дудченко, прот. Петр Зуев, Юрий Черноморец из УПЦ МП, протестант Михаил Черенков, УГКЦ — Борис Гудзяк, ректор Украинского католического университета, историк и богослов Антуан Аржаковский и др.) является по своей сути изоляционистской, несмотря на то, что провозглашает европейский путь Украины. В протестантском мире Украины евромайдан привел к эйфории по поводу новых возможностей для миссии, избавления от «советского рабства», мессианской роли Украины для постсоветского пространства в свете «революции свободы и достоинства». В этой связи

интересная позиция известного социолога Хосе Казанова, который женат на украинке и говорит на украинском. Он приветствовал революцию достоинства, также отчасти демонизирует Россию как советскую империю, разваливающую Украину, и тянущую за собой УПЦ МП. Но при этом Казанова отмечает, что Украине далеко до демократии и подчеркивает антидемократические и националистические тенденции (интервью изданию «Зеркало недели»)[60].

Провозглашая церкви влиятельными гражданскими институтами и строителями национальной державы, «теология майдана» тоталитарна в том, что касается несогласных с ней: она отделяет от России и от русской культуры в целом и предлагает «национальную программу»: осуждение «русского мира» как советского и антихристианского, героизация майданов 2004 и 2014 гг., голодомора и деятелей ОУН-УПА, борцов с советским режимом, без различения их позиций. Безусловно, «теология майдана» стала проявлением и элементом гражданского подъема в обществе (главным образом, в среде киевской интеллигенции), но ее жесткость и авторитаризм приводит к поиску врагов как внутри Украины и в России, так и на Западе. И это мало отличает сторонников этой идеологии от российских пропагандистов ксенофобских антизападных теорий.

При этом, признание агрессии со стороны России в украинском обществе не означает автоматически радикального неприятия всего русского (на первом плане неприятие лично президента В. В. Путина). Кроме того, среди борцов с агрессией выделяются партии войны и мира — есть сторонники войны, искоренения «боевиков» на Донбассе, а есть те, кто признают военные действия гражданской (или по кр. мере, сложной) войной и выступают за мир без уничтожения «сепаратистов». А европейский вектор не всегда означает десоветизацию. Каждая церковь или группы внутри церквей по-своему развивают и понимают завоевания майдана.

---

[60] Казанова Х. Я не верю в нации, но верю в силу духа украинцев // Зеркало недели. 15.05.2015. Режим доступа: URL: http://gazeta.zn.ua/socium/hose-kazanova-ya-ne-veryu-v-nacii-no-veryu-v-silu-duha-ukraincev-_.html (дата обращения 20.02.2018).

Киевский патриархат стал основным рупором милитаристской риторики, полностью поддержав в этой части позицию киевских властей (публичные выступления патр. Филарета повторяют лозунги о войне до победного конца, об угрозе третьей мировой войны о стороны РФ т.д.). УПЦ КП стала церковью «войны»: используя ситуацию и поддержку правящего националистического режима, чтобы стать единой национальной церковью.

19 марта 2014 г. патриарх Филарет распространил следующее заявление: «18 марта 2014 г. руководителями России было публично совершено нарушение трех заповедей Божьих: не укради; не говори ложного свидетельства на ближнего твоего; не желай дома ближнего твоего <...> (и) ничего, что у ближнего твоего (Исход 20:15–17). <...> В выступлении 18 марта в Кремле президент России В. Путин использовал средство дьявола — смешал правду с ложью. Убежден, что полуправда, которую из уст главы российского государства слышал весь мир, хуже откровенной лжи — как скрытый в пище яд более опасен, чем явная отрава. <...> Владимир Путин официально стал использовать такие определения, как “русский мир”, “историческая Россия”, “русские — разделенная нация”, “мы с украинцами — один народ”. Все это, вместе с ностальгией по былому государственному величию и стремлением реванша за распад СССР, является точной копией идеологии и риторики фашистских режимов XX века, в частности, в Германии и Италии. <...> Именно поэтому прежде всего обращаюсь ко всему украинскому народу: на нашу Родину вероломно напал враг, который оккупировал часть Украины и стремится вообще уничтожить нашу государственность и независимость, вернуть нас в имперское кремлевское иго»[61]. Филарет также резко критиковал УПЦ, заявляя, что позиция УПЦ МП тождественна позиции российского руководства, хотя это не так. УПЦ КП игнорирует тот факт, что УПЦ МП также благословляет воинов на защиту рубежей Родины в зоне АТО (антитеррористической операции) и посылает своих

[61] Обращение Патриарха по поводу российской аннексии Крыма // Прес-центр Київської Патріархії. 19.03.2014. Режим доступа: http://www.cerkva.info/ (дата обращения 22.02.2018).

капелланов в зону боевых действий. УПЦ МП больше всего работает в зоне АТО (капелланы и социальные проекты), Онуфрия по-прежнему встречают в целом благожелательно (хотя и с пикетами против «московской церкви») в пограничных с зоной АТО епархиях, которые он объезжает, Онуфрий в 2015 г. присутствовал на мероприятиях в Киеве, посвященных депортации крымско-татарского народа.

Украинская автокефальная православная церковь не стала активным игроком в рамках кризиса, учитывая смерть главы церкви митр. Мефодия (февр. 2015 г.). Фактически УАПЦ солидаризировалась с УПЦ КП, объявив о переговорах об объединении двух церквей (апрель 2015 г.). Однако новый глава УАПЦ митрополит Макарий (Малетич) не пошел на объединительный собор под эгидой Киевского патриархата и занял независимую, но в целом нейтральную позицию по отношению ко всем церквям. Митрополит Макарий, например, вполне снисходительно отнесся к тому, что Харьковско-Полтавская епархия УАПЦ во главе с Исидором (Исиченко) решила перейти в УГКЦ. Уже к концу сентября патриарх УПЦ КП Филарет выразил свою обиду довольно резко: «Руководство Церкви на словах говорит одно, а делает противоположное. 14 сентября должен был состояться Собор, чтобы завершить акт объединения (с УПЦ КП — авт.). Однако вся иерархия Автокефальной Церкви отказалась придти... Больше диалога с этой Церковью у нас не будет, чтобы они не обманывали народ»[62].

Греко-католики (УГКЦ) в лице верховного архиепископа Святослава (Шевчука) вплоть до 2015 г. делали довольно резкие заявления в адрес России и о необходимости «победить врага». Однако затем УГКЦ ушла в тень после того, как папа Франциск четко обозначил свое мнение в феврале 2015 г. — война в Украине братоубийственная, и необходим мир, а не призывы к победе или к поражению какой-либо из сторон (Святослав публично выразил сожаление по поводу слов папы). УГКЦ заявляет, как и УПЦ КП, о гонениях на своих служителей на Донбассе и в

---

[62] Філарет: Від створення єдиної Помісної православної церкви не відмовляємося // Львовская газета. 29.09.2015. Режим доступа: URL: http://www.gazeta.lviv.ua/life/2015/09/18/48038 (дата обращения 20.02.2018).

Крыму, но, несмотря на большую роль на майдане, неактивна в войне против России: это не война греко-католиков. При своей враждебности по отношению к России и отсутствии влияния на Востоке Украины УГКЦ, по крайней мере, на время ослабило антироссийскую проповедь.

Сторонников единой УПЦ Святослав разочаровал заявлением, что есть одна каноническая церковь — УПЦ МП (октябрь 2014 г.). Однако же в октябре 2015 г. ряд заявлений Святослава Шевчука в интервью австрийскому католическому агентству «Kathpress» вызвал возмущение и осуждение со стороны Отдела внешних церковных связей РПЦ. Шевчук высказался в русле антимосковской риторики,свойственной патриарху Филарету: «Как бы ни старался Московский Патриарх претендовать на “российского”, а не просто “русского”, в современных реалиях это ему явно не удаётся. Моральное право представлять ему “боли и радости” народа Украины ставят под сомнение даже сами верующие УПЦ, считая своего Патриарха “патриархом агрессора”»[63].

Стоит отметить, что роль представителей УГКЦ была самой заметной на самом Евромайдане 2014 г. в центре Киева. Если посмотреть многочисленные видеотрансляции с майдана, то можно увидеть, что сцена, с которой выступают ораторы, увешаны иконами Божией Матери, позади политиков стоят греко-католические священники с крестами. Это естественно, так как греко-католики поддерживали тех активистов, которые приехали в Киев из Львовской области, других регионов Западной Украины. Большую известность получила проповедь одного из священников УГКЦ Михаила Арсенича (служит в Ивано-Франковской области), который в декабре 2013 г. призывал убивать русских, китайцев, негров, евреев, а также членов Партии регионов (за эту проповедь он был наказан руководством УГКЦ — отправлен на покаяние в монастырь на месяц). Патриарх УГКЦ Святослав (Шевчук) призывал священников не занимать политической позиции, а также отмечал, что главным

[63] Заявление Отдела внешних церковных связей Московского патриархата от 23.10.2015. Режим доступа: URL: https://mospat.ru/ru/2015/10/23/news123987 (дата обращения 20.02.2018).

агрессором является Россия, которую страны Запада должны остановить (Шевчук еще 7 февраля призвал, чтобы США стали посредником в разрешении конфликта в Украине). Характерную для униатов и католиков позицию на Евромайдане выразил 17 февраля 2014 г. в интервью Католическому информационному агентству архиепископ Католической церкви Украины Мечислав Мокшицкий, митрополит Львовский: «Я считаю, что события на Майдане являются шансом для Украины, если они приведут к изменению политической системы и более прозападного направления политики. Благодаря им появилась надежда на исцеление государства, на большую справедливость или облегчение заграничных поездок, а также облегчение условий для иностранных инвесторов». Присутствие на Евромайдане митрополит комментирует так: «На Майдане также была поставлена наша молитвенная палатка. Отцы-францисканцы ежедневно отправляют там Святую Мессу и ведут молитвы. <...> В демонстрациях на Майдане принимают участие и верующие Римско-Католической Церкви. Их сопровождают священники, чтобы создавать атмосферу солидарности, мира и взаимоуважения. Такая атмосфера взаимной солидарности и уважения преобладает на Майдане. Там мы видим совсем другую Украину»[64].

Показательна на фоне межправославного конфликта политическая роль протестантских церквей, которые в лице своих представителей в ВСЦ заняли крайнюю точку зрения (требовали от российских лидеров осудить агрессию Россию), призывали к победе над «террористами» на Донбассе, мотивируя это, в том числе, преодолением советского прошлого и необходимостью построения европейской демократии. В рамках ВСЦ протестанты скорее симпатизируют Киевскому патриархату (евангеликам близко понятие «национальная церковь», с флагами Украины пасторы до последнего стояли, к примеру, в центре Донецка, один был убит в бою с сепаратистами). Между тем, в самих евангельских церквях намного больше непроявленного

---

[64] На Майдане мы видим совсем другую Украину, — Митрополит Мечислав Мокшицкий. РИСУ. 17–02–2014. Режим доступа: URL: http://risu.org.ua/ru/index/all_news/state/national_religious_question/55355/ (дата обращения 20.02.2018).

плюрализма мнений (пророссийских и националистических), чем это представлено в публичном пространстве.

«Теология майдана» для протестантов в большей степени связана с новыми возможностями для христианской миссии и с десоветизацией, социальным служением в зоне АТО.

Российские церкви долгое время, до мая 2014 г., выдерживали достаточно взвешенную позицию. Однако в мае 2014 г. съезд Российского Союза евангельских христиан-баптистов (РСЕХБ) принял резолюцию, в которой осуждался «мятеж», произошедший в Украине, и Турчинов лично, Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников) (РОСХВЕ) в январе 2015 г. основал епархию в Крыму, то есть протестанты в России заняли даже более лояльную по отношению к власти позицию, чем РПЦ[65].

Единственными церквями, которые сохраняют нейтралитет в военной ситуации стали Армянская апостольская церковь, адвентисты и Евангелическо-Лютеранская церковь (одновременно лютеране активно помогали протестующим на майдане).

Совет евангельских протестантских церквей Украины начиная с декабря 2013 г., как и другие церкви, призывал к гражданскому примирению и осудил злоупотребление силой со стороны органов власти и поддержали митингующих на Евромайдане. Особенно активно выступали баптистские служители и пасторы пятидесятнических церквей. Однако напрямую ни одна крупная евангельская церковь или союз не принимали участие в Майдане (в 2004 г. в оранжевой революции и охране участников майдана участвовала харизматическая церковь «Посольство Божие»). 16 марта евангельские церкви принимали участие в молитвенном вече на Майдане — было решено сделать общие молитвы регулярными вплоть до президентских выборов. Выступая на майдане, секретарь Братства независимых церквей и миссий Евангельских Христиан Баптистов Сергей Дебелинский отмечал: «Мы должны не просто называться христианами,

---

[65] Церковь должна быть выше политики и любой конъюнктуры этого мира. Епископ Константин Бендас. 04.02.2015 // Официальный сайт РОСХВЕ. Режим доступа: URL: https://www.cef.ru/infoblock/publications/newsitem/article/1354640 (дата обращения 20.02.2018).

а быть такими. Тысячи людей сегодня записываются в Национальную гвардию. Хотя у нас нет достаточной военной силы, чтобы сдержать тот натиск, который угрожает нашей стране, но у нас есть всесильное Слово Божие». Председатель Собора независимых евангельских Церквей Украины Анатолий Калюжный заявил: «Сегодня Украина проснулась, и Бог хочет ее благословить. У Него большие планы на наше государство. Потому что Европа сегодня спит, в греховном сне, в России еще стоят идолы, и нам надо нести туда Слово Божье». Также ярко выступил старший епископ Церкви христиан веры евангельской Украины Михаил Паночко. Он напомнил притчу из Евангелия от Луки о бедной вдове, которая просила о помощи судью и получила желаемое. «Иисус сказал ученикам, что надо всегда молиться и не унывать. Но возникает вопрос: как не падать духом, когда такая армада, вооруженная до зубов, у наших границ? Как не падать духом, когда Церковь в России молчит и боится сказать правителю, что так нельзя делать? <...> Церковь существует не только для обрядов, она должна стоять в проломе за свой народ, ее служители не должны бояться говорить правду в глаза высоким чиновникам»[66].

Позицию церкви на Востоке Украины в столь сложный момент выразил Сергей Косяк, пастор церкви «Ассамблея Божья» в Донецке: «Христиане, как и по всей Украине, молятся. Кто-то открыто заявляет о своей позиции, кто-то нет. В церквях мы стараемся эту тему не поднимать, потому что есть люди разных убеждений. Но на молитве мы четко говорим о единстве и молимся за Украину. Большинство в протестантских церквях придерживаются курса на сохранение целостности Украины»[67].

Показателем силы протестантизма и предметом гордости для значительной части протестантов Украины является то, что и.о. президента страны (с 23 февраля 2014 г.) в ходе революционного кризиса стал баптистский служитель Александр

---

[66] Молитва на Майдане 16 марта 2014 года. 19 марта 2014. // Христианский центр «Вефил». Режим доступа: http://bethel.org.ua/ (дата обращения: 12.03.2018).

[67] Пастор о столкновениях в Донецке и настроениях местных жителей. Интервью с пастором Сергеем Косяком 16 марта 2014 г. Режим доступа: Invictory.com. (дата обращения: 12.03.2018).

Турчинов, ближайший соратник Юлии Тимошенко по партии «Батькивщина».

Евангельское движение также пыталось преодолеть российско-украинскую конфронтацию — 9–11 апреля 2014 г. в Иерусалиме прошла встреча основных протестантских лидеров Украины и России. Однако фактически украинская сторона осталась недовольна встречей — глава Церквей христиан веры евангельской пятидесятников Украины Михаил Паночко заявил о том, что российские лидеры не способны занять четкую позицию и не могут дать оценку агрессии России в отношении Украины, что епископы России стесняются произносить слово «агрессор» и не захотели осудить антиукраинскую кампанию в российских СМИ. В ответ Константин Бендас, представитель РОСХВЕ, обвинил часть украинских епископов в том, что они похожи на «агрессивных политиков» и заявил: «церковь и братолюбие — это вещи несовместимые с политикой, политиками, с какими-то государственными и межгосударственными ситуациями и конфликтами»[68]. В результате никакого итогового заявления на встрече не было принято. Настроения церквей Украины, которые мало понятны россиянам, лучше всего выразил молодой теолог и публицист Михаил Черенков. Он отметил, что наступил новый этап в развитии евангельского движения Украины в обществе, которое, несмотря на все трудности, выбрало свободу и достоинство: «Мы выбрали лояльность народу, россияне выбрали лояльности власти. Если они увидят сильную церковь в Украине, пользующуюся любовью и авторитетом среди народа, они будут приезжать к нам, дружить, учиться. Сам Бог будет радоваться такой церкви»[69].

В евангельском движении России также произошла политическая поляризация. Выразителем оппозиционных взглядов части сообщества стал пастор и экс-председатель РСЕХБ

---

[68] Бендас К. Если бы такие встречи были раньше, возможно, церковь не оказалась бы в такой печальной ситуации. 22.03.2018. Режим доступа: URL: http://afmedia.ru/zhizn-cerkvi/bendas-esli-takie-vstrechi-byli-ranshe(lfnf (дата обращения: 12.04.2018).

[69] Черенков М. После Майдана началась новая эпоха. 10.04.2014. URL: Режим доступа: http://cherenkoff. blogspot.com/2014/04/blog-post_10.html (дата обращения: 12.04.2018).

Юрий Сипко. Самой известной патриотической церковью, помогающей «Новороссии» вместе с «Единой Россией» стала церковь «Живая вера» в Пензе (пасторы — Сергей Киреев, Олег Серов) — ее мировоззрение практически полностью совпадает с аналогичной позицией многих православных организаций, таких как, к примеру, «Сорок сороков»[70].

В создавшейся ситуации УПЦ (Московского патриархата) стала единственной церковью, внутри которой представлены полярные точки зрения (за и против единства с РПЦ, отношение к идее «единой церкви» (переговорам с УЦП КП), отношение к войне, к украинизации и десоветизации). На этом фоне митр. Онуфрий, с точки зрения националистов, отмалчивается и упускает шанс возглавить гражданское сопротивление агрессии, не желая отделяться от РПЦ. Однако УПЦ МП и Онуфрия трудно обвинить в непатриотизме — глава УПЦ постоянно объезжает приграничные с регионом АТО епархии, на фронте работают капелланы, гуманитарная миссия УПЦ МП для беженцев и раненых, для солдат в целом, — самая большая из всех церквей. Капелланы работают по обе стороны фронта. В связи с этим именно у УПЦ в будущем есть все шансы стать церковью, которая сможет объединить в одном государстве Запад и Восток Украины, непримиримых оппонентов, которых столкнула война уже во всех частях Украины.

Между тем, УПЦ МП пытаются исключить из политического процесса. Результатом майдана стало большое влияние националистов на руководство Украины, в том числе, в религиозной сфере. Нельзя сказать, что президент П. Порошенко (прихожанин УПЦ МП) и правительство А. Яценюка (прихожанин УГКЦ), Верховная Рада отражают мнение какой-либо церкви. При безусловном внимании к патриарху УПЦ КП Филарету (он

---

[70] Лункин Р. Н. Православные консерваторы и общество: движение «Сорок сороков» // Пчелинцев А. В., Загребина И. В., Лункин Р. Н. Свобода совести в современной России. М.: Информационно-аналитический центр «Сова», 2017. С. 22–31; Лункин Р. Н. Российские протестанты и Украина: испытание патриотизмом. Русское Ревью Кестонского института (Оксфорд, Великобритания). № 63: ноябрь 2014 г. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/russianreview2014.php (дата обращения: 12.04.2018).

надеется, что на основе КП и при поддержке государства будет создана «единая церковь») власти скорее сотрудничают в целом с ВСЦ, будучи благодарными совету за его позицию по майдану, и всем церквям за поддержку солдат в рамках АТО и не выделяя УПЦ МП. ВСЦ лоббирует интересы всех церквей, но в самой структуре ВСЦ и вокруг совета большую роль играют протестанты (через Институт религиозной свободы), представители МП и КП — сторонники «единой церкви» и «партии войны» (лично у каждого свое сочетание приоритетов, но за уменьшение влияния МП, например, религиоведы во власти — новый глава Комитета по делам национальностей и религий Андрей Юраш и депутат Рады, советник А. Яценюка Виктор Еленский). На консультации о мире на Донбассе не приглашают УПЦ МП, в отчетах о гонениях на верующих на Востоке Украины для ОБСЕ УПЦ МП упоминается чуть ли не как пособник гонителей-сепаратистов.

Фактор гонений на верующих используются всеми сторонами. В ОБСЕ, ООН поступали как обращения с Украины о дискриминации протестантов, УПЦ КП и греко-католиков на территориях сепаратистов, так и обращения патриарха Кирилла и представителей ОВЦС МП на избиения священников, захват храмов УПЦ МП. При этом, в докладах украинской стороны сама УПЦ МП считается гонителем, а преследования в ее адрес игнорируются, а РПЦ не замечает убийства служителей и захваты протестантских Домов молитвы в ЛНР и ДНР. Справедливости ради надо сказать, что управделами УПЦ МП митрополит Антоний (Паканич) в Совете Европы отмечал, что УПЦ официально отмежевалась от акций сепаратистов (отобравших дома у баптистов и адвентистов под «православные центры») и заявила, что «не только не одобряет, но и никогда не примет отобранных в других конфессий храмов». 28 апреля прошла Лондонская консультация по Украине различных конфессий, организованная Британским миссионерским обществом и Миссией Евразия — в резолюции отмечались факты гонений на различные общины, кроме УПЦ МП, а представитель УПЦ МП даже не был приглашен.

Многие случаи религиозной дискриминации сложно назвать именно нарушениями свободы совести, поскольку те или

иные церкви и священнослужители участвуют напрямую в военных действиях на стороне Украины или ДНР и ЛНР, а также мотивируют бойцов.

У властей Украины есть возможность использовать законодательство для облегчения перехода храмов от одной юрисдикции в другую — по Закону о свободе совести Украины все религиозные общины автономны, независимо от того, входят они в какую-либо централизованную организацию или нет. По крайней мере, власти отказываются перерегистрировать уставы УПЦ МП, в которых указывается, что имущество общины принадлежит централизованной организации. Таким образом, УПЦ МП стремиться предотвратить захват храмов. Теоретически община может передать собственность местной епархии, но большинство храмов — это памятники культуры и как обычную собственность их в епархию не передашь. В отличие от ситуации с имуществом приходов в РПЦ, в УПЦ МП смена священника может означать смену юрисдикции вместе с храмом.

Наряду с этим, «Оппозиционный блок», представленный в Раде, ориентирован на УПЦ МП (лидер Юрий Бойко в 2011 г. получал орден от патриарха Кирилла). Его депутаты заявляли о том, что не допустят насильственного перехода приходов в другую церковь (Александр Вилкул, октябрь 2014 г.), поддерживали УПЦ, когда Киевсовет увеличил налоги именно для нее (А. Вилкул, январь 2015 г.), а также о том, что единственная поместная церковь — УПЦ во главе с митр. Онуфрием (депутат Вадим Новинский). Однако православие не играет первой роли в риторике депутатов блока, поскольку УПЦ и сама и в рамках ВСЦ активно сотрудничает и получает вместе с другими церквями преференции и льготы от П. Порошенко и правительства Яценюка. В связи с этим блок ориентируется скорее на маргиналов, не принимающих «революцию свободы и достоинства» внутри УПЦ МП. Однако заявления блока приобретают все большее значение для УПЦ по мере обострения ситуации вокруг «захватов» ее храмов. Например, 29 октября 2015 г. Вадим Новинский инициировал создание временной следственной комиссии Верховной Рады, которая должна дать правовую оценку захватам храмов УПЦ и побудить власть, правоохранительные органы провести непредвзятое расследование всех

случаев[71]. В 2014–2015 годах зафиксированы факты захвата 28 православных храмов, еще шесть находятся под угрозой захвата, два опечатаны.

Националистически настроенные политики в Киеве, сторонники «партии войны» в обществе оказывают большое психологическое давление на УПЦ МП, стараются ее дискредитировать, создав милитаристский образ РПЦ. Она якобы управляет УПЦ МП из стана «агрессора», посылает казаков на Донбасс, оправдывает действия президента В. Путина, руководит «Русской православной армией», благословляет лидеров ЛНР и ДНР, хотя никаких подтверждений этому нет (скорее, наоборот, несмотря на эйфорию внутри страны, в РПЦ были наказаны священники, благословлявшие добровольцев, едущих на Юго-Восток Украины).

Церковно-политические вызовы, с которыми УПЦ МП сталкивалась и ранее, с начала 1990-х гг., после Евромайдана 2014 г. превратились в реальные угрозы. Это стремление с помощью Константинопольского патриархата создать, если не единую поместную православную церковь из всех юрисдикций, то, по крайней мере, признать Киевский патриархат в качестве одной из поместных церквей. Вторая угроза — переход приходов из УПЦ МП в другие православные юрисдикции. В значительной степени этот переход в 1990-е и 2000-е гг. происходил постоянно и был взаимным — общины перетекали из одной церкви в другую. С 2014 г. этот поток не стал более массовым, несмотря на все заявления в СМИ, но многие храмы УПЦ МП стали захватываться представителями УПЦ КП, которые регистрировали параллельные церковные общины.

В сложившейся ситуации стоит отметить, синхронность действий церковной дипломатии РПЦ в Москве и УПЦ МП в Киеве. РПЦ вступила в борьбу за приходы УПЦ МП, де факто поддерживая любые действия руководства УПЦ МП. Вся острота проблематики выражена, к примеру, в отчете о встрече

[71] Новинский В. Государство должно обратить пристальное внимание на нарастание тенденции разжигания религиозной вражды в Украине и способствовать межконфессиональному примирению // Сайт Оппозиционного блока Украины. Режим доступа: URL: http://opposition.org.ua/ (дата обращения: 16.04.2018).

18 октября 2015 г. главы Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митр. Илариона и Патриарха Константинопольского Варфоломея. Митр. Иларион сообщил Варфоломею: «раскольниками захвачено более двадцати храмов канонической Православной Церкви, происходят случаи убийств и насилия в отношении клириков Украинской Православной Церкви». Владыка Иларион выразил недоумение в связи с действиями иерархов украинских церковных структур Константинопольского Патриархата в США и Канаде, направленными на поддержку раскольников[72].

Знаковое интервью «РИА Новости» дал в сентябре 2015 г. управляющий делами Украинской православной церкви митрополит Бориспольский и Броварской Антоний (Паканич). Он оценил ущерб от военно-политического конфликта так: «В зоне вооруженного конфликта оказались пять епархий нашей Церкви. Это более тысячи храмов и сотни тысяч верующих. Война нарушила привычную жизнь приходов в Донецкой и Луганской области. В ходе боевых действий было разрушено около десятка храмов, еще более 70 храмов получили разного рода повреждения. Три священника нашей Церкви погибли на Донбассе... за последние полтора года около тридцати храмов нашей Церкви оказались в составе так называемого "Киевского патриархата". При чем только в трех из тридцати случаев речь шла о добровольном выходе религиозной общины из состава Украинской Православной Церкви. Во всех остальных случаях имели место захваты храмов в пользу "Киевского патриархата"». При этом, на протяжении 2014 г. в Украинской Православной Церкви было открыто более 400 новых приходов.

Митрополит Антоний также попытался впервые предложить определенную программу диалога разных сторон украинского общества: «Во-первых, необходимо начать с преобразования своего сознания и отношения к происходящему. Если мы не отойдем от навешивания ярлыков на своих оппонентов,

---

[72] Состоялась встреча митрополита Волоколамского Илариона со Святейшим Патриархом Варфоломеем // Официальный сайт ОВЦС. 19.10.2015. Режим доступа: URL: https://mospat.ru/ru/2015/10/19/news123774 (дата обращения 20.03.2018).

а также от обобщения всего и вся, никакие дипломатические договоренности на любых уровнях не принесут желаемых результатов. “Укропы”, “колорады”, “на Донбассе все преступники”, а “на западе Украины живут сплошные бандеровцы” — все эти стереотипы и штампы должны остаться в прошлом. <...>

Во-вторых, очень важным моментом является прощение. <...> Совсем недавно Предстоятель нашей Церкви Блаженнейший Митрополит Онуфрий отметил, что если бы Восток и Запад Украины простили, а также приняли бы друг друга такими, какими они есть, без дополнительных взаимных требований и обвинений, то война в ту же секунду бы закончилась. <...>

В-третьих, нужно возложить все свои надежды на Бога. Многим кажется, что в нынешних условиях прощение и единение внутри нашего общества нереальны. Нереальны, потому что на их пути стоит кровь, насилие, ненависть и взаимная вражда. Однако, что невозможно человеку, возможно Богу. Сегодняшних противников может примирить общая молитва»[73].

Конечно, и слова митр. Антония в условиях жесткого идеологического противостояния и временного перемирия на Донбассе кажутся благими пожеланиями, учитывая, что в самой УПЦ МП далеко не все поддерживают такого рода позицию. Однако очевидно, что в высказываниях митр. Онуфрия и митр. Антония не содержится проклятий в адрес какой-либо одной из сторон.

Безусловно, кризис ослабил влияние РПЦ на постсоветском пространстве, отделил де факто церковь в Украине, в других странах посеял сомнения в возможности РПЦ стать восточнославянским Ватиканом. Для РПЦ и лично патриарха Кирилла произошедшее с Украиной — это кризис идеологии восточнославянской цивилизации во главе с Московским патриархатом. Для идеологии «русского мира» украинский кризис — это опасность замкнуться в рамках границ Российской Федерации. Церковь в лице патриарха Кирилла стала заложником российско-украинского кризиса.

---

[73] Митрополит Бориспольский и Броварской Антоний (Паканич): «Взаимная ненависть может поставить будущее Украины на край пропасти». 21.09.2015 // РИА Новости Украина: Режим доступа: http://rian.com.ua/interview/20150921/374016982.html (дата обращения 20.03.2018).

Патриарх Кирилл сдержанно призывал стороны к примирению на протяжении всего украинского кризиса. В марте 2014 г. глава РПЦ фактически признал право Украины на демократическое национальное самоопределение. В словах патриарха не было никаких имперских претензий, в которых обычно Москву обвиняют украинские националисты. 14 марта в своей проповеди в Храме Христа Спасителя патриарх Кирилл заявил: «По крайней мере 400 с лишним лет предпринимались попытки расколоть и разделить Русский мир. Когда мы говорим “Русский”, то не следует трактовать это так, как это делают наши недоброжелатели, говоря о Российской империи и о Советском Союзе. Речь идет о Русском мире, речь идет о великой русской цивилизации, вышедшей из Киевской купели Крещения и распространившейся на огромные просторы Евразии. <...> Сегодня на пространствах этого мира существуют независимые государства, и мы с уважением относимся к их суверенитету, к их готовности и желанию самостоятельно строить свою национальную жизнь. Но это не означает, что стремление к законному суверенитету, к реализации этого суверенитета должно сопровождаться разрушением общего, единого духовного пространства»[74]. Помимо этого, важными действиями стали те, которые патриарх Кирилл не сделал — он не присутствовал на церемонии подписания договора о присоединении Крыма и Севастополя к России 18 марта, Синод РПЦ не принимал никаких решений о приходах в Крыму, которые формально остались под руководством УПЦ МП. Заявление Синода РПЦ 19 марта было также очень корректным — в нем говорилось, что Церковь должна стоять надо всеми разногласиями, вне партий, и что «Границы Церкви не определяются политическими предпочтениями, этническими различиями и даже государственными границами».

Катастрофичность положения осознавалась перед аннексией Крыма — скорее всего, по согласованию с патр. Кириллом митр. Онуфрий посылал письма с мольбой к В. Путину

[74] Святейший Патриарх Кирилл: Церковь всегда была залогом мира и единства народов России и Украины. 14 марта 2014 года // Патриария.Ру. Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/ (дата обращения 20.03.2018).

не разделять Украину, не заботясь о последствиях. Реальные противоречия в позициях Путина и Кирилла неизвестны. Можно лишь констатировать, РПЦ сохраняет статус-кво в Крыму и не оказывает официальной поддержки ЛНР и ДНР. Патриарх Кирилл избегает в любой форме повторять или комментировать внешнеполитическую риторику политиков и представителей российских ведомств.

Одной из сфер, в рамках которых церкви наиболее естественно себя ощущают и могут проявить свою гражданскую позицию, является социальное служение — помощь беженцам с Украины и пострадавшим в самой Украине. РПЦ более или менее оперативно отреагировала на гуманитарную катастрофу, когда десятки тысяч вынужденных переселенцев из Украины хлынули в южные регионы России и масштаб беды стал очевиден, а пограничные регионы перестали справляться с потоком людей, бегущих от войны.

Церковную деятельность среди беженцев (наплыв, связанный с российско-украинским кризисом 2014–2016 гг.) стоит выделить в данной статье, поскольку она стала возможной, именно благодаря уже существующей системе добровольчества. Алгоритм создания волонтерских команд и организации социальных проектов активно внедрялся Синодальным отделом по социальному служению и благотворительности РПЦ. Кроме того, сама по себе острота ситуации, сопереживание людей тем, кто бежал от гражданских столкновений на Востоке Украины, помогли мобилизовать не только прихожан, но и более широкие круги общества.

Важным фактором в становлении добровольческого движения в РПЦ стала активная гуманитарная миссия по помощи беженцам с Украины. Социальные проекты для десятков тысяч вынужденных переселенцев из Украины привлекли в Церковь массу волонтеров. Церковную помощь беженцам на территории России курирует Синодальный отдел по благотворительности Московского Патриархата, куда стекается вся информация о том, какие церковные организации готовы разместить у себя украинских граждан. Со склада Ростовской епархии регулярно отвозятся партии гуманитарной помощи в палаточные лагеря МЧС, приграничные, муниципальные пункты временного

пребывания. Священники и церковные волонтеры занимаются досугом детей беженцев: отвозят их в аквапарки, зоопарки и творческие мастерские при храмах.

Помощь беженцам с Украины, можно сказать, спровоцировала рост интереса к волонтерству и к социальной работе в епархиях и на приходах. Первый сбор средств на нужды беженцев с Украины был объявлен патриархом Кириллом («во исполнение миротворческого мандата Церкви») в июле 2014 г., второй — в феврале 2015 г.[75] Всего собрано 128 млн рублей. Еще в 2014 г. в епархии РПЦ были направлены рекомендации о том, как работать с беженцами, была открыта церковная горячая линия (обратилось 3567 чел.). Только в рамках гуманитарного центра в Ростове-на-Дону распространено 950 т помощи (ежедневно приходит около 100 семей). Расфасовано около 700 тысяч порций еды (народные завтраки при помощи компании «Русь»). Всего было собрано 5 т школьных принадлежностей, а в 33 епархиях было собрано 350 т гуманитарной помощи. Наиболее активно в работе с беженцами в Москве участвует православная служба «Милосердие». Единый православный центр помощи создан в Новокосино — в него обратилась 21 тыс. чел, роздано 13 тыс. вещей, 15 тыс. продуктов и лекарств. По словам Василия Рулинского, если в первые месяцы конфликта беженцы остро нуждались в одежде, то теперь большинство запросов от людей касаются лекарств (зимой в день приходило в центр помощи до 200 чел., сейчас — 50, куплено более 800 билетов в другие регионы, где принимают беженцев). Тем более что получение медицинской помощи затруднено в связи с отсутствием у многих статуса беженца. На 2014 год было размещено 1800 чел. в 22 епархиях РПЦ, то есть жителям Украины было предоставлено

---

[75] Доклад о роли РПЦ в помощи беженцам и жителям Юго-Востока Украины, прочитанный В. Рулинским 24–25 апреля 2015 года в Институте Европы РАН во время Международной научно-практической конференции «Религиозные миссии в современном европейском обществе: историческое и культурное своеобразие». Василий Рулинский — пресс-секретарь Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата. См.: Лункин Р. Н. Миссия милосердия: социальное служение церквей // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 154–158.

временное жилье (В Воронежской и Смоленской епархиях, в Москве около 200 чел. прошло через хостелы).

С декабря 2014 г. постепенно акцент сместился с помощи беженцам в России на предоставление помощи жителям Юго-Востока Украины. По церковной линии было перевезено с 2014 г. 170 т гуманитарной помощи на 12 млн рублей. Режим провоза помощи жителя Донбасса в настоящее время ужесточен. Помощь позволяют передавать один раз в неделю, сначала помощь проходит пограничный контроль, затем ее передают в руки представителям местной епархии УПЦ МП. Таким образом, помощь распространяется только через епархии, а не через непризнанные государственные образования (к гуманитарным конвоям РФ РПЦ также не имеет отношения). На Донбассе практически при каждом храме созданы бесплатные столовые — до 100 чел. в день приходит просто, чтобы поесть. Надо иметь в виду, что статистика Отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ по оказанию гуманитарной помощи не охватывает храмы и монастыри РПЦ, которые самостоятельно помогают беженцам. Однако социальная работа церкви, добровольческое движение привлекло как прихожан, так и тех, кто не является активными членами Церкви.

Довольно неожиданно добровольческий потенциал РПЦ проявился в рамках межконфессионального российско-американского проекта. Кроме того, на примере уникального проекта, который РПЦ осуществляет вместе с американскими протестантскими миссиями, хорошо видна специфика работы православных епархий с украинскими беженцами.

Проект «Гуманитарная благотворительная помощь пострадавшим в ходе вооруженного конфликта на востоке Украины на территории Российской Федерации» вместе воплотили в жизнь Отдел внешних церковных связей РПЦ и Ассоциация Билли Грэма в рамках программы «Samaritan's Purse» («Сума самарянина»). По существу это первая совместная масштабная социальная инициатива РПЦ с протестантами из США за последние 15–20 лет. В 1990-е гг. благотворительная помощь поступала в Россию из США, в том числе и через РПЦ. Детали проекта были раскрыты 4 сентября 2015 г. в ходе пресс-конференции в Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата (ОВЦС),

где принимал участие автор статьи. Американскую сторону представляли специалист по мониторингу гуманитарных проектов Samaritan's Purse Дэвид Хольцхауэр и представитель Samaritan's Purse по программе «Рождественское дитя» Ренди Кокс. РПЦ — заместитель председателя ОВЦС архимандрит Филарета (Булеков), а также духовенство Белгородской и Донской митрополий[76].

Помощь беженцам оказывалась на территории Ростовской и Белгородской областей с апреля по август 2015 г. Операторами по распределению помощи были Донская и Белгородская митрополии. Основная нагрузка о раздаче наборов для нуждающихся легла на социальные отделы епархий и конкретные приходы, Помощь раздавалась по спискам и только после предъявления каких-либо документов, и хотя акция проводилась через православные храмы, никто не скрывал, что в проекте участвует евангелистская миссия (соответствующая символика была везде — на пакетах и плакатах), и помощь в результате получили представители разных конфессий и неверующие (никто благословения или свидетельство крещении не спрашивал). В общей сложности было роздано 63 тысячи наборов, в которые входили как постельное белье и гигиенические наборы, так и непортящиеся продукты и школьные принадлежности для детей (вся продукция была заказана у российских производителей). Организаторы проекта не называли точную сумму, которая была потрачена на акцию, но речь может идти о более чем двух десятках миллионов рублей (около 500 тысяч долларов). РПЦ по призыву патриарха Кирилла самостоятельно собрала за последний годполтора — 130 млн рублей.

Акция помощи беженцам стала первым этапом совместной работы РПЦ с гуманитарной миссией «Сума самарянина». По словам заместителя председателя ОВЦС архимандрита Филарета (Булекова), очень важно, что рядом с православными работают американские собратья, которые сочувствуют горю людей в ходе гражданского противостояния. С Билли Грэмом

---

[76] Помощь беженцам с Украины: американский проект на православной земле // Портал «Религия и право». 08.09.2015. Режим доступа: URL: http://www.sclj.ru/massmedia/detail.php?SECTION_ID=413&ELEMENT_ID= 6142 (дата доступа: 16.04.2018) (дата обращения 20.03.2018).

Московский патриархат поддерживает отношения еще с 1959 г., когда Грэм приехал в Россию и проповедовал в Елоховском соборе. В 2014 г. глава ОВЦС митрополит Иларион посетил доктора Б. Грэма в США и поздравил его с 96-летием[77].

Проект, как принципиально подчеркивают в ОВЦС, касается только беженцев с Украины на территории России. На украинской территории нуждающимся помогают Донецкая и Горловская епархии УПЦ МП, а РПЦ какую-либо помощь официально может оказывать только через УПЦ МП. Между тем, Отдел по социальному служению РПЦ отправляет гуманитарную помощь на территории ДНР и ЛНР, но представители Отдела также отмечают, что в отличие от государственных гуманитарных конвоев, церковная помощь оказывается конкретным епархиям и приходам УПЦ МП, но не представителям ЛНР и ДНР. По словам архимандрита Филарета, если РПЦ будет оказывать помощь нуждающимся в Украине непосредственно с территории России, то это может вызвать опасения и политические спекуляции, и Церковь этого стремиться избежать. Вся помощь официально от РПЦ оказывается только после консультаций с центральным руководством УПЦ МП. А это значит, что митрополии РПЦ официально не могут осуществлять свое служение на территориях ЛНР и ДНР.

В данном случае ОВЦС и Ассоциация Билли Грэма выбрали регионы, где в максимальной степени сконцентрированы беженцы, живущие в специальных лагерях и в частном секторе. Сосчитать можно только тех беженцев, которые регистрируются и получают разрешение на временное пребывание. Однако поток беженцев не иссякает, а во время локального обострения военных действий, увеличивается в разы. В Белгородской области граница закрыта, а поэтому, в основном, беженцы переходят из Ростовской области. Особый акцент в ходе акции был сделан на помощи семьям и детям, в связи со спецификой ситуации — многие бежали с маленькими детьми, других надо было собирать в школу.

---

[77] Лункин Р. Н. Христианская мечта: от Билли Грэма до патриарха Кирилла // Invictory.org. Режим доступа: URL: http://www.invictory.com/columns/3151/ (дата обращения 16.04.2018).

Приходы стали центрами распространения помощи в рамках акции. В рамках церковной миссии помощи беженцам с Украины в целом удалось значительно увеличить потенциал добровольческого движения РПЦ. Проект ОВЦС и Ассоциации Билли Грэма также помог развитию волонтерства и приходского социального служения. Как подчеркнул председатель отдела по благотворительности и социальному служению Шахтинской епархии иерей Владислав Касьянов, большое количество беженцев принял север Ростовской области, где нет рабочих мест и благотворительных организаций. В сельской местности приходы стали единственными пунктами оказания помощи, общая беда, чувство солидарности сплотило прихожан. Об этом же говорил и руководитель отдела по церковной благотворительности и социальному служению Ростовской епархии иерей Евгений Осяк.

Глава социального отдела Белгородской епархии иерей Михаил Сердюк отметил, что в Белгородской области, как и в других приграничных регионах, беженцы оседают, так как не хотят уезжать за Урал, куда им предлагают по селиться и устраиваться по квотам. При этом, ресурсы помощи беженцам уже закончились в области, поэтому американская акция стала для многих приятной неожиданностью и способом выжить. Кроме того, в Белгородской семинарии обучается до 40% выходцев с Донбасса, и они также все остались в России. По словам отца Михаила, безусловно, ситуация в ДНР и ЛНР еще тяжелее, не менее тяжело в украинских Краматорске и Славянске.

Как отметил архимандрит Филарет, РПЦ не раз заявляла, что по ту и по другую сторону конфликта есть чада Церкви: «Мы не сделали каких-то чудес вместе с американскими собратьями, но исполнили свой христианский долг, чтобы спасти хотя бы некоторых людей. Мы можем строить отношения как христиане поверх всех трудностей и решений, принимаемых государствами»[78].

---

[78] Помощь беженцам с Украины: американский проект на православной земле. Портал «Религия и право». 08.09.2015. URL: http://www.sclj.ru/massmedia/detail.php?SECTION_ID=413&ELEMENT_ID=6142 (дата доступа: 16.04.2018)

Социальная работа РПЦ в приграничных с Украиной регионах показывает, насколько сложно вести эту работу и при этом соблюдать политический баланс, не сделать тех шагов, которые были бы враждебно восприняты в Киеве и могли бы поссорить с УПЦ МП. Хотя очевидно, что помимо официальной помощи, есть еще неофициальная помощь российских приходов украинским на территориях ЛНР и ДНР.

В условиях кризиса происходит радикализация политики украинских властей, ее национализация — это попытки ослабить УПЦ МП и сделать Киевский патриархат моноцерковью Украины, украинизация с отказом от русского языка и неприятием русской культуры, национализм в виде обязательности принятия новых героев Украины (ОУН-УПА вместо Красной Армии, героев, воевавших против сепаратистов, и т.д.), стремление де факто отделения либо попытки уничтожить «сепаратистов» и местное якобы «советизированное» население на Донбассе. Такая программа власти не способна стать общей для Левобережной и Правобережной Украины, Западу Украины чужды проблемы УПЦ КП и Донбасса, саму УПЦ КП можно сделать «единой поместной церковью» лишь силой, а значит, рано или поздно неизбежны разочарование и новая революция.

Позиция лидеров православных и протестантов России показала, что церкви далеко не во всем согласны поддерживать российскую власть. РПЦ не делала многих заявлений по Украине и не приветствовала возвращение Крыма, а среди протестантских деноминаций лишь баптисты однозначно осудили «майдан». В обоих случаях церковное начальство делало заявления, исходя из инстинкта самосохранения, на основании собственных интересов, а не интересов государственной власти.

На фоне накопившихся проблем, произвола в регионах, хаотичной подготовки к выборам, отдельных проявлений русофобии церкви Украины играют важную роль в становлении национального государства, хотя часто и ставят перед собой разные цели и используют различные средства для их достижения. Существуют и подводные камни политической активности церквей — после и во время выборов некоторые церкви раскалываются по партийному признаку, партии и кандидаты не оправдывают надежд, ведут себя совсем не по-христиански,

вынуждены сотрудничать с радикальными националистами, быть частью коррумпированной верхушки власти. Светская политическая элита, церковное руководство православных, протестантов, католиков, греко-католиков пока находятся в процессе преодоления взаимных противоречий и борьбы за украинскую идентичность, свое место в Европе, а главным образом, в процессе создания единой страны и единого языка общения граждан разных регионов.

4.4. Украинский фактор во внешней политике РПЦ

Церковно-политический конфликт на территории Украины стал серьезным вызовом для украинского общества и для целостности православия, представленного на постсоветском пространстве, главным образом, Московским патриархатом. Последствия давления на Украинскую православную церковь (УПЦ) как на «непатриотичную» после 2014 г. и акция Константинопольского патриархата по легитимизации новой лояльной властям национальной юрисдикции в Украине в 2018–2019 гг. могли быть в перспективе плачевными. Под угрозу были поставлены национальные автономные церкви, входящие в структуру Русской православной церкви (РПЦ), прежде всего, в Белоруссии и Молдавии, а также приходы дальнего зарубежья. Политики вполне могли бы вслед за президентом Украины Петром Порошенко заявить о своем желании создать «независимую церковь», а приходы Константинопольского патриархата и церкви, дружественные Константинополю в разных странах мира (в основном, в Канаде, США и Западной Европе), могли бы стать враждебными вследствие разрыва канонического общения Московского патриархата с Константинополем. Этим угрозам не суждено было сбыться (хотя потенциально они остались). Однако все эти события привели к изменению внешнеполитической стратегии РПЦ.

Церковный вопрос стал частью политических дискуссий уже не только в Украине, но и в России, на всем постсоветском пространстве, в Восточной и Западной Европе. Осмысление роли Московского патриархата в украинском контексте в рамках

западной и украинской литературы связано со стремлением связать РПЦ и УПЦ как ее часть с идеологией «русского мира». Эта идеология понимается как «экспансионистская политика России». Нейтральная позиция УПЦ в отношениях с государством и по отношению к антироссийским и пророссийским силам после 2014 г. воспринимается как формальная, а роль УПЦ в ходе евромайдана преуменьшается либо игнорируется[79]. «Революция достоинства» и европейский выбор стали характеристиками, в основном, греко-католиков, Киевского патриархата и протестантских церквей, которые, действительно, активно выступали на майдане в 2014 г.[80] Именно их активность стала провозглашаться признаком развития гражданского общества и новой миссии церквей в Украине[81], подрывая доверие к УПЦ. Несмотря на то, что УПЦ осталась церковью большинства православных страны, она открыто или косвенно исключалась из нового патриотично настроенного украинского общества. Любые действия Московского патриархата вписываются в политику российского руководства, а УПЦ описывалась как часть «русского мира», даже если для этого нет конкретных оснований. В частности, один из идеологов «теологии майдана» К. Говорун отмечает, что РПЦ стала «политическим протагонистом Кремля», который часто идет даже впереди российской политики[82]. Говорун приходит к парадоксальному выводу, что наличие представителей разных политических взглядов внутри УПЦ и то, что значительная часть украинцев принадлежит к УПЦ, в том числе по разные стороны баррикад, это признак не гражданской войны, а конфликта внутри «русского мира». В связи с этим стоит задача очиститься

---

[79] Religion, State, Society, and Identity in Transition Ukraine. by Rob van der Laarse (Editor), Mykhailo N. Cherenkov (Editor), Vitaliy V. Proshak (Editor), Tetiana Mykhalchuk (Editor). 784 pages. Publisher: Wolf Legal Publishers (2015). P. 267–268

[80] Гордеев А. Церковь на Майдане. Киев. Издательство «Книгоноша», 2015. С. 303.

[81] Майдан і Церква. Хроника подій так экспертна оценка. Украинская ассоциация религиознавців. Под ред. Л. О. Филиппович, О. В. Горкуши. Киев, Саммит-Книга. 2014. 656 с.

[82] Hovorun C. (2018) Political Orthodoxies. The Unorthodoxies of the Church Coerced. Frotress Press, Minneapolis.

от «русского мира» — учреждение ПЦУ (Поместная церковь Украины) К. Говоруном было воспринято именно как путь к такого рода «очищению»[83]. В данном контексте собственная позиция РПЦ легко подвергается фрагментации и рассматривается через нежелание предоставлять автокефалию УПЦ[84].

С точки зрения имперских амбиций России роль Московского патриархата определяет также социолог Хосе Казанова: «религия играет в нем (украинском конфликте — авт.) колоссальную роль вследствие того, что совпали интересы двух проектов — имперского государственного проекта "Россия" и религиозно-канонического от МП, претендующего на территории так называемого "русского мира"»[85].

Тем не менее, делаются попытки рассматривать «украинский вопрос» как многоуровневый, в котором Россия активно продвигает свои интересы и будет играть большую роль в формировании нового международного порядка[86]. Внешняя политика РПЦ также начинает контрастировать с образом православия внутри России. По мнению А. В. Митрофановой, в масс-медиа сложился стереотип, что РПЦ — это концентрация самых обскурантистских и консервативных тенденции постсоветского пространства, тогда как это уже не так. Церковь не поддерживает геополитические акции государства, в особенности, в рамках украинского конфликта, а государство способно блокировать контроль Церкви над общественными сферами[87].

---

[83] Hovorun C. (2016) Interpreting the “Russian World”. Churches in the Ukrainian Crisis. Ed. Andrii Krawchuk, Thomas Bremer. Palgrave Macmillan, Cham. P. 163–171. DOI: doi.org/10.1007/978–3-319–34144–6

[84] Suslov M. (2016) The Russian Orthodox Church and the Crisis in Ukraine. In: Krawchuk A., Bremer T. (eds) Churches in the Ukrainian Crisis. Palgrave Macmillan.

[85] Казанова Х. "Я не верю в нации, но верю в силу духа украинцев". «Зеркало недели. Украина». 15.05.2015. Выпуск № 16–17, 15 мая-22 мая. Доступ: https://zn.ua/socium/hose-kazanova-ya-ne-veryu-v-nacii-no-veryu-v-silu-duha-ukraincev-_.html (дата обращения: 18.04.2020).

[86] Украинский вопрос: безопасность, экономика, общество. Науч. Ред. Томаш Стемпневски, Анджей Шабацюк. Люблинский католический университет. Люблин-Бердянск, 2017. С. 10–11, 81–108.

[87] Mitrofanova, A. (2017). L’Église orthodoxe russe : nationalisme ou universalité ? (The Russian Orthodox Church: Nationalism or universality?) Hérodote,

Новая для РПЦ ситуация оценивается исследователями как исторический и политический вызов, который, вместе с тем, открывает и новые возможности. Как подчеркивает Ф. Лукьянов, чем бы не закончился церковный кризис, РПЦ уже не будет такой, как раньше, и Церкви не избежать дискуссии о собственном будущем[88]. Данная дискуссия включает в себя алармистские заявления о сокращении влияния в мире, как РПЦ, так и Константинополя, и что РПЦ будет замкнута в «узких рамках славянского мира»[89]. Помимо этого, исследователи отмечают опасность дробления РПЦ, негативные последствия в Белоруссии и Прибалтики (где есть альтернативные РПЦ структуры), на которые также может распространяться юрисдикция Константинополя после денонсации решения XVII в. о передаче Киевской митрополии Москве (принято на Синоде в Стамбуле осенью 2018 г.)[90]. Подчеркивая тот импульс, который дал развитию РПЦ патриарх Кирилл, активность РПЦ в обществе, ее реакцию на украинский раскол, один из экспертов, к примеру, делает вывод о новом прочтении концепции «Москва-Третий Рим», о превращении Церкви в элемент мягкой силы. Цель — консолидация защитников национальных традиций и многовековых институтов[91], хотя этот вывод больше подтверждает роль РПЦ как элемента мягкой силы «русского мира». Аналогичный сценарий предполагает сжатие Московского патриархата почти до границ России, а значит, более тесные отношения Церкви с государством, политизацию РПЦ, ее включение в изоляционистскую политику власти и политику рестриктивности политической системы. Самостоятельная позиция РПЦ по поводу

---

no 166–167 (3), 97–111. Доступ: https://www.cairn.info/revue-herodote-2017–3-page-97.htm (дата обращения: 07.05.2019); Митрофанова А. В. (2019) Православные инициативы как пункты социальной сборки: преодоление исторического разлома. Технологос. № 1. С. 110–121.

[88] Лукьянов Ф. Церковь на историческом перепутье. Россия в глобальной политике, № 1, 2019. С. 5–9.

[89] Константакопулос Д. Империализм, геополитика и религия. Россия в глобальной политике, № 1, 2019. С. 184–189.

[90] Петровский П. Раскол мирового православия? Россия в глобальной политике, № 1, 2019. С. 104–107.

[91] Коньков А. Гибридная вера. Россия в глобальной политике, № 1, 2019. С. 94–103.

украинского конфликта, Крыма и Донбасса[92], оценивается только с точки зрения корпоративных интересов патриархата, удержания Украины внутри РПЦ. Развитие Церкви анализируется сквозь призму становления государственной идеологии на основе православия[93]. Это угроза, которая часто абсолютизируется в масс-медиа. Надо признать, что последствия украинского кризиса для РПЦ в различных исследованиях нужно искать по крупицам, многие выводы мифологизированы.

Украинский церковный кризис рассматривается в основном с точки зрения политической (действий представителей власти) и канонической (нарушения церковных норм), а также идеологической (роста украинского национализма в его негативном выражении). Аксиомой считается также отрицательное влияние действий Константинопольского патриархата на украинское общество (раскол в приходах, создание атмосферы напряженности). Создание Поместной церкви Украины (ПЦУ) оценивается как поражение Московского патриархата в противостоянии с украинскими раскольниками и с Константинополем. Вместе с тем, вне поля зрения комментаторов в масс-медиа и исследователей осталось влияние того, что происходит в Украине, на саму Русскую православную церковь (РПЦ), особенности ее развития и изменения в ее мировоззрении. Тогда как именно это влияние может оказаться решающим в позиционировании РПЦ внутри России и на международной арене. Параметры такого рода влияния проявляются, если посмотреть на ситуацию более широко, выйти за пределы только церковного раскола. В рамках данной статьи под воздействием украинского фактора

---

[92] Официально РПЦ не признавала Крым российским. Это отразилось в следующем факте: на полуострове Крым были сохранены структуры УПЦ, не было создано епархий РПЦ. Конфликт на Донбассе руководство РПЦ расценивало как «гражданский конфликт». Никаких контактов с руководством ДНР и ЛНР священноначалие РПЦ не поддерживало. См.: Обращение Святейшего Патриарха Кирилла к Предстоятелям Поместных Православных Церквей в связи с ситуацией на Украине. 14 августа 2014. Patriarchia.Ru. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3704024.html (дата обращения: 13.04.2020)

[93] Каспэ С. Украинский церковный раскол: политические проекции. Россия в глобальной политике, № 1, 2019. С. 80–93.

имеется в виду российско-украинский кризис, начавшийся в своей острой фазе в 2014 г., а также сама попытка церковного раскола 2018–2019 гг. (попытка — это более точное определение ситуации, когда Украинскую православную церковь Московского патриархата (УПЦ) расколоть не удалось, а ПЦУ оказалась новой вывеской для Киевского патриархата). Противостояние Москвы с Константинополем стало высшей точкой конфликта — и межцерковного, и политического, между двумя странами. Оно показало, насколько неочевидно влияние РПЦ на руководство УПЦ и в целом влияние руководства РПЦ в Украине (вследствие кризиса 2014 г. и запретов на въезд в страну для ряда иерархов), и насколько явно украинский кризис меняет позицию РПЦ.

В связи с украинской тематикой по существу впервые за долгий период времени РПЦ ясно артикулировала свою независимость от государства и доказала это на деле. Руководство РПЦ заняло особую позицию по поводу Крыма и гражданской войны на Донбассе, что шло вразрез с официальной линией российского руководства. Церковь оказалась исключена из активной медийной кампании в российских СМИ, поскольку официально РПЦ не поддержала присоединение Крыма (патриарх Кирилл не присутствовал при подписании договора о присоединении Крыма и Севастополя к России в 2014 г.) и епархия в Крыму осталась Симферопольской епархией УПЦ. Признавая конфликт на Донбассе гражданской войной, РПЦ не сотрудничает официально с руководством непризнанных Луганской и Донецкой республик (вся гуманитарная помощь направляется от РПЦ — Донецкой и Луганской епархиям УПЦ). В рамках антитеррористической операции властей Украины военнослужащих окормляет духовенство УПЦ, но это также обходится молчанием внутри России. Митрополит Онуфрий участвует в каждом заседании Синода РПЦ, формально имея возможность влиять на решения в Москве, тогда как рычагов влияния у московского руководства на УПЦ фактически нет.

Независимость от государства стала значимым элементом риторики высших церковных деятелей, отвечающих за внешнюю политику РПЦ. Это проявилось в многочисленных заявлениях о недопустимости вмешательства государства

во внутрицерковную жизнь в связи с тем, что именно светская власть продвигала проект ПЦУ[94]. По словам главы Отдела внешних церковных связей РПЦ (ОВЦС) митрополита Илариона (Алфеева), «Мы видим самое грубое и циничное вмешательство светской власти в церковные вопросы при голословных обещаниях, что государство не будет никого принуждать к смене религиозной конфессии»[95]. По поводу действий президента П.Порошенко митр. Иларион замечал: «Светский человек, вмешиваясь в церковные дела, не может не наделать ошибок»[96]. Глава ОВЦС также осудил любое вовлечение Церкви в политику: «Церковь в современных государствах отделена от государства, и государство не должно манипулировать Церковью, в том числе в предвыборной борьбе или в каких-либо еще политических целях»[97]. В интервью, посвященном, в основном, Украине, митр. Иларион так ответил на вопрос о диалоге власти и Церкви в России: «Первый принцип — это взаимное невмешательство Церкви и государства во внутренние дела друг друга. На практике это означает, что президент или премьер-министр не может диктовать Церкви, кто должен быть Патриархом или кого назначить епископом, что государство не вмешивается во внутренний устав Церкви» (уже второй принцип — сотрудничество — авт.)[98]. Безусловно, адресатом такого рода высказываний были именно украинские политики и чиновники.

---

[94] Митрополит Иларион: Русская Православная Церковь рождена в Киеве, а не в Москве или Санкт-Петербурге. 14.01.2019. Отдел внешних церковных связей РПЦ. URL: https://mospat.ru/ru/2019/01/14/news168974/

[95] Митрополит Иларион: На Украине происходит грубое и циничное вмешательство светской власти в церковные дела. 16.01.2019. Отдел внешних церковных связей РПЦ. URL: https://mospat.ru/ru/2019/01/16/news169056/

[96] Митрополит Волоколамский Иларион: Попытка объединить каноническую Церковь с раскольническими группами провалилась. 27 ноября 2018 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5312316.html

[97] Создание поместной Церкви не может быть инициировано светской властью. 19 апреля 2018 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5182300.html

[98] Митрополит Волоколамский Иларион: Диалог Церкви и общества. 1 мая 2019 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5428733.html

В создавшейся ситуации провозглашение незыблемости ценности прав человека, в частности, свободы совести, стало необходимостью для внешней политики РПЦ. Обращение к теме свободы совести и даже соблюдения светскости государства радикально контрастирует с преобладавшим до этого периода отношением к свободе совести как к греховной вынужденной необходимости, как об этом говорится в Социальной концепции РПЦ 2000 г.[99] Оказались смещены акценты и трактовки прав человека, принятые на Всемирном Русском Народном Соборе в 2006 г. в рамках Декларации о правах и достоинстве человека, где скорее отмечалась относительность прав человека и возможность для государства защищать мораль и традиции вопреки либеральной трактовке прав человека[100]. После 2014 г. акцент стал делаться на соблюдении нейтральности государства по отношению к религиозным объединениям и необходимости защиты прав общин и отдельных верующих на общеевропейском уровне, через ОБСЕ, Совет Европы и Европейский суд по правам человека[101]. Разрешение украинского кризиса во многом невозможно только в двустороннем формате России и Украины, этот вопрос должен включать в себя пересмотр отношений Евросоюза к Украине и России к Евросоюзу[102]. Фактически руководство РПЦ и УПЦ стали придерживаться именно такой позиции в сфере защиты религиозных прав граждан и статуса УПЦ, обращаясь к институтам Евросоюза.

Характерным стало обращение к верховенству международных норм: Митрополит Иларион отмечает: «То, что сейчас происходит, не вписывается не только в рамки здравого

---

[99] Основы социальной концепции РПЦ. III.6. Патриархия.ру. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html

[100] Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора. Православие и мир. 7 апреля 2006 г. URL: https://www.pravmir.ru/deklaraciya-o-pravax-i-dostoinstve-cheloveka-x-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora/

[101] Церковь призывает ОБСЕ усилить мониторинг религиозной свободы на Украине. 3 апреля 2019 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5403766.html (дата обращения: 13.04.2020)

[102] Мироненко В. И. О некоторых аспектах евроинтеграции Украины в 1991–2014 гг. Современная Европа. № 4, 2018. С. 68–78. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420186878

смысла, но и в рамки международных норм, на которых строится современное общество и приверженность к которым декларирует современная Украина. В частности, это норма, касающаяся самоопределения религиозных конфессий, касающаяся права человека на выбор веры, на выбор той или иной конфессии, касающаяся основополагающего права религиозной конфессии самой устанавливать для себя наименование, как это происходит во всех частях света. Сейчас все эти права попраны...»[103]. Патриарх Кирилл даже более четко артикулировал приверженность отделению Церкви от государства в Рождественском интервью 2019 г.: «...одной из очень важных ценностей Европы является принцип отделения Церкви, религии от государства — светский характер государства. Что же мы видим? Мы видим президента Украины, который председательствует на церковном «соборе», который определяет, кто должен быть во главе «поместной церкви», который грубо вмешивается в церковную жизнь и не стесняется делать это публично, так что все это превращается просто в театр абсурда. Вы можете себе представить, что было бы, если бы президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин председательствовал на церковном Соборе, если бы он прямо говорил, кто должен быть избран, если бы он потом представлял вновь избранного Патриарха общественности? Такое трудно себе представить... — Ау, где Европа? Ау, где Соединенные Штаты? С их желанием отстаивать фундаментальные принципы либерализма, которые включают, в частности, отделение Церкви от государства»[104]. Эти же слова патриарх повторил на Высшем церковном совете: «вмешательство государственной власти, также беспрецедентное. И это в стране, которая декларирует свою приверженность европейским ценностям, одна из которых — отделение Церкви, религии от государства!

---

[103] Митрополит Иларион: На Украине происходит грубое и циничное вмешательство светской власти в церковные дела. 16.01.2019. Отдел внешних церковных связей РПЦ. URL: https://mospat.ru/ru/2019/01/16/news169056/ (дата обращения: 13.04.2020)

[104] Рождественское интервью Святейшего Патриарха Кирилла телеканалу «Россия». 7 января 2019 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5337895.html (дата обращения: 13.04.2020)

В нарушение этой фундаментальной европейской ценности государство в лице президента прямо вторгается в церковное управление»[105].

Исходя из этих слов патриарха Кирилла, становится вполне естественной политика по диалогу с европейскими институтами. Как отметил митр. Иларион, «Мы апеллируем к европейским инстанциям. Реакция бывает разная — от просто молчания в ответ на наши запросы до реакции вполне конструктивной, как например, реакция верховного комиссара ООН по правам человека, который изучил ситуацию и констатировал, что имеют место массовые нарушения прав человека на Украине. Я очень хотел бы, чтобы внимание мировой общественности было привлечено к этой проблеме и чтобы как можно скорее гонения на Церковь прекратились... Украинская Православная Церковь сама имеет систему правовой защиты, которой она активно пользуется. У нее есть свой представитель при европейских и международных организациях. Конечно, мы оказываем поддержку этому представителю»[106].

Ключевым для внешнеполитической стратегии РПЦ является визит патриарха Кирилла в Страсбург 26–27 мая 2019 г. Глава РПЦ встретился, в частности, с генсеком Совета Европы Т. Ягландом и с Комиссаром Совета Европы по правам человека Д. Миятович. По окончании визита патриарх высказался в защиту свободы совести: «Я постоянно поднимаю тему Украины, и особенно здесь, в Страсбурге, потому что эта тема прямо касается прав человека и религиозной свободы. В европейской стране грубейшим образом нарушались права огромного количества православных верующих люде». Кроме того, слова главы РПЦ о российско-европейских отношениях резко контрастировали с антизападными высказываниями российских политиков: «Очень надеюсь, что Россия займет свое место в Совете Европы, будет и дальше сотрудничать с ним, потому что решения этой

---

[105] Слово Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Высшего Церковного Совета 26 декабря 2018 года. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5330169.html (дата обращения: 13.04.2020)

[106] Митрополит Волоколамский Иларион: Диалог Церкви и общества. 1 мая 2019 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5428733.html (дата обращения: 13.04.2020)

организации важны, в том числе, и для простых людей, живущих в Европе»[107].

Итогом такой политики стала активизация деятельности представительства УПЦ при европейских международных организациях (глава — епископ Барышевский Виктор) и отдельно представительства РПЦ при Совете Европы и других организациях в Страсбурге (глава — игумен Филипп (Рябых)). С 2019 г. стал издаваться доклад о нарушениях прав верующих в Украине, Представительство РПЦ издает свой доклад о нарушениях прав христиан в Европе, где большая часть посвящена Украине[108]. Синодальный отдел РПЦ по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ также стал регулярно заявлять о правах верующих, апеллируя к прецедентному праву Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и принципам религиозной свободы[109]. 14 марта 2019 г. ЕСПЧ официально уведомил общину о приемлемости жалобы открытии производства по делу религиозной общины Украинской Православной Церкви с. Птича (Птичья) Дубенского района Ровенской области, храм которой был захвачен в 2018 г.[110] В октябре 2018 года по инициативе специального докладчика ООН по свободе религий и убеждений правительству Украины было направлено обращение с описанием нарушений прав верующих граждан, а нарушения были отражены в докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ посетила Ивано-Франковск, Запорожье, Одессу, Почаев, Винницу и ряд других городов[111].

---

[107] Интервью Святейшего Патриарха Кирилла в завершение визита в Страсбург. 27 мая 2019 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5442546.html (дата обращения: 13.04.2020)

[108] См. специальный сайт, посвященный мониторингу прав и свобод православных христиан в Европе: orthodoxrights.org

[109] Нарушения прав верующих Украинской Православной Церкви обсудили на совещании ОБСЕ. 4 апреля 2019 г. Служба коммуникации ОВЦС/Патриархия.ru. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5404852.html (дата обращения: 13.04.2020)

[110] В ЕСПЧ открыто производство по заявлению общины Украинской Православной Церкви села Птича. 2 апреля 2019 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5403087.html (дата обращения: 13.04.2020)

[111] Епископ Барышевский Виктор: Не бойтесь ничего, будьте с Богом, и Бог будет всегда с вами.

Кроме того, в Совете по правам человека ООН в защиту религиозной свободы выступил представитель Всемирного русского народного собора (ВРНС) в Женеве протоиерей Михаил Гундяев, брат патриарха Кирилла (хотя ВРНС имел репутацию одной из самых антизападных консервативных организаций)[112]. Подобную риторику можно воспринимать и как политическую декларацию ради тактических целей давления на украинских политиков, но такого рода взгляды было сложно услышать от церковных деятелей еще пять-десять лет назад.

Была расширена линия РПЦ на защиту одних гонимых христиан от военного конфликта в Сирии, других от либеральной политкорректности в Западной Европе[113]. Эта линия осуществлялась Московским патриархатом в сотрудничестве с Католической церковью с 2009 г., когда главой РПЦ стал патриарх Кирилл, а главой Отдела внешних церковных связей — митрополит Иларион (Алфеев). Ярким выражением этого диалога стала Гаванская встреча папы Франциска и патриарха Кирилла в 2016 г. и их совместная декларация, в которой украинская тематика стала самой актуальной и обсуждаемой[114]. В документе папа Франциск и патриарх Кирилл отметили, что единственной каноничной церковью является УПЦ, и выразили сожаление по поводу униатского раскола. Гаванская встреча происходила в условиях растущего давления на приходы УПЦ и активной антироссийской риторики лидера греко-католиков архиепископа Святослава (Шевчука), который фактически осудил декларацию, заявив, что мнение самих греко-католиков в Гаванской декларации

---

22 апреля 2019 г. ЖМП, № 4, 2019. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5417893.html (дата обращения: 13.04.2020)

[112] Представитель ВРНС выступил в Совете по правам человека ООН по вопросу попрания религиозных свобод на Украине. 19 марта 2019 г. Служба коммуникации ОВЦС/Патриархия.ru. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5396317.html (дата обращения: 13.04.2020)

[113] Выступление митрополита Волоколамского Илариона на II конференции в защиту христиан в Будапеште. 29 ноября 2019 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5539055.html (дата обращения: 13.04.2020)

[114] Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла. Православие и мир. 13 февраля 2016 г. URL: https://www.pravmir.ru/sovmestnoe-zayavlenie-papyi-rimskogo-frantsiska-i-svyateyshego-patriarha-kirilla-polnyiy-tekst/

учтено не было. Тем не менее, РПЦ обрела мощного союзника на Западе (и в других странах мира) в виде Католической церкви. Гаванская встреча стала выражением новой роли религии в мире и ее влияния на международные процессы[115]. Это, безусловно, высоко подняло статус РПЦ и ее главы — патриарха Кирилла, для которого общехристианские задачи стали важнее, чем сохранение «русского мира» как политического понятия[116].

Разрыв канонического общения с Константинополем и односторонние действия по организации параллельной, с точки зрения РПЦ, национальной структуры, сделали возможным международную экспансию Московского патриархата. Русское православие оказалось свободным от неформальных обязательств перед Константинопольским патриархатом, который считал себя ответственным за православие в диаспоре, вне стран

---

[115] Яковлев А. И. Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018;11(4):6–29. DOI: doi.org/10.23932/2542–0240–2018–11–4-6–29

[116] Переформатирование понятия «русский мир» было сделано патриархом Кириллом в сентябре 2014 г., однако с 2015 г. предстоятель РПЦ фактически перестал употреблять в своих речах и проповедях определение «русский мир». Патриарх посвятил «русскому миру» программу «Слово пастыря». Вот ключевые цитаты: «Русский мир — это не мир Российской Федерации, это не мир Российской империи. Русский мир — от киевской купели крещения. Русский мир — это и есть особая цивилизация, к которой принадлежат люди, которые сегодня себя называют разными именами — и русские, и украинцы, и белорусы. К этому миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную. Поэтому Русский мир — это цивилизационное понятие. Оно не политическое, как бы ни хотели превратно толковать это сегодня некоторые люди в угоду своим собственным политическим интересам.... сохранение цивилизаций, в том числе Русского мира, — это наша общая задача. Не для того, чтобы воссоздавать какие-то политические конструкции, строить новые империи, создавать военные блоки, совсем не для того. А для того, чтобы хранить величайшее наследие, которое мы получили от наших предков» («Слово пастыря». Выпуск от 6 сентября 2014 года. 7 сентября 2014 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3728242.html). Конечно, формально эти слова патриарха нельзя считать отказом от идеи «русского мира», но фактически от прежней трактовки и риторики «русского мира» РПЦ отказалась.

традиционного проживания православных. Приходы РПЦ существовали только для попечения о русских за границей. Теперь этот формальный мало соблюдавшийся баланс был нарушен самим патриархом Варфоломеем в ходе конфликта и последующего разрыва Константинополя с РПЦ. Католическая церковь оказалась чрезвычайно значимым союзником российского православия. Трудно говорить об «изоляции РПЦ» после украинского кризиса 2014 г. и после действий Варфоломея, когда две больших церкви берут на себя ответственность за судьбы христианства в разных странах мира (а однозначной поддержки позиции Константинополя в 2018–2019 гг. ни от одной православной церкви так и не последовало). Международная миссия — дело затратное, к которому и в финансовом, и в кадровом отношении РПЦ, скорее, пока не готова. Однако впервые столь широко русское православие выходит за пределы России и бывшего СССР (даже при наличии Японской, Китайской и Американской церквей, сформировавшихся в XX в.). Историческими в сфере международного продвижения РПЦ можно считать Синоды 28 декабря 2018 г. (образованы патриарший экзархат в Западной Европе с Брюссельской, Гаагской, Испанско-Португальской, Корсунской епархиями и управлением приходов РПЦ в Италии в своем составе, а также создан экзархат в Юго-Восточной Азии) и 26 февраля 2019 г. (в составе Патриаршего Экзархата в Юго-Восточной Азии были образованы четыре епархии: Сингапурская, Корейская, Таиландская, Филиппинско-Вьетнамская).

«Русский мир» по сути перестал быть исключительной характеристикой ареала распространения РПЦ, а построение «русского мира» и само это понятие еще в 2014–2015 гг. исчезли из лексикона патриарха Кирилла и официальных представителей РПЦ, так как имели отрицательную коннотацию в Украине. Таким образом, развитие международной миссии РПЦ стало естественным следствием трансформации «русского мира».

Украинская ситуация в какой-то мере обострила необходимость для РПЦ быть гражданским институтом с сильными общинами и активными прихожанами и духовенством. Без этого немыслима реальная независимость от государства. И украинский пример стал значим именно для РПЦ. В УПЦ гражданский активизм приобрел ключевое значения поле принятия закона,

который облегчил переход общины из одной юрисдикции в другую путем принятия решения большинством голосов. Помощь беженцам с Украины со стороны РПЦ, объявленный патриархом Кириллом в 2014 г. сбор средств спровоцировали рост интереса к волонтерству и к социальной работе в епархиях приходах по всей стране. С 2015 г. акцент был смещен на помощь жителям Юго-Востока Украины, поскольку поток беженцев спал, многим была оказана поддержка, людей размещали во временном жилье, устраивались бесплатные столовые и т. д. Добровольческий потенциал РПЦ проявился и в ходе реализации совместного с протестантами из США проекта помощи беженцам в 2015 г. Проект «Гуманитарная благотворительная помощь пострадавшим в ходе вооруженного конфликта на востоке Украины на территории Российской Федерации» вместе воплотили в жизнь Отдел внешних церковных связей РПЦ и Ассоциация Билли Грэма в рамках программы «Samaritan's Purse» («Сума самарянина»). Стоимость американского проекта — около 500 тыс. долл., но сама РПЦ собрала по призыву патриарха Кирилла около 130 млн руб. за 2014–2015 гг.[117] Подобные проекты также стали частью стратегии открытости РПЦ по отношению к диалогу с западными институтами.

Позитивные социально-политические последствия кризиса можно обозначить и для украинского общества. Это наличие права выбора между разными церквями, потеря монополии УПЦ, формирование религиозного плюрализма, который «спасет» украинскую демократию и воспитает гражданское общество. «В Украине будут три церкви христианской традиции — московской, византийской и римской. Это в определенной степени проблема, но также и христианский проект примирения в Украине»[118]. Справедливо замечание о том, что раздро-

---

[117] Лункин Р. Н. Русское православие перед лицом социальных вызовов: волонтерство и христианская реабилитация групп риска. Вестник Пермского университета. Политология. Выпуск № 2, 2018. С. 156–171. DOI: 10.17072/2218–1067–2018–2-156–171

[118] Казанова Х. "Я не верю в нации, но верю в силу духа украинцев". «Зеркало недели. Украина». 15.05.2015. Выпуск № 16–17, 15 мая-22 мая. Доступ: https://zn.ua/socium/hose-kazanova-ya-ne-veryu-v-nacii-no-veryu-v-silu-duha-ukraincev-_.html (дата обращения: 18.04.2020).

бленность украинского православия идет на пользу рядовым верующим, которые выбирают церкви по своему вкусу, культуре, языку и т. п., и для рядовых священников, которые избегают жесткой централизованной системы в рамках одной церкви[119]. Противоборство представителей разных православных течений вокруг приходов и зданий церквей, работа с европейскими и международными организациями формируют того самого верующего-гражданского активиста, о котором говорили идеологи «теологии майдана» — богословия для гражданской жизни и внецерковной христианской активности[120]. Одним из факторов влияния на РПЦ является и то, что прямо или косвенно церковная общественность в России (как и светская) соотносит себя с тем, как живут братья и сестры в Украине.

* * *

Эволюция мировоззрения РПЦ к восприятию демократических ценностей и общехристианских норм социального служения во многом является естественным процессом, связанным с трансформацией самой Московской патриархии[121]. Поведение РПЦ во время российско-украинского кризиса было также связано не только с защитой собственных интересов, своей целостности, интересов УПЦ, но и со стремлением занять самостоятельную позицию на постсоветском пространстве. В глазах РПЦ с самого начала украинский конфликт был не борьбой Востока и Запада Украины, России и Запада (хотя и такая риторика звучала), а в большей степени трагическим межправославным противостоянием[122].

---

[119] Митрохин Н.: «Раздробленность украинского православия идет на пользу рядовым верующим». Новости Украины — From-UA. 06.04.2015. Доступ: https://credo.press/159440/ (дата обращения: 07.05.2019).

[120] Черенков М. Социальное «богословие Майдана» в опыте и рефлексиях молодого поколения украинских протестантов. Часть I. Религия в Украине. 09.07. 2015. URL: https://www.religion.in.ua/main/bogoslovya/29701-socialnoe-bogoslovie-majdana-v-opyte-i-refleksiyax-molodogo-pokoleniya-ukrainskix-protestantov.html

[121] Филатов С. Б. Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности. Православная церковь при новом патриархе. Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2012.С. 9–68.

[122] Лункин Р. Н. Украина: конфликт внутри православия. Русское Ревью Кестонского института (Keston Institute, Oxford), №66, October 2015. Доступ: http://www.keston.org.uk/russianreview.php (дата обращения:

«Борьба за Украину» помогла РПЦ встроиться в международную повестку дня в том, что касается соблюдения религиозной свободы, в целом прав человека, межрелигиозного диалога. Стремление развивать епархии и миссию за пределами своей «канонической территории», возможно, и не принесет быстрых результатов и будет символическим, но заметно расширит кругозор представителей РПЦ. Важна также сама по себе постановка вопроса об участии в мировой миссии и в православном проекте глобализации под эгидой Московского патриархата, что в перспективе усиливает позиции РПЦ как крупнейшего гражданского института на постсоветском пространстве со своей независимой позицией.

Одним из факторов, который направил внешнюю политику Московского патриархата в европейском русле (и предотвратил активное движение к расколу внутри УПЦ), стал образ действий, выбранный противниками РПЦ и сторонниками автокефалии для достижения своих целей. Это нарушение Константинополем церковных норм (односторонние шаги, отказ от принципа солидарности с другими Церквями-сестрами), игнорирование демократических норм светскими властями Украины и присоединение к этой политике Киевского патриархата, а затем и Поместной церкви Украины. Все это дискредитировало саму идею создания независимой от Москвы Украинской церкви, которая была и остаётся, и поддерживалась частью духовенства УПЦ. Произошла эта дискредитация временно или нет — сложно предугадать. Пока можно с уверенностью сказать, что из «революции достоинства» с европейским достоинством и ценностями выходят именно УПЦ и РПЦ.

4.5. Социально-политическая роль Католической церкви

Католицизм сыграл ведущую роль в процессе трансформации Восточной Европы от авторитаризма к демократии, от социалистического лагеря к Европейскому Сообществу, а затем

07.05.2019); Лункин Р. Н. Политическая ситуация на Украине в свете церковного раскола. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2018, № 6. С. 196–202. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran62018196202

и к членству в Евросоюзе. Одним из самых ярких и хорошо исследованных примеров является Польша, где политические изменения на протяжении последних десятилетий проходят при участии представителей Церкви и католической общественности. В странах, где католики являются религиозным меньшинством, Ватикан опирается, прежде всего, на национальные диаспоры, принадлежащие к католической вере и культуре (поляки, немцы, литовцы, белорусы, украинцы и т. д.). Данное утверждение полностью применимо к католическим приходам в Центральной Азии. Но в России, Белоруссии, Украине роль этнических меньшинств дополняется значимой для общества социальной и культурной политикой Католической церкви. Складывается совершенно иная ситуация, которая позволяет по-новому взглянуть на социально-политическую роль Католической церкви на постсоветском пространстве.

Отличительные черты перечисленных некатолических славянских стран таковы: присутствие католической традиции и отношения с католиками имеют глубокие исторические корни (уходящие к моменту зарождения самой государственности); интерес к западной культуре, в том числе, через призму католицизма, является одной из основных черт интеллигенции; советский период в значительной степени лишил католицизм опоры на этническую паству (население перемешалось, русских поляков или литовцев, приверженцев католицизма, чрезвычайно мало); католическая миссия вышла за пределы национальных рамок, привлекая широкие слои студенчества и интеллектуальных слоев общества.

В рамках данного исследования в качестве примера участия католиков в социальном развития постсоветского общества является благотворительная деятельность Католической Церкви в России (РКЦ). Она объединена в церковную провинцию (митрополию), в которую входят Архиепархия Божией Матери в Москве и еще три епархии: Преображенская епархия в Новосибирске, Епархия св. Климента в Саратове, Епархия св. Иосифа в Иркутске. Епископы, возглавляющие 4 епархии, находящиеся на территории России, объединены в Конференцию католических епископов России (ККЕР) — коллегиальный орган национального церковно-административного управления

Римско-Католической Церкви в России (утверждена 2 марта 1999 г.). Иерархия католической церкви в России была восстановлена в 1991 г. В 2002 г. Ватикан учредил в России епархии вместе Апостольской администратуры, существовавшей ранее.

С 1990-х гг. РКЦ воспринималась в качестве конкурента РПЦ. Первые шаги католических иерархов в России были связаны с церковно-политическими конфликтами вокруг обвинений в «прозелитизме» (обращении православных в свою веру)[123], в поддержке униатов в Украине, в расширении своей миссии в России. В 2001 г. МИД РФ однозначно поддержал РПЦ в ответ на обращение депутатов Госдумы РФ об угрозе «экспансии католицизма» в России в связи с визитом папы Римского в Украину. В сообщении МИД РФ от 03.04.01 «К вопросу об экспансии католицизма на территорию России» отмечалось: «Линия МИДа в налаживании таких отношений между Русской Православной и Римско-католической церквами должна строиться на равноправной основе и не наносить ущерба интересам Русской Православной церкви. «По просьбе РПЦ МИД России через представительство Российской Федерации в Ватикане и ватиканское представительство в Москве довело до руководства Святого Престола наши озабоченности в связи с подготовкой визита папы на Украину. Этот вопрос в откровенной форме был поднят председателем правительства России М. М. Касьяновым в ходе встреч с Иоанном Павлом II», говорится в ответе А. А.Авдеева (тогда первого заместителя министра иностранных дел — авт.)». Таким образом, в сообщениях МИД РФ были повторены основные претензии РПЦ к Ватикану — прозелитизм и сохраняющиеся проблемы в Украине, связанные с захватом храмов греко-католиками в начале 1990-х гг.[124]

Беспрецедентным было также Заявление МИД РФ от 12 февраля 2002 г. «О решении Иоанна Павла II учредить в России католические епархии». В нем отмечается, что Святой Престол,

---

[123] Казьмина О. Е. Дискурс о прозелитизме в современной России // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 54–67.

[124] Сообщение МИД РФ от 03.04.01 «К вопросу об экспансии католицизма на территорию России» // МИД России. Режим доступа: URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/va/-/asset_publisher/RWYF1D8UZT5j/content/id/586582 (дата обращения 20.03.2018).

как полагается, уведомил о своем решении МИД РФ, но — «не ставя под сомнение право католической церкви организовываться в соответствии с каноническими нормами, но учитывая, что этот вопрос в первую очередь касается межцерковных отношений и может явиться причиной их серьезного осложнения, рекомендовал Святому Престолу воздержаться в настоящий момент от преобразования апостольских администратур в епархии и урегулировать его с РПЦ»[125]. И снова МИД РФ отмечает, что никакие действия не должны «наносить ущерба интересам РПЦ». Конечно, отношения России с Ватиканом регулируются особым образом, как межгосударственные, но де юре сама по себе Католическая церковь в России является такой же организацией, как и РПЦ, а значит, МИД РФ по существу вмешивался в дела российского религиозного объединения католиков, защищая интересы лишь одного религиозного института. Однако это ни к чему не привело — Ватикан не отказался от учреждения своих епархий — они существуют и поныне.

В противоположность сложным внутриправославным отношениям (РПЦ и Вселенского патриархата) диалог с Ватиканом предоставил больше возможностей для РПЦ ощутить себя мировой христианской церковью[126]. Как отмечают исследователи, «Высказывания католических и православных религиозных лидеров дают представление и об общности их подходов к важным проблемам современной жизни, и о близости предлагаемых решений, основанных на христианской системе ценностей. Сближает их и осознание себя самостоятельными субъектами

---

[125] Заявление МИД РФ от 12 февраля 2002 года «О решении Иоанна Павла II учредить в России католические епархии» // МИД России. Режим доступа: URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/va/-/asset_publisher/RWYF1D8UZT5j/content/id/566720 (дата обращения 19.03.2018).

[126] Красиков А. А. Вселенское и Русское православие в поисках идентичности // Аналитическая записка. 2016. № 29, (№ 59). Режим доступа: URL: http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an59.pdf (дата обращения 20.03.2018); Красиков А. А. Икона и топор // Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт. М.: ИЕ РАН, 2016. С. 5–25; *Казарян Н.* Всеправославный собор: формирование новой православной геополитики // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 102–126. Режим доступа: https://doi.org/10.22394/2073–7203–2016–34–1-102–126 (дата обращения 20.03.2018).

мировой политики»[127]. Глава ОВЦС митрополит Иларион с 2009 г. активизировал сотрудничество с Католической церковью, основываясь на общих целях — противодействия секуляризации, потребительскому обществу, защиты прав христиан.

Символом православной глобализации во главе с РПЦ стала встреча папы и патриарха 12 февраля 2016 г. в Гаване (Куба). Встреча сделала патриарха христианским лидером глобального масштаба, а не просто национальным религиозным деятелем, который следует за линией российского руководства. Совместное заявление папы Франциска и патриарха Кирилла можно назвать большой внешнеполитической победой РПЦ[128]. Русской Церкви удалось решить целый ряд задач, выступая на равных с Ватиканом[129].

Во-первых, это призыв к миру на Ближнем Востоке и к защите христиан в том регионе, где активное участие принимают вооруженные силы РФ: «9. Мы призываем международное сообщество к незамедлительным действиям для предотвращения дальнейшего вытеснения христиан с Ближнего Востока. Возвышая свой голос в защиту преследуемых христиан, мы сопереживаем и страданиям приверженцев иных религиозных традиций, становящихся жертвами гражданской войны, хаоса и террористического насилия».

Во-вторых, это призыв к совместной борьбе с международным терроризмом и преодолению конфликтов, чтобы избежать «новой мировой войны».

В-третьих, осуждение нарушений прав христиан в рамках идеологии секуляризма, а также критика европейской

---

[127] Яковлев А. И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 26.

[128] Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла. 13 февраля 2016 г. Патриархия.Ru. Режим доступа: URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html (дата обращения 20.03.2018).

[129] Лункин Р. Н. Церковь и внешняя политика: от «русского мира» к глобализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 1. С. 165–175.

интеграции: «16. Процесс европейской интеграции, начавшийся после столетий кровавых конфликтов, был воспринят многими с надеждой, как залог мира и безопасности. В то же время мы предостерегаем против такой интеграции, которая не уважает религиозную идентичность. Будучи открыты к вкладу иных религий в нашу цивилизацию, мы убеждены, что Европа нуждается в верности своим христианским корням. Призываем христиан Западной и Восточной Европы объединиться для совместного свидетельства о Христе и Евангелии, дабы Европа сохранила свою душу, сформированную двухтысячелетней христианской традицией».

Наконец, в-четвертых, Католическая церковь де факто встала на сторону Московского патриархата в украинском вопросе. По крайней мере, именно так это было воспринято в Украине, прежде всего, греко-католиками. Положения, касающиеся мира в Украине, безусловно, были обращены к различным церквям в этой стране: греко-католикам был послан сигнал о необходимости сдерживать свою критику Украинской православной церкви (УПЦ МП) и РПЦ — в заявлении было отмечено, что «метод униатизма» неприемлем. Сама ситуация в Украине была оценена как «противоборство разных сторон», то есть как гражданская война. Папа Франциск подписал и пункт, согласно которому Московский патриархат (УПЦ МП) признается единственной легитимной православной церковью Украины: «Выражаем надежду на то, что раскол среди православных верующих Украины будет преодолен на основе существующих канонических норм, что все православные христиане Украины будут жить в мире и согласии, а католические общины страны будут этому способствовать». После встречи в Гаване папа Франциск также подчеркивал необходимость соблюдать минские соглашения[130].

Таким образом, отношения между Католической церковью, как внутри России, так и за ее пределами, вышли на новый уровень. Конкретными результатами диалога двух Церквей стали регулярные встречи священнослужителей, их участие

---

[130] Папа о встрече с Патриархом Кириллом. Радио Ватикана. Режим доступа: URL: http://ru.radiovaticana.va/news/2016/02/19/ (дата обращения 20.03.2018).

в совместных программах. В Риме при участии Общецерковной аспирантуры РПЦ стал проводиться Летний институт для представителей РПЦ, которые знакомятся с деятельностью римской курии, встречаются высшими иерархами Ватикана, получают аудиенцию у папы[131]. С 1990-х гг. РПЦ сотрудничает с католическим благотворительным фондом «Кирхе-ин-Нот», с 2010-х гг. сотрудничает с международной общиной св. Эгидия как в рамках социальных проектов, так и помощи христианам Ближнего Востока. Регулярно устраиваются семинары и тренинги для социальных работников РПЦ, которые перенимают католический опыт. Такие семинары проходят в высшей католической семинарии «Мария — Царица апостолов» в Санкт-Петербурге с участием специалистов по реабилитации наркозависимых из Италии и Португалии[132]. С 18 по 25 января в Северном полушарии, в Южном полушарии в другое время проводится Неделя молитв о единстве христиан, когда проповеди в соборе могут произносить и православный священник и баптистский пастор. Помимо этого, Архиепархия и лично Паоло Пеции активно участвует в деятельности Христианского межконфессионального консультативного комитета ОВЦС МП.

Одним из примеров широкой приходской деятельности, дающей представление о социальной роли РКЦ, является многогранная работа католических священнослужителей, орденов и организаций в Москве (однако составные части взаимодействия церкви с обществом в крупных приходах других регионов такие же: в Петербурге, Красноярске, Иркутске, Новосибирске, Перми, Ростове-на-Дону и т. п.).

В церкви есть приходы территориальные и персональные. Территориальные объединяют всех верующих, которые живут на территории этого прихода. Это, собственно, и есть приход,

---

[131] В Риме прошли мероприятия Летнего института для представителей Русской Православной Церкви. 28 мая 2018 г. Пресс-служба ОЦАД // Патриархия.ru. Режим доступа: URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5211754.html (дата обращения 21.03.2018).

[132] В ОВЦС прошел круглый стол, посвященный межконфессиональному обмену опытом в сфере социального служения. 1 февраля 2018 г. Служба коммуникации ОВЦС // Патриархия.ru. Режим доступа: URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5139848.html (дата обращения 20.03.2018).

как таковой — все католики, которые живут на территории прихода, принадлежат к конкретному храму. В Москве, к примеру, четыре территориальных прихода: Непорочного Зачатия, Святых Апостолов Петра и Павла, Святой Ольги и новообразованный, но незарегистрированный приход Святого Семейства.

Помимо этого, существуют персональные приходы, которые объединяют людей по определенному признаку, не территориальному. Это приход Святого Людовика Французского, который объединяет иностранцев, прежде всего, франкоязычных, и отчасти англоязычных. Итальянцы принадлежат к общине италоговорящих католиков, это отдельная община. Приход Богоматери Доброй Надежды — это англоязычный приход — у них нет своего здания, в отличие от прихода Святого Людовика, они собираются в кафедральном соборе и в посольстве США. Приход Святой Андрей Ким, это для корейских католиков, которых достаточно много (корейский священник — Дэ Ен Ким). Община немцев-католиков собирается в немецком посольстве по воскресеньям, община испано-португальских католиков, община католиков-армян и филиппинская община — в кафедральном соборе. Община италоговорящих католиков, они собираются в храме Святого Людовика.

В кафедральном соборе служится каждое воскресенье 11 месс, наверху и в подвале, есть определенная неудовлетворенность большой англоязычной общины Богоматери Доброй Надежды, которые вынуждены встречаться в подвале. В эту общину входят сотрудники посольств, студенты, бизнесмены, члены их семей, просто люди свободных профессий — более 150 чел.

Отдельно в Москве и в России, в том числе при приходах действуют монашеские ордена и их представители. В Москве, к примеру, есть центр конвентуальных францисканцев, здесь находится курия — генеральный кустодий Святого Франциска Ассизского, на Шмитовском проезде, дом 2. При нем находится и монастырь, где они живут.

Другие монашествующие, например, салезианцы, опекают приход Непорочного Зачатия. Точно так же вербисты — монахи общества Слово Божие, они опекают приход Святой Ольги. Ассумпционисты — это августинцы от Успения, опекают приход Святого Людовика.

Таким образом, есть такие монашествующие, которые занимаются приходской деятельностью, францисканцы больше заняты издательской работой. Иезуиты, общество Иисуса — образовательной деятельностью, под их эгидой в 2014 г. начал свою работу Институт Святого ап. Фомы, рассчитанный на подготовку миссионеров (ранее действовал существовал колледж Святого Фомы Аквинского с более широким гуманитарным профилем).

Многие ордена представлены только в регионах. Например, в Москве не представлены кларетины, но их общины есть в Петербурге, в Красноярске. В Москве нет доминиканцев, которые окормляют храм Святой Екатерины в Петербурге, и являются, таким образом, лицом католической церкви в Петербурге.

Разных женских конгрегаций еще больше, чем мужских, но их главная работа — это помощь при приходах. Единственная женская конгрегация, которая существует отдельно, самостоятельно — это сестры матери Терезы, которые зарегистрированы как филиал общества «Миссионеры милосердия»[133].

Церковь, как отмечает отец Кирилл Горбунов, помогает мигрантам, просто их интегрируя в общество и церковь: «Как видно на примере филиппинской общины, приходя в церковь, человек попадает в некую социальную сеть. Во-первых, это поддержка морально-нравственного характера, которая позволяет от страха и безысходности не натворить каких-то глупостей, а во-вторых, это такая сеть, через которую можно узнать, получить работу, какую-то помощь, жилье»[134].

Помощью беженцам с Украины занимаются в епархии Святого Клемента в Саратове, потому что граничащие с Украиной

---

[133] Религиозные объединения Москвы: история, особенности вероучения, социальная деятельность: справочник / под ред. Р. Н. Лункина; Департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы. М.: 2015. С. 44–49.

[134] Полевой материал автора. См.: Религиозные объединения Москвы: история, особенности вероучения, социальная деятельность: справочник / под ред. Р. Н. Лункина; Департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы. М.: 2015. С. 44–49.

территории входят в эту епархию. В Москве люди также приносили в храм пожертвования в помощь беженцам.

Католическая церковь также известна культурными мероприятиями. Храм Непорочного Зачатия стал известной концертной площадкой в Москве — в соборе проходит более 100 органных концертов в год, что для действующего храма огромно. Фонд «Искусства добра», который действует при приходе, но организует концерты и фестивали, где выступают артисты мирового уровня, по всей России (один из проектов фонда — «Органы России», в рамках него приходы в разных регионах обеспечиваются органами)[135].

Одним из значимых элементов участия РКЦ в разрешении социальных кризисов в России является работа с мигрантами — в этом отношении католики действуют в русле позиции РПЦ, которая также заявляет о необходимости проявления милосердия и помощи всем приезжим (вместе с тем, эта работа в РПЦ не так хорошо развита, как в католицизме)[136].

Католическая Церковь стала ведущей общественной силой, которая меняет отношение к мигрантам в Европе и США. Ватикан призывает помогать мигрантам и интегрировать их в общество, что часто идет вразрез с мнением большинства прихожан и тех, кто не является католиками, раздраженными наплывом беженцев. Слова папы Франциска о том, что мигранты — «это люди, а не цифры в отчетах»[137] — подкрепляются конкретными социальными проектами. В России особый акцент на помощи мигрантам делается в работе благотворительной организации Католической Церкви «Каритас», которая нашла свои

---

[135] Новаковская В. Каждый рождественский фестиваль для нас особенный. 11.01.2017 // Благовест-инфо. Режим доступа: URL: http://blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=71360 (дата обращения 20.03.2018).

[136] Принципы и направления работы с мигрантами в Русской Православной Церкви. 20 ноября 2014 г. Документ согласован на заседании Высшего Церковного Совета 13 ноября 2014 года. Режим доступа: URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/460673.html (дата обращения 26.03.2018).

[137] Pope: Migrants should be protected, especially children and families. June 14, 2018 // Catholic World Report. Режим доступа: URL: https://www.catholicworldreport.com/2018/06/14/pope-migrants-should-be-protected-especially-children-and-families/ (дата обращения 20.03.2018).

уникальные подходы к решению многообразных миграционных проблем[138].

В России «Каритас» (основан в Германии в 1897 г.) имеет богатую историю с 1991 г., он привлекает к своей работе не только католиков, но и протестантов и православных (отделения действуют в более чем в 30 городах). «Каритас», как и в разных странах мира, представляет из себя децентрализованную конфедерацию. Она состоит из «Каритаса» Европейской части России (в Москве), Северо-Западного региона с центром в Петербурге, Каритас-Запад в Калининграде и Каритас Юга России в католической епархии Св. Климента в Саратове. Президент «Каритас-России» — епископ Иосиф Верт, а директор — свящ. Игорь Ковалевский.

В России «Каритас» столкнулся с тем, что невозможно строить работу только на волонтерстве. В отличие от приходов Западной Европы в российских общинах еще только происходит воспитание социальной ответственности. Верующие постепенно приучаются к тому, чтобы несколько раз в неделю участвовать без всякой оплаты своего труда в каком-либо социальном проекте. Активисты «Каритас» связывают это с постсоветским менталитетом и с тем, что прихожане сами обычно являются бедными людьми. Часть верующих, как и многие православные, просто крестят в церкви детей, но не участвуют в приходской деятельности.

Примечательно, что в католических общинах России есть большая группа людей, которые пришли в католицизм в 1990-е гг. — у них свои семьи, у них нет ни времени, ни средств. В проектах Каритас в качестве волонтеров принимает участие много людей, которые просто «симпатизируют» Католической церкви, но не становятся католиками. Одних смущает обязанность пройти курсы катехизации и ждать год до момента крещения, у других есть семейные проблемы – несколько браков, реакция родственников (что это неправославные, задают вопросы до сих

---

[138] Лункин Р. Н. «Каритас» в России: католический опыт работы с мигрантами // Русское Ревью Кестонского института. 2017. № 72. Июнь. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/russianreview2017.php (дата обращения 20.03.2018).

пор — «а христиане ли католики?»), отсутствие согласия обоих родителей на причастие ребенка.

В работе Каритас часто помогают католические диаспоры и ордена: корейская община организованно готовит и режет бутерброды для бездомных, небольшую помощь оказывают Verbum Dei (работают среди испаноговорящих студентов) и Opus Dei в Москве. В приходе Петра и Павла в Москве молодежь собирает подарки и наборы для нуждающихся на Рождество и Пасху, а в храме Непорочного Зачатия молодые люди помогают салезианскому приюту для детей в Филях (представители РПЦ обвиняли католиков в прозелитизме, но в реальности меньше половина выпускников приюта принимают крещение).

Помимо этого, на основе приходов сложно выстроить большие проекты — общины разбросаны по разным городам и их не так много. Но волонтеры есть в Нижнем Новгороде, Владимире, Новосибирске, Калининграде и других крупных городах, где много прихожан. Но поскольку «Каритас» помогает группам социального риска, то, как правило, нанимает людей за зарплату, которые могут постоянно вести работу. К примеру, в Коломягах на севере Санкт-Петербурга вот уже 115 лет действует «Дом Монсеньора Хартмута Каниа» — дом престарелых, названный в честь священника из Германии, основавшего его — монс. Хартмут Каниа (1942–2001 гг.), первого директора Каритаса в Петербурге. В доме работают сестры Конгрегации Святой Екатерины (всего находится около 20 чел.). При поддержке партнеров из Каритас Германии предоставляются бесплатные медицинские, психологические консультации. Для пожилых людей есть также «Патронажная служба» — один из крупнейших проектов Каритас в России, который действует в семи городах. Задача проекта — сделать доступным качественный уход за тяжелобольными людьми через обучение и консультирование работников, добровольцев и родственников.

Большой популярностью пользуются детские клубы для неблагополучных семей — это возможность на несколько часов оставить своего ребенка с воспитателями и получить минимум того, что дети не получают дома (эту категорию называют «социальными сиротами»). Такие клубы стали привлекательны и среди мигрантов, которые могут на время работы отдать своих детей

туда. В Новосибирске католическая начальная школа принимает детей мигрантов. Более широко подростками и молодежью занимаются Салезианские центры им. Дона Боско. С 2003 г. работает проект «Ночной автобус» в Москве по кормлению людей на улицах. Каритас привлекает в качестве добровольце бездомных, проживающих в социальной гостинице Марфино, это способствует их ресоциализации. Для матерей-одиночек во многих регионах действуют проекты «Мать и дитя» и Школа жизни.

Для мигрантов есть самые разные проекты, в том числе, европейский проект ERIN (Emergency Response Intervention Network) для граждан России, которые хотят вернуться из-за рубежа домой. Проект предлагает помощь гражданам России, добровольно или принудительно возвращающимся на Родину из стран Восточной и Западной Европы, а также Африки и Среднего Востока. Как отмечают сотрудники «Каритас» были и есть желающие вернуться в России из числа беженцев из кавказских республик. Существует категория людей, которые не получили статуса беженца, а срок пребывания в странах ЕС закончился, и им грозит депортация. В таком случае «Каритас Архиепархии Божией Матери в Москве» решает вопрос о помощи с европейскими и российскими миграционными службами. Обеспечивается временное размещение (не более 7 дней), неотложная медицинская помощь, сопровождение лиц из групп риска, а долгосрочная помощь в реинтеграции включает в себя даже содействие в начале микро-бизнеса, помощь в приобретении профессии, образования для детей, которые могли потерять знание русского языка за пределами России. Проект был начат в 2013 г. совместно с «Каритас Бельгии» и теперь за помощью обращается до 200 человек в год. Постоянно обращаются в Каритас и выходцы из африканских стран, которые потеряли документы или просто не могут вернуться на Родину — чрезвычайно тяжелой оказывается работа с посольствами африканских государств, которые часто игнорируют просьбы о помощи.

Беженцам с Украины Каритас помогает по большей части добраться обратно домой. Совместно с православной службой «Милосердие» им покупают билеты. Беженцам внутри Украины помогает местный Каритас, а в России им оказывает поддержку государство. На конфликтных территориях Каритас

не работает, но есть проекты по гуманитарной помощи для мигрантов в Ростовской области. На территории Крыма также Каритас работать не будет — там, скорее всего, будет создана своя собственная отдельная структура в рамках пасторского округа Католической церкви.

Сложнее всего работать с самыми многочисленными выходцами из Средней Азии, которые приезжают в Россию на заработки, но к этой категории приезжих оказалось возможным найти свой особый подход. Сотрудники Каритас подчеркивают, что мигрантов сложно заставить понять, что они в этой стране надолго. Они думают, что им не нужен русский язык, так как они все равно уедут, а на стройке они общаются на своем родном языке. Надо понять общинно-клановую психологию этих людей — приезжая, они привозят с собой весь аул, поодиночке они не ездят (это русские могут приехать в ЕС и завести новую семью). При этом, даже это не означает, что мигранты собираются жить в России, по крайней мере, они так думают. Достучаться до мигрантов можно через их детей. Социальный работник не может придти к родителям, которые практически не говорят на русском языке и для которых он — чужой. С подростками также уже сложно найти общий язык, но все же проще. Надо помогать детям мигрантов, которые ходят в школу и детский сад.

Одним из самых интересных проектов Каритас была музейная программа для детей-мигрантов и обычных детей, которых вместе водили на выставки. В начале этого проекта родители, обычно мамы, ходили вместе с детьми или отпускали их с общей группой. Но потом постепенно родители перестали пускать детей, так как испугались, что их дети вырастут совершенно другими, чем они сами. Каритас предлагал запустить такого рода культурную инициативу на уровне Правительства Москвы еще в 2004 г., когда мигрантов в столице было около 20%, но власти отказались от участия. В настоящее время мигрантов — более 30%, и активисты Каритас полагают, что время в значительной степени было упущено.

В странах Европейского Союза, с точки зрения активистов Каритас, другая проблема — есть опасения по поводу того, насколько милосердие обращено к тем, кто в нем реально нуждается. С одной стороны, массовая миграция происходит из-за

военных действий и в ЕС принимают всех. Но на деле иракским или сирийским христианам часто целенаправленно не дают визы и не пускают в Европу. Чрезвычайно сложно найти баланс и определить потребности человека, так как, в конечном счете, все едут за «хорошей жизнью», то есть это экономическая миграция. Как и в России существует проблема взаимопонимания культур, отсутствие знаний о стране, откуда человек прибыл, о том, чем можно и чем нельзя накормить людей, сотрудники служб, общающиеся с мигрантами, часто не в состоянии понять точно, кто перед ними — многие, например, выдают себя за сирийцев и т. д. В Европе стал применяться более дифференцированный подход к беженцам. По словам Ольги Тимофеевой, «сейчас в Евросоюзе существует список стран, из которых продолжают прибывать соискатели убежища, но которые в принципе безопасны для возвращения. Конечно же, это не Сирия, Ливия или Ирак. Но такие страны, как Иран, Пакистан, Индия, Россия, Грузия, Армения, Нигерия в последнее время вошли в европейские проекты, призванные помочь реинтеграции на родине людей, проживших в Бельгии, Франции, Финляндии и других странах от полугода до 10–15 лет. Каковы критерии для стран-участниц? Наличие достоверной информации, что страна безопасна для «возвращенца», наличие вызывающих доверие местных партнеров, взаимопонимание сторон относительно конкретных шагов по реинтеграции человека или семьи»[139].

Одни из основных принципов Каритас — это «заставить» само государство работать. Например, в Москве были созданы по французскому образцу гостиницы для бездомных. Этот опыт был признан удачным и, благодаря Каритас, правительство Москвы открыло в столице 7 таких гостиниц. Каритас был также инициатором открытия адаптационного центра для бывших заключенных в Востряково, которая стала государственным учреждением. Как отмечают активисты Каритас. «западные спонсоры все скупее, поэтому надо идти на диалог с властью, говорить

[139] Полевой материал автора (ПМА). В основу материала о деятельности «Каритаса» в России положены интервью с Еленой Посланчик, координатором национальной программы по миграции и Ольгой Тимофеевой, ассистентом по проекту «Помощь мигрантам», взятые автором в ходе социологических исследований в декабре 2016 г.

с конкретными людьми, показывать пути решения проблем». Иногда чиновники напоминают католикам, что они — «нетрадиционная религия», но, как правило, очень доброжелательное отношение складывается с региональными властями. А регистрация в качестве религиозной организации спасает от статуса «иностранного агента». Хотя в политической деятельности Каритас не участвует — даже в общественных акциях против абортов и однополых браков, например, как организация он не может принимать участие.

Главное в работе организации, по словам сотрудников Каритас, «не стоять с плакатом, а предлагать альтернативы» — католический опыт широко используют и в православной службе «Милосердие», переводят католические методические пособия по разным направлениям, с лютеранами и баптистами есть сотрудничество по проблеме ВИЧ-СПИДа. Еще в 2002 г. Каритас издал справочник по работе с наркозависимыми «Надежда в беде: наркотики и наркоманы», автором которого стал Евгений Проценко, православный активист и создатель центра по реабилитации наркозависимых. В сфере реабилитации бывших заключенных Каритас сотрудничает с православным приходом св. Николая в Троекурово, где свящ. Александр Немченко создал свой центр. Туда католики иногда отправляют людей на реабилитацию. Прот. Дмитрий Смирнов, будучи главой Отдела по взаимодействию с вооруженными силами РПЦ, предоставлял помещение для проведения конференции Каритас.

Следует признать, что христианские церкви в России не слишком активно помогают мигрантам. Происходит это по разным причинам: большинство из приезжих — мусульмане, они, как правило, находят себе работу, и у церквей нет опыта решения миграционных проблем. Русская православная церковь объявляла о своих намерениях начать целенаправленную и постоянную работу среди мигрантов, проводить курсы по русскому языку и православной культуре для них, но по существу мало что удалось сделать. Работа Каритас среди мигрантов обширна и уникальна среди христианских церквей (другие социальные проекты и помощь группам риска есть и у протестантов и у православных). Зарегистрированных приходов у католиков в России не так много — 245. У каждой общины есть еще и своя

независимая от Каритас социальная работа. Однако даже малыми силами российские католики реализуют международные социальные программы, воплощая в жизнь призыв папы Франциска быть ближе к людям и их нуждам, независимо от их происхождения.

4.6. Роль протестантских церквей в гражданском обществе

Миссия протестантских церквей уже с конца 1980-х гг. стала наиболее заметным и новым явлением на евразийском пространстве наряду с ростом влияния (возрождением) национальных религиозных традиций. Участие церквей в общественной жизни России, Белоруссии, Украины стало наглядным примером участия христианства в политической жизни в условиях социально-политических кризисов в постсоветские десятилетия. Помимо этого, после длительного периода коммунистической атеизации религиозные институты в странах бывшего СССР стали играть важную социальную и гражданскую роль в качестве носителей демократических ценностей, также как это происходило и происходит в странах Евросоюза.

Развитие религиозной жизни на постсоветском пространстве в 1990-е и 2000-е гг. привело к формированию уникальной ситуации многообразия религий и конфессий, движений, которых либо ранее не было в России и странах СНГ, либо они стали играть новую роль, которой исторически у них никогда не было. Православие (или ислам) стихийно превратилось в новую идеологию, пришедшую на смену советской, а инославные христианские конфессии переросли рамки «меньшинства», католики, лютеране «обрусели», вышли за этнические рамки и стали важной частью общественной жизни.

В странах бывшего Советского Союза они составляют меньшинство, хотя с начала 1990-х гг. присутствие евангельских общин стало заметно в большинстве государств Евразии. Более того, фактически во всех странах, будь то Россия, Белоруссия, Казахстан, Индия или Китай, появились принципиально новые протестантские движения, не существовавшие в этих

государствах в советский период. Безусловно, протестанты занимают разное место в общественной жизни в разных странах Евразии, однако практически во большинстве государств отмечается устойчивая динамика роста евангельских общин. В России и Белоруссии протестантов не более 1 процента населения (от 1,5 до 2 млн), в Украине около 5 процентов (2–3 млн) — вместе с тем, протестанты именно в этих государствах начинают играть всё более заметную общественно-политическую роль[140].

4.6.1. Политические взгляды и подходы

Принадлежность к самым разным слоям населения, к интеллигенции, студенчеству, и враждебное, по преимуществу, внимание к ним властей делает протестантов одной из серьёзных общественных сил, занимающих свою строго определённую нишу в политической жизни на евразийском пространстве. Небольшое по сравнению с приверженцами исторических «традиционных» религий число последователей протестантизма не мешает евангельскому движению становиться одним из факторов общественного влияния. Сам строй церковной жизни, религиозное мировоззрение, принадлежность к «новой» церкви отличают евангельских лидеров от «традиционного» общества, которое их окружает, выделяет их на общем фоне. А консолидированная точка зрения даже сравнительно небольшой общины делает её частью порой столь же малочисленного гражданского общества. Даже немногие общественные и религиозные деятели, оппозиционеры или же лидеры, просто выражающие своё собственное мнение о развитии страны, часто являются единственной альтернативой авторитарной или полуавторитарной власти и её идеологии, что не раз отмечалось в целом ряде исследований политической роли христианских церквей на территории Евразии[141].

---

[140] Более подробно о статистике религиозной жизни середины-конца 2000-х гг. см.: Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить // Религия и российское многообразие: сборник статей / Под ред. С. Б. Филатова. М., СПб: Летний сад, 2012. С. 5–30.

[141] Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Московский Центр Карнеги, 2005; Религия

Политические взгляды протестантов оказываются на первый взгляд довольно расплывчатыми и конъюнктурными, потому что большая часть евангельских пасторов и проповедников-миссионеров практически никогда не заявляет о своей политической принадлежности, открыто и прямолинейно не относит себя к числу сторонников демократии и не противопоставляет себя, таким образом, местной власти. В то же время в случае социально-политических конфликтов протестанты встают на сторону демократического способа разрешения разного рода проблем. Однако приоритеты своей общественной деятельности представители основных направлений протестантизма понимают по-разному.

Либеральные протестантские церкви гораздо больше внимания уделяют в своей деятельности социальным проблемам и социальному служению. В их мировоззрении акцент на необходимости спасения души прослеживается не так жестко, как у консервативных фундаменталистских церквей. Либералы меньше занимаются миссионерской деятельностью по всему миру, а поэтому их присутствие в евразийских обществах меньше, чем, например, присутствие консервативных пятидесятников и евангелистов. Нельзя сказать, что относящиеся к либеральному направлению немецкие лютеране или методисты играют в Европе значительную роль в политической жизни. Но их энергичная позиция в сфере защиты прав верующих в странах третьего мира является серьезным фактором, который воздействует на общество и чиновников в авторитарных государствах извне, заставляя их допускать существование новых христианских конфессий, чтобы избежать внешнеполитической изоляции.

Фундаменталистские консервативные принципы в наибольшей степени воплотились в миропонимании американского

и конфликт. М.: РОССПЭН, 2007; Европа XXI века. Новые вызовы и риски: монография / Ал.А. Громыко, В. В. Журкин, В. П. Фёдоров и др.; под общей редакцией Ал.А. Громыко, В. П. Фёдорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.; Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2011. 688 с.; Лункин Р. Филатов С. Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 136–150.

протестантизма. Большая часть евангельского сообщества США (баптистов, евангеликов и пятидесятников) выступает за распространение своих демократических идеалов по всему миру — в Ираке, Иране, Северной Корее и т.д. Президент Джордж Буш-младший, наравне с тысячами американских миссионеров и лидеров, основанных ими церквей в Евразии, является ярким представителем этого мира. В Средней и Юго-Восточной Азии, на просторах бывшего Советского Союза миссионеры и пасторы-фундаменталисты составляют абсолютное большинство в рамках протестантского сообщества. Поэтому именно консерваторы определяют лицо протестантизма в Евразии. Между тем, при всех различиях в понимании богословских принципов и социальном мировоззрении как консервативные, так и либеральные протестантские церкви можно рассматривать как единое целое.

Анализ протестантской активности внутри кризисного политического поля поможет понять особенности развития социально-политических требований евангельских лидеров. По мере кристаллизации протестантского мировоззрения и по накалу противостояния церквей и государства можно выделить три основных конфликта: 1) власть против «недисциплинированных» церквей; 2) верующие против произвола чиновников; 3) протестанты против «несвободного» государства[142].

---

[142] Материалы данного исследования основаны на интервью с религиозными деятелями, которые взяты автором в ходе полевых исследований в рамках проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», который осуществляется с 1998 года. По итогам исследований в более чем 70 регионах РФ опубликован целый ряд изданий: Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 620 с.; Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 686 с.; Атлас современной религиозной жизни России Т. 3. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2009. 863 с.; Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний Сад, 2002; Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / Под редакцией С. Б. Филатова. Том I. М.: Летний сад, 2014. 620 с. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том II / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2004. 478 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического

Самым распространенным поводом для столкновений чиновников и верующих является сама по себе религиозная деятельность протестантских церквей и их служителей. Возмущение бюрократии вызывает чрезмерная активность протестантов, их способность с легкостью нарушать какие-либо законы, которые встают на пути их миссии или социальных проектов, при том, что верующие всеми силами молятся за главенство закона и призывают к почитанию власть предержащих. Видимое уважение по отношению к властям даже в кризисных политических ситуациях является для протестантов, прежде всего, религиозной обязанностью исполнить новозаветный призыв апостола Павел: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее» (Рим. 13:1–3)[143].

Однако за внешним преклонением перед институтом власти в современном протестантизме в большинстве случаев не стоит никакой политической позиции, которая бы совпадала с точкой зрения авторитарных чиновников и выходила бы за рамки написанного апостолом Павлом. Стратегия общественной деятельности протестантизма такова, что готовность отстаивать свои гражданские права часто вполне сочетается с сервилизмом отдельных церковных лидеров перед властями. Лютеране, методисты или баптисты, то есть те церкви, которые обычно называют респектабельными, проявляют большую лояльность, чем недавно возникшие харизматические церкви. Лояльность перед

описания: том III / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2005. 463 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том IV / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2006. 365 с.

[143] Лункин Р. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии // Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Московский Центр Карнеги, 2005, С. 90–125; Лункин Р. Протестанты и политические конфликты в Евразии: спасение душ и управляемая демократия // Религия и конфликт. М.: РОССПЭН, 2007. С. 175–222.

властью многих протестантских деятелей входит в противоречие с евангельской верой сразу, как только власти ограничивают возможности церковной деятельности, направленной на «спасение души». Этот внутренний конфликт является естественной составляющей жизни протестантских церквей.

Стремление контролировать деятельность евангельских общин заставляет верующих переходить на нелегальное положение, формируя все более критичное отношение к власти. Поводом для по сути политического преследования является сама по себе религиозная активность, естественная для каждой церкви. К примеру, в Белоруссии с 2004 г. преследуется пятидесятническая церковь «Новая Жизнь», членам которой запретили арендовать дома культуры в Минске. В 2005 г. пастора «Новой Жизни» Вячеслава Гончаренко обвинили в организации нелегального богослужения, так как пятидесятники (всего в этой общине более 600 чел.) стали собираться в бывшем помещении коровника из-за того, что городские власти закрыли для церкви все общественные здания. Церковь купила здание бывшего коровника еще в 2002 г., силами верующих оно было приспособлено для проведения богослужений, однако власти отказались давать разрешение на размещение в отремонтированном здании Дома Молитвы. В результате в августе 2005 г. Минский городской исполнительный комитет принял решение об изъятии у общины земельного участка с расположенным на нем зданием бывшего коровника, а также о принудительном выкупе самого здания. Как отметил на одной из пресс-конференций епископ Объединения полноевангельских (пятидесятнических) церквей Республики Беларусь, куда входит церковь «Новая Жизнь», А. Сакович, «Проблема, по поводу которой мы сегодня собрались, очень животрепещущая, и она коснулась не только минской церкви «Новая жизнь». С аналогичными трудностями сталкивались церкви полноевангельского объединения в Гомеле, в Барановичах, в Микашевичах и других городах Беларуси»[144]. Стремление пресвитеров заявить о своих правах часто

[144] Минские власти предписали разводить в протестантской церкви коров // Портал-Credo.ru, 13.09.2005. Режим доступа: http://www.portal-credo.ru/site/ (дата обращения: 25.03.2018).

автоматически оборачивается репрессиями. Белорусские власти были возмущены заявлениями пастора Евангелическо-реформатской церкви Леонида Липеня о том, что он намерен бойкотировать закон о регистрации религиозных и общественных организаций до тех пор, пока государство не вернет кальвинистам отнятые в советский период храмы[145]. В августе 2005 г. деятельность Белорусского евангелистского реформаторского союза была запрещена формально за то, что церковь не прошла перерегистрации и не имела юридического адреса.

О целенаправленной политике белорусских властей по дискриминации протестантских общин, в которых власть видит «шпионов Запада», свидетельствует заявление Центра информации и общественных связей КГБ Республики Беларусь. Сотрудники КГБ, в частности, отметили, что всплеск проявления активности нетрадиционных течений в Белоруссии пришелся на 1992–1996 гг., «когда создались объективные предпосылки к утверждению их принципов в массовом сознании молодежи и лиц предпенсионного возраста». Белорусское КГБ поставило перед собой задачу погасить последствия этого всплеска, и «органы власти во взаимодействии с правоохранительными органами приняли превентивные меры по недопущению негативного воздействия деструктивных культов на население Белоруссии»[146].

Бурное развитие протестантских церквей в России было приостановлено после 1997 г., когда в силу вступил Закон о религиозных объединениях, принятие которого было поддержано также иерархами РПЦ. Религиозные организации, существующие на территории России менее 15 лет, лишались прав юридического лица на основании третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Закона о религии. Однако к 1999 г. действие Закона о религиозных объединениях было фактически нейтрализовано. Тогда Конституционный суд РФ в связи с жалобой общины

---

[145] В Белоруси запретили кальвинистскую церковь. 23/08/2005 // Lenta.ru. Режим доступа: https://m.lenta.ru/news/2005/08/23/ban/amp/ (дата обращения: 25.03.2018).

[146] Число сторонников нетрадиционных религий в Беларуси снижается, считают в КГБ. 5 декабря 2003 г. Режим доступа: URL: https://news.tut.by/society/28649.html?crnd=52131 (дата обращения: 26.03.2018).

Свидетелей Иеговы из Ярославля и харизматической церкви «Прославление» из Абакана (Хакасия) признал, что церкви обладают всей полнотой прав, если входят в централизованную организацию (постановление КС РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П)[147]. Вместе с тем, контроль за деятельностью протестантских церквей лишь увеличился. Контроль за деятельностью евангельских общин стали осуществлять и федеральные и местные власти, для которых руководством к действию стала Концепция национальной безопасности РФ, разработанная Советом безопасности России 10 января 2000 г. В концепции перед органами власти была поставлена, по сути, новая задача, которая ранее не была озвучена в официальных документах — это «противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров» (под которыми, в основном, имеются в виду неправославные христианские конфессии). Религиозный экстремизм в рамках концепции ставится на одну планку с международным терроризмом. По аналогии с государственной безопасностью авторами концепции был выработан термин — «духовная безопасность». Трактовка этого бюрократического понятия с размытым смыслом во многом зависела от того, как тот или иной чиновник понимает национальную безопасность страны. Протестантов стали лишать арендованных помещении, запрещать проведение массовых евангелизационных акций под предлогом опасности террористических акций, вытеснять из социальных учреждений, власти также отказываются выделять им землю под строительство Домов молитвы, пытаются забрать уже выделенную землю и т. п.[148]

---

[147] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения “Христианская церковь Прославления”» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25180

[148] См. Ежегодные доклады о соблюдении свободы совести в России Центра «Сова» в разделе «Религия в светском обществе». Режим доступа: URL: https://www.sova-center.ru/religion/ (дата обращения: 12.04.2018)

Под давлением националистов и части православной общественности власти увидели в протестантизме не столько угрозу авторитету РПЦ, сколько средоточие западного влияния. Чиновники опасаются демократического потенциала растущего евангельского движения, которое остаётся неподконтрольным государству. Местные власти, правоохранительные органы, представители православных епархий и движений совместно и по отдельности проводят акции устрашения самых влиятельных протестантских церквей, стараясь ограничить их бурную социальную и миссионерскую деятельность. Самым громким противостоянием властей и протестантов стал инцидент в Удмуртии. В апреле 2005 г. было совершено нападение на офис Ижевской епархии церквей ХВЕ «Дело Веры» — сотрудники милиции и ОМОНа провели обыск и задержали более 40 человек по подозрению в сокрытии некоего бывшего заключенного, якобы совершившего убийство (эти предположения не подтвердились). На стороне пятидесятников выступила одна из демократических партий — «Союз Правых Сил». В заявлении Президиума Политсовета СПС от 29 апреля 2005 г. выражалось возмущение происходящими событиями и содержался следующий призыв: «Мы требуем от правоохранительных органов Республики Удмуртия полномасштабного расследования случившегося и недопущения преследования граждан по религиозному признаку»[149].

Антисектантская кампания местных православных заставила евангельские общины выступить с политическим заявлением. 14 мая 2005 г. от имени Консультативного совета протестантских церквей Екатеринбурга и Свердловской области было распространено заявление, в котором отмечалось, что в связи с ликвидацией в областной администрации департамента, который занимался отношениями с верующими, «процесс конструктивного сотрудничества власти с неправославными религиозными организациями свернут». При этом, «повысилась

---

[149] Лункин Р. Н. Протестанты и политические конфликты в Евразии: спасение души и управляемая демократия // Русское Ревью Кестонского института. 2007. № 24. Декабрь. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/ russia/articles/rr24/03Lunkin.html (дата обращения: 12.04.2018).

активность наиболее политизированных структур православной церкви, которые развернули широкую сеть публичных акций не только против “нетрадиционных” религиозных организаций, но и против светских структур и отдельных лиц. При этом они стали нередко провоцировать прямые конфликты, как с объектами пикетирования, так и с правоохранительными органами, пытающимися заставить их соблюдать хотя бы основные правовые нормы»[150]. Совет также направил открытое письмо президенту РФ В. В. Путину, где раскрывались факты нарушения прав верующих из церквей «Новая Жизнь», «Благая Весть» и «Живое Слово». Церкви, входящие в этот совет, уже многие гг. подвергаются оскорблениям со стороны «сектоведов» — священников Екатеринбургской епархии РПЦ МП, которые инициируют пикеты около зданий, где протестанты проводят свои воскресные богослужения. В Ижевске, Екатеринбурге, как и во многих других российских церквях евангелисты и пятидесятники делали всё, чтобы защитить себя в судебном порядке, с помощью власти, за которую они молятся за каждым воскресным богослужением.

«Неправедный» чиновник, лишающий евангелиста или харизмата возможности строить христианское общество, хотя бы вокруг церкви, сам срывает «маску лояльности» с евангельских церквей. Бюрократия, естественно, не может довольствоваться пассивным изъявлением покорности по отношению к себе, за которым нет реального подчинения власти во всём, и на деле ничего не стоит, кроме общего библейского призыва апостола Павла. Подобный идеологический обман «неправедных властей» раздражает и националистически настроенную общественность и представителей власти, что является также одной из причин постоянных обвинений протестантов в служении Западу, шпионаже и внедрении антипатриотических идей в сознание неофитов. Сами власти в качестве недружественных политических акций воспринимают, в результате, практически

[150] Протестанты Свердловской области выступили в обвинениями в адрес местных властей и Екатеринбургской епархии РПЦ МП // Портал-Credo.RU. 18.05.2005. Режим доступа: URL: http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=news&type=archive&day=18&month=5&year=2005&id=33514 (дата обращения: 12.04.2018).

всякие несанкционированные действия протестантов — и тайные пересылки Библии китайским протестантам, и открытую проповедь миссионеров в Иране и проведение маршей Иисуса харизматическими церквями в России. Произвол приводит к тому, что, помимо исполнения Божьих заповедей, евангельские церкви начинают требовать справедливого административного и гражданского порядка.

В первую очередь, принципы демократии и справедливых экономических отношений ложатся в основу социальных идей, которые затрагивают жизнь каждого конкретного верующего, за которого церковь несёт ответственность. Церковные лидеры прямо выражают свои демократические взгляды в тех общественных конфликтах, которые не затрагивают непосредственно отношений с властями. Протестанты защищают права и свободы граждан, а также принципы свободной экономической деятельности, где есть конкуренция и отсутствует вмешательство власти в частный бизнес. Идеалом для большинства представителей протестантизма является честный индивидуальный предприниматель, пользующийся конкуренцией для проявления своих творческих талантов. Представление о социально ориентированном государстве и обществе у протестантов основано на прагматизме, согласно которому общественное устройство должно соответствовать определенным демократическим принципам[151].

Протестант чувствует себя обязанным быть «совестью» данного государства и добиваться тех оптимальных условий, которые способствовали бы «спасению его души». Тех верующих и служителей, кто высказывает свои претензии к чиновникам и поднимает социально-политические проблемы, волнующие общество, в рамках евангельского движения — значительная часть. В России, к примеру, лидер Союза евангельских христиан-баптистов Юрий Сипко выступал с критикой социальных реформ государства, обвинив власть в традиционном для России игнорировании интересов отдельных граждан и прав личности, существовавшем ещё при коммунистическом режиме,

---

[151] Социальная позиция протестантских церквей России / отв. ред. В. В. Витко. М., 2009. 79 с.

который «в России ещё жив до сих пор»[152]. Епископ Российского объединённого союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ) Сергей Ряховский, наоборот, подчеркивал, что протестанты являются той частью общества, которая поддерживает социальные реформы, проводимые президентом В. Путиным ради построения демократического общества. Глава пятидесятнического объединения «Церковь Божия» в Ярославле Андрей Дириенко не раз призывал государство бороться с ксенофобией, антисемитизмом, а также выступал за создание профессиональной армии и введение альтернативной службы в рамках военной реформы. Формально аполитичные евангельские верующие в Китае, Азербайджане или Туркменистане не упускают повода призвать чиновников и гражданское общество к отстаиванию общегражданских прав и законных свобод как верующих, членов своих поместных общин, так и неверующих.

В сознании протестанта, истинный христианин не может жить полноценной жизнью вне принципов «библейской» свободы, которые в целом совпадают с требованиями демократического общества. Именно поэтому политическая активность протестантов провоцируется, в основном, препятствиями к осуществлению своих гражданских прав и, в первую очередь, ограничением свободы совести, а также усугублением социальных проблем и нарушением со стороны власти и общества норм библейской морали. Свободное исповедание веры, также как и исцеление социальных пороков, являются, с точки зрения протестанта, религиозным и патриотическим долгом каждого христианина. Именно поэтому бюрократический произвол, коррупция, прямые и косвенные гонения на церковь, которые ограничивают христианина как члена общества, способны привести к акциям гражданского неповиновения.

Степень проявления политической позиции протестантов и её соотношение с политикой властей различна как в отдельных российских регионах, так и в различных государствах Евразии. С одной стороны, управляемая демократия является для верующих вполне приемлемым типом власти и в целом

---

[152] Интервью Ю. К. Сипко // Радио «Теос». 9 февраля 2006 года. Режим доступа: Baptist.org.ru (дата обращения: 25.03.2018).

не затрагивает их христианские представления о свободе общественной деятельности во имя «спасения души», а конфликты носят приглушённый характер. С другой стороны, давление со стороны православной, исламской или коммунистической идеологий приводит к конфликту почти немедленно, а в деидеологизированном обществе, где нет прямой и осознанной политики дискриминации за веру, конфликт находится в скрытом состоянии.

Особенностью ситуации в Белоруссии стал конфликт протестантов не только с чиновниками, но и с Православной Церковью (Белорусский экзархат РПЦ). Баптисты и пятидесятники вступили в политическую борьбу и как защитники белорусской Конституции и как противники монопольного положения Белорусской православной церкви (Белорусского экзархата РПЦ, БПЦ). Произошло это, прежде всего, из-за того, что администрация Александра Лукашенко стала проводить, по сути, провокационную политику в религиозной сфере. Публичные заявления президента Белоруссии и его окружения об особой роли БПЦ в жизни страны сопровождались дискриминацией других христианских конфессий, в особенности, тех групп, у которых не было регистрации или же собственного молитвенного дома. Ситуацию обострило и то, что руководство белорусским экзархатом РПЦ МП во главе с митрополитом Минским и Слуцким Филаретом (Вахрамеевым) практически во всём шло навстречу Лукашенко. Протестанты, которые ранее лишь отвечали на репрессивные действия чиновников, перешли в наступление, когда оказалось, что позиции бюрократии и священноначалия БПЦ идентичны. Основные политические события развернулись вокруг референдума 17 октября 2004 года, во время которого граждане Белоруссии должны были ответить на вопрос о том, может ли Лукашенко снова избираться на пост президента в 2006 г. на третий срок, который не предусмотрен по Конституции Беларуси. В ходе политической дискуссии, которая при отсутствии оппозиции в парламенте сведена к минимуму, Александр Лукашенко в свойственной ему резкой манере противопоставил благонадёжному Православию «вражеские секты». Во время встречи с членами Синода БПЦ в октябре 2004 г. Лукашенко обвинил оппозицию в намерении «сузить сферу деятельности

традиционных конфессий, прежде всего православия, за счет расширения простора для различных сект и нетрадиционных верований». По мнению Лукашенко, «такие антиславянские планы и устремления направлены не только против православной церкви, ее прихожан, которыми являются большинство белорусов, но и против государства. Их цель — удар по самым ценным достижениям нашей страны: социально-политической стабильности, миру и порядку»[153].

Поводом для выступлений Лукашенко были заявления протестантских лидеров против дискриминационного Закона о религиозных объединениях 2002 года. Союз христиан веры евангельской в Беларуси не только отметил, что Закон не отвечает интересам верующих (к примеру, гражданин другого государства не может быть по Закону лидером церкви, а проповедью может заниматься лишь в течение года). Белорусские протестанты заявили о том, что «если бы развитые европейские страны вводили у себя подобную практику, то это поставило бы под угрозу деятельность многих православных священников за границей». Закон, по мнению лидеров, может использоваться режимом Лукашенко «в политических целях для подавления инакомыслия» и для борьбы с неугодными церквями, так как ликвидировать можно общину, которая «причиняет вред здоровью и нравственности граждан» (саму степень вреда определят белорусские чиновники)[154].

Кроме того, протестанты выступили против «антисектантского» учебника об основах православной культуры, который был инициирован Православной Церковью и поддержан властями. В 2002 г. лидеры пятидесятников в жёсткой форме осудили антигражданскую позицию Белорусского экзархата и безответственность, с которой БПЦ оказывает поддержку режиму Лукашенко. Протестанты оказались союзниками той демократической общественности, в рядах которой сильны

---

[153] Голосование свыше. Лукашенко ищет поддержки у церкви // Время Новостей. № 186. 12 октября 2004 года. Режим доступа: http://www.vremya.ru/print/109598.html (дата обращения: 26.02.2018).

[154] Протестанты Белоруссии протестуют против проекта закона о свободе совести. 29.11.2001. Режим доступа: Jesuschrist.ru (дата обращения: 13.04.2018).

антиклерикальные настроения[155]. Пресс-секретарь Союза ХВЕ Беларуси Александр Величко публично предостерегал общество, что БПЦ готовит конкордат с министерством образования, который обеспечит православию «монопольное право на проповедь своих идей в учебных заведениях». Кроме того, восстановлению доминирующей роли православия способствуют и нормы новой редакции белорусского закона «О свободе вероисповедания». При этом, по словам Величко, «по политическому влиянию в белорусском обществе лидирует православие, а по количеству активных верующих — протестантизм»[156].

Накануне референдума 17 октября 2004 г. лидер пятидесятников Республики Беларусь высказался однозначно против избрания Лукашенко на новый срок и, таким образом, изменения Конституции. По мнению епископа Союза ХВЕ Беларуси Сергея Хомича, верующие считают, что «необходимо придерживаться Конституции всем без исключения, большим и малым. Конституция ясно определяет сроки. А если мы начнем менять Конституцию, то это может принести вред. Не только эту статью поменять, а еще какую другую. Я сторонник того, чтобы Конституция была неизменной, ненарушаемой никем»[157].

Упорядочивание политики по отношению к религиозным объединениям в России также привело к тому, что лидеры целого ряда евангельских церквей вынуждены были обвинить чиновников в том, что они не способны строить в России цивилизованное европейское общество, что они не соблюдают

---

[155] Одним из символов антиклерикальной реакции стал документальный фильм режиссёра Юрия Хащеватского «Боги Серпа и Молота» (2002 год). В одном из эпизодов на Пасху митр. Филарет (Вахрамеев) идёт с президентом Лукашенко, и их окружают простые люди и чиновники. Владыка Филарет возглашает: «Христос Воскресе!» Народ отвечает: «Воистину Воскресе!» Лукашенко в это время кланяется по сторонам и каждый раз отвечает: «Спасибо, спасибо!»

[156] Ведущую роль православия в Беларуси оспаривают протестанты. 29.05.2002 // Белорусская деловая газета. Режим доступа: http://bdg.by/news/news.htm%3F28650%2C3 (дата обращения: 22.02.2018).

[157] Беларусы-иммигранты поддержали своих собратьев, оказавшихся в нелегком положении // Другое Время — русская служба новостей. Окт. 12, 2004. Режим доступа: www.drugoevremya.com (дата обращения: 26.02.2018).

Конституцию и демократические законы[158]. Летом 2005 г. наиболее активная часть протестантского сообщества России стала инициатором и участником митингов, пикетов и демонстраций против нарушения представителями власти демократических законов. Основную роль в устройстве публичных акций принимали участие члены пятидесятнических церквей харизматического направления. Инициатором демонстраций Москве стала церковь «Эммануил» (входит в объединение Российская Ассамблея Бога). Первый митинг прошёл в Новопушкинском сквере 22 мая 2005 г. на Пушкинской площади. Поводом для его проведения стали попытки чиновников отобрать у церкви землю в районе проспекта Вернадского в Москве, на которой она намеревалась построить Духовно-культурный центр. Одновременно с этим, в столичном микрорайоне Солнцево власти фактически отказывались выдать разрешение на реконструкцию старого здания Дома культуры для того, чтобы верующие могли обустроить там Дом Молитвы. Причём, и земля и Дом культуры были куплены на церковные средства и являются собственностью пятидесятнической общины. Пастор церкви «Эммануил» Александр Пуршага выступил с резкой критикой чиновников и правоохранительных органов. После разгона целого ряда акций в центре столицы Пуршага заявил в эфире радио «Свобода»: «у меня нет никаких иллюзий ни по отношению к конституции в нашей стране, на нее никто не обращает внимания, даже те, которые ее обязаны хранить и быть гарантами ее. На законность никто не обращает внимания, даже те, кто пишет эти законы»[159]. Члены общины после задержаний участников митинга выражались еще более резко: «Сотрудники милиции часто убеждали задержанных, что мы живем не в правовом государстве, что демократия — выдумка, а свобода весьма относительна, что нам никогда не одолеть “эту машину”. По их словам, общество

---

[158] Лункин, Р. Н. Первые уличные протесты верующих в постсоветской России: это только начало? // Русское Ревью Кестонского института. 2005. № 5. Октябрь. URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition05/02%20Protestants.html (дата обращения: 16.03.2018).

[159] Понимание и непонимание. Интервью пастора церкви «Эммануил» Александра Пуршаги 20.07.2005 // Радио «Свобода». Режим доступа: http://archive.svoboda.org/programs/vg/ (дата обращения: 26.02.2018)

презирает милиционеров и “народ не поймет милицию, пока в нем не проснется интеллект”. А один офицер милиции высказался, что если жить по закону и поступать по совести, то завтра в России не будет ни милиции, ни армии»[160]. Именно евангельское представление о том, какой должна быть цивилизованная европейская страна легла в основу публичных акций протестантов. По словам Александра Пуршаги, «если взглянуть глазами протестанта, который живет в России, и который терпит все это, начиная от улицы и заканчивая кабинетом чиновника, я считаю, что на нашу конституцию, на наши законы чиновники и окружающие люди просто плюют»[161]. После встреч Пуршаги с тогдашним вице-мэром Москвы Михаилом Менем пятидесятники одержали лишь частичную победу — им было предоставлено право реконструировать купленный ими Дом культуры, превратив его в Дом молитвы.

О политической безответственности чиновников вслед за московскими пятидесятниками заявили летом 2005 г. воронежские церкви. Однако в отличие от столицы, пятидесятников из Совета старших служителей Церквей христиан веры евангельской поддержал Консультационный Совет глав протестантских общин города Воронежа, куда входят представители евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня, евангельских христиан, методистов и пресвитериан. 4 июня 2005 г. на площади Ленина в центре Воронежа собрались не только пятидесятники, однако именно члены пятидесятнической общины (пасторы — Андрей Башмаков и Алексей Шиповский) были устроителями и главными ораторами на этом митинге, и пятидесятники первыми заявили о том, что мэрия отказывается выделить им землю под строительство церкви. Воронежцы меньше говорили о частных проблемах церквей и больше старались защитить корпоративные интересы евангельского сообщества.

Общую идею митинга выразил пятидесятнический пастор Алексей Шиповский, член Союза журналистов РФ, который

---

[160] Материалы об акциях церкви «Эммануил» см. на сайте Российской Ассамблеи Бога: www.russian-assemblies.org

[161] Эхо Москвы: Интервью с руководителями церкви «Эммануил». 04.07.2005 // Новости христианского мира. Режим доступа: http://prochurch.info/index.php/news/more/1776 (дата обращения: 05.03.2018).

обращался с открытым письмом о дискриминации прав верующих в Воронежской области и в России вообще лично к президенту В. В. Путину (и не получил никакого ответа). По словам Шиповского, «мы имеем право проповедовать от Бога, и как граждане России». Помолившись за губернатора Владимира Кулакова и мэра Бориса Скрынникова, которые допускают произвол в отношении христиан, протестанты Воронежа предъявили властям следующие требования: прекратить дискриминацию верующих, не принадлежащих к РПЦ МП, не чинить препятствий для проведения евангелизаций (которые стали запрещать под предлогом угрозы терактов), найти решение вопроса о выделении земельных участков для строительства культовых зданий для всех действующих в городе и области религиозных организаций, которым такое право предоставляет Конституция РФ и Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных обединениях».

Кроме того, воронежские протестанты, пожалуй, впервые сформулировали чрезвычайно насущные социально-политические требования, о которых обычно церковные лидеры опасаются прямо говорить чиновникам и журналистам. В резолюции воронежского митинга было записано, что верующие намерены добиваться объективного информирования населения через государственные СМИ о социальной деятельности протестантских вероисповеданий на территории Воронежской области, а также участия «наравне с епархией РПЦ МП в организуемых властями социальных, культурных и гражданско-патриотических программах и акциях». В связи с резкой критикой власти на митинге представитель Воронежской областной администрации, специалист по взаимодействию с религиозными организациями Александр Зайцев, выразил озабоченность тем, что протестанты устроили столь шумную и «скандальную» акцию. По словам Зайцева, «все высказанные претензии касаются в основном местного самоуправления, в чьем ведении находятся вопросы выделения земельных участков и разрешения публичных акций»[162]. С пятидесятниками воронежские

[162] Воронежские протестанты слишком скандально заявляют о себе, утверждает представитель областной администрации. 07.06.05 //

власти сталкивались и раньше — в 2003 г. властям фактически пришлось оправдываться за избиение евангельских верующих во время поведения антинаркотической акции в г. Лиски Воронежской области. Тогда Александр Зайцев и сотрудники местного ФСБ настоятельно порекомендовали пятидесятникам, советоваться с ними, прежде чем они будут проводить какие-либо социальные мероприятия.

Уличные выступления московских и воронежских протестантов породили неоднозначную реакцию в евангельской среде. Одни пасторы и епископы высказывали опасения по поводу того, что выступления верующих за демократию могут вовлечь церковь в политическую деятельность. Другие отмечали, что церковные лидеры используют опасные методы борьбы с произволом, подставляя простых членов общины под удар жестокой власти; третьи говорили о неизбежности подобных выступлений, если власть будет продолжать оказывать давление на неправославных. Но значительная часть протестантских лидеров — баптисты, лютеране, адвентисты, главы различных пятидесятнических и евангельских союзов — признавали правоту требований церкви «Эммануил» и евангельского сообщества Воронежа, их моральное право на подобную акцию. Скепсис по отношению к тем методам протеста, который использует церковь «Эммануил», объясняется во многом нежеланием многих евангельских деятелей участвовать в каких-либо политических играх с властью, к которой они относятся с подозрением. К примеру, один из лидеров Объединенной Церкви ХВЕ, бывший узник совести, епископ Владимир Мурашкин заявлял в интервью автору, что любые подобные акции могут навлечь гонения на простых верующих, а поэтому он выступает против них. Однако, как заметил Мурашкин, «у наших верующих нет желания угождать кому-либо и власти в том числе»[163].

Прошедшие митинги заставили протестантов обсуждать собственную общественно-политическую позицию, отношение

Портал-Credo.Ru. Режим доступа: www.portal-credo.ru (дата обращения: 25.03.2018).

[163] Полевой материал автора. Интервью с епископом Объединенной церкви христиан веры евангельской (ОЦ ХВЕ) В. Мурашкиным, июнь 2005 г.

к власти и к соблюдению ею демократических законов. Все евангельские верующие, а не только пятидесятники, встали перед проблемой осознания себя и своей церкви как части гражданского общества, которое только одно и может являться основой свободного государства. Для многих церковных служителей ответственность церкви за справедливость власти и упрочении свободы в государстве стала такой же естественной, как обычная для протестантов забота об искоренении наркомании, алкоголизма и других пороков общества. В наиболее радикальном виде эту точку зрения выразил в интервью автору пастор пятидесятнической церкви «Спасение» в Брянске Сергей Ганджура. Он полагает, что протестантские митинги и пикеты — это первый шаг России к «оранжевой» революции, которая должна обязательно произойти. Только после демократической смены власти, считает пастор, в стране произойдут изменения к лучшему.

Политическое брожение, охватившее евангельское движение в России, заставило наиболее лояльных власти протестантских лидеров выступать с оправдательными заявлениями. Назначенный в 2005 г. президентом РФ членом первой трети Общественной палаты России епископ Сергей Ряховский, глава Российского объединённого союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ), осудил любые проявления политической деятельности, такой, к примеру, как демонстрации верующих из церкви «Эммануил» под руководством пастора Александра Пуршаги под лозунгами осуждающими мэра Москвы Юрия Лужкова. Более того, РОСХВЕ выступил с осуждением церкви «Посольство Божие» на Украине, которая поддерживала Виктора Ющенко. В одном из интервью епископ Сергей Ряховский попытался восстановить лояльный имидж протестантов перед лицом представителей власти: «кто-то сознательно подогревает страсти, чтобы противопоставлять протестантизм православию, чтобы сделать протестантов “пятой колонной”, инструментом “оранжевой” революции. И я сказал, что любые подобные провокации обречены на провал, потому что мы, российские протестанты — патриоты своей страны, мы люди, которые особо чтят российскую власть и президента России. И в разгар “оранжевой” революции на Украине я выступил с предостережением

и протестантов, и православной церкви, которые позволили втянуть себя в политическую деятельность»[164]. Подчёркивая свою государственническую политическую позицию Сергей Ряховский объяснял проблемы, возникающие у протестантов в разных регионах России, прежде всего невежеством чиновников. По мнению Ряховского, если органы власти отказываются следовать букве закона и не выделяют землю для общины, то надо прежде всего приложить усилия и перевести взаимоотношения с чиновниками из конфронтации в диалог и не затевать судебных разбирательств[165].

В представлении протестантов разных стран власть существует для того, чтобы обеспечивать свободу вероисповедания, богослужения, осуществления верующими различных конфессий миссионерской и социальной деятельности. В соответствие с этой системой ценностей, евангельские группы возлагают на любую власть большие надежды. Сталкиваясь с социальной несправедливостью, с ограничениями, которые чиновники накладывают на их социальные проекты, аренду помещений для богослужений, проповедь и миссию, протестанты первыми ощущают «нецивилизованность» власти, ее неправедность, а, значит, необходимость изменить ее природу с умеренно (или жестко) авторитарной на демократическую. Маргинальные для власти требования лидеров протестантского движения становятся важными в силу того, что у евангельских церквей вырабатывается четкое представление о том, как менять власть и в каком направлении. Методисты или лютеране менее активно, а харизматы-пятидесятники более смело и энергично стараются влиять на власть. Даже церковь, состоящая из нескольких тысяч активных баптистов или пятидесятников, но не обладающая поддержкой большей части общества, способствует размыванию

---

[164] Интерфакс: Ряховский С. Пятидесятники не станут инструментом «оранжевой» революции. 14.06.05 // Портал-Credo.ru. Режим доступа: http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=6438 (дата обращения: 01.03.2018).

[165] «Честное слово». Епископ Сергей Ряховский: Евангельская вера созидает гражданина. 25.08.05 // Портал-кредо.ру. Режим доступа: http://www.portal-credo.ru/site/index1.php?act=monitor&id=6766 (дата обращения: 25.03.2018).

авторитарного порядка в процессе неизбежно возникающих социально-политических конфликтов.

Поддерживая демократические инициативы любой власти, протестанты противопоставляют «беззаконным» представителям власти свой собственный идеал государства, в котором политики и чиновники являются, как правило, «спасенными» христианами. Только в этом случае апостольская декларация о молитве за любую власть получает, с точки зрения пятидесятника или баптиста, реальное наполнение. Демократические ценности в ходе социальных конфликтов защищают и традиционные евангельские течения (лютеране, англикане и епископальная церковь, методисты и уэслиане), и новые протестантские направления, и фундаменталисты (баптисты, евангелисты, пресвитериане, пятидесятники), и консерваторы, и либералы (либеральные, прежде всего, в отношении библейских норм)[166].

В одних случаях консерваторы и либералы добиваются защиты прав верующих и прекращения преследования отдельных церквей со стороны властей, в других они занимают «патриотическую», по их мнению, позицию лояльного отношения к тем же властям. Кажущаяся сложность и противоречивость мировоззрения лютеран, баптистов или же пятидесятников заключается в том, что протестанты, как правило, дают демократические ответы на запросы общества, вознося молитвы за «неправедных» чиновников. Для многих протестантов такое поведение является одним из способов выжить в посттоталитарном обществе. Религиозно обоснованная система взглядов позволяет протестантам культивировать в государстве собственное представление о власти, которое, в конце концов, противопоставляется полуавторитарной политике и активно участвует в его демократизации.

С одной стороны, равнодушны к какой-либо власти, и даже построение демократического общества, где протестантам живется наиболее комфортно, является чем-то второстепенным

[166] Ряховский С. Именно в Реформацию произошло закладывание основ современных институтов гражданского общества. 30 мая, 2017 // Общественная палата РФ. Режим доступа: URL: https://oprf.ru/ru/press/news/2017/ newsitem/40669?PHPSESSID=k6t7ba3n140pb8u8jb3v4ml1m0 (дата обращения: 16.04.2018).

по сравнению с их главным аполитичным устремлением к спасению души. С другой стороны, в определенных ситуациях, прежде всего, во время гонений, евангельские группы ведут себя иначе. Наряду с проявлением лояльности какому-либо режиму, протестанты активно борются за свои права, становятся активными участниками политических процессов, от выступлений в защиту Конституции и демократических законов в России и Белоруссии до стремления влиять на жизнь в стране через верующих политиков в Украине, Латвии, Южной Корее и в Индии. И наконец, именно стремление к «спасению души» становится мировоззренческой основой выступления против политических режимов как таковых, когда под давлением власти, коммунистов, исламистов или же просто националистов осуществление «правильной» христианской жизни оказывается невозможным.

Свой оригинальный образ государства современный протестантизм выразил в целом ряде богословских доктрин, в рамках которых церковь сама частично или полностью отвечает за ту власть, которую, согласно Библии, следует почитать, а иногда и формирует ее сама. Более традиционные церковные движения не высказывают претензий на власть в целом, но заявляют о том, что члены церкви могли бы быть лучшими депутатами и губернаторами. Харизматические движения евангельско-пятидесятнического толка разрабатывают целые теологические учения о том, как протестанты могут сделать ту или иную страну христианской, утвердив там, к примеру, новый евангельский «мировой порядок» (так называется одно из сочинений пастора пятидесятнической церкви «Новое поколение» в Риге Алексея Ледяева), где у власти будут верующие политики. При этом, евангелисты и харизматы стремятся отнюдь не к теократии, а к такой демократической системе, в рамках которой христиане смогут добиваться высоких постов в правительстве и парламенте, а также следить за соблюдением норм христианской морали в обществе[167].

Богословские теории протестантов воплощаются на практике, и примеры демократического преобразования общества,

---

[167] Социальная позиция протестантских церквей России / отв. ред. В. В. Витко. М., 2009. 79 с.

в котором значительную роль играют протестанты, отнюдь не единичны. Баптисты и пятидесятники весьма заметны в политической жизни в скандинавских странах, а также в Украине, Латвии и Южной Корее. Протестанты также играют большую роль во многих штатах Индии. Однако в такого рода открытую политическую борьбу включаются уже конкретные яркие церковные служители, отдельные энергичные общины и движения, тогда как большинство верующих останавливается на стадии борьбы с «неправедностью» чиновников и произволом местных властей.

Быстрее всего эволюция политического мировоззрения новых евангельских церквей на постсоветском пространстве произошла в украинском протестантизме. Причём, взрывной рост евангельских групп происходил параллельно с политизацией общества в целом. Социально-политические проповеди пасторов стали мощным элементом миссии и фактором роста общественного влияния баптистских, пятидесятнических и адвентистских церквей Украины. Тем более, что, как отмечают эксперты, по своему социальному составу украинские протестантские общины после 2000 г. стали отражать структуру общества в целом, а лидеры стали поднимать проблемы, волнующие самые разные группы населения: «Выравнивание социально-демографической структуры происходит также за счет того, что молодежь с позднепротестантских семей получила доступ к высшему образованию и смогла порой достичь достаточно высокого социального статуса. Среди протестантов в настоящее время есть и депутаты Верховного Совета, и, — у Бога, по замечанию одного из пасторов неплохое чувство юмора — председатель Службы безопасности Украины А. Турчинов»[168].

Своеобразие политического мировоззрения протестантизма на Украине заключается также в том, что оно в меньшей степени, чем взгляды православных, определяется региональными особенностями. На Украине есть традиционно православные восточные регионы, тесно связанные с Россией, и западные

---

[168] Спис О. Религиозно-общественные и социокультурные изменения в позднепротестантских общинах (по результатам экспертного опроса) // Людина і світ: Религия и общество. 2005. № 46 (3). С. 45–68.

регионы, где больше распространено униатство и католицизм, которые ассоциируются с ориентацией на европейские ценности и образ жизни своих ближайших соседей. Однако совсем нельзя сказать, что существует какая-то специфически протестантская часть Украины — евангельские церкви и движения действуют и активно развиваются практически во всех областях страны. Исторической особенностью украинского общества является укоренённость протестантизма и широкое распространение различных евангельских течений, которые закрепились и не потеряли своих позиций с начала миссионерского бума 1910-х — 1920-х гг. Попытки представить протестантов сектантами или каким-либо образом ограничить их права в современной Украине наталкиваются с одной стороны на веротерпимую атмосферу в самом обществе. А с другой стороны на активную гражданскую позицию самих протестантов. В то же время стремление ограничить деятельность протестантских церквей существует, и, прежде всего, в пророссийской части Украины, к примеру, в Донецкой области. Действия чиновников на Востоке страны часто повторяют репрессивные акции региональных властей против евангельских верующих в России. К примеру, депутаты Донецкого городского совета настаивают на том, что церковь «Слово Жизни» относится к сектам и требуют ограничения тех общин, кто не относится к «традиционным» конфессиям, однако и в этих регионах попытки ограничить деятельность протестантов, по существу, безуспешны[169].

Протестантские объединения выступали с политическими высказываниями и поддерживали кандидатов в депутаты в 1990-е гг. Однако участие евангелистов и пятидесятников в президентской кампании 2004–2005 гг. стало качественно новым этапом в становлении гражданского мировоззрения украинского протестантизма. К примеру, региональный пастор харизматической церкви «Новое поколение» в Украине в г. Николаев Николай Алексеев нашёл ответ на вопрос о политической позиции, которую должна занимать церковь, в проповеди Алексея

---

[169] Донецкие депутаты «облагодетельствовали» церковь «Слово жизни» зданием. 12 февраля 2005 года // Wolua. Режим доступа: www.wolua.org (дата обращения: 13.04.2018).

Ледяева, пастора «Нового поколения» из Риги (Латвия). Известный в России и Украине радикальный харизматический лидер Ледяев провёл параллель между тем, что происходило во времена Давида и выборами украинского президента: «До того, как Давид ввел на царство своего сына Соломона, Адония поспешил и тоже провозгласил себя царем. Как Янукович. Казалось, всё, “нашими” первый тур проигран. Но пророк Нафан одел “оранжевый шарфик” на Соломона и... Правильного наследника Бог в нужное время введет в правильное наследство»[170]. Пастор киевской церкви «Посольство Божие» Сандей Аделаджа поддержал напрямую не только Ющенко, который после инаугурации «испросил у Бога благословения», но и Юлию Тимошенко. По словам Аделаджи, программа, которую Тимошенко представила правительству после своего назначения премьер-министром, это «библейская концепция преобразования нации». Тимошенко в представлении пастора-харизмата, это «не просто самый популярный политический деятель в Парламенте, она — возрожденная, исполненная Святым Духом верующая»[171].

После «оранжевой революции» протестантизм, наряду с православием, стал важным элементом общественной жизни Украины. Как показало время, позиция евангельских лидеров полностью отвечала требованиям дальнейшей постсоветской демократизации институтов государственной власти. Базовыми элементами протестантского кредо в политической сфере являются: провозглашение окончательного отказа Украины от советского наследия в общественной жизни, жёсткая ориентация на европейский мир (осознание культурной и исторической связи с Европой) и принципиальная защита демократических ценностей как жизненно важных, без которых отказ от коммунизма и укрепление связи с Европой невозможно.

Как отмечал старший пастор церкви «Посольство Божье» Сандей Аделаджа, «Христиане не только должны участвовать в выборах, христиане должны занимать видные политические

---

[170] ДругоеВремя — русская служба новостей. 9 марта 2005 года. Режим доступа: www.drugoevremya.com (дата обращения: 22.02.2018).

[171] В Украине пробуждение началось сверху. 18.05.2005 // Новости христианского мира. Режим доступа: http://prochurch.info/index.php/news/more/1174 (дата обращения: 13.04.2018).

посты, делать погоду в политической жизни страны. Если христиане не пойдут в политику, если христиане не возьмут ответственность за происходящее в стране, я вам гарантирую, за нас это сделают гомосексуалисты, мусульмане, последователи того же Осама бен Ладена, они уже внедряют мусульманские движения в политику. <...> В идеале, я уверен, церковь может стать кузницей, где выращиваются люди, которые будут править страной. <...> Бог не предусматривал такой ситуации, чтобы политика была отделена от церкви. Вообще-то, эту модель общественной жизни придумали коммунисты. На сегодняшний день члены нашего украинского парламента ходят в церковь, мы не только им позволяем это делать, мы агрессивно их завоевываем! Я постоянно говорю украинцам, что если они не хотят брать ответственность за свою страну, то вместо них это сделаю я. Мы выдвинули кандидатом в президенты страны одного из членов нашей церкви. Он человек верующий! И не обязательно, чтобы он победил, важен тот факт, что у него есть платформа для провозглашения слова Божьего. И я хочу, чтобы через три года в Украине 10 % членов парламента были христиане, возрожденные люди. Мы покажем пример другим, и это будет для них эталоном влияния не только на политику, но и на весь общественный строй страны!»[172]

Ориентация на Запад выражается также в том, что значительная часть харизматов поддерживало военную операцию США в Ираке. Они считают, что она откроет двери для евангелизации мусульманских стран и освободит иракский народ от режима Саддама Хусейна[173]. Политики, которых поддерживали протестантские церкви провозгласили курс на демократические реформы. Лидер Христианско-либеральной партии Украины Леонид Черновецкий, прихожанин церкви «Посольство Божие», стал советником президента Виктора Ющенко и заявил о том, что готов вывести страну из бедности и коррупции.

---

[172] Аделаджа С. Если Джон Керри станет президентом США — это станет судом над нацией! // Другое Время. 24.10.04. Режим доступа: www.drugoevremya.com (дата обращения: 11.03.2018).

[173] См.: Спис О. Религиозно-общественные и социокультурные изменения в позднепротестантских общинах (по результатам экспертного опроса) // Людина і світ: Религия и общество. 2005. № 46 (3). С. 45–68.

Назначенный главой Службы безопасности Украины баптистский проповедник Александр Турчинов на Третьем Всеукраинском Конгрессе евангельских христиан-баптистов призывал в 2005 г. молиться за «хрупкую женщину» Юлию Тимошенко и провозгласил необходимость церковного влияния на государство и ответственности за социальное служение в обществе[174].

Понимание ответственности за судьбу страны стало общим и для новых «харизматических» общин, возникших в 1990-е гг., и для «традиционных» протестантов. Различное по форме и степени участие разных евангельских групп, а не только «новых», в политической жизни стало также особенностью Украины. Представитель «традиционного» пятидесятничества, которые отказываются от регистрации ещё с советских времён, начальствующий епископ Объединённой Церкви христиан веры евангельской Украины Георгий Бабий, будучи противником участия церкви в политике, так охарактеризовал в интервью автору (в ноябре 2005 г.) политическую ситуацию в стране: «После распада атеистического СССР народ Украины провозгласил создание независимого государства и продолжает строить и развивать демократию, ориентируясь на общечеловеческие ценности и достижения развитых цивилизованных стран. Сейчас Украина имеет Президента, Верховный Совет и Правительство, избранные и сформированные конституционным путем, не допустив фальсификации выборов во время мирной Помаранчевой революции. Всенародно избранный Президент Украины Виктор Ющенко как гарант Конституции и верующий в Бога гражданин делает все от него зависящее, чтобы неукоснительно выполнялись и те статьи Конституции, которые определяют отношение государства и общества к религии». Фактически Георгий Бабий считает победу Ющенко и победой самих христиан: «В настоящее время в Украине существует полная свобода для проповеди Евангелия. Государственные структуры приглашают верующих к сотрудничеству и обращаются к нам с просьбами об оказании помощи центрам по реабилитации наркозависимых, домам престарелых и интернатам, а также в обустройстве

---

[174] ДругоеВремя — русская служба новостей. 21 мая 2005 года. Режим доступа: www.drugoevremya.com (дата обращения: 22.02.2018).

благотворительных столовых. Наши поместные церкви по мере своих возможностей принимают участие и в решении некоторых других социальных проблем (насколько позволяет их материальное состояние). Украинские власти идут навстречу христианам-протестантам во всех вопросах, и мы не испытываем никаких притеснений». Вслед за харизматами, которых Георгий Бабий не считает «истинными» христианами, глава ОЦ ХВЕ уверен в том, что после «оранжевой» революции повторения советской атеистической эпохи уже не будет. Представители этого же консервативного пятидесятнического движения приветствовали демократизацию общественной жизни в Грузии после «революции роз», так как власти стали пресекать самые экстремистские «антисектантские» выходки представителей Грузинской православной церкви.

В тех постсоветских республиках, которые восприняли нормы европейской демократии, протестантское сообщество стремиться определять моральный облик граждан государства. В Латвии лютеране, баптисты и пятидесятническо-харизматические церкви особенно активно стали проявлять себя в политической жизни с конца 1990-х гг. Латвийские протестанты участвовали в острой дискуссии вокруг гей-парадов и однополых браков, защищая традиционные нравственные ценности. Отстаивание библейской морали стало фактически одним из пунктов избирательной программы христианских кандидатов в латвийский сейм и политиков из рижской мэрии. Большое влияние в республике и известность за её пределами приобрела Латвийская партия священников или Латвийская первая партия (ЛПП), в руководство которой входят министры и депутаты, которые одновременно служат в баптистских, лютеранских и пятидесятнических церквях. Депутаты парламентской фракции Латвийской Первой партии выступали с инициативой о внесении поправок в Конституцию, которая закрепляла бы представление о браке как союзе между мужчиной и женщиной. А в августе 2005 г. баптистский пастор, парламентский секретарь Министерства по делам детей и семьи Алмерс Лудвикс, член ЛПП, стал вице-мэром Риги, так как предыдущий вице-мэр вынужден был уйти из-за того, что в Риге все-таки был проведён гей-парад, против которого выступали лидеры ЛПП.

Протестанты в разных странах на евразийском пространстве предлагают, по крайней мере, два основных пути утверждения демократических норм. Первый путь — отвечать на вызовы общества, то есть стараться исправить социальные пороки, реагировать на социальные конфликты и быть «совестью» власти. Второй путь — открыто воздействовать на власть, добиваться «евангельской справедливости», пытаясь сделать государство хотя бы отчасти христианским, воздействуя на него и снизу и сверху. Участие протестантов в общественно-политических столкновениях приводит к выводу о том, что в представлении современного евангельского сообщества любое государство рано или поздно должно стать, прежде всего, пространством свободной проповеди, где христиане должны и могут реализовывать свои обязанности по преобразованию окружающего мира.

В ходе социальных и политических конфликтов в государствах с авторитарной системой протестанты осознанно способствуют усилению гражданского общества, а значит и укреплению демократии. Как умеренно-лояльная, так и радикально-революционная политическая стратегия протестантов рассчитаны на энергичную вовлеченность верующих в социальные конфликты. Мера этой вовлечённости и понимания своих социально-политических задач зависит от степени развития общества, от особенностей мировоззрения самого церковного течения, давления государственной власти, националистов и представителей традиционных религий. Вместе с тем, логика религиозно-общественного сознания протестантов заставляет всех верующих бороться с окружающей несправедливостью, значительную часть активистов евангельского движения делает диссидентами, а отдельные энергичные церкви становятся участниками «демократических» революций, которые происходили (или же произойдут) на евразийском пространстве[175].

---

[175] Лункин Р. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии. Религия и глобализация на просторах Евразии // Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. С. 90–125; Лункин Р. Протестанты и политические конфликты в Евразии: спасение душ и управляемая демократия // Религия и конфликт. М.: РОССПЭН, 2007. С. 175–222.

В постсоветский период протестантские церкви различных направлений — лютеране, баптисты, евангелисты, пятидесятники, адвентисты — стали частью не только религиозной картины России, но и гражданской жизни, общественно-политических дискуссий, социального служения. Евангельское движение, как часто называют все протестантские течения, церкви и миссии, к началу 2000-х гг. заняло второе место после православия по распространенности по стране и по количеству церквей практически во всех регионах России. Одной из главных мировоззренческих характеристик российского протестантизма является его приверженность американо-европейским ценностям: демократии, соблюдения прав и свобод личности, воспитания гражданского самосознания в каждом верующем. В этом смысле евангельские верующие считают себя частью общемирового протестантского движения, продолжателями демократических традиций, трудовой этики протестантов Европы и США. Несмотря на сильное американское влияние, члены протестантских церквей в России, также как и католики, ощущают себя европейцами по духу в намного большей степени, чем, например, православные или мусульмане, которые на российской почве ощущают себя скорее самобытными евразийцами. Более того, протестантские церкви на деле воплощают свое европейское сознание и этические нормы, являясь самым большим и влиятельным религиозным движением в России, которое публично и на деле исповедует демократические ценности. Способность протестантизма создавать гражданские институты стала особенно заметна в российском обществе, в котором эти институты пока слабы. Наиболее ярко возможности протестантизма и его демократизм на российской почве проявились в социальной и благотворительной деятельности церквей.

4.6.2. Российское евангельское движение

Для того чтобы представлять себе степень воздействия и влияния церквей, их деятельности, а также мировоззренческой и этической мотивации их служения, важно понимать роль протестантизма в современном российском обществе. Тем более что значительное влияние протестантизма в России в рамках общественного сознания и в научном дискурсе не является самоочевидным фактом.

К началу 2000-му г. в России сформировались основные евангельские течения, после религиозного бума 1990-х гг. стало появляться намного меньше новых церквей, хотя этот процесс в рамках протестантизма все равно происходит постоянно. В религиозном сообществе значительно видоизменились и обновились те церкви, которые существовали подпольно или полуподпольно в эпоху СССР, появились принципиально новые миссии и движения, которых ранее (до 1917 г. и в 1920-е гг.) в России не было, наконец, изменился внутренний характер и самосознание церквей — они стали национальными российскими церквями (национальными — в смысле объединения людей русской культуры и патриотических ценностей, тогда как ранее, в особенности, лютеране привлекали, в основном, немцев, финнов, эстонцев). Помимо этого, самые многочисленные движения — баптисты, пятидесятники, адвентисты — сменили маргинальное сознание постоянно гонимых верующих (с эмигрантскими настроениями, как это было ещё в конце 1980-х — начале 1990-х гг., ригоризмом, отказом от светского образования) на стремление активно участвовать в жизни общества.

Основными протестантскими течениями в России на сегодня являются: лютеранство, методизм, баптистско-евангельское движение, пятидесятничество, адвентизм. Внутри каждого из этих течений, а также внутри отдельных объединений существуют консервативные закрытые, умеренные и реформистские группы, готовые к новым формам и идеям служения. На российской почве большинство представленных церквей и союзов исповедуют консервативные библейские ценности, что означает неприятие одобрения однополых браков, гомосексуализма как явления, строгое отношение к институту брака, противодействие абортам, отстаивание норм общественной нравственности. Однако в разных церквях степень консервативности различна, и многим это не мешает, например, принимать женское священство (в методизме, лютеранстве, пятидесятничество). Самыми последовательными фундаменталистами (строгое следованию тексту Библии, осознание исключительности собственного спасения, моральный консерватизм, энергичная миссия) являются баптисты и пятидесятники, а также отчасти адвентисты,

которые в силу собственных доктрин, касающихся эсхатологии и антиэкуменизма, более закрыты и развиваются обособленно.

Лютеране объединены в Евангелическо-лютеранскую церковь — ЕЛЦ — (исторически «немецкая» церковь, в эту структуру входят общины Европейской части России и Средней Азии, около 600 общин и групп, http://www.elkras.ru/), Евангелическо-лютеранскую церковь Ингрии (исторически «финская» церковь Ингерманландии, Северо-Запада России, в настоящее время общины есть в разных регионах РФ, 75 приходов и около 100 групп, www.elci.ru), Евангелическо-лютеранскую церковь Аугсбургского исповедания (возникла в 2008 г., претендует на развитие русского лютеранства, 27 общин и групп, www.luther.ru), Сибирскую Евангелическо-лютеранскую церковь (возникла в 1992 г. в Новосибирске, существовала как часть Эстонской ЕЛЦ, в 2003 г. получила автокефалию, 18 церквей, www.lutheran.ru). Кроме того, в России действуют общины консервативных американских церквей — Висконсинского лютеранского синода и Миссурийского лютеранского синода. «Немецкая» ЕЛЦ поддерживает активные связи с церквями Германии, Церковь Ингрии — с ЕЛЦ Финляндии (при поддержке финнов и карел из Финляндии в Карелии также возникла в начале 2000-х гг. Карельская ЕЛЦ).

Баптистско-евангельское движение представлено Российским союзом евангельских христиан-баптистов — ЕХБ — (наследником советского Всесоюзного совета ЕХБ — ВСЕХБ, около 2000 церквей и групп, baptist.org.ru), Евангельским христианским миссионерским союзом — ЕХМС — (центр в Краснодаре, создан в 1993 г. на Юге России, 50 церквей и групп, http://www.exmc.ru/), Всероссийским содружеством евангельских христиан (возникло в 2008 г. как зонтичное объединение церквей и ассоциаций евангельской направленности, в том числе пресвитериане, евангельские христиане, реформаты-кальвинисты, 360 церквей и групп, http://www.evchurch.ru/), Международным Советом Церквей ЕХБ (создано в 1961 г. общинами баптистов (отделенных или «инициативников»), которые отказались от регистрации в знак протеста против гонений советской власти, около 1 тысячи общин и групп в РФ, http://iucecb.com/). Обособленно действуют Объединение меннонитских церквей (центр

в Оренбурге, несколько десятков церквей), Российская объединенная методистская церковь (возникла в 1990 г., объединяет 70 церквей, http://www.umc-eurasia.ru/), Совет христианских евангельских церквей России (образован в 1998 г. как зонтичная организация для целого ряда ассоциаций, как евангельских христиан, так и пятидесятников, а также церквей веслианской традиции — Веслианской церкви и Церкви Назарянина, около 50 церквей и групп, www.cerkvi.org). Международные связи церквей достаточно широки — у отделенных баптистов крепкие связи в США и Германии, куда эмигрировали верующие в советское время, Методистская церковь является частью европейской конференции епископов, но общинам в России активно помогают церкви единоверцев из США, Союз баптистов миссионерствует в Чехии среди русских, а ЕХМС посылает проповедников в Бельгию, Непал, Индию, Гану.

Адвентисты объединены в Евроазиатский дивизион Церкви христиан адвентистов седьмого дня (714 церквей, http://adventist.ru/). Помимо этого, в России действует Христианская церковь адвентистов седьмого дня реформационного движения (http://asdrd.ru/), к ней принадлежит несколько десятков общин, появилась в начале XX века, отказывалась от службы в армии и от сотрудничества с советской властью.

Пятидесятничество, включающее в себя как консервативных пятидесятников, так и харизматические церкви, является самым многочисленным и многообразным движением (более половины всех протестантов составляют именно пятидесятники). Общины этого направления объединены в Российский объединённый союз христиан веры евангельской — РОСХВЕ — (создан в 1997 г. как зонтичная организация отдельных церквей, миссий и ассоциаций, около 1800 церквей и групп, www.cef.ru), Российскую Церковь ХВЕ — РЦ ХВЕ — (создана в 1990 г. на основе церквей, вышедших из советского ВСЕХБ, и автономных общин, около 2000 церквей и групп, www.hve.ru), Объединенную церковь ХВЕ — ОЦ ХВЕ — (центр в Малоярославце Калужской области, является преемницей союза пятидесятников, созданного в 1920-е гг., подпольный союз образован в 1948 г., входит около 500 церквей в РФ, в 1992 г. http://domostroitel.org.ru/), последователей ОЦ ХВЕ еще называют нерегистрированными

пятидесятниками-федотовцами (по фамилии одного из основателей Ивана Федотова), в 1992 г. церковь создала Российскую ассоциацию миссий ХВЕ для того, чтобы от ее имени регистрировать миссии. Помимо этого, независимо действуют Ассоциация церквей «Союз христиан» (центр в Петербурге, около 600 церквей и групп, http://tbn-tv.ru/accr/), Российская ассамблея Бога (около 20 церквей и групп, http://www.russian-assemblies.org/), Северо-Восточный союз евангельских христиан (центр во Владивостоке, около 30 церквей и групп в Сибири и на Дальнем Востоке). Стоит отметить, что и помимо перечисленных объединений действуют просто автономные церкви и межрегиональные объединения, а многие церкви могут входить в два объединения параллельно — в РОСХВЕ и РЦ ХВЕ или «Союз христиан», например.

Потенциальное влияние церквей в социальной сфере можно представить по фактическому и зарегистрированному количеству церквей в России, которое в научной среде и в рамках религиозной политики властей не учитывается и часто недооценивается[176].

Протестанты составляют 18 % от числа всех зарегистрированных религиозных объединений. Самым многочисленным направлением является пятидесятничество.

Стоит отметить, что данные по федеральным округам неравнозначны — в Центральном, Южном и Северо-Западном округах православные лидируют по числу зарегистрированных объединений, а протестанты идут на втором месте (после РПЦ).

[176] Данные Минюста РФ (на 04.09.2012). Информации обо всех зарегистрированных в Российской Федерации и в каждом субъекте РФ в отдельности религиозных объединениях, которые собраны в открытом доступе на сайте Минюста РФ (http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx). 99,5 % всех религиозных объединений (24877) были распределены по мировоззренческим подгруппам, по субъектам РФ и по федеральным округам (централизованные и некоторые другие религиозные объединения зарегистрированы напрямую в Минюсте РФ (610), некоторые объединения по каким-либо причинам исключены (временно или нет) из списка) или не подпадают ни под одну из выбранных групп (115). Всего проанализировано 24992 объединения, которые отмечены, как зарегистрированные (есть ещё часть в списки «Исключены» — они могут быть ликвидированы или же временно исключены по каким-либо причинам).

Совершенно другая ситуация на Урале, в Сибири, и, в особенности, на Дальнем Востоке, где зарегистрированных объединений в целом не так много, как в Европейской части России. Протестантские церкви Уральском, Сибирском округах составляют значительную часть всех объединений, а Дальневосточном округе их количество превышает численность православных. Исключение составляют Северо-Кавказский и Приволжский округа, где протестанты стоят на третьем месте после православных и мусульман. Проблема с использованием данных Минюста РФ состоит в том, что на определённом этапе они перестали отражать религиозное многообразие страны. Во многих регионах в 2000-е гг. произошла «зачистка» списков регистрации — были оставлены лишь более или менее «традиционные» религиозные объединения, а остальные испытывали трудности, поскольку их присутствие или рост численности нарушали официальную статистику.

В то же самое время и сами верующие потеряли доверие по отношению к представителям власти. Протестанты перестали регистрироваться, так как существовать в рамках религиозной группы можно вполне легально согласно законодательству РФ, и при этом группу сложно контролировать, ей не надо разбираться со сложной отчетностью, нанимать каждый раз бухгалтера и юриста, готовиться к проверкам Минюста РФ и прокуратуры. По словам заместителя главы Российского Союза евангельских христиан-баптистов Евгения Бахмутского (в интервью автору в 2009 г.), церквям действительно легче существовать без регистрации, но в целом Союз поощряет регистрацию общин, так как чиновники используют динамику численности общин для оценки влияния того или иного направления. Президент Евангельского Христианского Миссионерского Союза и пастор церкви ЕХМС в Майкопе (Республика Адыгея) Александр Корнев (в интервью автору в 2012 г.)[177] отмечал, что

[177] Интервью у религиозных деятелей взяты автором в ходе полевых исследований в рамках проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», который осуществляется с 1998 года. По итогам исследований в более чем 70 регионах РФ опубликованы следующие издания: Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 620 с.; Атлас современной религиозной

значительная часть протестантских общин — до двух третей, предпочитает оставаться «в тени», в качестве домашних групп, чтобы не усложнять себе жизнь (отчетностью и арендой помещений, что также сложно сделать). Дома молитвы, соответственно, регистрируются на частное лицо, как в советское время. Ситуация усугубилась после принятия в 2009 г. нового Закона о некоммерческих организациях, который распространял общие правила отчётности и на религиозные объединения — впоследствии отчетность для религиозных объединений была упрощена). Общая политическая ситуация, связанная с увеличением влияния РПЦ, с ужесточением контроля за общественными объединениями с лета 2012 г., еще больше укрепила уверенность протестантов в том, что лучше существовать в рамках “домашних групп”.

На основании данных полевых исследований, изучения списков зарегистрированных религиозных объединений в субъектах РФ и данных самих церквей очевидно, что реальная численность протестантских общин и групп превышает число зарегистрированных, по крайней мере, в два раза. В середине 2000-х гг. количество протестантских общин можно было оценить в 6–8 тысяч (2 млн верующих)[178].

жизни России. Т. 2. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 686 с.; Атлас современной религиозной жизни России Т. 3. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2009. 863 с.; Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний Сад, 2002; Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / Под редакцией С. Б. Филатова. Том I. М.: Летний сад, 2014. 620 с. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том II / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2004. 478 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том III / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2005. 463 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том IV / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2006. 365 с; Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.: Кестонский институт, Летний сад, 2012.

[178] Более подробно о статистике религиозной жизни середины-конца 2000-х гг. см.: Филатов С., Лункин Р. Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить // Религия и российское многообразие: сборник статей / Под ред. С. Б. Филатова. М., СПб.: Летний сад, 2012. С.5–30.

К 2014 г. численность церквей и групп по данным самих союзов и по данным полевых исследований достигло 10 тысяч, а численность верующих составляет около 3 млн человек. Подсчитать более точно сложно, так как союзы не всегда точно знают, сколько церквей в ассоциациях, которые в них входят, не всегда ведётся статистика групп, не учитываются филиалы больших церквей и т. д. При подсчётах мы исходим из того, что, по оценкам многих пасторов, средняя численность церкви в России 250–300 чел., учитывая, что есть маленькие группы в 50 чел. и церкви в 2–3 тысячи чел.). Однако реальное влияние протестантских церквей заключается не столько в их количестве, сколько в том социальном, гражданском мировоззрении, в тех смыслах жизни, которые они предлагают обществу[179].

Один из самых масштабных опросов, который позволяет увидеть значение неправославных христиан в общероссийском масштабе и в рамках регионального измерения, был проведён в рамках опроса МегаФОМа в мае-июле 2012 г. (проект АРЕНА)[180]. Анкета включала в себя вопросы по вероисповеданию, по религиозной практике, социально-психологическим

---

[179] Лункин Р. Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков // Двадцать лет религиозной свободы в России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 330–394.

[180] См. проект АРЕНА: Атлас религий и национальностей. Опрос проведен по заказу и по анкете Исследовательской Службы «Среда» (характеристика опроса, см.: www.sreda.org). Методология: Исследуемая совокупность: городское и сельское население России в возрасте от 18 лет и старше. Выборка репрезентирует городское и сельское население субъектов России в возрасте от 18 лет и старше. География опроса: Исследование проходит в 79 субъектах РФ, где проживает 98,8 % населения РФ (по данным переписи населения 2010 г). Отобранные субъекты РФ представляют все федеральные округа и позволяют сопоставлять результаты. В 4 субъектах РФ исследование не проводилось. Это Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ. Исходя из объяснения самого ФОМа, стоимость и сроки проведения исследования в этих регионах значительно выше из-за труднодостижимости населённых пунктов, проблем с транспортом и т. п. Количество респондентов: 56 900 человек. В каждом субъекте опрашивается 500–800 респондентов. Метод: стандартизированный опрос населения. Технология: интервью по месту жительства респондента (face-to-face). Статистическая погрешность — по России в целом — не более 1 %, по региону — не более

характеристикам, национальности и социально-демографические параметры. Полученные данные говорят о том, что число людей, сознательно определяющих свою принадлежность к неправославной конфессии в ходе по-прежнему находится в пределах ошибки выборки (это группы католиков, старообрядцев, протестантов, отдельно и не совсем корректно в анкете был выделен вопрос «исповедую пятидесятничество», хотя это также протестантизм).

Однако даже такого рода опрос, репрезентативность которого опирается, в основном, на выборку групп по социально-демографическим признакам, отчетливо фиксирует неправославную христианскую религиозность в массовом сознании населения. В небольших региональных или общероссийских опросах (когда опрашивалось в пределах 1,5–2 тысяч чел.) процент протестантов колебался вокруг 1%. Тогда как в рамках проекта АРЕНА 4% по России в целом ответили, что исповедуют христианство, но не принадлежат ни к какой конфессии (в некоторых регионах таковых до 10%). Эта группа «просто христиан» достойна особого внимания, так как это сложносоставная социологическая группа, которая впервые была выделена в столь массовом общероссийском опросе. Она является полноценной группой для анализа, намного выше ошибки выборки.

Основываясь на полевых исследованиях и интервью с верующими, можно сказать, что состав группы «просто христиан» таков: 1) верующие протестантских церквей, которые часто называют себя просто христианами; 2) те, кто были подвержены протестантской или православной миссии, но остались вне конфессии или в околоцерковной среде; 3) те, кто сознательно полагают, что вера во Христа может быть не связана ни с какой конфессии (или не должна быть связана ни с какой конфессией). Их можно назвать «виртуальными христианами» — это «христиане в душе», которые потенциально являются почвой для православной, протестантской, католической или старообрядческой проповеди. Очевидно, что это неидеологические христиане, вера которых не связана со стереотипами и этническими

5,5%. Подробнее по поводу методики проведения опросов Фондом Общественное Мнение см.: www.fom.ru

патриотическими маркерами исторической «традиционной» религии — православия, то есть с культурной самоидентификацией. Протестанты как таковые могут составлять от половины до трети группы «просто христиан».

Мировоззренческие опции в рамках проекта АРЕНА лучше всего показывают, какие этические позиции выделяют протестантские церкви на фоне общества в целом и православных, в частности. Среди евангельских верующих больше всего тех, кто готов к самопожертвованию, к социальной работе, к занятию бизнесом, к уважению и соблюдению закона, к созданию многодетных семей и уважению традиционных семейных устоев. Среди протестантов самый высший уровень доверия к окружающим, социальной солидарности, но они немного выше среднего по РФ хотели бы жить в другой стране, наверное, не в последнюю очередь в силу отношения к ним как к «нетрадиционным сектантам» в России они не видят «идеала христианской свободной страны» в России. Однако примечательно, что «патриотические» позиции у протестантов одинаковы с православными — любовь к России среди приоритетов является наивысшим среди протестантов и среди православных, как, например, и «настороженность по отношению к трудовым мигрантам».

По социально-демографическим характеристикам (по тем, которые значительно отличаются от средних по РФ) протестант — это молодой от 18 до 35 лет, со средним специальным образованием, выделяются группы со средним доходом до 20 тысяч и «богатые» с доходом от 40 до 60 тысяч рублей, больше тех, кому на бытовую технику хватает, а на автомобиль уже нет. По роду занятий среди протестантов больше всего руководителей подразделений, служащих, тех, кто ищет работу. Больше всего протестантов проживает в небольших городах с населением от 100 до 250 тысяч человек. Таким образом, протестант — это сравнительно молодой со средневысоким достатком (стремящийся к понятию «средний класс») активный гражданин, с многодетной семьей, житель мегаполиса или райцентра, патриотически настроенный и обладающий потенциалом добровольца.

Примером активного развития церквей в российском обществе является успех национальной миссии евангельских

церквей в — протестанты представлены практически среди всех народов России. Миссия среди коренных народов является отдельной темой для исследования, но важно отметить присутствие протестантов в этой сфере, где они также привлекают неофитов активным социальным служением и предложением своих этических норм — особенно это заметно, когда ненецкие роды на Севере Архангельской области или поселки коряков на Камчатке становятся баптистами или пятидесятниками, отказываясь от курения, алкоголя и начинают использовать заработанные средства на благо своей семьи.

Удмуртов по России в целом в рамках данного опроса получилось 0,4%, а немцев 0,3%, башкир 0,8%, поэтому то, что среди протестантов представителей эти национальностей больше говорит о том, что это не ошибка выборки (их присутствие подтверждают и полевые исследования).

В региональном рейтинге распространения протестантизма в целом лидируют Республика Тыва (1,8%) и Удмуртская республика (1,6%), Сахалинская область, Республика Алтай и Камчатский край, Тюменская область, Хакасия, Северная Осетия (все по 1%). Данные по пятидесятничеству в регионах незначительны, но по тем данным, что есть в наличии, лидируют Республика Марий Эл, Тыва, Сахалинская область, Камчатский край, Еврейская автономная область, Омская область, Красноярский край, Удмуртская республика (в этих регионах 0,3–0,4% ответили, что они пятидесятники).

Можно также выделить целую группу неправославных христианских регионов в соответствии с тем, сколько отнесло себя к «неправославным христианам» в целом (и где этот процент превышает процент ошибки выборки).

Протестантизм, инославные конфессии в целом, широко распространены по России и имеют свой оригинальный социальный образ. Их место в российском социуме, среди активной части общества, весьма значительно. И хотя опросы фиксируют большое количество «нетрадиционных» церквей в Сибири и на Дальнем Востоке, но на самом деле это происходит в силу исторической традиции, которая сделала именно инославные, а не православную церковь более заметной в этих регионах. В реальности протестантизм давно перешагнул и региональные

границы и национальные. Христианские конфессии во многих регионах России, которые относятся и к Центру России, и к Уралу и к Северо-Западу, и к Дальнему Востоку, наряду с православными приходами, активно создают институты гражданского общества, соединяя веру и социальную деятельность.

Протестантские церкви на постсоветском пространстве оказались одними из главных носителей демократических ценностей, гражданского патриотизма, который выражается в честном труде на благо «малой родины», под которой евангельские церкви, как правило, понимают улицу, двор, район, свой город или же поселок. В России, Украине, Белоруссии, в государствах Средней Азии, где евангелисты находятся под жестким прессингом со стороны власти, верующие протестантских церквей голосовали, особенно в 1990-е гг., за демократические партии (если они были), приветствовали постсоветскую трансформацию своих стран. Мировоззрение протестантских общин формировалось в уникальной ситуации, когда Русская православная церковь относилась к демократическим переменам с подозрением либо резко отрицательно, а часть общества вдохновлялась демократическими надеждами и фактически хотела жить по европейским стандартам. Евангельское движение во многом приспосабливалось к чаяниям и разочарованиям российского общества, меняясь вместе с ним, но не теряя демократической основы. Если в Украине общественный запрос на национальную гражданскую активность привел к политизации религиозных сил, в том числе протестантизма, который выражал симпатии сначала «оранжевой революции», затем европейскому выбору Украины, то в России стабилизация политического поля привела к появлению не столько политических, сколько иных форм социальной и благотворительной деятельности евангельского движения.

С середины-конца 2000-х гг. представители протестантизма постепенно становятся частью политической жизни[181].

---

[181] Лункин Р. Н. Протестантизм в России: новая сила гражданского общества // Протестантизм: pro et contra. Взгляды и полемика отечественных авторов в XVI—начале XXI века. Антология / Под ред. М. Ю.Смирнова. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 489–526.

Большинство представителей религиозных меньшинств — католиков, протестантов, старообрядцев — еще в конце 1990-х гг. получили места в государственно значимых советах (Совет при президенте РФ, многие региональные советы и комиссии), а также в 2000-е гг. в Общественной палате РФ (католики и протестанты, но главным и самым активным представителем меньшинств стал лидер пятидесятников Сергей Ряховский. На муниципальном уровне члены протестантских общин стали продвигать своих кандидатов в депутаты, в мэры и т. д.

Поколение пасторов, миссионеров 1990-х гг. совсем не было аполитичным, их настроение в значительной мере совпадало с демократическими ожиданиями постсоветского общества. Кроме того, если большое количество россиян к середине-концу 1990-х гг. разочаровались в демократии как таковой, в ее ценностях, а тем более в политических партиях и движениях демократической направленности, то протестанты были верны демократическим взглядам до тех пор, пока существовали сами партии этой направленности. И в конце 1990-х и еще в начале 2000-х гг. лидеры церквей заявляли в интервью, что они голосуют за партии демократического крыла (как правило, Союза Правых Сил и «Яблоко») и поддерживают президента Бориса Ельцина и Григория Явлинского. Именно к тому времени относятся первые попытки участия протестантов в политической жизни, несмотря на то, что, казалось бы, все обстоятельства были против них: их не признавали «традиционными» (в особенности, пятидесятников), церкви были не столь многочисленны (максимум — несколько тысяч человек), в прессе протестантов всегда можно было назвать «страшной тоталитарной сектой». Однако осознание своей гражданской ответственности перед общиной, перед страной и обществом, укорененное в евангельском богословии, вело верующих к свободному самовыражению в самых разных сферах, в том числе и в политической, они не боялись требовать от власти свободы и участвовать в политике, наблюдая, в том числе, за примером своих американских единоверцев.

Целый ряд эпизодов политической жизни был своего рода прощупыванием почвы. Самой громкой политической акцией было практически открытое выступление в пользу

партии «Яблоко» методистской церкви Екатеринбурга на выборах в думу Свердловской области в 1999 г. Местный Избирком тогда вынес предупреждение методистской церкви, потому что закон запрещает религиозным организациям заниматься политической деятельностью. Поводом для предупреждения стало то, что предвыборный штаб «Яблока» в регионе возглавляла суперинтендант (старший пастор) методистской церкви Елена Степанова. Под ее руководством «Яблоко» набрало один самых значительных процентов голосов на региональных выборах.

Был целый ряд примеров, когда церкви испытывали разочарование после политических игр. Например, церковь «Новый Завет» в Перми (глава — епископ Эдуард Грабовенко) довольно быстро стала многочисленной (3 тысячи верующих) и стала заметной избирательной силой. На местных областных выборах 2000 г. конкретных призывов церковь не выдвигала, однако многие пасторы отдали свой голос за Юрия Трутнева, как самого «открытого и хозяйственного политика». Церковь фактически открыто осудила попытку бывшего губернатора Игумнова, который, по словам пятидесятников, во время выборов пытался заигрывать с традиционными конфессиями. В 2000 г. церковь негласно поддержала кандидата в мэры Андрея Каменева, который обещал оказывать пятидесятникам помощь. Однако после выборов Каменев отказался удовлетворить просьбы церкви, например, мэрия отказалась выделить пятидесятникам участок земли под Дом Молитвы. Мэр мотивировал это решение тем, что власть не должна поддерживать ни одну из существующих конфессий. Таким образом, стремление церкви пролоббировать свои интересы не увенчалось успехом[182].

Протестантская карта разыгрывалась в целом ряде выборов, но исключительно в отрицательном ключе, с помощью обвинения в сектантстве пытались дискредитировать своих политических оппонентов. Показательной в этой связи и исключительной по накалу страстей и яркости противопоставления протестантизма православию была ситуация вокруг выборов мэра Смоленска. 1 марта 2009 г. «православный» кандидат от партии

---

[182] Пермский край // Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний 2005. С. 477–535.

«Единая Россия» Валерий Разуваев, поддержанный викарием Смоленской епархии РПЦ МП епископом Вяземским Игнатием (Пуниным), проиграл на выборах мэра Смоленска. Мэром Смоленска был избран самовыдвиженец Эдуард Качановский. Кандидат от партии «Единая Россия» Валерий Разуваев пришел к финишу третьим. Разуваеву не помогла активная поддержка епископа Игнатия.

Участие викария Смоленской епархии РПЦ МП епископа Игнатия в предвыборной кампании в виде поддержки одного из кандидатов вызвало критику со стороны лидеров других христианских церквей. По Смоленску расклеены плакаты, где вместе представлены Валерий Разуваев и епископ Игнатий под надписью «Любить город — заботиться о людях». Под фотографиями соответственно подписано «Валерий Разуваев» и «Епископ Игнатий». Более того, по почтовым ящикам жителей Смоленска была распространена листовка кандидата от партии «Единая Россия» бизнесмена Валерия Разуваева под названием «Нас спасет вера». На ней напечатана фотография кандидата с супругой, где они держат в руках иконы. В листовке указывается, что православная вера занимает особое место в жизни кандидата. Кроме того, в листовке объясняется, что православие — это «правильная вера» и приводится текст Символа Веры.

Вместе с этой акцией православного кандидата была устроена провокация в отношении другого кандидата. 12 февраля по городу была распространена газета под названием «Спецвыпуск Российского Союза евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) для Смоленска», где баптисты якобы выступают в поддержку кандидата Сергея Маслакова. Как подчеркнул Виктор Игнатенко, этот кандидат не имеет никакого отношения к баптистской церкви, не был никогда прихожанином баптистской церкви. В распространенной газете указывается явная ложь, что газета выпущена Союзом баптистов при поддержке избирательного фонда Маслакова. В газете указан ее тираж — 70 тысяч экземпляров. В запущенной политтехнологами газете, по словам пресвитера Виктора Игнатенко, содержится подложное обращение и интервью главы Союза баптистов Юрия Сипко с его фотографией, а также некоторых других якобы баптистских

деятелей. В газете баптизм представляется угрозой православию, а кандидат якобы намерен вместо Православной церкви поддерживать протестантизм, живущий на «американские деньги». Исходя из фальшивки, православие в области срочно нуждается в защитнике.

Баптистский епископ Виктор Игнатенко обратился в прокуратуру Смоленской области и в Управление ФСБ с просьбой разобраться в ситуации, а методистский пастор Второв обратился с заявлением по поводу поведения православного епископа и разжигания межрелигиозной вражды (церковь методистов подверглась массовым проверкам после письма епископа). Однако эти заявления, по сути, так и остались без расследования[183].

Впервые кандидаты, которые выиграли на выборах и открыто заявляли о своей принадлежности к протестантской церкви, появились только в 2010–2012 гг. В каком-то смысле выборы мэров Тольятти и Николаева 2012 г. — исторические. В царской России губернаторами и главами городов бывали протестанты и католики, западноевропейцы по происхождению (в основном немцы), но русские протестанты на значимых выборных должностях — это впервые[184].

Выборы мэра Тольятти стали едва ли не первыми в России, когда в центре внимания оказалась религиозная принадлежность одного из кандидатов. По итогам второго тура голосования, который состоялся 18 марта 2012 г., градоначальником избран Сергей Андреев, принадлежащий к одному из направлений протестантизма.

Как отмечалось в материале, помимо своей политической биографии Сергей Андреев, в недавнем прошлом — министр природопользования, лесного хозяйства и охраны окружающей

---

[183] Лункин Р. Н. Смоленский случай: протестанты как фактор политической жизни «православной» страны. 08.04.2009. Baptist.org.ru. Режим доступа: URL: https://baptist.org.ru/news/korotko/ view/article/96245 (дата обращения: 13.04.2018).

[184] Лункин Р. Н. Протестанты по вере у власти: неправославные христиане идут на выборы // Русское Ревью Кестонского института. № 58. Май 2012 г. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/russianreview2012.php (дата обращения: 25.03.2018).

среды Самарской области и глава регионального отделения «Правого дела»[185]. В одном из интервью Андреев так определял свои отношения с партиями: «Я состоял еще в Союзе правых сил, потом было «Правое дело». Но когда Прохорова выгнали, я ушел оттуда буквально через неделю. У меня с Михаилом Дмитриевичем прекрасные отношения». Кроме того, Андреев прямо признал, что он протестант. В 1993 г. он создал в Тольятти и возглавляет церковь «Живое слово».

Сам кандидат в мэры 10 января 2012 г. опубликовал в своем блоге в Живом Журнале пост под названием «К вопросу о вере», где заявил: «Все чаще, и чаще, и чаще приходится отвечать на вопрос о моем вероисповедании. Честно признаться, порой даже удивляюсь, как агрессивно в нашей светской стране некоторые граждане относятся к этому вопросу. Я — христианин. <...> Если кого-то интересуют тонкости моей духовной жизни и жизни моей семьи, то скажу, что ближе всего к нашему пониманию религии находится такое направление христианства, как протестантизм. <...> Дабы не искажать смысла своих слов длинными дискуссиями, а также избавить отдельных людей от соблазна развязать теологические баталии, предлагаю здесь и сейчас поставить в этом вопросе точку»[186]. И отключил комментарии к данному посту. В марте 2008 г. в интервью тольятинскому изданию Postscriptum Андреев сообщал о своем вероисповедании, уже тогда вызывавшем активное обсуждение горожан: «Я не сайентолог, не баптист и не кришнаит. Я евангельский христианин. Это одно из направлений протестантизма. Но я не считаю, что вопрос религии или вероисповедания — это предмет публичных обсуждений»[187].

---

[185] НГ-Религии от 04.04.2012. Режим доступа: http://religion.ng.ru/events/2012–04–04/3_protestant.html (дата обращения: 26.02.2018).

[186] Былов М. Боевое крещение мэра-протестанта. 04.04.2012 // Независимая газета. Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2012–04–04/3_protestant.html?id_user=Y (дата обращения: 16.04.2018).

[187] Лункин Р. Н. Протестанты по вере у власти: неправославные христиане идут на выборы // Русское Ревью Кестонского института. № 58. Май 2012 г. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/russianreview2012.php (дата обращения: 25.03.2018).

Тема религиозной принадлежности Сергея Андреева не раз активно поднималась во время предвыборной кампании. В СМИ писали, что кандидату-протестанту помогают представители различных «нетрадиционных религий» в Тольятти и даже якобы его «штаб находится по тому же адресу, что Церковь «Огонь Божий», прихожане которой и собирали подписи за Андреева». По данным сайта мэрии Тольятти, Церковь «Огонь Божий» входит в Ассоциацию Церквей «Посольство Божие», возглавляемую пастором Сандеем Аделаджой. Аделаджа — пастор харизматической Церкви «Посольство Божие» в Киеве, с большим числом прихожан, в настоящий момент находится под следствием по делу финансовой пирамиды King's Kapital, в которую, как утверждает обвинение, он призывал своих последователей вкладывать деньги. «Сектант-баптист может стать мэром Тольятти!» — запугивала, в свою очередь, в номере от 5 февраля газета «Тольяттинское обозрение», выходившая под лозунгом «За веру! За правду!». Накануне первого тура выборов 4 марта в городе были расклеены билборды, копирующие дизайн билбордов Андреева, с надписью на фоне Библии «Баптизм. "Новая жизнь". 4 марта. Тольятти ждет перемен». Перед вторым туром была издана специальная брошюра, большим тиражом на хорошей бумаге с полноцветной полиграфией. Ее получили жители г. Тольятти в свои почтовые ящики совершенно бесплатно. В книге кандидат был объявлен сектантом, а баптисты сектой. На обложке было помещено фото кандидата-протестанта. С подачи политтехнологов соперника Сергея Андреева на улицах города появился билборд. На нем указывается, что 18 марта, когда пройдет второй тур голосования за кандидатов в мэры Тольятти, горожанам предстоит выбирать между Светом и Проклятьем. На светлой, излучающей позитив стороне билборда изображен Спасо-Преображенский собор Тольятти. Его зловещую темную сторону занимает Центральная церковь Евангельских христиан-баптистов (город Бендеры, Приднестровье), над которой кружит черный ворон»[188]. Андреев, активно эксплуатировавший образ оппозиционера с призывами голосовать за него «против

[188] Лункин Р. Н. Протестанты по вере у власти: неправославные христиане идут на выборы // Русское Ревью Кестонского института. № 58. Май

жуликов и воров» и белыми ленточками с его фамилией, получил 56,94 % голосов.

На Дальнем Востоке в городе Николаевске-на-Амуре вероисповедание мэра стало важным политическим фактором, когда против него стала разворачиваться массированная кампания. Петр Волынский, который в октябре 2010 года, выдвинувшись от партии «Справедливая Россия», набрал большинство голосов на выборах, но вступил в конфликт с местными элитами, и его сразу обвинили в том, что он «сектант». В местной прессе появлялись и появляются сообщения о том, что мэр принадлежит к «религиозной секте»[189]. В 2013 г. против Волынского было возбуждено уголовное дело, и он был смещен со своего поста.

Примеры ситуаций в Тольятти и Николаевска-на-Амуре вокруг верующих мэров по существу являются лишь яркими проявлениями нового религиозно-политического явления. Наряду с давно существующими православными политиками, появляются и неправославные, наряду с желанием представителей Русской православной церкви реально, а не декларативно отстаивать свои интересы на уровне выборной власти от муниципалитетов до Госдумы, также же стремление возникает и у других религиозных институтов. В некоторых регионах церкви не афишируют и, как правило, скрывают свои связи или контакты с власть предержащими, с депутатами региональных собраний и т. п., но в некоторых взаимодействие с властью происходит скорее полускрыто. Скрывается такого рода политическая активность верующих совсем не потому, что она как-то нарушает закон — даже наоборот, протестанты ведут себя как активные граждане в рамках законодательства. Во многом депутаты-члены церквей не афишируют свою веру, чтобы не вызывать раздражение у представителей РПЦ и правоохранительных органов.

Политическое представительство протестантов особенно заметно на Дальнем Востоке, где евангельских церквей по числу

2012 г. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/russianreview2012.php (дата обращения: 25.03.2018).

[189] Депутаты Николаевска-на-Амуре объявили войну мэру города. Режим доступа: URL: http://khabarovskonline.com/public/deputaty_nikolaevska_na_amure_obyavili_voynu_meru_goroda_/ (дата обращения: 25.03.2018).

зарегистрированных общин больше, чем православных. Например, среди верующих харизматической церкви «Новое поколение» в Благовещенске Амурской области есть депутаты в городской думе — беспартийные по одномандатным округам. В отношении темы церкви и политики пастор церкви Михаил Дарбинян замечал в интервью автору: «Церковь сама по себе не собирается связываться с партиями, нам нужно исполнять божественные программы, а не партийные. Люди могут не симпатизировать вообще ни одной партии, а партии могут не оправдывать надежд и дискредитировать себя. При этом партия "Единая Россия" — это государственная партия, которая допускала большие промахи на государственном уровне. Мы же скорее голосуем не за партии, а за личности». Дарбинян отмечает, что общественно-политическая обстановка в области для протестантов весьма благоприятна: «К нам здесь не относятся как к второсортным, так как мы везде показываем эталон служения — во время концертов, в подготовке телепрограмм и т. д. Общественное мнение нас воспринимает позитивно, и ущербными мы себя здесь себя не ощущаем. И не считаем себя американскими агентами»[190].

Гражданская активность выливается как в прямые политические акции, в поддержку своих кандидатов, так и в выдвижение верующих в органы власти, которое поддерживается церквями косвенно.

4.6.3. Социальный евангелизм

Несмотря на большую раздробленность, в социальной сфере протестанты действуют консолидировано. Это касается, прежде всего, осознания необходимости социального служения на богословском уровне, как элемента, важного для спасения, а также многообразие форм социально-миссионерской деятельности по исправлению общественных пороков — борьба с абортами, наркоманией, алкоголизмом, помощь бомжам, беспризорникам (миссия и помощь оказываются, безусловно, связаны

---

[190] Амурская область // Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С. 5–18.

на сотериологическом уровне, так как порок воспринимается протестантами как следствие греха, а значит исправлять его надо с помощью изучения Библии и приобщения к церкви)[191].

Социальные взгляды протестантов были изложены в разного рода социальных концепциях, которые появились в 2000-е гг. и стали частью позиционирования церквей перед лицом власти и общества. Первая социальная концепция появилась в 2003 г., она была разработана Консультативным советом глав протестантских церквей (создан в 2002 г., официальный сайт: ксгпцр.рф). В 2009 г. вышел её второй доработанный вариант. Концепция повторяла структуру Социальной концепции РПЦ 2000 года, но протестантский документ провозглашал безусловное верховенство демократических прав и свобод человека, библейские основания права на собственность и иных прав, принцип отстаивания достоинства личности и гражданина, приоритет светского государства, участия в избирательных кампаниях и социальной справедливости. В аннотации к концепции прямо говорится о больших гражданских амбициях движения: (Социальная позиция — авт.) «является декларацией осознания протестантскими церквями России своего гражданского права на участие в различных сферах российской общественной жизни, в том числе и в управлении страной». Своё благосостояние и общественную активность протестанты, естественно, связывают с особой трудовой этикой личного аскетизма и умножения прибыли для служения ближнему: «Священное Писание положительно отзывается о предприимчивой, усердной деятельности, в которой реализуются свобода, инициатива и ответственность человека, а также дает целый ряд предупреждений и советов. Для развития свободного предпринимательства за последние два столетия потребовалась совершенно иная, нетрадиционная этика. Она сформировалась в эпоху Реформации и получила распространение в протестантских странах — Германии, Великобритании, США, а впоследствии оказала влияние

[191] Лункин Р. Н. Евангельские церкви России и общество: реформация для «малой родины» // Современная Европа. 2014. № 4. С. 136–148; Лункин Р. Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // Современная Европа. 2014. № 3. С. 133–143.

на предпринимательство и экономику других государств, в том числе и в России с её традиционным укладом хозяйства». Все заработанное и достигнутое не только принадлежит Богу, но и является знаком для самого активного гражданина или бизнесмена: «Деловой человек-христианин мыслит свой труд как особую форму богопоклонения, как призвание, способ реализовать божественный замысел в жизни» (Социальная позиция протестантских церквей России: глава 11.3)[192]. В восприятии труда как части церковной жизни и истории спасения человека отражаются те принципы протестантской этики, которые были проанализированы в начале XX века Максом Вебером. Однако большинство протестантов в России не являются кальвинистами, считающими, что существует предопределение ко спасению и только кропотливый труд может показать, насколько ты избран ко спасению Богом (именно этот тезис считается основанием протестантской этики).

Современный протестантизм (главным образом, в лице самого многочисленного евангельского движения, пятидесятничества) делает акцент на активной деятельности на благо общества в целом (в социальной работе, в исполнении гражданских обязанностей, в предпринимательстве). Работа верующего в разных сферах, где он способен раскрыть свой талант, становится для него божественным даром, который обогащает самого члена церкви, умножает и проявляет его способности, укрепляет церковь и умножает количество ее членов, и тем самым делает спасение верующего уже реально свершившимся фактом (личные аскетизм, бережливость, расчетливость, в том виде, в котором о них писал М. Вебер, уже в значительной степени потеряли свою актуальность).

Мотивация непосредственно социального служения строится как на демократических принципах, так и на стремлении предоставить каждому человеку «социальные дары»: «Социальное служение Церквей строится на принципе социальной справедливости. Справедливость предусматривает неотъемлемость принадлежащих человеку прав. Они даны ему Богом и определяют

---

[192] Социальная позиция протестантских церквей России / отв. ред. В. В. Витко. М., 2009. 79 с.

его достоинство. Основа социальной справедливости — всеобщая доступность земных благ. Церкви в своем социальном служении последовательно защищают справедливость в различных областях жизни общества. Однако социальное служение Церквей не ограничивается только восстановлением справедливости там, где она попрана, но включает и борьбу за достоинство человеческой личности. <...> Христианское милосердие и любовь простираются за пределы человеческой справедливости — они не противоречат ей, но вступают в силу там, где справедливость бессильна. Справедливость может требовать наказания виновному, но исправить его она не в силах, любовь же и милосердие не перестают бороться за согрешившего и оступившегося человека, стремясь восстановить его попранное им же самим достоинство» (Социальная позиция протестантских церквей России: глава 16.1)[193].

Отдельно от других протестантских союзов была издана только концепция адвентистов (было два издания в 2003 и 2009 гг.). По смыслу она повторяла общую позицию всех евангельских союзов, но делала акцент на адвентистских особенностях, таких как, например, пропаганда здорового образа жизни, натурального хозяйства с экологически чистыми продуктами, и неприятие экуменизма. Помимо этого, в концепции отмечается созвучие демократических ценностей, прав и свобод христианским: адвентисты седьмого дня приветствуют «демократические преобразования российского общества и его государственности, <...> поскольку многие демократические и гуманистические ценности — достоинство человеческой личности, права и свободы человека, личная ответственность и человеческая солидарность — близки и созвучны христианским»[194]. Социальное служение рассматривается как «кропотливый труд по избавлению человека от власти присущего ему зла и воссозданию в нем Божьего образа и подобия»[195]. Можно сказать, что в богословии современного евангелизма помощь нуждающимся — это

[193] Социальная позиция протестантских церквей России / отв. ред. В. В. Витко. М., 2009. 79 с.

[194] Основы Социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня России. М., 2009. С.88.

[195] Там же. С. 257.

по существу сакральное действие по искуплению первородного греха в каждом человеке, обществе, государстве.

Социальным богословием пронизано также большинство публичных выступлений протестантских лидеров. Например, по словам одного из известных и ярких баптистских проповедников Юрия Сипко, бывшего с 2002 по 2010 гг. главой Российского Союза ЕХБ, социальное служение является приоритетом для верующих от самых истоков христианской Церкви: «Первые христиане пребывали в молитве, преломлении хлеба и в общении, что само по себе является ориентацией на активное и многообразное социальное служение. Церкви Российского Союза ЕХБ активно служат среди беспризорников, одиноких, престарелых, инвалидов, алкоголиков и наркозависимых. Церковь заботится также и о глухонемых и слабослышащих. Я уверен, что это взаимообогащающий духовный опыт для верующих». По словам Сипко, «Социальная роль в обществе, если хотите в том, чтобы дать пример современникам, как Бог сегодня участвует в созидании личности»[196].

Влияние церкви через гражданские институты стало фактически идеологией Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников) — РОСХВЕ — и его руководителя епископа Сергея Ряховского. Благодаря своей энергии, умению налаживать политические контакты и лояльной гражданской позиции, С. В. Ряховский с 2002 г. является членом Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ, а с 2005 г. — членом Общественной палаты РФ. В отличие от других протестантских союзов РОСХВЕ является рыхлой структурой, где очень условная иерархия и подчинение руководству, а многие церкви и ассоциации действуют абсолютно независимо. При этом общая стратегия развития, как показала история РОСХВЕ в 2000-е гг., соблюдается и воплощается в жизнь. Еще в 2002 г. на одной из конференций

---

[196] Сипко Ю. «Демократия — это признание ценности личности, а нынешняя власть ещё не отказалась от сталинских принципов». Интервью председателя Российского союза евангельских христиан-баптистов Юрия Сипко РомануЛункину // Русское Ревью Кестонского института, № 2, май 2005 года. Режим доступа: URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition02/04sipko.html (дата обращения: 22.02. 2018).

союза была поставлена задача «Влиять, а не обороняться!» Сам епископ Сергей Ряховский так объяснял этот лозунг: «Слово “влиять” отнюдь не означает то, что надо выходить на демонстрации. Влияние — это, прежде всего, показатель активной гражданской позиции церквей и их прихожан, отсутствия безразличия у церкви к жизни конкретных людей, к тому, сколько в стране бездомных, брошенных людей, сколько разрушенных семей»[197]. По мнению Ряховского, протестантская активность воплощается в созидательной социальной деятельности, а не в разрушении; в попытке помочь обществу исцелиться, показать свой собственный позитивный пример, а не звать на баррикады. Концепция влияния протестантизма в России состоит также и в том, что церковные лидеры должны встречаться с чиновниками и политиками и не бояться разъяснять им нашу точку зрения по самым разным вопросам.

Социальные проблемы Ряховский поднимает в определенном патриотическом политическом ракурсе. По его словам, есть множество проблем, которые заботят протестантов: это межнациональные и межконфессиональные вопросы, распространение наркомании и алкоголизма, проблемы брошенных детей, мигрантов, оттока русскоязычного населения с Дальнего Востока, так как у государства нет четкого представления о том, кто будет жить в отдалённых районах страны, куда приходят корейцы и китайцы. Епископ отмечает: «Мы остро чувствуем и трудности наших соотечественников, живущих в республиках бывшего Советского Союза, которыми Россия также по-прежнему не занимается. Отнюдь не улучшается ситуация в сельской местности — деревни нищают и приходят в запустение. При всем при этом мы — жители богатой страны, обладающей колоссальными ресурсами и огромными возможностями. Стабилизационный фонд позволяет государству направлять больше средств на решение социальных вопросов. Надо только сделать

[197] Член Общественной палаты РФ и лидер Российского объединенного союза христиан веры евангельской епископ Сергей Ряховский о планах своей работы в новом органе власти. Беседовал Роман Лункин. 3 ноября 2005 г. // Портал-Credo.ru. Режим доступа: URL: http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=news&id=37782& type=view. (дата обращения: 22.02.2018).

так, чтобы власть обратила внимание на конкретных людей, а не пиарила виртуальные проекты»[198].

Отличительной чертой протестантских проповедей также является большое внимание к моральному облику молодого поколения, к молодежной миссии, которая сама по себе основана на творческом социальном служении. По словам Сергея Ряховского, в настоящее время одна из стратегических задач — вкладывать в сегодняшнее поколение для того, чтобы будущие поколения жили хорошо. Наряду с этим, ни в коем случае нельзя ограничиваться раздачей пособий и дотаций: «Протестанты, к примеру, учат быть созидательными, не бояться брать на себя ответственность и строить будущее страны своими руками. Протестанты — не бездельники, они умеют работать, и настроены на творческую деятельность в любой сфере. Нет тех проблем, которые бы нас не волновали — от экономики до дедовщины в армии»[199].

Евангельский протестантизм, представленный в российском обществе лютеранами, баптистами, пятидесятниками, а также массой церквей, которые называют себя просто «евангельские христиане», предлагает обществу доктрину нового социального христианства. Для этого типа христианской веры все двери принципиально открыты, нет никаких запретных сфер, потому что протестанты-фундаменталисты верят, что Царство Божие верующие создают сами, они должны освящать и улучшать все вокруг себя. Необходимо отметить, что социальное богословие также является неотъемлемой частью теологии успеха, представления о том, что верующий, спасенный, в принципе

---

[198] Член Общественной палаты РФ и лидер Российского объединенного союза христиан веры евангельской епископ Сергей Ряховский о планах своей работы в новом органе власти. Беседовал Роман Лункин. 3 ноября 2005 г. // Портал-Credo.ru. Режим доступа: URL: http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=news&id=37782 &type=view. (дата обращения: 22.02.2018).

[199] Член Общественной палаты РФ и лидер Российского объединенного союза христиан веры евангельской епископ Сергей Ряховский о планах своей работы в новом органе власти. Беседовал Роман Лункин. 3 ноября 2005 г. // Портал-Credo.ru. Режим доступа: URL: http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=news&id=37782&type=view. (дата обращения: 22.02.2018).

является успешным, счастливым человеком. В пятидесятническо-харизматическом движении эти идеи вылились в теологию процветания (богатства и здоровья для каждого), захлестнувшую церкви США в 1980-е гг., а российские в 1990-е гг. В реальности каждый лидер церкви и каждое движение сами определяют степень необходимости «успеха» и требования получать этот «успех» в качестве «духовного дара». Однако первый шаг к собственному духовному «успеху» — исправление греховного мира вокруг себя и встраивание его в свою богословскую картину мира.

Самосознание протестантов направлено на то, что каждая церковь становится в той или иной степени полноценным гражданским институтом, создает вокруг себя социальные, миссионерские и культурные инициативы. Наряду с этим, средние и крупные церкви основывают фонды и общественные организации, которые регистрируются как некоммерческие организации, их лидерами являются члены церквей, но формально они не связаны с церковью. Это помогает более широко развернуть деятельность, избежать конфликтов с властями и социальными учреждениями, которые, как правило, не хотят сотрудничать напрямую с евангельскими церквями (которых представители РПЦ считают «сектантами»). К концу 2000-х гг. баптисты, евангельские христиане, пятидесятники заняли важное место в некоммерческом секторе организаций, которые осуществляют разного рода социальные проекты, основанные на добровольческой деятельности.

Можно выделить несколько направлений такого рода социальной деятельности: международные благотворительные проекты, межцерковные общероссийские проекты, эффективные благотворительные фонды, антинаркотическая работа, социальные комплексы при отдельной церкви.

На целый ряд проектов собирают средства, как российские церкви, так и зарубежные единоверцы из США и Европы, но в основном большинство церковных проектов финансируется за счет пожертвований российских общин (с начала 2000-х гг. помощь со стороны западных общин стала резко сокращаться, кроме того, ужесточились правила ввоза гуманитарных грузов в Россию). Постоянно действующие инициативы во всех

церквях — это подарки неимущим, малоимущим семьям, детям в детских домах и интернатах на Рождество и на Пасху (наряду с концертами, театральными номерами и чтением детских книг). Отдельные церкви осуществляют свои собственные программы, как, например, ADRA (Adventist Development and Relief Agency) — Адвентистское Агентство помощи и развития, которое особенно активно действует в Германии и Чехии, откуда в Россию также поступает помощь.

Одним из самых востребованных проектов — «Рождественская Ёлка Ангела» (http://www.angelproject.ru/). Его суть состоит в том, что подарки дарятся детям от имени их мам и пап, которые находятся в тюремном заключении. Налаживается переписка родителей с детьми, затем волонтеры и церкви помогают адаптироваться в обществе тем, кто вышел из заключения. Этот проект действует с 2003 г., осуществляется в 60 исправительных учреждений Санкт-Петербурга и области, также в Вологодской области, Красноярском крае, Архангельской области, Ставропольском крае, Республики Башкортостан, и затронул около 40 000 детей. По данным организаторов, в программе участвовало более 4000 человек из церквей различных регионов России.

Самой успешной и заметной является деятельность различных протестантских церквей по реабилитации наркозависимых. Причиной успеха верующих именно в этой сфере является возможность свободно работать с наркозависимыми, тогда как в социальные учреждения представителей евангельских церквей часто не пускают. Кроме того, антинаркотическая сфера слишком специфична и трудна, требует дополнительной мотивации и самоотдачи, умения найти подход к людям с уголовным прошлым, убедить их находиться в стационарном центре. Как правило, реабилитацией при церквях начинают заниматься бывшие наркозависимые, обратившиеся в протестантизм, церковь предоставляет им все условия для «духовного роста», для того, чтобы они ощущали себя лидерами, помогали тем, кто остался в зависимости. Для бывших нарко и алкозависимых абсолютное изменение своей жизни в церкви, получение статуса людей, крещеных Святым Духом (как правило, в пятидесятничестве) и обладающих духовными дарами, оказывается чрезвычайно

сильной мотивацией и громадным контрастом с их предыдущей жизнью.

Большинство руководителей реабилитационных центров заявляют о произошедших в центре «чудесных» исцелениях наркоманов «без ломки» и без использования медикаментов. Многочисленные «исцеления» наркоманов, алкоголиков, больных СПИДом в церквях и в организованных ими реабилитационных центрах в сознании верующих (пасторов и верующих из числа бывших наркоманов или алкоголиков) не только возможны, но и предопределены. Крупнейший протестантский центр «Новая жизнь» пятидесятников находится в Кингисеппском районе Ленинградской области (руководитель — Сергей Матевосян, http://newliferus.ru/). Одним из самых известных движений, которое занимается реабилитацией с конца 1990-х гг. является служение «Исход» (ucxod.ru). В центрах служения «Исход», распространенных, в основном, на Юге России (глава — епископ РОСХВЕ Эдуард Деремов, центр в Ростове-на-Дону), выстраивается модель духовного пути бывшего больного. Церкви и центры для реабилитации наркоманов в рамках этого служения существуют параллельно друг с другом. Наркоманы, проходящие реабилитацию, вначале стремятся заслужить доверие в рамках центра и становятся лидерами группы, а затем постепенно входят в церковную жизнь, участвуют в богослужениях и становятся лидерами библейских групп в церкви, а в конечном итоге и служителями церкви. Большинство лидеров служения «Исход» являются бывшими наркозависимыми, прошедшими реабилитационные центры, но с середины 2000-х гг. социальная база «Исхода» значительно расширилась — церкви превратились в молодежные общины с массой студентов и рэп-группами.

В настоящее время в России действует несколько сотен фондов и сетей реабилитационных центров для нарко и алкозависимых. По данным РОСХВЕ, на январь 2013 г. при поддержке и духовном окормлении протестантских церквей в России действуют 567 стационарных центров социальной реабилитации. Как отмечает пастор Ивановского христианского центра и епископ РОСХВЕ Дмитрий Благоев. «По нашим программам также открыты центры в 12 странах мира (Германия, Великобритания,

Израиль, Финляндия, США и др.)»[200]. Всего в России более 600 протестантских ребцентров от небольшой группы в частном доме до большого хозяйства с десятками реабилитантов.

Одной из самых известных программ по реабилитации наркозависимых с 2000 г. и до середины 2000-х гг. являлся Всероссийский проект «Поезд в будущее», в рамках которого верующие ездят по городам страны, устраивая антинаркотические акции и просветительские семинары. За активную позицию в социальной сфере, прежде всего, в борьбе с наркоманией, руководство Центрального федерального округа признало протестантские ребцентры наиболее эффективными в 2005 г.[201]

С 2001 г. стал известен социальный проект «Ощути силу перемен». Основная его цель — собрать все христианские церкви в каком-либо регионе России вместе, объединить усилия в осуществлении социальных инициатив и поделиться опытом, заявить о своих проектах в светских СМИ. Инициатором проекта «Ощути силу перемен» стал президент телеканала Финляндии «Suomi TV» Ханну Хаукка и московский центр социальной помощи «Сила перемен», который формально является светским социальным учреждением, однако его руководитель Юрий Ананьев принадлежит к протестантской деноминации уэслианского направления Церкви Назареянина. Идея акции заключается в том, что в определенном городе христианские церкви подписывают между собой договор о сотрудничестве в социальной сфере. На начальном этапе акции проводятся семинары, концерты против наркотиков, дается социальная реклама в СМИ, создаются соответствующие телепрограммы. Церкви обсуждают возможности социального служения, пробуют себя на этом поприще, развивают уже существующие связи с социальными учреждениями и т. п. После этого старта каждая община уже

---

[200] Епископ Дмитрий Благоев: «Порядка 4000 рублей государство выделяет на проведение каждого аборта, при этом ни копейки — на профилактику» // Сайт РОСХВЕ, 16.12.2013. Режим доступа: URL: http://cef.ru/news/roshve/?id=8253 (дата обращения: 25.03.2018).

[201] Аппарат полпреда президента в ЦФО признал социальную работу протестантов самой эффективной // Портал-Credo.ru, 25.03.2005. Режим доступа: URL: http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=31919 (дата обращения: 22.02.2018).

по-разному ощущает на себе «силу перемен» и разрабатывает свою стратегию общественного служения.

Фактически после своей активной фазы проект прекращает свое существование, но на практике действие проекта ощущается еще довольно долго — те церкви, которые думали, что у них нет возможностей и сил заниматься социальной работой, избавляются от “неверия” и начинают свои небольшие проекты, более крупные общины выходят на региональный уровень и т.д. Подобная схема разворачивания церковного служения, своего рода стратегирования и освобождения от различных комплексов, была опробована в Уфе, Волгограде и Петрозаводске. В Уфе епархия РПЦ МП в июле 2005 г. по прошествии двух лет после проведения акции осудила её. В Петрозаводске она встретила благожелательно нейтральное отношение. В Волгограде представители епархии и лично митрополит Герман открыто поддержали проведение совместных социальных акций и христианских концертов для молодежи, где рассказывалось о вреде наркотиков и алкоголизма. Этот проект встретил сильное противодействие в целом ряде регионов (Архангельск, Нижний Новгород, Липецк, Ярославль, Новосибирск, Рязань) — со стороны епархий РПЦ поступали заявления в прокуратуру, проводились проверки, запрещалась реклама христианских социальных проектов.

Критика проекта и трудности в регионах не остановили развитие проекта. Акции, аналогичные «Ощути силу перемен» проводились организаторами в США, Канаде, Панаме, Боливии, Казахстане, Украине, Израиле и других странах. Представители церквей отмечали, что акция во многих субъектах РФ стала импульсом для развития молодежного волонтерского движения, состоящего из верующих разных протестантских общин того или иного региона[202].

Одной из острых проблем, глубоко осознаваемых протестантами, является воспитание нравственных ценностей и создание

---

[202] Акции социального медиа-проекта «Ощути силу перемен» прошли в 12 городах России // Благовест-инфо. 23.06.2009. Режим доступа: URL: http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=28156 (дата обращения: 26.02.2018).

крепкой семьи. Евангельские верующие выступают за консервативные христианские этические принципы, независимо от направлений и форм служения в церквях. Многодетные семьи — это обычное явление в протестантских церквях, причем, как правило, в каждой такой семье есть приемные дети, взятые из детского дома — это также стало характерной чертой больших семей верующих. В большинстве церквей проводятся семинары по семейным проблемам, как общие, так и отдельные беседы на женском и мужском группах или служениях. Наличие семьи и соблюдение семейной этики является фактически необходимым или крайне желательным для члена церкви, так как благополучная и большая семья христианина лучше всего говорит о том, как он служит Богу и как Бог «благословляет его жизнь».

Из числа больших проектов, посвященных семье, можно выделить Альянса инициатив «Россия без сирот» (http://rossiabezsirot.ru). Альянс действует с 2011 г. и направлен на решение проблем сиротства в каждом конкретном регионе России, чтобы дети без родителей были устроены в российские семьи. Глава Альянса Иван Иклюшин, к примеру, так описывает работу проекта в Краноярске: «Движение объединило все необходимые силы: специалисты от государства, волонтеры, благотворители, приемные родители, активные граждане и деятели культуры. В результате, за год работы, мы имеем двукратный рост количества обращений от потенциальных родителей в Краевой центр семейного устройства и более чем на сорок процентов возросшее количество семей, принявших детей-сирот в семью»[203]. Альянс при поддержке различных церквей, в основном РОСХВЕ, провёл также Всероссийский велопробег «Россия и мир без сирот», в рамках которого бывшие сирот едут через всю Россию на велосипедах, рассказывая о том, как изменилась их жизнь после принятия в семью.

Общероссийские проекты играют большую, но все же не ключевую, роль в социальном служении церквей. Возможности межцерковных проектов ограничены, так как баптисты

---

[203] Создан Межрегиональный совет Альянса «Россия без сирот». 27.02.2014. Режим доступа: URL: https://baptist-don.ru/wnews/657/ (дата обращения: 16.04.2018).

не в каждом регионе готовы сотрудничать с пятидесятниками и харизматами, а адвентисты со всеми остальными церквями. Но сам по себе знаменателен переход количества в качество: социальная инициатива на местах стала источником периодически вспыхивающих креативных идей национального масштаба.

Настоящей движущей силой евангельского движения, как это и следует из протестантского богословия, являются поместные церкви. Каждая община ощущает себя абсолютно независимой (но в рамках глобального евангельского движения), отдельным миром. В рамках своего мира церкви создают масштабные социальные комплексы, которые не дополняют, а именно органично сливаются с богослужением и миссией церкви. Для того, чтобы понять особенности социального служения и слова лидеров союзов о том, что протестанты готовы работать в любых сферах жизни общества, необходимо обратиться к региональному опыту, увидеть, как эта система работает на местном уровне.

Среди самых распространенных проектов, которые реализуют церкви, также субботники по уборке парков и улиц перед городскими праздниками, а также разного рода социально-миссионерские акции. Например, это «дворовые евангелизации», когда верующие привлекают молодёжь во дворах, приезжая с музыкальной аппаратурой и устраивая мини-концерты, обустраивают спортивные площадки, проповедуют о вреде курения, наркомании, против абортов. Многие церкви устраивают для подростков и молодёжи специальные спортивные площадки и христианские кафе при церкви. Внимание общественности, СМИ, властей привлекают самые разные и неожиданные акции церквей. К примеру, протестантская церковь «Живая вера» в Пензе (пасторы — Олег Серов и Сергей Киреев) организовывала экологическую акцию Русского географического общества «Покормите птиц», за что получила благодарность от Росприроднадзора по Пензенской области. Пензенские протестанты также регулярно проводят акции по уборке территории, очистке лесов и посадке деревьев (afmedia.ru).

Одной из самых крупных церквей на Дальнем Востоке является пятидесятническая церковь «Новое поколение» в Благовещенске, численность которой составляет около 3 тыс. человек (пастор — Михаил Дарбинян). В церкви «Новое поколение» есть

профессиональные группы — театральная, музыкальная, по реабилитации, телестудия. Начаты проекты по развитию сельского хозяйства. При церкви существуют общественные организации — «Альтернатива», которая работает с наркозависимыми, «Пробуждение», которая проводит социальную работу, и молодёжное движение «Dream Team». В Амурской области есть реабилитационные центры для наркозависимых. Как отмечает Михаил Дарбинян, «мы должны заниматься экономикой страны, через СМИ показывать здравые и созидательные проекты и программы. Кто будет заниматься национальными проектами, если не христиане. Одна из наших задач, к примеру, — поднять сельское хозяйство, и верующие уже создают фермы по моим бизнес-проектам, я же все-таки заканчивал сельскохозяйственный институт. Одна ферма у нас есть в Приморском крае — более 1 тысячи голов скота, и есть также недалеко от Благовещенска — в Прогрессе, Свободном и Тамбовке»[204]. Подобные проекты служат опорой для социальных проектов, в них трудоустраиваются верующие, они усиливают общественное влияние церкви среди местных чиновников, политиков, представителей масс-медиа.

Итоги полевых исследований в Кемеровской области (интервью с пасторами взяты автором в ноябре 2013 г. в Кемерово и Новокузнецке) показывают различные примеры социального служения церквей: как инициативы и трудовая этика протестантов меняет отношение к ним, помогает избавиться от положения «изгоев» в обществе, помогает стать прибежищем экономически активного класса.

Пятидесятническую церковь «На камне» возглавляет старший пресвитер РЦ ХВЕ по Кемеровской области и старший пастор церкви ХВЕ «На Камне» в Новокузнецке, бывший шахтёр Андрей Хорощенко (в церкви около 500 чел., в областное объединение входит около 70 церквей и групп в Кемеровской области). В 1991–1995 гг. в области появилось наибольшее количество церквей, они стали более открытыми, молодежь стала

---

[204] Вольнодумие на Амуре // Интернет-газета «Мирт». 24 сент. 2011 г. Режим доступа: URL: gazeta.mirt.ru/stat-i/obschestvo/post-1428/ (дата обращения: 16.04.2018).

энергично проповедовать, и отношение властей стало постепенно к церкви меняться. Ещё в 1989 г. городские чиновники хотели ломать здание церкви бульдозером, а в 1993 г. церковь официально зарегистрировала Дом молитвы. В конце 1990-х гг. в общине было около 200 чел., в это тяжёлое время община сотрудничала с американцами, которые присылали гуманитарную помощь, которую распределяли по всем нуждающимся, по детским домам. Церковь «На камне» была крупнейшим распространителем помощи — контейнеры приходили на 200–250 тыс. долларов, за что церковь не раз получала благодарности от властей[205].

Социальное служение сильно повлияло на образ церкви в обществе и среди представителей власти, которые увидели реальную работу, которую делает община. В начале 2000-х гг. чиновники говорили пастору, что одна община пятидесятников делает намного больше для области, чем все православные приходы вместе взятые. По области общинами РЦ ХВЕ создано около 30 ребцентров для наркозависимых, в которых проходит реабилитацию около тысячи человек. Новокузнецкие власти и районные администрации более открыты, чем областная власть, сложился круг людей в обществе, которые хорошо знают, что из себя представляет церковь пятидесятников и что она делает. По словам пастора, «это и предприниматели, и депутаты, которые не будут об этом говорить, но и не выступят против церкви».

При поддержке властей и церкви «На камне» организуются уникальные семинары для докторов, пожарников, милиции и сотрудники МЧС, где местные специалисты общаются с работниками службы 911 из США и Германии. Власти решили устраивать подобные мероприятия после того, как пятидесятников посетили верующие спасатели из-за рубежа — они объясняли, как бороться со стрессом, не пить и не разрушать свою семью.

Около 50% в церкви составляет молодёжь, которая участвует в волейбольных хоккейных и футбольных турнирах, одна

---

[205] Кемеровская область // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II / науч. ред. С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2016. С. 273–305.

из церквей города на своей территории устраивает открытый бесплатный каток. По словам Андрея Хорощенко, сейчас в церкви много людей образованных, преподавателей, бизнесменов, масса студенчества, которые обрели цель в жизни: «Ведь у России цели нет реально, хотя Путин старается сделать праздником День народного единства, но в реальности ничего нет. А Церковь знает, что делает, и другой такой организации нет, куда люди приходили бы так каждое воскресенье и даже деньги приносили. Это организация Божия»[206].

На протяжении многих лет церкви объединения РЦ ХВЕ Кузбасса принимали участие в медицинском проекте для отдаленных поселков: при поддержке миссии «Агапэ» и христианской клиники Доктора Билла дипломированные врачи ездили и консультировали желающих, распространяли Евангелие (таким образом, было открыто с начала 2000-х гг. 6 церквей РЦ ХВЕ).

Наиболее успешный благотворительный фонд Кузбасса и реабилитационный центр для наркозависимых был основан Новоильинской церковью в Новокузнецке (старший пастор — Илья Банцеев, община входит в РЦ ХВЕ, около 1,5 тыс. чел. Сайт церкви: nichurch.net). Церковный фонд «Источник жизни», который занимается наркозависимыми, получал благодарственные грамоты от Амана Тулеева, он также внесен в книгу благотворителей Кузбасса. Всего по области действует 3 мужских ребцентров и один женский.

Представители власти, как отмечают в церкви, с одной стороны, проявляют благосклонность, с другой стороны, относятся с подозрением к растущему влиянию церкви. В Кемерово сложнее сотрудничать с органами власти, они делают вид, что социальных проблем нет, в Новокузнецке все намного демократичнее. Весной 2013 г. была разослана по медицинским учреждениям бумага из областной администрации с требованием увольнять всех представителей «сект» из больниц (из департамента здравоохранения вынуждена была уволиться верующая,

---

[206] Кемеровская область // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II / науч. ред. С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2016. С. 273–305.

член Новоильинской церкви). В ноябре 2013 г. все церкви возмутило письмо за подписью губернатора о недопущении любых публичных акций пятидесятников.

При участии церкви создан один из крупнейших благотворительных фондов области и Западной Сибири — Фонд «Свобода». Пожертвования на различные программы фонда вносят как верующие, так и не верующие, руководители известных компаний Кузбасса, которые знают, что средства тратятся открыто и честно. Фонд «Свобода» занимал первые места среди самых лучших и прозрачных отчетов НКО о своей социальной деятельности, входит в Общественную палату области, состоит в совете НКО. Фонд активно развивает добровольческое движение, в рамках проекта «Чемпион будущего» работает с детьми из групп риска, вовлекает их в спортивные состязания, в благотворительных матчах участвует также подростковая сборная областной хоккейной команды «Металлург». Добровольцы проводят беседы по профилактике борьбы с наркоманией и табаком в школах, помогают неимущим семьям в рамках программы «Собери ребёнка в школу», детям, чьи мамы в колониях в рамках проекта «Рождественская Ёлка Ангела», устраиваются экологические флэшмобы (100 чел. аплодируют в торговом центре тому, кто поднял мусор и выбросил), волонтеры участвуют в городских субботниках. Совместно с меценатом Натальей Водяновой фонд построил детскую площадку в колонии Мариинска. В рамках фонда развито медиа-служение, местные СМИ охотно идут на контакт и освещают акции Фонда. Детям в домах ребёнка и в детских домах помогает Добровольческое движение «Навигатор», которое распространяет в интернете информацию об усыновлении, помогает выпускникам детских домов.

Воплощением социально-предпринимательской этики стала деятельность Церкви ХВЕ «Любовь Христа» (Кемерово, пастор — пастор Андрей Матюжов, более 400 членов, три филиала в области). Пастор полагает, что церковное сообщество способно развиваться также через предпринимательство, через корпорацию христианского сообщество, которое помогает друг другу и чисто по-человечески и технологиями: «община — это сила и опора». Андрей Матюжов помогал представителям самых разных протестантских церквей поднимать

бизнес, в своем собственном бизнесе также на ключевых местах расставил верующих людей, воспитав целое поколение христиан-предпринимателей. Они занимаются организацией сети кафе, супермаркетов, продажей шин, ритуальными услугами в Кемерово и области. Баптисты известны в городе своим строительным бизнесом, а пятидесятники отделочными, ремонтными работами. В области 3 ребцентра «Нового поколения» по работе с нарко и алкозависимыми, бомжами, беспризорными детьми. Благотворительной работой занимается фонд «Доверие». Проводятся молодёжные лагеря, есть свои музыкальные группы.

Пастор полагает, что протестантские церкви более близки к народу, чем РПЦ, и даже если за следующие 10–15 лет православие вырастет, то протестанты будут ещё сильнее, так как уже сейчас есть мощный фундамент для развития евангельского движения.

В 2000-е гг. признаком превращения протестантов в социально-политическую силу стало также формирование евангельского бизнес-сообщества, разного рода ассоциаций бизнесменов Полного Евангелия, христиан-предпринимателей, клубов членов церквей, которые занимаются малым и средним бизнесом. Этические нормы этой части российского бизнеса, доверие предпринимателей друг к другу, значительно отличаются от тех норм, по которым живёт большинство представителей российского бизнеса. Ярким примером является деятельность верующих Объединения церквей Российского Союза евангельских христиан-баптистов в Красноярском крае. В рамках церкви действует клуб для предпринимателей и бизнесменов, в планах — создание христианской гильдии, своего рода дисконтного центра с льготами для его членов. Уже есть своя христианская сеть столовых «Семь хлебов», где есть скидки для верующих, есть мебельные цеха, оптовая фирма, автосервис и т. д. Бизнесменам, членам церкви, приходится преодолевать искушения, однако, как отмечает пастор, можно честно трудиться и заработать просто прибыль, а не сверх прибыль, некоторые рискуют, некоторые пробуксовывают в своем деле, но в результате довольны те, кто вышел на честное ведение бизнеса (из интервью с автором в июне 2012 г. со старшим пресвитером

РСЕХБ по Красноярскому краю и Республике Тыва Михаилом Шериным)[207].

Евангельские церкви заняли в социальной сфере ведущую роль среди всех религиозных объединений. По данным самих протестантов, около 400 тысяч прихожан протестантских церквей участвуют в социальной деятельности как волонтёры[208]. Социально активными институтами гражданского общества можно назвать до половины всех существующих протестантских церквей и групп, то есть около 5 тысяч общин.

Миссионерский и социальный успех протестантизма сделал его последователей частью религиозной и в целом гражданской элиты общества. Значительная социальная роль религиозных меньшинств, их стабильное и поступательное, хотя теперь и не взрывное, но успешное развитие в постсоветской России показывает, что они отнюдь не являются побочным продуктом секуляризации и глобализации. Само существование «нетрадиционных» церквей и движений, осознанный интерес к ним является скорее знаком десекуляризации, возвращения религиозной тематики в общественную сферу.

Приверженность части общества к религиозным меньшинствам с их сплоченной общинной жизнью, осознанной и крепкой верой, требующей стойкости и мужества, лишь подчеркивает интерес общества в целом к религии, к вере в Бога в самых разных ее проявлениях. Большинство говорит, как правило, о своей принадлежности к исторической традиции, выраженной, в том числе и в «традиционной» религии (хотя и число практикующих верующих, например, в исламе и в православии, также можно назвать массовым явлением).

С точки зрения роли религиозных меньшинств в оценке религиозности и мировоззрения верующих в современной России, становится понятным, почему их воспринимают как «зло».

---

[207] Красноярский край // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II / науч. ред. С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2016. С. 465–509.

[208] Епископ Дмитрий Благоев: «Порядка 4000 рублей государство выделяет на проведение каждого аборта, при этом ни копейки — на профилактику» // Сайт РОСХВЕ, 16.12.2013. Режим доступа: URL: http://cef.ru/news/roshve/?id=8253 (дата обращения: 25.03.2018).

Христианские меньшинства беззащитны перед силой государственного аппарата и массовое общественное мнение, как правило, не встает на их сторону, а поэтому они являются самой безопасной мишенью для нападок со стороны политиков, «патриотов», «сектоборцев», журналистов, в целом общественных деятелей. Неисторические религии, которые относительно успешны в своей миссии, подчеркивают слабости традиционных религий, их косность и неповоротливость, а также формальность и идеологизированность тех, кто декларирует свою принадлежность к исторически укорененным религиям.

Евангельские протестантские церкви, несмотря на свою особую социальную и идеологическую роль в обществе, обладают целым рядом качеств, которые их делают также социальным раздражителем.

Во-первых, евангелисты, как правило, теряют свой политический потенциал и становятся аполитичными в рамках демократического или полуавторитарного государства, которое позволяет евангельским церквям заниматься минимумом миссионерской деятельности, а также осуществлять определенную часть благотворительных и социальных проектов.

Во-вторых, протестантам свойственно критическое или равнодушное отношение к культуре — к классической музыке, к науке, искусству, литературе (эта черта не касается лютеранских церквей). Часть евангельских деноминаций (к примеру, баптистов, пятидесятников, адвентистов, харизматов и т. д.) можно прямо обвинить в антиинтеллектуализме, который в советское время был обоснован еще и противостоянием атеистического общества и христиан.

В-третьих, евангельский протестантизм в своем богословии, миссионерской и социальной деятельности остается в значительной степени замкнутым движением. В силу своего консерватизма (в отстаивании библейских норм морали), представлений об исключительном спасении души в рамках своей деноминации, приверженности эксклюзивной доктрине того или иного церковного лидера именно своей деноминации — евангельские протестанты редко принимают участие в каком-либо межкультурном или богословском диалоге с другими конфессиями. Кроме того, в силу своей раздробленности евангельское движение

представляет из себя сложную и противоречивую мозаику самых разнообразных по своим богословским и богослужебным оттенкам христианских деноминаций. Каждая из них может представлять собой один замкнутый церковный мир, обладающий качествами аполитичности (в условиях гонений меняется на гражданский активизм), замкнутости (но при осознании себя частью общего евангельского движения, что помогает в развитии миссии), антиинтеллектуализме (со склонностью к мистицизму, пророчеству и откровениям, что продуцирует образы и идеи, позволяющие движение постоянно ощущать свой «первохристианский дух»). В рамках своего участия в разрешении социально-политических кризисов евангельские церкви и их лидеры воспринимают реальность в отражении своего богословия и особенностей церковной жизни.

Анализ роли христианских церквей в разрешении социально-политических кризисов на постсоветском пространстве позволяет лучше увидеть и понять общеевропейские тенденции развития религиозных институтов в общественно-политической сфере. Основными направлениями христианства, которые представлены, прежде всего, в России, Белоруссии, Украине, остаются православие (главным образом, Московский патриархат), католицизм и протестантизм в лице самой многочисленной евангельской волны. В силу исторических обстоятельств, институциональных особенностей и взаимоотношений с государством каждая из этих конфессий отвечает за свою часть многообразного политического процесса в обществе, где в последней трети XX в. прочно утвердился религиозный плюрализм. Во-первых, церковные структуры активно вступают в полемику с представителями органов власти, защищая нормы закона и демократические принципы, которые декларирует само государство (это особенно хорошо видно на примере новых мобильных, исторически не укорененных, евангельских церквей, для них патриотизм часто не связан с историческим прошлым, а миссионерский успех не связан с сохранением статуса «религии большинства»). Во-вторых, более гибкая линия политического влияния (в отличие от протестантской) прослеживается в деятельности Католической церкви: это распространение общеевропейских социальных и культурных программ Церкви

на территории, где католики составляют меньшинство, но активность католиков выходит далеко за пределы прихода и привлекает несоизмеримо большее количество людей, чем могло бы прийти на мессу. В-третьих, церковная активность в лице Русской православной церкви позволяет адекватно отвечать на социальные вызовы, разрешать кризисы (связанные с социальными проблемами, беженцами и иммигрантами), пользуясь опытом европейских католиков и протестантов. Несмотря на различный политический опыт и возможности участия в публичных политических дискуссиях, разные церкви создают демократичную гражданскую среду. Активные граждане и институты, воспитанные этой средой, защищают религиозные нормы и интересы церквей, противопоставляя их «либеральной идеологии», но не демократическим ценностям.

Заключение

АКТИВНОЕ ОБЩЕСТВО ПОД ВЛИЯНИЕМ РЕЛИГИИ

С начала XXI века в публичном пространстве стало меняться восприятие церквей (в данном случае, говоря о церквях, мы имеем в виду комплекс структур — церковное руководство, активные приходы, околоцерковные организации, созданные верующими с санкции церкви или сотрудничащие с церковью) от символического к инструментальному. Для общества становилось все более очевидным, что церкви могут быть полезными для общества в социальных проектах, в адаптации беженцев и в целом мигрантов, в отстаивании семейных ценностей. В публичном пространстве появилось понимание того, что религиозные институты способны играть самостоятельную политическую роль (для противопоставления разного рода угрозам), а не быть фольклорным элементом в рамках национальной и культурной идентичности той или иной страны и народа. Структурно церкви были уже с кона XX в. (после демократической трансформации, прежде всего, в рамках Католической церкви) готовы к своей новой роли, а новые обстоятельства роста влияния ислама, миграционного кризиса и агрессивной секуляризации вселили в христианских лидеров больше оптимизма по поводу возможностей «рехристианизации» Европы.

Реакцией на рост религиозного влияния в публичном пространстве стало столкновение секулярной идеологии (либерализма и политкорректности) и защитников «традиционных ценностей» (морального консерватизма и идеологической свободы для религиозных проявлений) в самых разных странах — в США и в Европе, включая и Россию. Идеологический

конфликт, происходящий в западном мире, выдвинул на первый план церковную общественность и околоцерковные организации и движения, которые стали играть ключевую роль в отстаивании позиций церковных руководителей. Безусловно, многие церковные движения существовали и ранее, но акценты в социально-политической роли разных элементов церкви поменялись.

В результате исследования сделан вывод, что религиозные институты в современном секулярном мире, главным образом, христианские церкви Европы, обладают определенными политическими характеристиками, а их деятельность в рамках общественно-политического пространства воплощается в конкретных формах гражданской деятельности. Самым главным качеством, отличающим церкви прошлых веков от современных, является их стремление к гражданской религиозности которая подразумевает: гражданский политический активизм, ответственность за пребывание в церковной (приход) или околоцерковной (движение, волонтерство) общности, отстаивание права на то, чтобы религиозные предписания, идеалы и нормы быть частью демократического процесса. Гражданская религиозность может не быть напрямую связана с миссионерством и воцерковлением человека (хотя и может включать и то и другое), а также с практической религиозностью участников этого процесса в ее более или менее строгом церковном и социологическом понимании. Основное свойство гражданской религиозности в том, что, во-первых, она адаптировалась к условиям секуляризации. Во-вторых, в том, что именно секулярная демократия и ее институты становятся наиболее благодатной почвой для распространения религиозно мотивированного гражданского активизма.

В рамках работы сделан важный вклад в методологию исследования политической роли религии в современных социально-политических процессах, эволюции христианства в глобальном мире, христианских церквей в Европе, включая Европейский Союз и постсоветское пространство. Выявлены функциональная роль и содержание деятельности христианских церквей, определены параметры рассмотрения церковной активности в рамках институционального подхода.

Новые концептуальные подходы, примененные в рамках исследования роли христианских церквей в разрешении социально-политических кризисов в Европе, помогают по-новому оценить влияние и значение религиозного фактора в обществе и в политических дискуссиях, христианского мировоззрения как идеологии, в разной степени отражающей демократические нормы.

Религия является значимым фактором в международной политике, элементом национальной политической идентичности и демократической структуры общества. Религиозные институты проявляют свою политическую значимость в самых разных сферах жизни общества, а сами институты трансформировались в самые различные формы социальной и политической самоорганизации. Религиозные лидеры и религиозные активисты заняли разные уровни в рамках системы гражданского общества, а значит в рамках системы политической деятельности от участия в избирательных кампаниях до дискуссий вокруг острых кризисных проблем Европы. Церковные структуры и в силу влияния идеологии либеральной демократии и в силу собственных общинных ресурсов стали проводниками гражданского активизма. Религиозные институты предложили свою систему развития церковной деятельности, которая не только совместима с демократизацией, но и врастает в политическую структуру демократического общества.

Христианские церкви Европы, как показывает опыт проведенных социологами, религиоведами, политологами, а также самим автором исследований, представляют из себя особую политическую подсистему в рамках гражданского общества европейских стран. Основой влияния христианских религиозных институтов являются: историко-культурная укорененность церковных институтов и их способность проявлять в себя в качестве силы легитимирующей государственную власть, способность становится движущей силой процессов формирования национальной идентичности в условиях глобализации. Анализ научной литературы показывает, что появляется и новая область исследований, где объектом становятся церкви как институты гражданского общества и общественные организации и движения, ими созданные. В период обострения социально-политических

кризисов религиозные институты начинают действовать как слаженная система, отстаивающая не столько узкие интересы церковного руководства, сколько всей системы институтов, сформированной вокруг церквей, как составной части демократического общества. Церковные и околоцерковные организации стали частью демократического общества и проявляют себя как гражданские институты, наряду с некоммерческими организациями и опережая их по своему влиянию и роли в политической самоорганизации общества на фоне слабости гражданских институтов и атомизации общества (особенно, это заметно на примере социальной и политической активности церквей на постсоветском пространстве).

Христианские церкви являются частью секулярной демократической системы, и активно участвуют в разрешении кризиса европейской идентичности. Церкви формируют новую наднациональную идентичность и сетевые формы религиозной деятельности, больше соответствующие глобальным вызовам, открытости и многонациональности европейского пространства, вызовам секуляризации, исламизации, религиозного плюрализма различных традиций и идентичностей. Для многих европейцев религия снова превращается из средоточия мифов в мир, где сталкиваются реальные социально-политические интересы и формируется национальная идентичность. Неприятие агрессивного секуляризма, неконтролируемая иммиграция, безработица и кризис доверия к институтам власти требуют от религии и религиозных лидеров чрезвычайной социальной активности и мобильности. Последовательная секуляризация европейской жизни и стремление отодвинуть религию на обочину гражданской жизни и современной культуры также создали почву для роста консервативной религиозности (фундаментализма как «возвращения» к основам веры). Именно фундаментализм, который вызывает массу фобий, является признаком жизненности и европейской религиозности, и европейской культуры в целом, в которой религия традиционно играла большую роль. К идее «возвращения» к «религиозным истокам» обращаются в целях «защиты идентичности» представители светского аналога этого церковного явления — популистской волны — «правые популисты». Фундаментализм, как в виде христианского, так и в виде

исламского активизма, растет в условиях нескольких основополагающих факторов. Во-первых, это нарастающее недовольство секулярно-либеральной идеологией (демократией, которая провоцирует вседозволенность) в Евросоюзе и самой моделью Евросоюза на фоне экономического кризиса в ряде стран и миграционных проблем на всем европейском пространстве. Это недовольство является внешним проявлением сразу нескольких кризисов — европейской идентичности в целом, секулярной идеологии, христианской идентичности Европы.

Значимым политическим фактором стало то, что в религиозном плане Европа перестала быть мировым центром и средоточием христианской миссии, христианских трендов (формы и организации церквей, их миссий, перестала быть местом, где живет большинство верующих, где церкви сами создают общество и государство, и контролируют их мораль, как это было в Средние века и в Новое время, являясь неким идеалом для других народов). Европа стала периферией христианства, но сохранила свой культурный потенциал и способность к религиозному возрождению, необязательно христианскому (или христианскому, но в рамках иных неисторических церквей). Во-вторых, это трансформация религиозной традиции Европы. Исторически укорененные в странах европейского континента католицизм, лютеранство, реформатство, англиканство, православие либо становятся частью либеральных европейских институтов, либо отмежевываются от них, либо раскалываются изнутри. Появляются консервативные группы и движения внутри Католической церкви или протестантизма, которые готовы бороться и с секуляризмом и с исламизмом. Монополию на «христианскую» традицию размывают многочисленные независимые протестантские церкви, которые проводят чрезвычайно активную миссионерскую и социальную деятельность, несмотря на то, что являются меньшинством в религиозном пространстве и не играют (и во многом не претендуют даже) культурной роли как католицизм или православие.

Христианские церкви сумели преодолеть секулярные запреты в структурах Евросоюза и стали играть роль общественных движений, которые не только лоббируют свои интересы в органах власти, но и становятся посредниками в разрешении

социально-политических проблем на уровне ЕС. Факторами, работающими на укрепление отношений церквей и структур ЕС, стали: — эффективность общецерковных и околорелигиозных структур как неправительственных организаций, играющих ключевую роль в построении демократического социально справедливого общества; — социально-политические кризисы — миграционный, кризис доверия к институтам ЕС, кризис безопасности (рост экстремизма), кризис идентичности (объединивший общий кризис солидарности с кризисом идеологии ЕС), они сделали религиозные институты необходимыми для общества и власти медиаторами и источниками «новых смыслов» для восстановления доверия и усиления общей идентичности.

Наряду с этим, стала ярко проявляться противоречивость религиозной политики Евросоюза, где защита светскости может сочетаться с защитой религиозных фундаменталистов (как правило, меньшинств), запрет на проявления религии в публичной сфере для мусульман и христиан с борьбой с «исламофобией» и дискриминацией христиан в других странах, декларации об учете национальных интересов стран ЕС с дискриминацией исторических церквей, имеющих государственные преференции (в Греции или в Италии), забота о «единстве Европы» с отказом от тесного и прямого сотрудничества с естественным ядром этого единства — христианскими церквями.

Однако сотрудничество институтов ЕС с церквями различных направлений показало, что они стали уникальным феноменом в постсекулярном обществе. Хритианское сообщество предстало в виде комплекса гражданскими институтами, которые основываются на демократических ценностях, но при этом готовы корректировать демократическую политическую систему (ее без- или вненравственный характер и бюрократическую политкорректность), исходя из христианских моральных принципов и интересов церковной миссии;

Основными составляющими христианского отношения к европейской интеграции и различных граней евроскептицизма и еврооптимизма стали: защита евангельских ценностей, укоренных в Библии (что объединяет православных, католиков, консервативных протестантов-евангелистов); актуализация

христианских корней Европы (что объединяет православных, католиков, в более либеральном духе лютеран, в меньшей степени — протестантов-евангелистов, которые больше сосредоточены на общинной деятельности); сохранение национальной самобытности против посягательств либеральной бюрократии (что объединяет православных и в меньшей степени католиков). У каждой конфессии свое сочетание этих претензий к Евросоюзу и выстроены они в различном порядке по степени приоритета.

Одним из итогов противостояния (и косвенного сотрудничества) христианства и представителей популистской волны 2010-х гг. стало формирование христианских консервативных политических сил в обществе, как радикальных, так и умеренных, которые используют фактор религиозной идентичности. Католики, протестанты, частично православные прошли в XX веке длинный путь адаптации к демократическим институтам и выработки своих миссионерских, богословских и политических рецептов на вызовы глобализации, антирелигиозного (или равнодушного к вере) секулярного либерализма, информационного общества. Накопленный опыт и демократическая трансформация церквей в XX в. не позволили различным церквям поддаться на ксенофобские лозунги ради идеи сохранения идентичности и традиции, что, безусловно, привело бы к маргинализации церковной позиции в ходе роста и падения популярности популистских лидеров, которые занял свою нишу в политическом спектре. Церкви использовали популистскую волну как шанс для укрепления в демократическом обществе, которое, казалось бы, уже «приватизировало» религию, ограничив ее рамками частной жизни. Однако именно популисты сделали христианский фактор значимым и политическим в публичном пространстве выборов. Балансируя между политиками-либералами и политиками-традиционалистами церковные лидеры (в первую очередь, католики и протестанты) предлагают свою программу сохранения идентичности в мире (наднациональность, солидарность, милосердие), где политические и миссионерские интересы церквей представлены на разных континентах, а численность активных верующих намного больше за пределами Европы.

Участие христианских церквей в разрешении миграционного кризиса стало вдохновляющим примером для духовенства и верующих, которые ощутили эффект от новых возможностей влияния на общество и политиков. Оказалось, что христианство и его институты не только не изгнаны из общества в результате секуляризации, но и востребованы обществом, нужны ему в социальных гуманитарных программах. Процесс десекуляризации привел не только к возвращению церквей и религиозной тематики в публичную сферу, но и к интеграции околоцерковных гражданских институтов (проектов, движений, фондов и т.д.) в демократическую политическую систему при всей ее внешней безрелигиозности. Политическая программа церквей, даже тех, кто превыше всего ставит защиту национальной самобытности, как в случае с православными церквями, включает в себя заботу об иммигрантах и участие в их интеграции в европейское общество.

Ради расширения своей миссии и политического влияния многим христианским деятелям пришлось идти против общественного мнения, которое выступает за ограничение потока въезжающих в страны ЕС, части либеральных политических сил, которые стремятся минимизировать влияние миграционного и религиозного фактора, а также правых партий, которые настроены националистически и пропагандируют мигрантофобию. Но в итоге церковные миссии, пусть и не в столь массовом масштабе, стали не просто оазисами милосердия, но и центрами массовой ассимиляции в той или иной форме мигрантов разных категорий в европейских странах. Новой основой идентичности современной Европы стала многонациональность и церковная миссия, меняющая лицо христианства на континенте и отношение к «чужим» в самом разном смысле этого слова. Преодоление национальных границ, этническая трансформация общества, получившая богословское оправдание в церковном контексте, вдохнули новую жизнь в общеевропейское единство, но стало неприятной неожиданностью для исторических народов Европы, теряющих в своих странах исключительное положение.

Христианские церкви постсоветского простанства получили возможности для социального развития и выработки собственного политического мировоззрения намного позже,

чем церкви Западной Европы. Если западноевропейские церкви постепенно приспосабливались к системе либеральной демократии и участвовали частично в ее создании в послевоенное время, то церкви Восточной Европы и России стали акторами процессов политической трансформации с конца 1980-х гг. Отличительными чертами церквей постсоветского пространства стал традиционализм, богословский и политический консерватизм, идеологизация религии, конфессионализация политики. Эволюция этих черт христианских церквей бывшего СССР проходила в условиях сложного и не всегда удачного демократического транзита в этом регионе, а также кризиса либеральной демократии, а не ее триумфа, как в послевоенный период. Вместе с тем, основные параметры политической и социальной эволюции церквей Западной Европы характерны и для христианских конфессий постсоветского пространства.

Двумя полюсами политического церковного спектра можно назвать евангельский протестантизм, который стал носителем ориентированного на Запад демократического мировоззрения (поэтому евангелисты являются важным индикатором политического развития), и православие, которое стало носителем ценностей традиционализма и элементом идеологии консервативного большинства. Европейское влияние отразилось, в основном, на социальном мировоззрении Русской православной церкви и лишь в 2000-е гг. Поскольку многие особенно сложные формы социальной работы в РПЦ начинались с чистого листа, то рецепция зарубежного и иноконфессионального опыта была неизбежна. Особенно ярко это проявилось в сфере реабилитации нарко и алкозависимых, в создании кризисных семейных центров, приютов и т. д. Протестантские и католические методики с различной степенью успеха были адаптированы к православной среде и богословским особенностям. На основе этих методик было создано и создается многообразие форм социальной работы в РПЦ.

Можно без преувеличения сказать, что социальное служение на уровне приходов, монастырей, епархий изменило жизнь РПЦ. Волонтерские проекты, которые развиваются в том же алгоритме (от общины к активистам и околоприходским

проектам), как и аналогичные инициативы католиков и протестантов в Западной и Восточной Европе, привлекли в церковь массу новых людей, не совсем или даже совсем не воцерковленных, но готовых помогать в рамках церковных проектов, и, как правило, постепенно становящихся прихожанами. Социальные проекты поставили новые цели и задачи перед церковными активистами и перед самим духовенством: более строгой организации приходской жизни, ориентации на сотрудничество с другими общественными организациями и конфессиями, создания возможностей для вовлечения активных верующих, в первую очередь, молодых людей, в жизнь общины и социальные проекты. Прежде всего, поддержка личных инициатив на местах перестала быть такой уж редкостью или же показателем из ряда вон выдающегося «либерализма» региональных архиереев или настоятелей больших приходов. Наконец, социальная работа представителей Церкви не только сама формирует среду вокруг и внутри прихода, но и постепенно меняет отношение окружающего общества к Церкви, лишает почвы противопоставление РПЦ как института и Церкви как исполнительницы заповедей Христа. Это позволяет людям, скептически настроенным по отношению к православию и к РПЦ, увидеть тот «образ христиан и христианской общины», открытой и милосердной, о которой люди читали в Евангелии или, по крайней мере, читали в литературе.

Политизация религиозной жизни в странах постсоветского пространства воплотилась в стремлении церковных структур стать частью публичной политики и оказывать на нее влияние, а также формировать вокруг церквей сети гражданской религиозности, которая стала новой формой миссии и социального развития религиозных институтов. Отличие постсоветских стран в том, что социально-политические кризисы более выпукло проявляют позиции разных церквей, их взаимоотношения с властью, меняют социальное и политическое мировоззрение в том же самом направлении, в каком развиваются и церкви стран, которые входят в Евросоюз или же находятся на пути в ЕС: гражданская активность и включение или постепенная адаптация к демократическим институтам в новом глобальном политическом и информационном поле.

Основными направлениями христианства, которые представлены, прежде всего, в России, Белоруссии, Украине, остаются православие (главным образом, Московский патриархат), католицизм и протестантизм в лице самой многочисленной евангельской волны, ставшей второй христианской конфессией в Евразии после православия. В силу исторических обстоятельств, институциональных особенностей и взаимоотношений с государством каждая из этих конфессий отвечает за свою часть многообразного политического процесса в обществе, где в последней трети XX в. прочно утвердился принципа религиозного плюрализма и религиозное многообразие. Во-первых, церковные структуры активно вступают в полемику с представителями органов власти, защищая нормы закона и демократические принципы, которые декларирует само государство (это особенно хорошо видно на примере новых мобильных, исторически не укорененных, евангельских церквей, для них патриотизм часто не связан с историческим прошлым, а миссионерский успех не связан с сохранением статуса «религии большинства»). Во-вторых, более гибкая линия политического влияния (в отличие от «правозащитного пафоса» части представителей протестантизма или, наоборот, резкой критики либеральной оппозиции и западной демократии частью православных активистов) прослеживается в деятельности Католической церкви: это распространение общеевропейских социальных и культурных программ Церкви на территории, где католики составляют меньшинство, но активность католиков выходит далеко за пределы прихода и привлекает несоизмеримо большее количество людей, чем могло бы прийти на мессу (тот же феномен прослеживается и в социальных акциях РПЦ). В-третьих, церковная активность в лице Русской православной церкви позволяет адекватно отвечать на социальные вызовы, разрешать кризисы (связанные с социальными проблемами, беженцами и иммигрантами), пользуясь опытом европейских католиков и протестантов. Несмотря на различный политический опыт и возможности участия в публичных политических дискуссиях, разные церкви создают внутри, а особенно вокруг себя, демократичную гражданскую среду. Активные граждане и институты, воспитанные этой средой, защищают религиозные нормы и интересы

церквей, противопоставляя их «либеральной идеологии», но не демократическим ценностям.

Евангельские протестантские церкви, несмотря на свою особую социальную роль в обществе, обладают целым рядом качеств, которые их делают также социальным раздражителем. Во-первых, евангелисты, как правило, теряют свой политический потенциал и становятся аполитичными в рамках демократического или полуавторитарного государства, которое позволяет евангельским церквям заниматься минимумом миссионерской деятельности, а также осуществлять определенную часть благотворительных и социальных проектов. Во-вторых, протестантам свойственно критическое или равнодушное отношение к культуре. В-третьих, евангельский протестантизм в своем богословии, миссионерской и социальной деятельности остаётся в значительной степени замкнутым субкультурным движением, хотя и в глобальном масштабе.

Католицизм сыграл ведущую роль в процессе трансформации Восточной Европы от авторитаризма к демократии, от социалистического лагеря к Европейскому Сообществу, а затем и к членству в Евросоюзе. Одним из самых ярких и хорошо исследованных примеров является Польша, где политические изменения на протяжении последних десятилетий проходят при участии представителей Церкви и католической общественности. В странах, где католики являются религиозным меньшинством, Ватикан опирается, прежде всего, на национальные диаспоры, принадлежащие к католической вере и культуре (поляки, немцы, литовцы, белорусы, украинцы и т. д.). Данное утверждение полностью применимо к католическим приходам в Центральной Азии. Но в России, Белоруссии, Украине роль этнических меньшинств дополняется значимой для общества социальной и культурной политикой Католической церкви.

В европейском и американском контекстах христианские церкви исторически были частью политической системы и исполняли какие-либо политические функции — легитимации власти или освящения системы гражданских институтов. Однако на протяжении XX века происходил процесс как адаптации церквей к новым условиям глобализации и систем демократических институтов, так и вытеснение самих церквей

с политической арены в качестве активных и полноправных участников наряду с государственной властью и её институтами. В тех странах, где церкви имели государственный статус, они вынуждены были слиться с либеральным обществом и с запросами государства до неузнаваемости, но процесс их (Лютеранских церквей) отделения от государства все равно произошёл, к примеру, в Скандинавии в 2000-е гг.. Другие национальные церкви (католицизм, англиканство, православие) неформально и формально — в глазах общества и социологов — вступили в полосу упадка. Если заострить существо произошедшего — признание христианства исключительно частью культуры в секулярном обществе было сопряжено с уничижительным мифом о том, что религия уже не влияет на общество и политику, и в этом выражается прогресс человечества. Христианские церкви прошли сложную эволюцию в XX в. и стали органичным источником сплоченных сетевых гражданских институтов — околоцерковных и часто не связанных напрямую с приходской жизнью. Внутри секулярной демократии родился демократичный (с разными отклонениями) церковный мир как часть её фундамента. Демократическое церковное мировоззрение и околоцерковные структуры возникают и в государствах с большой ролью национальной традиции (Россия, Польша, Греция). Католические религиозные институты в случае с Польшей или Венгрией, а в Греции православные институты, выстраивают свой сетевой параллельный мир, развивая демократическое общество в своих странах (играть по демократическим правилам и создавать околоцерковные общественные движения, еще не значит быть демократом по мировоззрению, но в крайне разнородном обществе уже сложно представить, как можно обойтись без таких правил). Однако на вопрос о том, как церкви участвуют в политической жизни в разных странах мира, нет однозначного предопределённого ответа, как нет одного заданного ответа на вопрос о прямом или косвенном характере политического участия церквей. Региональные особенности формируют в каждом отдельном случае самобытное сочетание факторов: представление о том, что такое идентичность, роль церкви в социальной ткани общества, почву для ксенофобии и религиозной нетерпимости или, наоборот, для демократической трансформации.

Религия стала значительным явлением в европейской жизни в сложный период миграционного кризиса и кризиса европейской идентичности. Религиозные институты и их лидеры потеряли то влияние на общество и политику, которым они обладали еще в начале XX века. Светским политикам и экспертам часто сложно представить, что религия может играть самостоятельную роль в условиях глобального мировоззренческого плюрализма, потребительской культуры, разочарования общества в церковных институтах как источниках сакральной силы для повседневной жизни. Тем не менее, религиозная риторика стала фактором в рамках партийно-политических дискуссий и в дискуссиях вокруг судьбы Европы. В рамках миграционного кризиса европейское христианство стало в целом политическим фактором, который сдерживает ксенофобскую антимигрантскую риторику. Церкви (Католическая и Православная церкви, протестантские деноминации) оказывают влияние на отношение к мигрантам, проявляя к ним милосердие, часто несмотря на враждебность окружающего общества.

Международное сообщество дружно включилось в борьбу с новым клолнавирусом в 2020 году в условиях, когда разные страны с разной скоростью и условиями стали вводить меры самоизоляции и карантина для граждан. Религиозные организации проявили лояльность по отношению к требованиям властей в целом, но некоторые моменты соблюдения карантина потребовали особых условий и подхода со стороны чиновников и верующих. Особенности самой религиозной деятельности поставили проблему проведения публичных богослужений, различных вариантов относительно массовых мероприятий с участием священнослужителей. Во многих европейских странах изначально позитивная по отношению к мерам властей позиция церквей постепенно сменялась оппозицией карантину, на официальном уровне и внутри конфессий. Практически во всех церквях появилась внутренняя оппозиция, готовая критиковать действия властей и добиваться права на свободу вероисповедания и свободу собраний. Хотя такого рода случаи есть и среди других конфессий, но в наибольшей степени «свободомыслием» в выработке своей позиции по поводу жизни на карантине отличились православные, в том числе рядовые клирики Русской православной церкви.

Действия религиозных организаций в ходе коронакризиса показали их глубокую вовлеченность в социальное служение, способность к мобилизации ресурсов на помощь нуждающимся. Помимо этого, оказалось, что в светском обществе существует достаточное количество граждан, которые посещают богослужения и не готовы от них отказываться просто по приказу властей.

Участие церквей в политических трансформациях и гражданской мобилизации во второй половине XX в. показывает, насколько велик политический потенциал христианства, даже в условиях отсутствия тотальной религиозности или даже отказа от веры в Бога. В послевоенный период взлет христианской демократии и деятельная позиция Ватикана и политиков-католиков положиланачало формированию единой Европы, церковь сыграла ведущую роль в десоветизации Польши в 1980-е гг., церкви принимали деятельное участие в бархатных и оранжевых революциях на постсоветском пространстве, христианские организации стали сильным политическим фактором в российско-украинском кризисе (поддержка революции достоинства против коррупции и авторитаризма в любой его форме, межправославный конфликт и особая позиция РПЦ).

Новые идеологические противостояния в Европе и мире будут формироваться при прямом или косвенном участии и влиянии христаинства и ислама. Влияние исламского фактора на рост влияния религии в мировой политике еще предстоит оценить, но представление об «угрозе исламизации», сама по себе возможность изменения менталитета европейцеви общественных норм, спровоцировало общественно-политическую дискуссию о корнях Европы, о том, нужно ли и как защищать идентичность, заставило традиционалистов заявить о себе в публичном пространстве. Политика в уже секуляризованном обществе стала новым полем приложения религиозных сил после того, как они преодолели самый «безбожный» XX век, который старался избавиться от религии и в рамках советской, и в рамках либерально-демократической системы.

P. S. КОРОНАВИРУСНАЯ РЕФОРМАЦИЯ

Никогда еще мир так не был насыщен культурными и религиозными событиями, как во время пандемии коронавируса. До 4 млрд человек в мире оказались затронуты строгим карантином или той или иной формой самоизоляции. Эпидемия электронной доступности и открытости захватила социальные сети и гаджеты. Можно онлайн посетить почти все самые великие музеи мира, послушать самых лучших оперных певцов, увидеть театральные спектакли и т. п. Мир превратился в реалити-шоу, пушкинский «пир во время чумы».

Если культурная сфера во многом была уже готова к такого рода ситуации жизни на карантине, в виртуальном пространстве, то религия оказалась в сложном положении. Одна из основ практически любой веры на земле — это совместные молитвы или медитации (даже вокруг индийских йогов или православных отшельников все равно собираются люди). Они оказались под запретом. Сомнению подвергнуты многие чудесные моменты в жизни верующих: спасающая сила молитвы в храме или проповеди пастора в доме молитвы, целительная сила икон, святого причастия, мощей. Как бы это не объясняли богословы, все это вдруг оказалось вполне мирским, приземленным, намного в большей степени, чем это казалось раньше. А что же осталось?

Произошла новая реформация. Церковная жизнь радикально меняется на глазах, и, как говорится, никогда уже не будет прежней. Возможно, это та часть жизни человечества, которую события вокруг коронавируса изменят больше всего.

Онлайн-церкви стали обычным явлением. В большей степени к этой форме служения оказались готовы протестантские

церкви, особенно, пятидесятники. Евангельские мегацеркви в тысячу и более человек в России и по всему миру давно транслируют проповеди пасторов в интернете для групп людей и одиночек, которые живут далеко или же не могут или даже не хотят пока ходить на служение. В московской церкви «Благая Весть» аудитория виртуальной церкви превышает количество верующих «в реале» и составляет до 15 тысяч чел. Однако для православных слушать службу и молиться по трансляции, конечно, намного больший переворот в сознании, чем для евангелистов. К этому призвал сам патриарх Кирилл, он благословил в данных условиях «подвиг неотлучного пребывания в своих жилищах». Рабочая группа РПЦ по противодействию пандемии еще 26 марта заявила, что церковь готова обеспечить людей онлайн-трансляциями. Востребованными сразу стали священники, умеющие выступать в ютюбе, которые уже часами сидели в соцсетях, отвечая на вопросы верующих (как в проекте «Батюшки-онлайн», так и в своих личных аккаунтах).

Онлайн-поминание набирает обороты и становится одним из трендов. Духовенство в комментариях под своими постами собирает имена людей, которых надо помянуть на службе за здравие или за упокой. Электронные записки для литургии стали реальностью даже для самых консервативных православных, отрицавших виртуальную реальность.

Онлайн-исповедь признана в качестве одной из вполне благодатных форм этого таинства. Еще десять лет назад ревнители православия могли возмущаться тем, как католики принимают исповедь по телефону. Теперь о возможности покаяния посредством гаджетов заявил глава Отдела внешних церковных связей митрополит Иларион, ряд известных священников, к примеру, протоиерей Игорь Фомин, настоятель храма св. кн. Александра Невского при МГИМО и глава Комиссии по миссионерству и катехизации г. Москвы.

В процессе складывания новых отношений церкви и верующих появился эффект «малого стада» в глобальной церкви. Кажется, что в соцсетях аудитория очень размыта и очень велика, но это не так. Часть духовенства сразу поняла, что необходимо формировать целевые группы, желательно небольшие, по существу свою стратегию smm-продвижения, чтобы достичь нужных

людей, а не вообще всех и одновременно никого. Помимо этого, стоит ожидать бума малых групп и в рамках РПЦ. Пятидесятники в лице Российского объединенного союза христиан веры евангельской (глава — Сергей Ряховский) и баптисты в лице Союза евангельских христиан-баптистов (глава — Петр Мицкевич) почти сразу вслед за введением режима самоизоляции заявили о необходимости продолжать совершать служения в домашних группах. Эти маленькие реальные общины составляют в протестантской среде одну большую онлайн-церковь. Как отметил у себя в соцсетях настоятель храма свв. Петра и Павла в Гонконге прот. Дионисий Поздняев, «маленькие приходы в целом будут способствовать большей устойчивости всей Церкви. Думаю, для нас сегодня очевидно, что время количества, масштабности, величины и мощи — ушло, возможно, бесповоротно».

Онлайн-пожертвования с точки зрения формирования своей аудитории также могут быть хорошей основой финансового благополучия церквей и не приведут к краху прихода во главе с настоятелями, имеющими доступ к ящику для сбора денег. В Европе и США давно принято оплачивать пожертвование банковской картой, как у католиков, так и у протестантов. В больших евангельских церквях и в России уже в самом доме молитвы стоят специальные банкоматы, предназначенные только для пожертвований одной кнопкой. В РПЦ эта система стала развиваться, благодаря сборам средств на благотворительность, часть пожертвований перешла в электронный вид. У православных, как правило, нет обязанности поддерживать свой приход, тогда как протестанты и католики в той или иной степени считают, что должны давать средства своей церкви. Тем не менее, многие епископы в российских регионах отменили налоги, собираемые со своих приходов.

Происходит исчезновение церковного института как самодовлеющего объекта, он появляется только по умолчанию, по необходимости. Но это совсем не «революция мирян», а скорее «революция пророков», то есть конкретных пастырей со своим неформальным подходом к жизни и миссии. Ближе всего священник, который пробуждает (как о. Дмитрий Смирнов или о. Андрей Ткачев), помогает (архиеп. Пантелеимон (Шатов), глава социального отдела РПЦ или масса простых отзывчивых

батюшек), успокаивает (о. Алексий Уминский или о. Артемий Владимиров).

Последствия коронакризиса постепенно создают из религиозных деятелей социальных защитников. Помимо богослужебной, это самая естественная роль для религии в период экономического кризиса. В этом смысле РПЦ оказалась наиболее подготовленным институтом по сравнению с другими конфессиями и религиями. Общественно-политическая позиция РПЦ последние годы уже шла в вразрез с линией власти. Критиковалась политика правительства за растущий разрыв между бедными и богатыми (митр. Иларион Алфеев), пенсионная реформа (о. Дмитрий Смирнов). С начала пандемии православный портал «Правмир» публикует возмущенные заявления врачей о нехватке защитных средств и медицинского оборудования. Стремительно разоряющийся средний класс, армия безработных и мелких предпринимателей, являются потенциальной паствой РПЦ и других конфессий. Они нуждаются в духовной и социальной поддержке со стороны церквей. Порвут ли потребности миссии связи церковного начальства с вороватыми мэрами и хамоватыми губернаторами? Каждый решит этот вопрос по-своему и получит соответствующий результат.

Однако жизнь и миссия церкви будут зависеть не от епископов, а от рядовых священников. Их реакция на происходящее, суд по социальным сетям, по публичным выступлениям (телеканал «Спас» стал рупором духовенства, близкого к нуждам людей) вполне здравая.

Религиозные организации в кризисной ситуации борьбы с коронавирусом оказались способны пожертвовать самым важным — публичными богослужениями, которые и составляют основу жизни верующих в любых конфессиях и религиях. Для большинства этот отказ стал испытанием на прочность, поскольку отсутствие совместных молитв вживую — это разобщение членов религиозных общин, прекращение деятельности отдельных приходов, а также лишение части доходов. Люди, которые не ходят в церкви и мечети, не приносят и пожертвований. Хотя во многих церквях (у католиков, а у протестантов практически во всех церквях в России и Европе, у православных в меньшей степени) уже распространена практика онлайн-пожертвований,

которые можно сделать, не выходя из дома, на сайте того или иного религиозного объединения.

В целом законопослушными можно назвать все религии и конфессии. Христиане, мусульмане, иудеи приняли необходимые меры, согласно рекомендациям национальных властей. Вопрос об отношении к проведению богослужений и к принятию причастия стал своего рода тестом на «традиционность» в различных европейских странах. Было представлено два варианта решения этой проблемы в условиях полного или частичного карантина для населения: полный отказ от любых публичных собраний, включая службы в храмах, и частичное ограничение на посещение богослужений с акцентом на то, что церкви не могут отказаться от служб совсем, так как это будет противоречить их природе и миссии.

В Западной Европе проведение месс было полностью запрещено церковным начальством (во Франции, в ряде регионов Италии), в Восточной Европе представители церквей заявили, что верующие должны иметь право молиться вместе (католики в Польше, православные в России). Отдельную дискуссию вызвало отношение к причастию и к способу его принятия во время борьбы с коронавирусом. В Католической церкви миряне причащаются только пресным хлебом (Телом Христовым, гостия, облатка), который им вкладывают в рот. В Православных церквях все причащаются хлебом и вином (Телом и Кровью Христовыми) из одной чаши и одной ложки. Со светской точки зрения, конечно, православный способ причастия является более опасным в гигиеническом смысле, но запрет на проведение месс наложили именно католики, подчиняясь централизованным указаниям из Ватикана, воззваниям папы Франциска. Православные церкви, которых часто обвиняют в тесной связи с национальными властями своих стран, оказались более строптивыми по отношению к требованиям органов государственной власти.

Участие религиозных организаций в противодействии распространению вируса продемонстрировало, что они отнюдь не архаичны и отвечают на социальные вызовы. Для многих, прежде всего для православных, кризис остро поставил проблему выработки новых форм христианской миссии и привлечения

населения в церковь. Во многих странах пандемия помогла развитию межрелигиозного диалога. Социальные изменения, вызванные пандемией коронавируса, обострили имеющиеся проблемы и ускорили те процессы, которые уже проходили во внутрицерковной жизни.

Действия властей часто не учитывают реальную силу религии в современном обществе. Все перечисленное касается далеко не только христианства, но и ислама, иудаизма, буддизма, многих новых религиозных движений, которые давно перестали быть новыми.

Чиновникам до сих пор кажется, что можно просто закрыть, и проблемы не будет. Однако именно сейчас рушится прежняя социология религия и прошлые методы и инструменты подсчета верующих и в целом влияния религии, отдельных церквей. Русская Церковь, как и многие другие европейские церкви, и сама себя оценивает по-старому, поэтому периодически вынуждена оправдываться за посещаемость богослужений на те или иные праздники, проценты, поддерживающих авторитет церкви и т. д. На деле религия давно существует в нескольких пространствах, в реальности и в онлайне. Уходит то, что называлось религией в частной жизни, «верой в душе». Религия активного гражданина стала новым креативным смыслом жизни человечества, болезни и вирусы которого, как и претензии к церкви, из века в век остаются одними и теми же.

ОБ АВТОРЕ

Роман Николаевич Лункин

Кандидат философских наук (2005), доктор политических наук (2018), социолог, религиовед, публицист, заместитель директора Института Европы РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа».

В 1998 году с отличием окончил исторический факультет Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова. С 1995 по 1998 годы являлся внештатным автором общественно-политического еженедельника «Русская мысль». С 1998 года — член русской команды Кестонского Института (Keston Institute, Oxford, UK) и сотрудник проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России» (руководители — каноник Майкл Бурдо и проф. Сергей Филатов) по изданию «Атласа современной религиозной жизни России».

В рамках проекта участвовал в полевых социологических исследованиях в более чем 70 регионах России. С 2006 по 2019 гг. — ответственный редактор журнала «Религия и право» и главный

редактор портала «Религия и право» Славянского правового центра.

С 2011 года — эксперт Центра Вудро Вильсона (Вашингтон, США), Public Policy Scholar, Woodrow Wilson International Center for Scholars. В 2017 году — участник программы Галины Старовойтовой Института Кеннана в Центре Вудро Вильсона (Вашингтон, США). Автор нескольких сотен научных работ по социологии религии, религиоведению, политологии на русском и иностранных языках.

Сфера интересов — европейская идентичность, религиозная идентичность, общественно-политическая роль религии в целом, а также христианских конфессий и новых религиозных движений, в частности, религиозно-общественная и политическая ситуация в Европейском союзе, российских регионах и на постсоветском пространстве.

ABSTRACT

The book "The Churches in Politics and the Politics in the Churches. How the Christianity changes the European Society" by Dr Roman Lunkin (Institute of Europe Russian Academy of Sciences) is the result of many years of research of the role of Christian churches in social and political life. Compared to previous centuries, it seemed to sociologists and to the public that faith would never determine the life of people as much as before, and religious figures would never (or should not) participate in politics. There is an unprecedented freedom of choice now between the old traditional religions and previously unseen faiths, imported from other parts of the world. New gods and prophets from unexpectedly emerging religious movements complemented this diverse palette of religious colors. The world is going through a special religious era. Europe is on the verge of a new sunset. However, Christianity did not become just a culture, churches did not become museums, faith did not become simply a "private religion", "faith in the soul", or "online faith". Religion prepared for a "new leap" in human history, and the springboard for this round was the participation of church leaders in political life and in social service.

The Content of the book includes the following Chapters: Political role of Religion, Religion inside the democratic system, The Christian Churches in the European society, Religious institutes in the structures of the European Union. Special Chapter dedicated to the Churches in the period of the crisises with special accent to the crisis of the European integration, immigration problems, religious reaction to the coronavirus pandemics. The Chapter on the Churches of the post-Soviet space analyzes the political and social role of the Russian Orthodox Church, the foreign policy of the Moscow Patriarchate

in the context of the Russian-Ukrainain crisis of 2014. Also there are chapters on the Catholic Church and the review of the political role of the Protestant Churches (Evangelical movement) in Russia and Eurasia.

The Author made a conclusion that the old sociology of religion and the past methods and tools of counting believers and the influence of religion and individual churches as a whole are collapsing. The Russian Church, like many other European churches, evaluates itself in the old way, therefore, it is periodically forced to make excuses for attending divine services for certain holidays, percentages that support the authority of the church, etc. In fact, religion existes in several spaces, in reality and online. What is called religion in private life, "faith in the soul," is leaving. The religion of an active citizen has become a new creative meaning in the life of mankind, whose diseases and viruses, as well as claims to the church, remain the same from century to century.

Научное издание

Роман Николаевич Лункин

ЦЕРКВИ В ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИКА В ЦЕРКВЯХ
Как современное христианство меняет европейское общество
Монография

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2020. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 30,5. Заказ № 2096
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3
Тел. (495) 692-10-51
e-mail: europe@ieras.ru
http://www.instituteofeurope.ru

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86